

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

**ЧУВАШСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

№ 4

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары – 2009

*Учредитель ГНУ «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»*

Р е д а к ц и о н н а я   к о л л е г и я

Ю.М. Артемьев, И.И. Бойко, В.С. Григорьев (главный редактор),
В.П. Иванов, М.Г. Кондратьев, Г.А. Николаев (заместитель главного редактора),
Л.П. Петров, А.А. Трофимов (художественный редактор),
В.Г. Харитонова, А.П. Хузангай

Ответственный редактор
Г.А. Николаев

Чувашский гуманитарный вестник.
Чебоксары, 2009

Научный журнал
Основан в феврале 2006 г.
Выходит 1 раз в год

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2009 г.
© Редколлегия журнала
«Чувашский гуманитарный вестник»
(составитель), 2009 г.

ЧГВ, 2009 г., № 4
© М. Гото

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИИ ЧУВАШЕЙ

Вскоре после присоединения к России Среднее Поволжье стало ареной насаждения христианства¹. В его ходе новую веру приняли практически все нерусские этносы региона, за исключением татар, большая часть которых сохранила верность исламу. Основная же масса марийцев, мордвы, удмуртов и чувашей к концу XIX в. стала приверженцами православия². Вместе с тем они не полностью порвали со своей традиционной верой, сохранив многие ее элементы. Среди последних самыми яркими объектами поклонения в среде чувашей были *Киреметь* и *Йёрёх*. Хотя под влиянием христианства они и подверглись существенной деформации, добрая половина этноса продолжала поклоняться им вплоть до начала XX в. Цель данного исследования – рассмотреть исторический процесс преобразования традиционных верований чувашей, поместив в фокус анализа эти два божества³.

Имеющиеся исторические источники дают достаточно полное представление о *Киремети* и *Йёрёхе*. Это злые духи, которые могут причинять вред людям, насылая на них болезни или другим путем. Чуваша боялись их, но в то же время в своих несчастьях часто рассчитывали на их помощь. Важная деталь. Внимательное изучение названных объектов культа показывает, что подобное их поведение сложилось в течение длительного исторического периода. В настоящей работе мною предпринята попытка исследовать традиционные верования чувашей, концентрируя внимание на изучении фактора страха в поклонении чувашами *Киремети* и *Йёрёху*. Таким образом, я преследую цель продемонстрировать, что социальные отношения и такого вида коллективная эмоция, как страх, имели непосредственное влияние друг на друга.

Масанори Гото – кандидат гуманитарных наук, научный сотрудник Славянского исследовательского центра в Хоккайдском университете (Япония).

Культ *Киремети* был широко распространенным явлением в Волго-Уральском регионе⁴. В среде чувашей он продолжал сохраняться вплоть до 1917 г. Хотя, кажется, что сами они никогда не имели четкого представления, кем или чем является *Киреметь*. С одной стороны, *Киреметь* был известен как злой дух, с другой, так называли место, где он обитал. Действительно, *Киреметь* имел свое особое пристанище. Он мог размещаться, например, на поляне, в роще, отдельном дереве, овраге или кладбище. Все зависело от особенностей конкретных территорий⁵. Возле *Киреметей* предписывалось вести себя должным образом: запрещалось разговаривать, смеяться, ругаться, ломать ветки деревьев, а в некоторых случаях – даже оборачиваться на них.

Каждая деревня имела собственный *Киреметь* – обычно он располагался в нескольких местах – каждый из которых имел собственное название и соответствующий ранг⁶. Степень их значимости была тем выше, чем больше людей приходили к ним молиться, совершать жертвоприношения и подношения. *Киреметь* чувашами часто персонифицировался. Очень часто он имел прототипы. Свидетельством этому могут служить получившие в среде живших в его округе людей легенды. Персонифицированные образы *Киреметей* отличаются друг от друга. Правда, они могут быть классифицированы, в частности, по такому признаку, как их национальная принадлежность. Первая подгруппа – татарин. Некоторые легенды указывают на то, что прототипом *Киремети* стал татарин, бежавший с поля битвы⁷. В других сообщается, что известный *Киреметь*, именуемый Мелим-хузя, был в действительности мусульманским ханом, который внезапно появлялся в карете, запряженной черными лошадьми⁸. Вторая подгруппа – русский. В некоторых сказаниях *Киреметь* персонифицируется как русский человек: он одет в красную рубашку и обут в черные сапоги. Не исключено, что прототипом таких божеств мог послужить местный чиновник: к примеру, полицейский чин⁹. Третья подгруппа – чуваш/мариец. Из сказаний узнаем, что богатый чуваш или мариец также могли стать прототипами *Киреметей*. Примечательно, что у чувашей легенда, повествующая о происхождении одного из могущественных *Киреметей* по имени Сорым, схожа с мариийским сказанием о появлении их *Киремети* под названием Макар. Сюжет их один и тот же. Согласно легендам, Сорым и Макар были богатеями, завладевшими обманном путем общинными землями. Когда мир стал высказывать им претензии, они схитрили следующим образом. Во всех четырех углах присвоенных участков вырыли по погребу, посадили туда своих сыновей (своих сыновей и работника), дав им соответствующий наказ: при обращении с вопросом – чья земля? ответить, что земля принадлежит Сорыму/Макару. Сооружения сверху прикрыли землей. Затем на свои владения привели односельчан и разыграли нехитрый спектакль. Обман прошел с большим успехом, и они сохранили за собой присвоенные участки. Но и Сорым, и Макар в итоге заплатили чудовищную цену за свою проделку: их сыновья задохнулись в погребах. Позже место их гибели стало *Киреметью*¹⁰.

Многообразие образов *Киремети* затрудняет понимание его сущности. Слово «*Киреметь*» произошло от арабского «керемет» – слово, восхваляющее чудеса, производимые мусульманскими святыми¹¹. Таким образом, вполне правомерно предположение, что культ *Киремети* был связан с поклонением мусульманским святым. Однако, в свете легенд о предполагаемых прототипах, они имеют больше сходств с упокоившимися душами. В частности, с теми, кто умер насильственной смертью. В данном плане представляют интерес легенды, относящиеся к восстанию Е.И. Пугачева. Согласно части легенд, прототипом *Киремети* стали казненные мятежниками русские священники, согласно другим – мятежники, лишённые жизни царской администрацией¹².

Хотя природа *Киремети* и трудна для понимания, тем не менее некоторые обобщения по ним все же возможны. Во-первых, они являют собой исключительно мужской прототип. Во-вторых, они либо «пришельцы» в сообществе чувашей, либо выделяющиеся в их среде экономическим или политическим статусом мужчины. В-третьих, они способны вселить страх в членов сообщества.

Имеющиеся источники содержат обширные сведения, показывающие, как *Киреметь* наводил страх на людей. Весьма ценными в данном плане являются свидетельства чувашских интеллигентов. В автобиографии Н.М. Охотникова читаем: «Дети еще с малолетства запугиваются *Киреметями*. Я помню, как было страшно проходить мимо *Киремети*: мы опасались даже говорить между собою, чтобы как-нибудь не проронить оскорбительного для *Киремети* слова»¹³. Школьный учитель Г. Тимофеев в своем этнографическом очерке писал: «Наши тюремские чуваша, уже давно исповедующие христианство, живя в добре и здравии, обычно посещают церковную службу, о молениях *чюк* и не вспоминают. Случись же какое-либо несчастье, либо недруги сотворят худое, обращают свой взор в сторону *Киремети*. Ему приносятся жертвенные дары, совершают наговоры, бывают в других подобных местах, где по их просьбе совершаются разные ритуалы. Поэтому там все чувашское кажется злобным: куда ни смотри – *Киреметь*: один хватает, другой скрючивает, третий еще что-либо подобное»¹⁴.

И сочинение первого чувашского этнографа Спиридона Михайлова столь же красноречиво иллюстрирует глубокое проникновение страха в жизнь чувашей. Оно было написано в 1856 г. в ответ на запрос инспектора Казанской врачебной управы: чиновник просил Михайлова выявить причину частых суицидов в среде нерусского населения в Казанской губернии и предложить меры по их предотвращению. Согласно Михайлову, с 1843 по 1850 гг. в Казанской губернии покончили собой 42 чуваша. Весьма значимая деталь. Чуть ли не каждое третье самоубийство в их среде было совершено под влиянием «страха»¹⁵. Михайлов подчеркивает, что такое количество суицидов обусловлено вселяющими страх в людей колдунами и гадалками, а также местными чиновниками, угнетающими крестьян.

В работах, выполненных представителями русского православного духовенства, также получило отражение страх чувашей перед *Киреметями*. В частности, составленные ими описания следственных мероприятий содержат любопытные свидетельства, как названный объект культа использовался миром в качестве элемента выбивания показаний при судопроизводстве. Согласно В.Я. Смелову, в Чебоксарском уезде Казанской губернии при расследовании краж подозреваемых заставляли съесть ржаной хлеб, который был испечен из теста, замешанного на воде, «взятой от семи *Киреметей*». Он утверждал, что настоящий вор не решится есть предложенный хлеб, ибо существовало поверье, что он, отведав его, обязательно умрет¹⁶. Из дневника П. Мике узнаем весьма любопытные детали присяги по языческому обычаю. В д. Тенеево Цивильского уезда Казанской губернии имело место следующее преступление. Двери общественного амбара были заперты и запечатаны сургучной печатью. При осмотре зернохранилища замок и печать оказались целыми и невредимыми. Но при его вскрытии обнаружилось, что в нем недостает порядка 100 пудов овса. Тщательный осмотр здания показал, что оно имело над самым полом небольшое отверстие в стене, из которого злоумышленники хлеб и выгребли. По данному случаю домохозяева собрали общественный сход и стали думать, как изобличить вора. Они не нашли ничего лучшего, как организовать присягу всех жителей деревни по языческому обычаю. Все жители деревни должны были собраться за селением в овраге, где, по их поверью, находилось местопребывание *Киремети*. Здесь они по очереди должны были становиться на колени перед большим пнем священного дуба. Каждый из них «должен был пасть на колени и грызть землю, произнеся вслух следующие клятвенные слова: «Боже, услышь меня! Пусть мое тело иссохнет, как этот пень, если я украл хлеб; пусть руки мои и ноги мои отсохнут, как сучья этого срубленного дуба; пусть тело мое сделается, как земля, черное, если я виновен. Пусть погибнет все мое семейство, и дым, долженствующий выходить в дверь, пусть выходит задом!»¹⁷ Этот случай показывает, насколько *Киреметь* был ужасающ, что стал важным элементом мирского судопроизводства. Его бескрайняя магическая власть, таким образом, не может быть подвергнут сомнению.

Вместе с тем не стоит считать, что *Киремети* везде и всегда боялись. Обратимся к свидетельству Г.Т. Тимофеева. Его родная д. Тюрлема входила в Чебоксарский уезд Казанской губернии и находилась на большой дороге рядом с одноименной железнодорожной станцией, а с-цо Альшеево, куда он был направлен учительствовать, находилось в Буинском уезде Симбирской губернии и представляло собой типичный медвежий уголок. Тимофееву казалось, что на новом месте жительства он непременно столкнется с типичным чувашским языческим миром – с его колдунами и злобными *Киреметями*. Но его предположения оказались ошибочными. В с-це Альшеево данное божество не доставляло особого беспокойства его жителям, как на его «малой родине». Он отмечает, что в Альшееве ритуалы,

связанные с *чоками*, были знакомы каждому ребенку. Чувашские традиции здесь не воспринимались как нечто злобное¹⁸.

Отношение к *Киремети* менялось не только от их географического расположения. В разные исторические периоды к ним относились по-разному. К примеру, марийский этнограф В.М. Васильев писал, что он слышал от своего отца, который слышал в свою очередь от своего дяди: мол, люди раньше гордились своей собственной *Киреметью*, и те, у кого его не было, стыдились и прилагали усилия, чтобы заполучить его¹⁹. Есть несколько легенд, указывающих, что первоначально *Киреметь* был сыном Бога (в некоторых версиях – предвестником или служащим ему), который дарил людям богатство и счастье. Русский этнограф В.А. Сбоев приводит местную легенду, иллюстрирующую эту ипостась *Киремети*: «*Кереметью* первоначально назывался сын верховного бога, первенец его. Люди, подстрекаемые шайтаном, убили его в то время, когда он в пышной колеснице, запряженной белыми конями, разъезжал по земле, всюду принося с собою плодородие, обилие благ земных, довольство, счастье. Чтобы скрыть от верховного бога свое ужасное преступление, люди сожгли тело убитого сына его, [а прах] развеяли по ветру. Но там, где пал на землю этот прах, выросли деревья, а с ними возродился и сын бога уже не в одном лице, но во множестве враждебных человеку существ, которые, впрочем, сделались уже, так сказать, привязанными к земле и лишились возможности жить в сообществе с добрыми небесными богами»²⁰.

Сказание свидетельствует, что страх чувашей перед *Киреметью* был не изначальной социально-психологической чертой, а приобретенным в течение длительного исторического периода поведенческим стереотипом. По-видимому, вследствие происшедших перемен качественного порядка данное божество в их жизни утратил свою доброжелательную сущность и приобрел взамен злобную. Почему же характер *Киремети* изменился так радикально: от доброго к злосущному?

Объясняя такую метаморфозу в восприятии *Киремети* марийцами, В.М. Васильев называет две возможные причины. Первая – марийцы переняли точку зрения русских: «Трудно, конечно, определить точно время, – размышляет он, – когда совершилась такая радикальная перемена во взгляде на *Кереметей*, но несомненно, что это произошло в тот период, когда луговые марийцы с принятием христианства испытали особенно сильное влияние русских и на многие свои верования, а в том числе и на *Кереметей*, стали смотреть глазами русских, т.е. как на злых духов»²¹. Вторая причина исследователем сформулирована следующим образом: «Если культурные люди низводят божества некультурных собратьев на степень злых духов, то и последние не остаются в долгу и платят даже большей монетой»²². Развивая свою мысль, В.М. Васильев приводит цитату из сочинения Н.К. Михайловского: «... Высшее племя не только заподозривается в сношении с нечистой силой, но даже прямо отождествляется с сонмом дьяволов; так, многие дикари смотрят на белых»²³.

Эти два утверждения противоречат друг другу. В первом из них В.М. Васильев объясняет злую сущность *Киремети* покорным восприятием марийцами воззрения русских. Из второго утверждения следует, что они не являют собой покорную этническую общность, а им присущи недружелюбие и мстительность. Эти утверждения основаны на двух различных точках зрения: первое логично процессу повиновения, второе – процессу сопротивления.

В основной массе исследований, посвященных *Киремети*, акцент делается либо на повиновении, либо на сопротивлении народа. Так, этнографы, печатавшиеся до революции 1917 г., основное внимание уделяли выявлению фактического материала, нежели анализу изменения восприятия членами общества *Киремети* в разные исторические периоды²⁴. В то же время в советский период этнографы уделяли много внимания именно на последний аспект. Они обычно ограничивались изучением социально-экономической структуры общества и предполагали, что отрицательный образ злых духов есть не что иное, как отражение социально-экономической действительности в мировосприятии этноса. В своей неопубликованной рукописи, написанной в 1930-х годах, чувашский этнограф К.В. Элле утверждал, что «культ *Киремети* – культ, возникший только в высоко развитой социальной среде, где производственные отношения разделили людей на два противоположных класса, между которыми существовало господство и угнетение... Культ *Киремети* возник в этой среде. Классовая борьба, господство и угнетение этого общества, как в кривом зеркале, отразились в культе *Киремети*. Чувство страха, беспомощности и раболепия угнетаемого населения выразилось в этом культе»²⁵. Вследствие известных причин общественно-политического плана данная работа не была опубликована. Но основные ее положения стали доминировать в советской этнографии²⁶. Другими словами, труд Эллы стала чем-то вроде направления в объяснении складывания негативного восприятия *Киремети* в среде чувашей, страдавших от угнетения.

Постсоветская этнография находит в *Киремети* символ чувашской национальной культуры. Исследовательский поиск в настоящее время направлен главным образом на изучение происхождения и выявления сущности божества²⁷. В литературе явления разной природы – негативное отношение русских миссионеров, чувашей и марийцев к *Киремети* – обычно отождествляется²⁸. Такой подход отводит нерусским народам роль пассивного получателя насаждаемой идеологии. Он, к тому же, игнорирует препятствия в передаче мировоззрения от одного культурного пространства к другому.

Мы должны признать, что *Киремети* приписывается злая сущность как со стороны русских, так и со стороны чувашей и марийцев. Иначе говоря, обращение либо к теории повиновения, либо к теории сопротивления препятствует выяснению того, почему и как со временем люди изменили свое восприятие божества. Необходимо четко отделить пространство пер-

вых от вторых, что откроет путь для их сопоставления. Рассмотрим каждое воззрение по очереди.

Прежде о точке зрения православной церкви. Нужно отметить, что она полностью не отвергала существование традиционных чувашских Богов и пыталась использовать их для насаждения христианства. В частности, дуалистическая схема добра и зла ею была наложена на структурный строй традиционной религии, состоящий из множества уровней божеств: от *Сўлли Турă* (высшее божество) до низших, включая и *Киреметь*. Таким образом, православная церковь уравнила *Киреметь* с Дьяволом, как противоположность *Турă*, вместо того, чтобы считать его единым божеством во взаимосвязанной структуре традиционной религии.

На самом деле уравнивание *Киремети* с Дьяволом не соответствует традиционным представлениям чувашей, так как последние совершенно четко проводили различие между ним и *Шуйттаном* (Дьявол)²⁹. Православная церковь смешала их, ожесточив тем самым *Киреметь*. Хорошей иллюстрацией подобному деянию может служить доклад архиепископа Казанской епархии Филарета, представленный в Священный Синод в 1829 г.: «... Но, населяя большею частью целые уезды отдельно от русских селений, чувашаи и в образе жизни своей доселе удерживают следы первобытной необразованности и в вере не отставали еще от языческих заблуждений предков своих». Он указал также на то, что чувашаи приносят «многочисленные жертвы из разных животных» дьяволу «под именем Сорминской Киремети»³⁰.

Общеизвестно, что духовенство не одобряло ритуал приношения в жертву животных, который являлся неотъемлемой частью молитвенных обрядов традиционной религии. Некоторые священнослужители не скрывали свое потрясение от увиденного. Священнослужитель Цивильского уезда Д.С. в 1910 г. написал в информационном бюллетене, опубликованном миссионерской ассоциацией православной церкви – Братством святителя Гурия: «Грустный факт! Такое ребячество в двадцатом веке! Будучи крещеными более 200 лет, чувашаи продолжают открыто и повсеместно приносить жертвы»³¹. По дороге в училище священник прихода Большой Аксы Буинского уезда Симбирской губернии столкнулся с процессией из «5–6 безднинских мужиков», сопровождавших купленного у татар быка. Узнав, что животное ими приобретено для принесения в жертву, батюшка был ошеломлен. О своем эмоциональном состоянии он выразился следующим образом: «Точно ножом резануло меня, когда я увидел, что ответивший мне был грамотный из удельных и притом даже солдат в чине унтер-офицера. В училище заниматься не пошел: предо мною стояли дети 50–60-летнего возраста...»³².

Эти свидетельства показывают, что духовенство, проявлявшее нетерпимость к ритуалам жертвоприношения, связывало эту традицию язычников с их недоразвитым, инфантильным мышлением³³. Необходимо отметить, что приверженцами традиционных верований животные прино-

сились в жертву не только *Киремети*, но и другим Богам, к примеру, *Туря*. Но духовенство намеренно сузило существовавшую практику жертвоприношения. Поскольку миссионеры признали существование *Туря* для разъяснения чувашам общего представления о христианском Боге, допустить связь между ним и жертвенными животными было нелогично. Чтобы устранить это противоречие, они увязали жертвоприношение только с *Киреметью*³⁴. Кроме того, они полагали, что запрет жертвоприношений является необходимым условием для обращения нерусских подданных в православие. В действительности же это противоречило их миссионерской политике. Применяя систему образования Н.И. Ильминского, духовенство пыталось пробудить «внутреннее» обращение нерусских народов в христианство. То есть они придавали духовному содержанию обращения серьезное значение. Несмотря на это, они в то же время считали «внешнее» преобразование, как оставление ритуала, необходимым условием обращения³⁵. Вместе с тем заметим, что хотя духовенство и квалифицировало *Киреметь* злом, но оно никогда не уподобляло его террору. Таким образом, едва ли возможно, что страх перед *Киреметью* в среде чувашей и марийцев распространился под влиянием русских священнослужителей.

В среде тех местных жителей, которые действительно следовали представлениям русской православной церкви, можно встретить священников чувашского происхождения. Благодаря системе Н.И. Ильминского и другим организациям, в последней четверти девятнадцатого века некоторые местные духовники получили образование. По крайней мере, до революции 1905 г., когда в Среднем Поволжье получил распространение местный национализм, они стали чураться своей национальности и выступать за ассимиляцию с русскими³⁶. А.С. Иванов, один из тех, кто закончил Казанскую учительскую семинарию, рассуждает в своем произведении о задачах миссионеров среди соотечественников: «Народ суеверный боится страха, где вовсе нет страха; он видит себя окруженным темными силами, которые на каждом шагу готовы вредить ему; ему мерещатся зловредные чары, производимые сверхъестественною силою, там, где все идет своим обыкновенным порядком. Это тяжелым бременем ложится на его душе. Долг пастыря – отгонять от народа эти страхи и при свете Слова Божия показывать ничтожество или недействительность тех сил, какие он видит в разных чарах и пред какими напрасно преклоняется»³⁷.

Суждение Иванова показывает, что если чувашаи и марийцы следовали бы воззрениям русских, то у них страх перед *Киреметем* разрядился бы точно так же, как и у Иванова. Однако они не разделяли его точку зрения, по крайней мере, до Первой русской революции.

Теперь обратимся ко второй точке зрения, которая отражает изменение образа *Киремети* как реакцию чувашей на социальные изменения. Нельзя отрицать тот факт, что с семнадцатого столетия распространение христианства стало одним из кардинальных социальных изменений. Поскольку миссионерская деятельность была расширена, постольку такие

элементы христианства, как церковь, иконы и духовенство проникли в чувашскую религиозную жизнь. Однако они приняли их не как требовала православная церковь, а приспособившаяся на собственный манер.

Имеющиеся исторические источники сообщают, что в XIX в. не только чуваша, но и марийцы, и мордва совершали паломничество в церковь с. Ишаки Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Этот храм славился своей чудотворной иконой, которая была изготовлена из черного камня, представляла собой образ Святого Михаила и Великого Василия на одной стороне и Святого Николая – на другой. Икона была найдена чувашским крестьянином в ближайшем поле в 1751 г. Век спустя, чувашский этнограф Спиридон Михайлов писал относительно этого святого изображения: «...Замечательна она (Ишакская церковь. – М.Г.) от ежедневно посещающих ее посторонних поклонников, как русских, так и иноплеменников, из разных мест и даже из других соседственных губерний. Можно сказать без преувеличения, что Ишаки в глазах иноплеменников, в особенности чуваш, в прямом смысле есть митрополия, и сюда они более обращаются с мольбами, нежели в приходские свои церкви»³⁸. А было бы точнее, если бы он сказал, что Ишакская церковь больше служила чувашам как *Киреметь*, нежели митрополией. Поскольку они посещали церковь тогда, когда кто-нибудь из их семьи заболел, или когда гадатели советовали им посетить данный храм³⁹. Они посещали его, чтобы принести жертву восковыми свечами или монетами иконе Святого Николая – вместо *Киремети*. В то время, как духовенство отождествляло *Киреметь* с Дьяволом, чуваша, со своей стороны, обратили церковь и икону в *Киреметь*⁴⁰.

Этнограф В.К. Магницкий приводит другой пример преобразования христианских элементов в *Киреметь*. В 1882 г. он совершил исследовательскую поездку в с. Ишаки, в ходе которой имел возможность наблюдать за праздником, посвященным Святому Николаю. Продолжив путешествие, он остановился в д. Моргауши, где встретил отца Л. – молодого русского священника. Выпускник семинарии пожаловался Магницкому, что его прихожане, активно посещая церковь, продолжают поклоняться и *Киремети* «Торганзи». Согласно мнению жителей д. Моргауши, так звали чуваша, который однажды приютил на ночь русского торговца иконами. Позарившись на деньги торговца, Торганзи убил его. Чтобы избавиться от оставшейся иконы, он спрятал ее. Зная это, священник перенес эту икону в церковь. С тех пор икона стала предметом поклонения под именем «Торганзи *торя*» (Бог Торганзи)⁴¹.

Не только храм, икона, но и священнослужитель мог быть трансформирован в *Киреметь*. Спустя десять лет после истории с Торганзи, Магницкий получил письмо от протоиерея д. Кошек В.Я. Смелова. В своем письме он писал, что «в таких случаях, когда у чувашских прихожан болит поясница или другая часть тела, а также Иван Степанович Протопопов является к ним в снах, они бросают монеты в мой сад или ставят свечи возле дома чтеца псалмов, которые принадлежали покойному Ивану

Степановичу». Протопопов прожил 92 или 93 года, из которых 52 священствовал в Чебоксарском уезде Казанской губернии. Магницкий приводит следующее свидетельство о нем: «Про Ивана Степ. Протопопова рассказывают, что дом его в Кошках был выше приходской деревянной церкви, у него были крепостные дворовые люди; на доме его по углам было четыре башни. На эти башни Ив. Степ. от времени до времени всходил для наблюдения, не покажется ли в окружавшем село лесу где-либо подозрительный дымок. Завидев дым, Ив. Степ. приказывал заложить тройку и отправлялся по направлению дыма, чтобы изловить чуваш на месте жертвенных их приношений»⁴².

Приведенные примеры показывают, что такие символы христианства, как церковь, икона, восковые свечи и даже священнослужители, имели специфическое значение для чувашей, особенно во второй половине XIX в., когда миссионерская деятельность была методично подкреплена организацией Братства св. Гурия, поддержкой обучения детей «инородцев» в школах и семинариях. В ходе развития образования православное духовенство преследовало цель заменить поклонение *Киремети* христианской религией. В итоге чуваша признали основы христианства, но иначе, чем их трактует православная церковь. Правомерно предположить, что страх в среде чувашей берет свое начало именно из различий в понимании христианских символов.

Отметим, что в пореформенное время образ жизни людей изменился не только в религиозном аспекте. В XIX в. население региона было вовлечено в рыночную стихию. В.А. Сбоевым выделен именно этот аспект социально-экономической модернизации: «Частые сношения с русскими, усиление торговой и промышленной деятельности также изменили во многих отношениях понятия чуваш. Монополия русских на чувашских базарах исчезла: большею частью чуваша сами как заготавливают или закупают в Казани и уездных городах, так и продают на своих базарах нужные для домашнего обихода вещи. Многие из чуваша скупают или выменивают на что-либо у своих соплеменников – сало, кожи, яйца, мед, хмель и проч. и привозят для продажи большею частью в Казань»⁴³.

Как отмечает исследователь, развитие в XIX в. рынка изменило экономику деревни, ее повседневный быт. В этих условиях люди неизбежно зависели от конъюнктуры рынка. Сбоев указывает, что цена на хмель, одного из важных продуктов в Среднем Поволжье, за короткий промежуток времени снизилась менее чем на одну десятую. Иногда, чтобы заплатить налог, в страдную пору бедняки были вынуждены продавать зерно по более низкой цене, понимая, что весной им придется купить его, но уже по более высокой цене⁴⁴.

Заметим, что в некоторой мере развитие рыночной экономики отразилось и в обрядах, посвященных *Киремети*. Во-первых, утратили постоянство ценность жертвоприношений и действенность ритуалов. В итоге чуваша стали остерегаться, что их моления станут неэффективными.

Обычно они проводили молитвенные обряды *Киремети* рано утром или в середине ночи: опасались, что их могут увидеть посторонние люди, особенно русские. По их мнению, в данной ситуации совершаемые ритуалы могли не принести желаемого результата⁴⁵. Страх раскрытия таинства – контраст по отношению к той открытости, которая была продемонстрирована в рассказе вышеупомянутого Тимофеева о его новом месте работы – Альшево. В последнем случае таинственность была несущественной до такой степени, что проводимые обряды обсуждались и детьми, и они никому не казались чем-то зловещим⁴⁶. Это показывает, что значимость таинства была не так важна, когда обряды имеют общую значимость для всех. Но значимость таинства возрастает, когда крайне важным становится сохранение их действенности.

Во-вторых, необходимо подчеркнуть, что *Киреметь* отличался способностью быстро плодиться и расселиться. Не случайно в некоторых местах, где деревья росли быстро, поклонялись *Киремети*⁴⁷. Жадность *Киреметей*, согласно некоторым легендам, не знала границ. С каждым разом они требовали все более богатых подношений: кашу–утку–гуся–барана–быка–лошадь⁴⁸. Легенды, как правило, указывают и на то, что *Киреметь* был плодовитым и расселял своих отпрысков по всей округе. Их способность к быстрому размножению и расселению могла быть спровоцирована поведенческим стереотипом приверженцев традиционных верований. Согласно Н.М. Охотникову, когда юмзя предписывал какому-нибудь чувашу съездить на поклонение Николаю Чудотворцу в с. Ишаки, а тот отнюдь не горел подобным желанием, то он подкидывал «несколько копеек в другой дом». Найдя эти деньги, его соплеменник, прекрасно зная, откуда они взялись, удвоив сумму, тихонько подкидывал их в третий дом⁴⁹. Мало кто желал ездить вместо кого-то в неблизкие Ишаки. В итоге все большая сумма перебрасывалась из дома в дом. Но так не могло продолжаться бесконечно: не всякий имел средства удваивать ненужную находку. Поставленный в безвыходное положение, последний из этой цепочки вынужден был отнести накопившиеся деньги к Николаю Чудотворцу. Охотников сообщает о бедняке, приехавшем к священнику за советом: «Что мне делать? Я нашел под сараем много денег, а брать их – боюсь»⁵⁰.

Рассматривая эти случаи, можно отметить, что развитие рыночной экономики, как и распространение христианства, возможно, спровоцировало изменение образа *Киремети*. Однако необходимо подчеркнуть, что страх людей перед *Киреметью* был вызван не только пассивной адаптацией этноса к новому порядку, а также неприятием и противодействием ему. Пока христианство и рыночная экономика не заменили полностью старый порядок, некоторые элементы церкви и рынка были адаптированы чувашами и стали полноправными компонентами их жизни. Церковь, икона, так же как и тенденция неустойчивости и быстрого ее увеличения цены, стали неотъемлемой частью жизни народа. Страх брал свое начало из точек их соприкосновения. Другими словами, страх был спровоцирован существующим

противоречием, обусловленным необходимостью урегулировать традиционный уклад жизни с современностью.

Было бы уместно сравнивать поклонение чувашами *Киремети* с верой в Дьявола среди рабочих Южной Америки, приводимой Майклом Тауссигом. Он отмечает, что рабочие в переходный период экономической системы Дьявола боялись, но в то же время полагались и на его помощь. Согласно Тауссигу, Дьявол исполнял роль посредника между «противоположными значениями и чувствами, которые порождают развитие самой экономики»⁵¹. Хотя поклонение Дьяволу явилось следствием существующего ранее верования, оно развернулось уже в другом контексте, через новые практические опыты. Если бы вера в *Киреметь* была подобной этому явлению, то природа зла никогда бы не ассоциировалась только с одной стороной различных структур, а скорее согласовывала бы их. Это совпадает с замечанием Давида Паркина: «Зло – *ничто*: оно скорее обозначает область слов о страданиях человека, затруднений человеческого существования и принятых по этому поводу решений через человека и нечеловеческих посредников, таких, как Бог и божества»⁵².

Однако нельзя отрицать то, что эти объяснения природы зла как определенного посредника для решения противоречий представляют собой несколько телеологическое утверждение. Они объясняют, как и для чего зло появилось, но не дают разъяснение, почему его следует опасаться. Процесс формирования страха перед *Киреметью* все еще остается неясным. Для изучения данного вопроса будет полезно обратить внимание на другой объект традиционной религии чувашей и сравнить его с культом *Киремети*.

Рассмотрим другое божество чувашей – *Йёрёх* (или *Ирих*). Анализируя *Йёрёх*, однозначно необходимо сравнить его с *Киреметью*, так как переходный процесс в поклонении *Йёрёху* более выражен, чем у *Киремети*. Во многих случаях *Йёрёх*, согласно своей природе, действовал в полном контрасте с *Киреметью*. Однако эти два объекта культа часто принимали как будто подобные, их иногда даже путали друг с другом. Исследование *Йёрёха* в сопоставлении и сравнении с *Киреметью* позволит получить некоторые детали для описания общей картины трансформации традиционной религии.

Йёрёх воспринимался чувашами как злой дух, который мог вызвать наружные болезни человека, например, болезни глаз или кожи. Он был воплощен ими в маленькой кукольной фигурке, сделанной из дерева или куска ткани. Фигурку помещали в плетеную корзину вместе с различными подношениями для духа. Важная деталь. *Йёрёх* принимал форму персонафицированной фигуры только в южных районах Чувашии и в Нижнем Поволжье. В Среднем и Верхнем Поволжье, включая Казанскую губернию, он не имел образного воплощения и представлял собой только плетеную корзину с различными дарами, которая висела на стене в бане или в сарае⁵³.

Внимательное изучение *Йёрёха* показывает полное его отличие от *Киремети*. *Йёрёх* чаще наделялся женскими чертами, тогда как *Киреметь*

считался божеством мужского пола. Правда, кукольные фигурки, олицетворяющие *Йёрёха*, могли относиться к обоим полам. Но женские в их числе преобладали⁵⁴. *Йёрёху* часто давалось женские имя: например, «Мария-*йёрёх*»⁵⁵. Согласно советскому этнографу Т.М. Акимовой, люди иногда называли его ласково *нике* (госпожа, барышня или красавица), благоговей перед ним⁵⁶. Необходимо заметить, что правомерно называть его *нике*, но не *майра*. Последнее обращение чувашами применялось только в отношении женщин иной национальной принадлежности – обычно к русским и татаркам. Данное явление показывает, что *Йёрёх* чуваша воспринимали как представителя своей национальности. *Йёрёх*, согласно этому факту, является противоположностью *Киремети*, прототипом которого был беглец, представитель иного народа. Таким образом, в то время как *Киреметь* являлся для чувашей пришельцем, то есть неместным, а *Йёрёх* – местным.

Женские черты *Йёрёха* обозначены не только его изображением, но и отношением людей к этому божеству. Известно, что первоначально матери передавали *Йёрёха* дочерям, когда они выходили замуж и уходили в другую семью, ибо божество считалось хранительницей по материнской линии⁵⁷. Некоторые источники явствуют, что женщины больше почитали *Йёрёха*, чем мужчины. Подобные свидетельства можно найти в известном 17-томном словаре чувашского языка Н.И. Ашмарина, в котором содержится богатый этнографический материал. В частности, в нем присутствует рассказ, повествующий о том, как в одной чувашской семье, чтобы домашние больше не молились *Йёрёху*, мужчины тайно выбросили его в реку. Но, обнаружив пропажу, женщины вновь восстановили божество. Они опасались, что последуют ужасные последствия⁵⁸. Материал, собранный чувашским этнографом Н.В. Никольским, также свидетельствует, как в конце XIX в. группа священнослужителей в д. Кармалы Самарского уезда одноименной губернии, проходя пасхальной процессией по территории прихода, в одном из домов крестьянина обнаружила *Йёрёх* и попыталась выбросить его в реку⁵⁹. Чтец псалтырей Лаврентий Капитонов, корреспондент Никольского, описал сцену, которую он наблюдал: «В полном облачении, с крестом в руке, священник взобрался на подлавку жилой избы и снял висящий там, под крышей, кузов небольшой величины, сделанный из лубка и показал нам, присутствовавшим людям. При разорении *Йёрёха* женщины начали что-то причитывать и плакать (слов не помнит). Трудно сказать, что заставляло их плакать: страх ли пред разоряемым *Йёрёхом*, или страх пред ответственностью за содержание [его], так как, по их предположению, священник мог привлечь к ответственности. Между тем, снявши кузов, священник торжественно понес к реке топить»⁶⁰. Эмоциональная реакция женщин – яркое доказательство, что они, в отличие от мужчин, особо почитали *Йёрёха*.

Другим аспектом проявления женских признаков у *Йёрёха* служит набор предметов, приносимых ему в дар. Можно утверждать, что предлагаемые дары выявляли сущность культа *Йёрёх*. Считается, что слово «*йёрёх*» этимологически восходит к слову, означающему «жертвоприношение»⁶¹.

Как уже отмечалось, *Киреметь* в качестве жертв требовал различных животных. Подношения же *Йёрёху* представляют собой пищу неживотного происхождения, а также непритязательные вещи. В отличие от *Киремети*, *Йёрёх* обходился без хороших даров, так как считалось божеством более низкого ранга. Так, анализируя традиционную религию чувашей, священник А.В. Рекеев в несколько пренебрежительном тоне отмечает, что «самому же младшему духу, бедному *Йёрёху*, достается уже только кисель да одна лепешка, а каши с маслом ему уже не полагается. Вместо денег, надувают его оловянными или свинцовыми жетонами, повешенными на красной ниточке, как глупенькому; по понятиям чуваш, он и этим бывает очень доволен»⁶².

Насмешка Рекеева, однако, может быть обусловлена не только его саном священнослужителя, но и тем, что он мужчина. Что касается жетона, о котором упомянул Рекеев, то ключ к разгадке его предназначения мы можем найти в молитве, которую читали чуваш, совершая обряды. Венгерский этнограф Дюла Месарош, который пробыл в Чувашии полтора года – с 1906 г. – записал следующую молитву по случаю совершения обряда *Йёрёху*: «Тетушка *Йёрёх*, сделай меня здоровым. Я даю тебе кисель (мучную кашу, *нимёр*), жертвую колобок (*йява*), монету привешиваю, помилуй»⁶³. Так называемые деньги не «дарились», а «привешивались», что должно было символизировать что-то отличное от денег. Другой текст молитвы дает наиболее ясное представление о том, что собою представлял этот жетон: «Мы вешаем *сурпан сакки* на тебя, мы одеваем тебя в шелка»⁶⁴. Принимая во внимание слова из этой молитвы, мы можем предположить, что этот маленький жетон из олова или свинца на самом деле не фальшивая монета, а обозначение нагрудного орнамента⁶⁵. Этот орнамент плотно сшивали с чешуеобразно собранными серебряными монетами, он являлся одним из признаков замужества женщины у тюркских и финно-угорских народов Средней Волги и Камы – у марийцев, удмуртов, мордвы и чувашей⁶⁶. Если мы предположим, что этот маленький металлический жетон является символом нагрудного орнамента, подношение его *Йёрёху* может быть разыгрыванием сцены предполагаемого замужества девушки.

Поскольку *Йёрёху* приносили в дар такие несущественные вещи, как перо, пух, кусочки костей и ткани, постольку в корзине лежала всякая всячина, и она часто являла собой полный беспорядок. Т.М. Акимова отмечает, что неопрятных женщин чуваше насмешливо называли «корзинкой *йёрёха*»⁶⁷. Однако каждый из предметов дара в отдельности имел большое значение для женщин. Ткачество было главным занятием женщины в период межсезонья крестьянских работ. Заметим также, что перо, пух, шерсть, кожа, являвшиеся побочными продуктами животноводства, обычным правом признавалось за личную собственность девушек и замужних женщин⁶⁸. Грязная корзинка, наполненная различными вещами, могла служить своего рода алтарем для женщин, вышедших замуж и живших в семье мужа, вне своего родного дома.

Культ *Йёрёха* имел и другой аспект. Некоторые легенды и рассказы повествуют о том, что прообразом *Йёрёха* могла быть незамужняя старая женщина⁶⁹. Для более точного понимания значения такого предположения необходимо рассмотреть оставшийся в прошлом социальный контекст. В конце XIX в. в России земельная община являлась живым социальным организмом. В связи с переделами земли, проводимыми через определенный отрезок времени, каждому домохозяину угодья выделялись обычно в соответствии с количеством душ мужского пола в семье. Подразумевалось, что женщины будут кормиться с наделов, выделяемых их мужьям или отцам⁷⁰. Само собой разумеется, что в этой ситуации родители, как правило, ожидали рождения мальчиков, а не девочек. Последние лишь в редких общинах наделялись землей. В этой ситуации девочки с малых лет приучались к труду, на их плечи ложилась практически вся домашняя работа. Если в семье недоставало рабочих рук, то родители до последнего откладывали выдачу замуж своих дочерей; порой женами они становились тогда, когда им было уже далеко за двадцать⁷¹. Это не считалось чем-то необычным, ибо весьма часто невесты были старше своих женихов. Но поскольку считалось, что после смерти незамужняя девица становится женой *Эсреля*, божества смерти, то они, естественно, не хотели оставаться незамужними⁷². Поклонение *Йёрёху* и практика подношения ему маленького металлического жетона, таким образом, может представлять собой искреннее пожелание свадьбы.

Подводя итоги, мы можем предположить, что корень культа *Йёрёха* находится в обмене женщин через браки между различными семьями. Находясь во столько нестабильном положении, прекрасный пол в любое время мог столкнуться с трудностями. Выйдя замуж, снохи могли не сойтись с родственниками своего мужа. Вместе с тем, не выйдя замуж, девушка в своей семье находилась в столь же неблагоприятном положении. Таким образом, культ *Йёрёху* являлся, по крайней мере для женщин, средством урегулирования разногласий и восстановления порядка среди семьи и между семьями.

Теперь рассмотрим вопрос об отношении православной церкви к *Йёрёху*. Как и в случае с *Киреметью*, русское духовенство видело *Йёрёха* с своеобразных точек зрения. Если в *Киремети* оно распознавало Дьявола, то в *Йёрёхе* – типичного идола. В действительности, как было упомянуто выше, *Йёрёх* имел персонифицированный образ лишь в одном регионе нижнего течения Волги. Тем не менее русское духовенство выражало общую идею о том, что *Йёрёх* был языческим идиолом. Такое его представление получило отражение в мемуарах служителей церкви. Можно утверждать, что в них священники часто путают *Киреметь* с *Йёрёхом* и воспринимают оба божества как нечто связанное с дьявольскими силами, действующими при помощи колдовства. Показателен пример, который находим в работе Александра Алексеевского, служившего священником в округе границ Уфимской и Самарской губерний в 1860-х годах. Он так описывает

ситуацию в своем предыдущем приходе: «Проезжая их лесами, встречаешься с теми деревьями, при которых чувашские юмзи приносят жертвы *Киремети*, находишь при этих деревьях все признаки того, что тут недавно было собрание и торжество чуваш, а проходя полями и лугами, обретаешь вещи, например, в виде обтесанных болванчиков, куколок и находишь другие предметы суеверия, остающиеся до сих пор у чуваш от времен прежнего язычества. И русские, и чувашаи ничего больше не могли объяснить мне о них, как только то, что эти вещи и предметы – суть не что иное, как относы чувашские – ворожба, что с этими вещами нужно обращаться осторожно, иначе ирих может причинить вред и даже самую смерть»⁷³.

Интересно, что данная точка зрения о *Йёрёхе*, связанная с колдовством, стала позже распространяться в среде чувашей. Корреспондент этнографа Н.В. Никольского сообщает, что, по словам крестьянина, «чувашаи боятся *Йёрёха*, который может наслать на них сыпь или болезнь глаз. Когда появляются симптомы, они советуются с *йомзей*, который разъясняет им, что это *Йёрёх* натворил в сарае или на кухне конкретного человека. Далее *йомзя* предлагает совершить жертвоприношение *Йёрёху*»⁷⁴. Часто *юмзи* указывали дом конкретного человека, чей *Йёрёх* подозревался в причинении болезней. В частности, в своих воспоминаниях Н.М. Охотников описывает подобный случай: «Если у чувашина начинают болеть глаза или на его теле появляются нарывы, сыпь, то он, или по своему сознанию, или по совету юмзи, варит из пшеничной муки кушанье *мимер* – нечто вроде киселя. Затем, расплавив одну ружейную дробицу, отливая маленькую блестящую монетку. Сделав в ней маленькое отверстие, продевает через него нитку, концы которой завязывает узлом. *Мимер* и монетку (оловянку), он несет в тот дом, где находится наказывающий его Ирих. Кто-нибудь из семейства этого дома, по просьбе принесшего *мимер* и оловянку, отправляется в клеть к Ириху, молится, чтобы тот снял болезнь с принесшего *мимер* и оловянку»⁷⁵.

Число подобных примеров может быть умножено. После Октябрьской революции 1917 г. один из информантов Т.М. Акимовой рассказал этнографу следующий случай: «Желая отомстить своему противнику, мужчина взял куклу, сделанную из теста, и подбросил ее в дом оппонента. Вся семья последнего заболела. Таким же образом однажды все члены семьи были убиты в деревне Шняева. Случилось это в 1919 г., когда *Йёрёх* был подброшен в дом, но никто не заметил этого. Последний человек из этой семьи умер в 1921 г. Если *Йёрёха* подбросили к тебе в дом, отнеси его, не повредив, к *йомзе*, и ты сможешь избежать несчастий»⁷⁶. Данные свидетельства иллюстрируют переходный процесс сущности культа *Йёрёха*. Духовенство квалифицировало кукольную фигурку *Йёрёха* языческим идолом и увязало ее с практикой колдовства. Подобная трактовка служителей церкви позже была воспринята чувашами. Очевидно, что *Йёрёх*, способный насылать болезни и использующий колдовство, растерял свои прежние признаки. В итоге контрастные качества, присущие *Киремети* и *Йёрёху* –

соответственно мужское и женское начала, жадность и скромность, публичность и домашность, пришлый и местный – постепенно сошли на нет. Вместо контрастирующего различия появилось трудноразличимое подобие, сотворенное в страхе перед колдовством. С точки зрения духовенства, «чуждое» существо и обычаи *Киремети* и *Йёрёха* возбудили представление нечто некультурных, связанных с жертвоприношением и идолопоклонничеством. А духовенство, в свою очередь, сотворило другой идол «чуждого», связав соответствующим образом *Йёрёха* и *Киреметь* со злой властью колдовства. Чуваши заимствовали этот мнимый идол церковной трактовки и стали применять его в повседневной религиозной жизни.

* * *

Страх перед *Киреметью* и *Йёрёхом* появился у чувашей параллельно с ходом трансформации их признаков с обоюдного контрастного различия в уподоблении. Духовенство «урезало» отдельные особенности божеств и свалило их «в одну кучу» в качестве «чуждого». Служители церкви полагали, что «чуждое» обязательно должно быть связано с вредоносной магией. Позже страх перед *Киреметью* и *Йёрёхом* закрепился в сердцах чувашей: они восприняли навязанный им внешне образ божеств. Конечно, может возникнуть подозрение, что в ходе нашего исследования мы вернулись к исходному положению. Будто чувашаи просто восприняли церковную интерпретацию. Тем не менее не следует считать, что лишь чувашаи восприняли воззрения русских. В действительности, духовенство также переняло божественные элементы традиционной религии в различных отношениях. Церковь координировала религиозные праздники с периодами проведения традиционных крестьянских обрядов, которые посвящались *Киремети* и *Сўлти Турă*. Заметим, что такие сооружения, как часовня, церковь и монастырь, часто сооружались на местах *Киреметей* и в местах, где проводились традиционные обряды⁷⁷. Восприятие может быть обращено не только на непосредственную адаптацию черт традиционной религии. Как предполагает марийский этнограф Ю.А. Калиев, духовенство создало социальный миф, сделав *Киреметь* символом язычества⁷⁸. Другими словами, служители церкви получили божественную силу христианства путем разъединения *Киремети* из структурной системы традиционной религии и уничтожения его.

Принимая это во внимание, будет, очевидно, недостаточно сказать, что чувашаи просто переняли идею от русского духовенства. А именно, чувашаи переняли божественную силу, которую духовенство прежде заимствовало у чувашей. Итак, заимствование шло не в одностороннем порядке, а в двустороннем и формировало циркуляцию, как словно образы между двумя зеркалами. Таким образом, нельзя утверждать, что деформация образа *Киремети* и *Йёрёха* происходила только в результате восприятия чувашаи воззрений русского духовенства.

Так же нельзя утверждать, что трансформация божеств явилась результатом «синкретизма» традиционной религии и христианства, то есть результатом смешения «своей» и «чуждой» религий. Относительно «свое» и «чуждое» представляются не отдельно, предвидя будущее слияние. Но и «свое», и «чуждое» предпосылают противоположную сторону. Ибо структура «своего» образовывается только через представление о «своем», которое располагается «чуждым». Судя с этой точки зрения, в культуре *Киремети* и *Йёрёха* будет отмечен не столько «синкретизм», сколько «синергизм», в том смысле слова, как Майкл Тауссиг им пользуется. Анализируя историю плантации каучука и народной медицины в колониальной Южной Америке, Тауссиг показывает, как действительный мир формировался под «синергизмом» дихотомической схемы, примерами которой являются белые и индейцы, христианство и шаманизм, Бог и демон, диктатор и раб. Обе части этих пар не только противостоят, но и усиливают друг друга. «Синергизм» в этом направлении работает, как «народ с почтением принимает христианские представления от священников, иконы от стен церкви, перенимая для своего употребления все то, что церковь восприняла у народных преданий, копируя с мечтаний угнетенного»⁷⁹.

Литература и источники

¹ Данное исследование проводилось при поддержке Программы JREX для молодых ученых Молодежного центра Российско-Японского взаимодействия. Первая часть настоящей работы была представлена на VIII конференции «Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении» в Чебоксарах в мае 2005 г. Полностью работа была презентована на Хоккайдо Центрально-евразийском семинаре в Саппоро (Япония) в феврале 2006 г.

² Согласно переписи населения 1897 г., в Казанской и Симбирской губерниях 98,9% чувашей, 98,8% мордвы, 97,2% марийцев были крещены. См.: *Николаев Г.А.* Сельское народонаселение Казанской и Симбирской губерний в конце XIX–начале XX веков // Состав и положение населения Чувашии в XVIII–начале XX веков. Чебоксары, 1990. С. 88.

³ Под термином «традиционное верование» автором подразумевается религия, которую чувашаи и другие народы Среднего Поволжья и Камы исповедовали до распространения ислама и христианства в этих регионах. В связи с тем, что термин «анимизм» употребляется в европейских и американских исторических школах, он не может использоваться в данном случае, так как термин предпосылает себе дух как некое конкретное разумное существо. Автор же в своем исследовании пытается показать, что поклонение чувашей *Киремети* и *Йёрёх* было обусловлено не столько принятой концепцией существования духа, сколько исторически сложившимися отношениями между социальными группами.

⁴ *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. Москва, 1981. С. 32–33. Что касается названия, то я использую чувашскую фонетическую транскрипцию: *Киреметь*. Для сравнения: у марийцев *Керемет*.

⁵ О.П. Вовина обращает внимание на важность расположения *Киремети*. Она утверждает, что *Киреметь* обычно находился на границе территории, населенной людьми и внешним миром. И то, что за этой границей преобладало опасное и сомнительное, наделяло *Киреметь* особой божественностью. См.: *Вовина О.П.* Чувашская *киреметь*: традиции и символы в освоении сакрального пространства // Этнографическое обозрение, 2002. № 4. С. 41.

⁶ Например, учитель из Ядринского уезда Н. Иванов докладывал, что в д. Ходяково было 4 места, обозначенных как *Киреметь*: большой вяз, названный «ылтӑн тӑрпак (золотая

трубка); священная роща «Тушмат»; дерево «сар хорән (желтая береза)»; священная роща «Кӓмаксал». См.: *Иванов Н.* Из языческого религиозного культа чуваш деревни Ходяковой Ядринского уезда // Известия по Казанской епархии (далее ИКЕ), 1905. № 34. С. 1036.

⁷ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 176. Инв. № 5051. Л. 219. В марийских и мордовских легендах также говорится о том, что беглый татарин стал прообразом *киремети*. См. *Васильев М.Г.* О киреметях у чуваш и черемис // ИКЕ, 1904. № 8. С. 241.

⁸ *Васильев М.Г.* Указ. соч. С. 241.

⁹ Там же. С. 243.

¹⁰ *Магницкий В.К.* Чувашская легенда о происхождении сорминской киремети // Казанские губернские ведомости, 1870. Ноябрь 7. № 87. Необходимо отметить, что, несмотря на этнические различия между чувашами и марийцами, существует значительное сходство в их традициях и быте, особенно на правобережье Волги.

¹¹ *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика... С. 31.

¹² В июле 1774 г. Емельян Пугачев и его войска проходили через территорию Чувашии. Известно, что восстанием здесь было охвачено до 40 деревень. К мятежникам присоединились до 800 чувашских крестьян. Восставшие крестьяне нападали и убивали русских чиновников и . См.: *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1986. Часть 2. С. 72. Относительно связи *Киремети* с восстанием Пугачева см.: *Магницкий В.К.* Школьное образование и некоторые черты религиозно-нравственной жизни чуваш Ядринского уезда (по архивным документам) // Известия Общества археологии, истории и этнографии (далее ИОАИЭ), 1919. Т. XXX. Вып. 2. С. 229, 230.

¹³ *Охотников Н.М.* Записки чувашина о своем воспитании (1888 год) // ИОАИЭ, 1920. Т. XXXI. Вып. 1. С. 27, 28.

¹⁴ *Тимофеев Г.Т.* Тӓхӓр ял. Этнографи тӓрленчӓкӓсем. Халӓх сӓмахлӓхӓ. Сырса пынисем. Сырусемпе асаилӓсем. Шупашкар: Чӓваш кӓнеке изд-ви, 2002. С. 51. Тимофеев работал над своим очерком в 1896–1903 гг. Труды первых чувашских интеллигентов, в частности, Н.М.Охотникова, Г.Т. Тимофеева и С.М. Михайлова, впоследствии были переизданы.

¹⁵ *Михайлов С.М.* Отчего чуваша давятся, и какие правительству должно принять меры для предупреждения этого явления // Спиридон Михайлов. Собрание сочинений. Автобиография. Статьи и корреспонденции. Публикация документов. Очерки и рассказы. Фольклорные записи. Письма / Сост., автор Предисловия, Комментариев и Приложения *В.Д. Димитриев.* Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 172–186. В докладе указаны и другие причины самоубийств: 8 – из-за болезни, 5 – из-за «печали и тоски», 4 – из-за бедности, 1 – из-за потери рассудка, 1 – из-за отчаяния, 1 – «от несогласной жизни жены с мужем», 1 – из-за пьянства, 8 – «от причин вовсе неизвестных».

¹⁶ *Смелов В.Я.* Нечто о чувашских языческих верованиях и обычаях // ИКЕ, 1880. № 20. С. 539.

¹⁷ *Мике П.* По чувашским приходам (Из моего дневника за 1898 г.) // ИКЕ, 1904. № 22. С. 723.

¹⁸ *Тимофеев Г.Т.* Тӓхӓр ял. С. 55.

¹⁹ *Васильев В.М.* Материалы для изучения верований и обрядов черемис. Казань, 1915. С. 6–7. В этой связи становится понятной гипотеза, что культ *Киремети* является видом поклонения предкам по отцовской линии. См.: *Магницкий В.К.* Школьное образование... С. 227.

²⁰ *Сбоев В.А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856. С. 110.

²¹ *Васильев В.М.* Материалы для изучения верований и обрядов черемис. Казань, 1915. С. 7–8.

²² *Васильев В.М.* Указ. соч. С. 9–10.

²³ *Михайловский Н.К.* Борьба за индивидуальность. СПб., 1888. Т. V. С. 430.

²⁴ Несомненно, подробное обсуждение проблемы В.М. Васильевым, который впервые опубликовался в 1915 г., является исключением. Другое исключение сделал М.Г. Васильев, который указал на то, что образ *Киремети* изменился у чувашей и марийцев под влия-

нием христианизации. Однако он констатировал изменение не в переходе добра в зло, а из многообразия к единству. См.: *Васильев М.Г.* О киреметях у чуваш и черемис. С. 261.

²⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед.хр. 574. Инв. № 7017. Л. 137, 138, 140. По рекомендациям академика Н.Я. Марра и профессора П.П. Ефименко, К.В. Элле принял участие на конкурсе в аспирантуру, который успешно выдержал и был зачислен аспирантом Академии истории материальной культуры (ГАИМК) в Ленинграде. Здесь он проучился с 1930 по 1933 гг. Затем вернулся в Чувашию и издал несколько исторических трудов. Вскоре, будучи обвиненным в национализме, он вынужден был покинуть Чебоксары и до конца своей жизни жить в различных уголках Советского Союза. См.: *Симулин А.М.* Нереализованные замыслы. Элле Кузьма Васильевич (1896–1974) // Их имена останутся в истории. Биографические очерки. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1994. Вып. 2. С. 115–121.

²⁶ См.: *Романов Н.Р.* Культ киреметя у чуваш // О дореволюционной культуре чувашского народа. Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1957. Вып. XV. С. 190–209; *он же.* Киреметсем синчен. Шупашкар, 1958. С. 16; *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959. С. 87.

²⁷ См.: *Вовина О.П.* Чувашская киреметь. С. 39–65; *Станьял В.П.* Чувашская народная религия сардаш // Общество, государство, религия. Материалы научно-теоретической конференции, посвященной 2000-летию христианства. 16 марта 2000 г. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. С. 96–111.

²⁸ См.: *Салмин А.К.* Киреметь. Чебоксары, 1992. С. 19; *Тойдыбекова Л.* Марийская языческая вера и этническое самосознание. Joenshu, 1997. С. 125. Салмин вкратце упоминает приведенные выше доводы В.М. Васильева. Но его упоминание ограничивается первой частью тезисов Васильева, то есть покорное восприятие марийцами (и чувашами) воззрения русских.

²⁹ Необходимо вспомнить легенду, приводимую В.А. Сбоевым, которая указывает на то, что *Киреметь* сам пострадал от *Шуйтмана* (Дьявола).

³⁰ *Можаровский А.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 года. М., 1880. С. 152, 154.

³¹ *Д.С.* Языческое жертвоприношение в Цивильском уезде // Сотрудник Братства свят. Гурия, 1910. Т. 52. С. 828.

³² *Теняев В.* Приход села Большой Аксы Буинского уезда Симбирской губернии // *Чи-черина С.В.* У приволжских инородцев. СПб., 1905. Приложение № 7. С. 48.

³³ Н.И. Ильминский, поборник и лидер православной миссии среди нерусских народов на их родном языке, часто употребляет слово «ребенок», говоря о местных народах. См.: *Geraci R.P.* Window on the East: Ethnography, Orthodoxy, and Russian Nationality in Kazan, 1870–1914. Ph. D. dissertation in history. University of California at Berkeley, 1995. P. 112.

³⁴ Согласно П. Верт, духовенство, презирая нерусское население, которое участвовало в жертвоприношениях, называли их *киреметниками* (народ *Киремети*) или *киреметствующими* (выполняющие обряды *Киреметю*). См.: *Werth P.W.* Big Candles and «Internal Conversion»: The Mari Animist Reformation and Its Russian Appropriations // *Geraci R.P., Khodarkovsky M.* (eds.). Of Religion and Empire. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. P. 148.

³⁵ П. Верт указывает на то, что миссионеры, работавшие на основе системы образования Ильминского после 1860 г., считали, что «внутреннее» обращение гораздо важнее «внешнего» проявления и соблюдения норм. См.: *Werth P.W.* At the Margins of Orthodoxy: mission, governance and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. Ithaca: Cornell University Press, 2002. P. 142–143.

³⁶ См.: *Werth P.W.* Inorodtsy on Obrusenie: Religious Conversion, Indigenous Clergy, and the Politics of Assimilation in Late-Imperial Russia // *Ab Imperio*, 2000. № 2. P. 117.

³⁷ *Иванов А.С.* Меры к искоренению языческих обычаев, суеверий и жертвоприношений, существующих среди инородцев // Руководство для сельских пастырей, 1900. № 20. С. 30.

³⁸ *Михайлов С.* Село Ишаки в Козьмодемьянском уезде // Спиридон Михайлов. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 192.

³⁹ Гадателей звали *юмзя*, с которыми чувашаи часто советовались, когда им ожидать неудачи, такие, как болезни. Более полную информацию о чувашских гадателях и божествах см.: *Рекеев А.В.* Из чувашских преданий и верований // ИКЕ, 1897. № 3. С. 72–76; *Салмин А.К.* Колдуны и знахари. Чебоксары, 2002.

⁴⁰ Подробнее о культуре Ишакской церкви и чудотворной иконе см.: *С.М.* Чувашское почитание икон // Сотрудник Братства свят. Гурия, 1910. Т. 49. С. 783–784.

⁴¹ *Магницкий В.К.* Чувашский край. Путевые заметки по Козьмодемьянскому и Ядринскому уездам Казанской губернии // Волжско-Камское слово, 1882. Июль 31. № 165. В другом варианте данной истории русский купец не был убит, а обронил свои иконы на дороге. Напуганные разбросанными иконами люди стали приносить им жертвы и молиться, говоря: «Оставь меня, Торганзи!» // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 168. Инв. № 4944. Л. 359, 360.

⁴² *Магницкий В.К.* Из быта чуваш Казанской губернии. (Ирихи. Киремети. Браки) // Этнографическое обозрение, 1893. Т. 18. № 3. С. 134.

⁴³ *Сбоев В.А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. С. 6.

⁴⁴ Согласно чувашскому историку И.Д. Кузнецову, крестьяне не имели возможности выбирать время для продажи зерна, ибо период взимания налогов был определен последней четвертью года. Анализируя статистические данные по двум уездам Казанской губернии, он отмечает, что в 1883 г. 92% хлебопашцев, продавших осенью зерно, вынуждены были купить его весной. См. *Кузнецов И.Д.* Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963. С. 217.

⁴⁵ Например, см. *Иванов Н.* Из языческого религиозного культа чуваш деревни Ходяковой Ядринского уезда // ИКЕ, 1905. № 34. С. 1037 (см. прим. 6); *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. С. 218.

⁴⁶ *Тимофеев Г.Т.* Тăхăр ял. С. 55.

⁴⁷ *Магницкий В.К.* Из поездки в село Шуматово Ядринского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ, 1884. Т. 3. С. 172.

⁴⁸ *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 2–3.

⁴⁹ Необходимо принять во внимание, что повторение практики стало золотым правилом в молитвенных обрядах. Считалось, что человек, однажды приехавший в Ишаки помолиться, с тех пор должен будет посещать его каждый год. Таким образом, становится очевидным, что, в то время как некоторые люди, которые были там раньше, приезжали в Ишаки часто, а те, кто там не был, не хотел ехать. См.: *С.М.* Чувашское почитание икон. С. 783.

⁵⁰ *Охотников Н.М.* Записки чувашина о своем воспитании. С. 28.

⁵¹ *Taussig M.T.* The Devil and Commodity Fetishism in South America. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980. P. 124.

⁵² *Parkin D.* Introduction // *Parkin D.* (ed.) The Anthropology of Evil. Oxford: Basil Blackwell, 1985. P. 10–11. Курсив Паркина.

⁵³ *Акимова Т.М.* Материалы по культу йереха у саратовских чуваш // Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932. С. 22. В северных районах проживания чувашей в верхнем течении Волги *Йёрёхом* могло быть определенное дерево. Здесь, где чувашаи находились в постоянном контакте с русскими, различие между *Йёрёхом* и *Киреметью* было сложно определить.

⁵⁴ *Дзенискевич Г.И.* О культуре йереха в Чувашии // Из культурного наследия народов России. Сборник МАЕ, 1972. Т. 28. С. 228.

⁵⁵ *Акимова Т.М.* Материалы по культуре йереха. С. 24. В других случаях ей давали не человеческое имя, а родственное обозначение, такое, как «мáнакка» (старшая сестра), «ки-немей» (тетя, жена дяди). См.: *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1930. Вып. V. Й–В. С. 141.

⁵⁶ *Акимова Т.М.* Материалы по культуре йереха у саратовских чуваш. С. 23.

⁵⁷ *Дзенискевич Г.И.* О культуре йереха в Чувашии. С. 230; *Акимова Т.М.* Материалы по культуре йереха у саратовских чуваш. С. 25.

⁵⁸ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. V. С. 144.

⁵⁹ Православное духовенство стремилось к искоренению *Йёрёха* так же, как и *Киреметь*.

- ⁶⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. Инв. № 5665. Л. 447, 448.
- ⁶¹ *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравнение с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875. С. 150.
- ⁶² *Рекеев А.В.* Из чувашских преданий и верований // ИКЕ, 1897. № 2. С. 51.
- ⁶³ *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000. С. 34.
- ⁶⁴ В оригинале: «...*Сурпан сакки сакса паратпӑр. ...Пурҫӑнсенне сӑнсемте илемлӗ тумлантаратпӑр*». Эта молитва, рассказанная крестьянином д. Синь-Алдыш Ядринского уезда Казанской губернии, хранится в архивном собрании Н.В. Никольского. См.: НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 179. Инв. № 5135. Л. 46. «*Сурпан сакки*» – нагрудный орнамент с серебряными монетами в костюме замужней женщины.
- ⁶⁵ Существуют и другие объяснения металлического жетона-символа. Например, предполагалось, что он имеет эффект симпатической магии. Таким образом, когда жетон сделан путем капания расплавленного металла на острие топора или косы, снятие металла с поверхности топора или косы символизировало очищение кожи. См.: *Магницкий В.К.* Об йёрёхах у чуваш // ИОАИЭ, 1891. Т. 9. Вып. 1. С. 8.
- ⁶⁶ Советский этнограф Гаген-Торн отмечает большое сходство украшений из монет, бытовавших в Среднем Поволжье, с болгарскими украшениями и таким образом намекает на их наследственность. См.: *Гаген-Торн Н.И.* Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960. С. 97.
- ⁶⁷ На чувашском *Йёрёх кунти*. См.: *Акимова Т.М.* Материалы по культуре *йереха* у саратовских чуваш. С. 24.
- ⁶⁸ *Прокопьев К.П.* Брак у чуваш. Казань, 1903. С. 46.
- ⁶⁹ Например: НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 154. Инв. № 4643. Л. 124.
- ⁷⁰ Аткинсон отмечает, что практика перераспределения земли, введенная в жизнь в среде государственных крестьян после восстания Е.И. Пугачева, преследовала цель сохранить порядок в деревне. См.: *Atkinson D.* Egalitarianism and the Commune // Bartlett R. (ed.) *Land Commune and Peasant Community in Russia.* London: The Macmillan Press, 1990. P. 15.
- ⁷¹ *Комиссаров Г.И.* Чувашаи Казанского Заволжья // *Комиссаров Г.И.* О чувашах. Чебоксары, 2003. С. 63. Сочинение впервые опубликовано в 1911 г.
- ⁷² *Магницкий В.К.* Из быта чуваш Казанской губернии. (Ирихи. Киремет. Браки). С. 138.
- ⁷³ *Алексеевский А.* Случаи из практики приходского священника у чуваш // ИКЕ, 1868. № 13. С. 365.
- ⁷⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 179. Инв. № 5135. Л. 45.
- ⁷⁵ *Охотников Н.М.* Записки чувашина о своем воспитании. С. 25.
- ⁷⁶ *Акимова Т.М.* Материалы по культуре *йереха* у саратовских чуваш. С. 26.
- ⁷⁷ *Таймасов Л.А.* Деформация образа верховного бога в религии народов Среднего Поволжья // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение: Материалы региональной научной конференции. Йошкар-Ола, 23–24 ноября 2000 года. Йошкар-Ола, 2001. С. 50.
- ⁷⁸ *Калиев Ю.А.* Культ керемета // Марий Эл. Вчера. Сегодня. Завтра, 1996. № 1. С. 93.
- ⁷⁹ *Taussig M.* Shamanism, Colonialism and the Wild Man; a Study in Terror and Healing. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1986. P. 169.

M. Goto. The historic transformation of Chuvash traditional religion.

The author of the article studies the historic process of the dynamics of the Chuvash traditional religions concentrating at two objects of their cult – Kiremet and Ierekh. He thinks that the transformation of the Chuvash image in their mass consciousness was the result of the complicated interaction of two closely contacting subjects of the historic process – the Orthodox Church and adherents of the traditional religion.

**БОГАТСТВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-
НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ВОЛЖСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
НАЧАЛА XX ВЕКА**

ЧГВ, 2009 г., № 4
© Г.А. Николаев

Экономические и социальные процессы в обществе есть порождение целой совокупности обстоятельств и условий – природно-географических, исторических, юридически-правовых, этнокультурных, духовно-нравственных и прочих. Игнорирование или выпячивание любого из этих факторов при анализе реалий прошлого и настоящего непременно будет иметь своим следствием искажение искомой картины. Она в названном случае непременно предстанет в «кривом зеркале», ибо нити живой жизни, в сложном взаимном сплетении образующие многослойную и противоречивую ткань бытия, окажутся искусственно разорванными.

К необходимости применения системного подхода при изучении процессов и явлений в обществе мировая научная мысль пришла не сегодня. К настоящему времени гуманитариями накоплен солидный опыт подобного воззрения на хозяйственную и социальную жизнь стран, регионов, этносов, конфессиональных общностей, сословий, социальных групп и т.д. Прежде всего, вспомним имя немецкого социолога, историка и экономиста Макса Вебера, труды которого во многом определили направление развития гуманитарных наук в XX столетии. Изучая религию, экономику и социальную жизнь в единой связке, он, как известно, раскрыл механизм возникновения «современного капитализма». Согласно концепции классика социологии, существует целый ряд социально-экономических его форм. Высокопродуктивный, промышленный капитализм отличается от всех других его типов, в первую очередь, своей социокультурной основой – «своеобразным этосом». «Буржуазный промышленный капитализм» стал реальностью от внедрения в прежнюю его форму «нового духа». Последний вызрел в ходе Реформации в лоне протестантства – новой «версии» христианства, и имел

Геннадий Алексеевич Николаев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук.

своим содержанием этику продуктивного труда, профессионального долга и частной инициативы¹.

Труды Макса Вебера имели мировой резонанс. Не осталась глухой к ним и русская экономико-философская мысль. Так, С.Н. Булгаков утверждал, что каждая хозяйственная эпоха имеет свой собственный хозяйствующий субъект – «*economic man*», который являет собой «не экономический автомат, приводимый в движение одной пружиной хозяйственного эгоизма и действующий с неумолимой прямолинейностью и безошибочной точностью, но конкретный духовный тип со всей сложностью и многообразием психологической мотивации». По его мнению, религия как господствующее мировоззрение накладывает свой отпечаток на хозяйствующий субъект. Он полагал, что наряду с другими духовными типами существуют, в самом общем плане – христианский, а более конкретно – православный, католический, протестантский и прочие типы «*economic man*». В «новейшем европейском хозяйстве» философ и богослов склонен был видеть если не прямое, то косвенное порождение христианства. Могущественное поступательное развитие экономической жизни в пространстве христианства С.Н. Булгаков находил закономерным явлением. Оно, как доказывал философ, было обусловлено рядом факторов. Во-первых, были созданы новые условия хозяйствования – христианство освободило человека «от языческой пленности природе и ее чарам», вложило в него душу «господина природы» и облагородило через освящение среду его хозяйствования. Во-вторых, был реабилитирован всякий труд, зародилась новая дисциплина труда – верующий «должен проходить свое хозяйственное служение, в каком бы социальном положении он ни был, с чувством религиозной ответственности», новая его мотивация – «по воле Божьей во спасение души»². В видении Н.А. Бердяева хозяйство есть «не механизм, слагающийся из атомов», а «иерархическая система», в основе которого лежит «личность с ее качествами и способностями, с ее дисциплиной труда». Оно, «как претворение природных сил, как их организация и регуляция, есть акт человеческого духа». Вся материальная жизнь есть не что иное, как «внутреннее явление жизни духовной». И «собственность по природе своей есть начало духовное, а не материальное». Частная собственность на землю есть также одухотворенное отношение к земле, ибо она делает возможной любовь к ней, к полю, к лесу, к дереву, «около которого сидели деды и прадеды, к дому, к воспоминаниям и преданиям, связанным с этой землей и ее прежними владельцами, она поддерживает связь времен и поколений». Духовным фактором определяются и дисциплина труда, и организация труда, и производительность труда. Сам трудовой акт «есть явление духа, а не материи»³.

Советская историография, краеугольным камнем которой стал социально-классовый подход, по своей природе не могла принять многое из научного наследия дооктябрьской России. В итоге изучение духовной, экономической, социальной и прочих составляющих бытия в единой связке на долгие десятилетия был предан забвению. Возвращение к многоуровневому системному анализу процессов и явлений реальной действительности в

отечественной историографии возобновилось лишь с уходом в небытие советского строя⁴. В настоящее время подобный подход широко востребован гуманитариями и активно применяется ими в научных изысканиях самого разного плана⁵.

Общее видение и понимание мира в средневожской деревне второй половины XIX–начала XX в., в духовно-нравственном плане являвшей собой три специфических культурных поля – пространство традиционных верований, пространство христианства и пространство ислама, в принципе не могло являться идентичной. В каждом из них хозяйствовал свой собственный субъект аграрных отношений. Автор настоящих строк преследует цель оттенить место такого феномена бытия, как богатство, в системе социально-нравственных ценностей нерусского крестьянства. Решение поставленной исследовательской задачи откроет путь к показу роли психологической составляющей в строительстве этноэкономики в регионе, выявлению своеобразия хозяйственной этики в разных культурных средах. Экономическая деятельность субъектов исторического процесса, как известно, обуславливается в числе других и их стремлением к материальному благополучию и богатству. Объектом исследования нами выбрано марийское, мордовское, удмуртское и чувашское крестьянство. С известной долей условности указанные национальные группы хлебопашцев в конфессиональном плане могут быть включены в одно социокультурное пространство. Де-юре приверженцев язычества в их среде было относительно немного: переписью 1897 г. в Казанской и Симбирской губерниях абсолютное большинство нерусских сельских жителей – 97,3% марийских, 98,8% мордовских, 76,4% удмуртских и 98,9% чувашских крестьян – зарегистрированы приверженцами христианства⁶. Но де-факто, как следует из выполненных на сегодня по данной тематике исследований, основная масса перечисленных групп «инородцев» являла собой язычествующих христиан и «двоеверов», почитавших и Иисуса Христа, и языческих Богов⁷. Как бы то ни было, но марийцы, мордва, удмурты и чуваша были существенно ближе к миру язычества, чем их соседи – русские и татары, в своем большинстве в конфессиональном плане представлявшие собой соответственно православную и мусульманскую общины.

Мировоззрение, миропонимание и мироощущение марийского, мордовского, удмуртского и чувашского крестьянства Среднего Поволжья рельефно отразились в их устном народном творчестве. Необходимую информацию несут практически все жанры фольклора – пословицы и поговорки, сказки и легенды, молитвословия и заклинания, былички и песни и т.д. Немалую ценность для раскрытия социально-психологического стереотипа поволжских народов, их ценностных ориентаций и норм поведения представляют этнографические наблюдения современников. Указанный корпус источников в основном и стал базовой информационной составляющей для решения преследуемой нами исследовательской задачи.

Сообщество людей трудно представить вне мечты о гармоничном устройстве мира, вне надежд о счастливой жизни. Названный духовный за-

ряд непрерывно сопровождает их в историческом пространстве, помогая преодолевать подбрасываемые живой жизнью суровые испытания. Данный «порок» присущ всем этническим и социальным общностям. Благополучие... Что вкладывало в данное понятие средневожжское марийское, мордовское, удмуртское и чувашское крестьянство? Когда оно считало жизнь удавшейся?

Жизнь прожить – не поле перейти. В ней есть место всему – и радостям, и горестям. Если, опираясь на такой содержательный фольклорный памятник, как пословицы и поговорки, воссоздать примерные контуры удачно сложившейся, по представлениям хлебопашцев, жизни, то получим следующую конструкцию. Людьями счастливой судьбы средневожжские хлебопашцы считали тех своих соплеменников, **кто имел крепкое здоровье** («*Таза капыште – таза чон*» [мар.] – «В здоровом теле – здоровый дух»; «*Ломанть мазышиц (козяшиц) сонь шумбрашисонза*» [морд.] – «Красота человека в здоровье»; «*Тазалыкез зарниен но уд вошты*» [удм.] – «Здоровье и на золото не поменяешь»; «*Йывӓс тымарӓне сирӓн, этем сывлӓхӓне сирӓн*» [чув.] – «Дерево крепко корнями, человек крепко здоровьем») и **здравый рассудок** («*Уш – оза, шинчымаш – уна*» [мар.] – «Ум – хозяин, знание – гость»; «*Превей ломанесь прок лисьмапря*» [морд.] – «Умный человек подобен роднику»; «*Визьмо йыр сю йырез сюдэ*» [удм.] – «Мудрая голова сто человек прокормит»; «*Этем ӓӓӓне ыраӓ*» [чув.] – «Человек добр умом»), **достигнув соответствующего возраста, вступил в брак** («*Капка менгат мужыран*» [мар.] – «И столбы ворот парные»; «*Козяйкавтомо кудось – чаво кудо*» [морд.] – «Без хозяйки (жены) дом – пустой дом»; «*Кут но палтэм уг луы*» [удм.] – «И лапоть без пары не бывает»; «*Кив ӓӓпата та майӓрля пулать*» [чув.] – «И старые лапти парные»), **жил с женой в любви и согласии** («*Ижмӓи кышкы, шӓртӓжӓт тӓишкӓи*» [мар.] – «Куда иголка, туда и нитка»; «*Мирдсь и рьявьсь – фкя кевонь толхт*» [морд.] – «Муж и жена – искры одного кремня»; «*Венез кытчы – сӓньысэз но отчы*» [удм.] – «Куда иголка, туда и нитка»; «*Сӓӓӓӓӓне хупӓлчи*» [чув.] – «По укладке и крышка»), **обзавелся сыновьями и дочерьми, создал большую семью** («*Блимашты ош пувля лицӓм олмыктат, семняштӓи ӓидӓирӓргӓвлӓ ӓтя-ӓвӓм сусуэмдӓт*» [мар.] – «Во рту белые зубы лицо украшают, в семье дочери, сыновья отца-мать радуют»; «*Эйкаки марто кудось – часиянь кудо*» [морд.] – «Дом с детьми – счастливый дом»; «*Корка нылпиен шулдыр*» [удм.] – «Изда детьми весела»; «*Ачасӓр пурӓӓс – калчасӓр уй-хир*» [чув.] – «Жизнь без детей – нива без всходов»), **где царили мир и взаимопонимание** («*Ача-ава деч кугу отлий*» [мар.] – «Старше отца и матери не будешь [то есть их надо слушаться]»; «*А эряви сырнень клад, бути арась семиясо лад*» [морд.] – «Не нужно золотого клада, если в семье нет ладу»; «*Азь питран кытӓи, берыз но отӓи*» [удм.] – «Где передние колеса, там и задние»; «*Килӓире пӓтӓ та ӓӓра*» [чув.] – «В согласии и каша гуще»), **справно хозяйствуя, нажил добро** («*Кудывичӓжӓи гӓиц ӓӓвӓт лӓктӓи ак керд*» [мар.] – «С его двора и курица не выйдет [так крепко обстроил свое хозяйство]»; «*Паро ӓӓравтомо –*

кудоськак прявтомо» [морд.] – «Без хорошего хозяина – дом сирота [эквивалент]»; «*Юртэз тылобурдо потонтэм*» [удм.] – «Через его двор и птица не перелетит»; «*Сукран пура тухакан тупа тан, пуртан сука юлакан сёрпе тан*» [чув.] – «Тот, кто нажил добро, будучи неимущим, равен горе, а тот, кто имел добро, но все растратил, равен земле»), **считался с обычаями и традициями** («*Пушенге вожишо дене виян, калык йўлаже дене виян*» [мар.] – «Дерево сильно корнями, народ – обычаями»; «*Кинь эзда шачат, сянь койса и касат*» [морд.] – «В каких условиях родишься, по тем обычаям и растешь»; «*Калык ужжаку ужжа, калык юмшаку юмша*» [удм.] – «Народ работает, и ты работай, народ гуляет, и ты гуляй»; «*Йўлана пўсма юрамась, теҫсё*» [чув.] – «Обычаи не велено ломать»), **дожил до почтенного возраста** («*Шурат кушкын, шурат вазын – цилў лиўлтўн*» [мар.] – «И рога выросли, и рога выпали – все было»; «*Сонь кизонза кемонь кукувонди аф кукавихть*» [морд.] – «Его года десяти кукушкам не прокуковать»; «*Пўсьтоно путо мед пўсьтоз, орточо даур мед орточоз*» – «Кушак, которому предназначено износиться, пусть износится, век, которому предназначено пройти, пусть пройдет»; «*Пурнас ёмёр вўрўм пултўр, вилес кун канлў пултўр*» [чув.] – «Да будет век долгим, а смертный час – спокойным») и **тихо ушел из жизни, оставив о себе у односельчан добрую память совершенными при жизни делами и поступками** («*Поро сомыл кок ўмыран*» [мар.] – «Доброе дело живет два века»; «*Сюронтў онкстыть вессэ, паронтў – паро тевсэ*» [морд.] – «Зерно взвешивают весами, хорошую жизнь – хорошими делами»; «*Зеч адями кулэ ке но, ужез кыле*» [удм.] – «Добрый человек хотя и умирает, дело его остается»; «*Пуян вилсен мул юлать, ыр сын вилсен ят юлать*» [чув.] – «Богатый умрет – богатство останется, добрый человек умрет – имя останется»⁸).

В традиционном обществе марийские, мордовские, удмуртские и чувашские крестьяне устройство своего благополучия не видели вне покровительства своих богов и божеств. Сюжет о гармоничном мире в их молитвах (*кумалтыш мут* – у марийцев; *озномат* – у мордвы-эрзи; *озондомат* – у мордвы-мокши; *куриськон* – у удмуртов; *кўлў* – у чувашей) – один из основных. Компоненты благополучной жизни входят – вкупе и россыпью – практически во все сакральные тексты носителей традиционной веры, произносившиеся ими в разных жизненных ситуациях. Обращаясь к своим богам и божествам, хлебопашцы делились с ними сокровенным, просили всяческие блага.

Марийский *кумалтыш мут*. Зафиксированный в 80-е годы XIX в. в среде луговых марийцев Казанской губернии «со слов одного почтенного, хорошо знающего черемисские обряды крещеного черемисина» священником с-ца Уньжа Царевококшайского уезда Г.Я. Яковлевым фрагменты текста, произносившийся верующими при обращении к богу *Кугу Юмо*: «*Тычмаш киндым пыштена кугу юмылан. Тычмаш шарбам (пура коркам) тэмена, кугу юмылан кугу ши сортам чўктена, тычмаш ўмбачын йодына: тазалыкым, йеш перкем, вольык перкем, кинде перкем, йешлан*

тыныслыкым, шулыкым тазалыкым поро кугу Юмо дечын йодына, – юмо мемнан сорвалмынам кольштын, ме йодмынам перкем пужо ыле... Поро Кугу Юмо! Чыла атэ шӧрешат киндэ перкем пу. Тыдэ киндым кӱктэн, шужен толшым тэмен колтэн, йодын толшылан пуэн колтэн, ик ужашым ончыксо пыштэн, кок ужашым шенгеке пыштэн, кугыжалан пушашлыкым тӧрлэн, родо-шамыч дэнэ и шымлу шым тандэнат кочкын йуын туганыдэме киндэ перкем пу. Поро Кугу Юмо! Киндэ перке-чычен мэмнам йывыртыкте; ... уш-акылым пу, тазалыкым, ласкалыкым, тынысыкым пу. Сай иляш полиш, мэмнам сай аралэн ашне, курумнам-умырнам кужум шитэ. Юмо серлагы, иляш йоным пу» – «Великому Богу предлагаем непочатый хлеб. Наливаем полный ковш пива, зажигаем большую серебряную свечу великому Богу, с полными предложениями просим от великого доброго Бога здоровья, прибыли семейства, прибыли скота, прибыли хлеба, семейству согласия и здоровья, чтобы, услышавши наши молитвы, нами просимую прибыль дал нам Бог... Боже великий и добрый! Во всех посудах дай прибыль. Когда, этот хлеб испекши, голодными проходящих накормивши отпустим, просить приходящим, дав отпустим, и одну часть вперед положим, две части назад [в запас] положим и царю следующее уплатим: с родственниками и с [семьюдесятью] семью друзьями есть и пить неистощимую прибыль хлеба дай. Боже великий и добрый, прибылью хлеба обрадуй нас. ... Дай ума-разума, вежливость, здоровье, мир. Помогай жить хорошо, храни нас в благополучии, жизнь нашу сделай долголетней. Боже помилуй, жить дай удобство»⁹.

Мордовский *озондомат*. Записанное в 1915 г. в с. Урюм Тетюшского уезда Казанской губернии известным исследователем М.Е. Евсевьевым со слов семидесятилетнего выборного *озкс-атя* (*озкс* – моление; *атя* – старик. – Г.Н.) И.П. Исаева сакральное обращение, произносившееся при общинном празднике весенней пашни *керяд озкс* (*керяд* – плуг; *озкс* – моление. – Г.Н.) мордвой-мокшей: «Шкай-пас, кормманей! Тряй – пас, тиряней! Тоньдеть минь ознытама, пидинь-панинь киши марта: акша алынъ ейшниця, эрик вайме сывельне и траксынъ и ревынь... Минь вяштяма кувача валда ши, ознытама шаче сёрынъ кис, раштай скотнанъ кис, шачинь-касынъ кис, аф машты эрмень кис. Мокшень ила ветятама, мезе вештяма, сен макст, мезьде пельтяма, сень эста ваньмазъ: вант чопыда ведет, вант валда шидет, плахой часттэт, пувай вармадэт» [морд.] – «Шкай-паз, кормилец, Тряй-паз, кормилец, тебе мы молимся с печеным хлебом, с яичницей из белых яиц, с мясом живой души и с коровьим, и с овечьим... Молимся за урожай хлеба, за размножающийся скот, за родящихся и растущих, за некончающееся богатство. Молимся, мокшанский обряд ведем, чего просим, того дай, чего боимся, от того храни. Храни нас в темную твою ночь, храни и в светлый твой день от плохого часа твоего, от дуящего ветра твоего»¹⁰.

Удмуртский *куриськон*. Записанный на рубеже XIX–XX вв. священником И. Васильевым текст, произносившийся удмуртами Казанской губернии при обращении к Великому Богу: «Культо вӧзэ культо пуктымон

шуддэ-бурдэ сёт, чюмолё вöзэ чюмолё пуктымон шуддэ-бурдэ сёт, сикись сике кабан пуктыны шуддэ-бурдэ сёт, Инмаре. Та юэным-няненым будзым эксэйлы выт тырыны кужым сёт, сини юны берекеттэ-дэлеттэ сёт, иськавынэн бöлякен зеч родняен шудса-серектяса зеч пудоен-животэн, зеч нылын-пиен улны-вылны мед кылдоз» – «Дай нам, Боже, благодать твою такую, чтобы снопы ставились к снопам; так же, чтобы копны к копнам ставить. Дай благодать твою такую, чтобы из лесочка в лесочек ставить клады, чтобы сим житом и хлебом великому царю платить подать, дай помощь. Пошли благодать твою неоскудевающую есть и пить с соседями и добрыми родственниками, шутя и смеясь, с добрыми скотами, детьми (сыновьями и дочерьми)»¹¹.

Чувашское *кёлё*. Записанное венгерским этнографом Дюла Месарошем в начале XX в. по случаю имянаречения новорожденного в д. Средние Алгаши Симбирского уезда одноименной губернии сакральное обращение: «*Пёсмелле, аминь, Туря, ача ячё хуратпяр, «Курак» хуратпяр. Ырляхля-сывлыхля пултяр, суха сухалакан пултяр, пирён пек ватяличчен-сүтёличчен пурянтяр, сятатине кутяй сыриччен пурянтяр, ватта курсан тетей тетёр, сямряка курсан таяван тетёр, ашишэне-амяшине пяхакан пултяр, ырляхля-сывлыхля пултяр, пысак пултяр, пиртен таяван, ывял-хёр малалла ятяр. Пирён яру ан пёттёр, ёмёртен ёмёре пытяр. Эпир ватяляпяр, вилёпёр, пирён пеххил ситтёр, ырляхля, пурляхля пултяр, аминь» – «Пёсмелле, аминь, Боже, нарекаем имя ребенку – нарекаем его «Курак» («Грач»). Да будет при здравии и благополучии, да будет пахарем, да проживет до седой старости, до потери памяти, да проживет до тех пор, покуда не начнет обувать лапти задом наперед. Старших да будет величать дядями, младших да будет величать родичами. Да будет опорой отцу и матери, да будет при здравии и благополучии, да вырастет большим, да будет продолжателем рода, да продлит род своими сыновьями и дочерьми, да не скончается наш род, да продлится из века в век. Мы состаримся и умрем, да дойдут до него наши благие пожелания, да будет с благополучием, с добром (достатком), аминь»¹².*

Желанное здание гармоничного мира средневожскими хлебопашцами возводилось в своем сознании и при повседневном общении с домочадцами, родными и однодеревенцами. Отдельные его конструкции или их совокупности стали неотъемлемой частью таких крестьянских ритуалов, как благословение, благодарение, благопожелание, напутствие и наставление. В благодарственных и напутственных речах, которые держали степенные старцы и главы семей при проведении общественных и семейных обрядов, формула благополучной жизни обычно получала развернутый, относительно завершенный вид. По свидетельству священника Г.Я. Яковлева, в 1880-х годах во время праздника *Кугече* (Великий день, Пасха. – Г.Н.) в среде луговых марийцев старший и младший *карты* (жрецы. – Г.Н.), завершив семейное моление богам, выражали благословение хозяину и хозяйке дома следующими словами: «*Поро Кугу Юмо, Кугече кугу юмо, кугу пуйырышо*

*пужо тыланда еш перкем, тазалыкым, тыныслыкым шулыкым, вольык перкем и чыла тўрлө перкем пужо. Кинде шочын ава перкем савырен кондыжо Юл ўмбачын, чыла мланде гычын, тэңыз ўмбачын; чыла мланде ўмбалнысе перке тендан кидыште лийже, поян лийза, индеш эрган, шым ўдыран лийза, вольыкда пеш шуко лийже, суртда поян лийже, оралтыда шуко лийже, чыла тўрлө перке гычын юмо тендам йывыртыктыже. Кужу курыман лийза, сур вуян, сур пондашан лиймешкыда илыза» – «Великий добрый Бог, великий Бог Пасхи, великий предопределитель судьбы да даст вам прибыль семейства, здоровье, мир, прибыль скота и всякую прибыль да подаст; мать прибыли, мать урожая хлеба да приведет вам прибыль из-за Волги, из-за горных стран, из-за моря; со всех стран земли да будет в руках ваших прибыль, будьте богаты, будьте имеющими девять сыновей и семь дочерей, скот ваш да умножится, дом ваш да будет богат, строений у вас да будет много, да обрадует вас Бог всякою прибылью. Будьте долголетни и живите до тех пор, пока не будете седоголовыми и седобородыми»¹³. В начале XX в. в д. Средние Алгаши Симбирского уезда одноименной губернии родители, выдавая дочь замуж, в ходе церемонии *хёр туйё* (девичьей свадьбы) благословляли молодую следующими словами: «*Пехил, ачам, сыв пул, сыв пул та пур пул. Ырă сынна юра, хунясăна, хунямăна хуняса, хуняма тесе кала, ватта курсан пăяхам тесе кала, самрăка курсан пултăрăм тесе кала. Усала тўртен пăх, ырра хирёс пăх. Пехил ёнтё, ачам, урăх ним те кала пёлместёп» – «Благословляю, дитя мое, будь здоровой; будь здоровой и будь состоятельной, будь угодной добрым людям, свекра и свекровь называй свекром и свекровью. Увидев пожилого, зови его деверем, увидев молодого, зови его шурином. На зло гляди задом. На добро смотри лицом. Благословление тебе, дитя мое, больше не знаю, что и сказать»¹⁴.**

В обыденное же время в обиходе была краткая форма конструкции благополучной жизни. Во второй половине XIX в. удмурты Мамадышского уезда Казанской губернии, по свидетельству священника Б.Г. Гаврилова, следуя стародавней традиции, при угощении своих гостей давали каждому из них «по куску вареного мяса, обыкновенно с костью». Знающий местные обычаи гость, съев мясо, оставшуюся кость непременно клал на рукав правой руки, пониже локтя, и подносил ее обратно домохозяину со следующими благодарственными словами: «Пусть размножатся у вас овцы (вариант: коровы, бараны, гуси и т.п.) и пусть суждено будет нам жить, угощая друг друга»¹⁵. В начале XX в. в с. Байгулово Чебоксарского уезда Казанской губернии довольный оказанным приемом чувашский хлебопашец, к примеру, выражал свое благопожелание хлебосольному хозяину следующей фразой: «*Сывă пулăр та пур пулăр; эпир тепре киличчен сёрме пуян пулăр» – «Будьте здоровы и имейте достаток; к следующему нашему приходу наживите несметное богатство»¹⁶.*

В небольших по объему, но чрезвычайно емких по содержанию фольклорных памятниках отразился духовный мир хлебопашцев. Крестьянское

понимание о счастье, о благополучной жизни отнюдь не нечто беспрельно объемное и неосязаемое. Напротив, все обстоит совершенно по-иному. Хлебопашцы-«инородцы» весьма сдержанны в своих грезах о гармоничном мире, о счастье. Желаемое крестьянами благополучие имеет вполне конкретные очертания и не включает большое количество компонентов. Богатство – одно из них. В системе социально-нравственных ценностей средневожского крестьянства оно занимало далеко не главное место. Вместе с тем, как видим, пахарь не мыслил свое благополучие и благополучие членов своей семьи без материального достатка и богатства.

Богатство. Что же вкладывали в это понятие марийские, мордовские, удмуртские и чувашские хлебопашцы? Из пословиц и поговорок богатство как явление реальной действительности предстает во множестве обличий. По значимости первая позиция в нем отведена хлебу: «*Кинде – айдемын эн кугу поянлыкше*» [мар.] – «Хлеб – самое большое богатство человека»; «*Лама кишице – лама козяшице*» [морд.] – «Много хлеба – много богатства»; «*Нянь зарнилэсь но дуно*» [удм.] – «Хлеб дороже золота»; «*Ѕăкăртан асли ним те сук*» [чув.] – «Хлеб – великое дело, ничто не может сравниться с ним»¹⁷. Хлеб – превыше всего. Для вожского пахаря это такая же истина, что нет никого старше Бога и дороже отца-матери. Но в ряду истин названная истина ключевая. В чувашской народной песне жанра *хӗр йӗрри* (плач невесты) данная аксиома воспета изумительными по красоте поэтическими строками¹⁸:

*Мӓн ӗкӓртан мӓнни сук,
Турӓран-Пулӗхрен асли сук,
ать-аннерен пахи сук,
пахи сук та пахи сук.*

Величия хлеба величавее нет,
Тура-Пюлеха старше нет,
отца-матери дороже нет,
дороже нет да дороже нет.

Хлеб – основа жизни. Выращивать хлеб — быть сопричастным мирозданию, космосу. Хлебопашец несет великую миссию — кормит мир: «*Аф сембе видихть, да сембе кишит*» [морд.] – «Не все сеют, да все хлеб едят»; «*Геры сюдэ, черс (тӗр) дӗся*» [удм.] – «Соха кормит, веретено (топор) одевает»; «*Сухана сӗре пуян мар та, пӗтӗм тӗнчене тӓрантараӗӗ*» [чув.] – «Соха и борона не богачи, а кормят весь мир»¹⁹. Важная деталь. Тема хлеба в молитвословиях марийских, мордовских, удмуртских и чувашских крестьян – основная. Таинство его сотворения в их сакральных текстах получило красочное, детальное отражение. Примечательная черта. В своем воображении вожский пахарь видит засеваемые зерновые культуры жизнестойкими, исключительно урожайными растениями, возделывание которых должно принести в их дом достаток и богатство: «*шошым паша шуменгы, пасушко лэктын пашам ишташ туналмекына, куралын ик пырчын удышна, Кугу Юмо, вожшым лопкам иштэ, кыдалжым пенгыдем иштэ, мучашыжым ши полтош гай тутым иштэ*» [мар.] – «когда, по наступлении времени весенней работы, мы, вышедши на поле работать, распахавши, посеем по зернышку, Боже великий, корни их ты сделай широкими,

стебли крепкими, вершины (колосья) их подобно серебряным пуговицам сделай полными»²⁰; *«мезе видихть мастэр лангс, мезе зерна ёрдайхть, макст келий коренне, эчке шужерьне, кувака колоске, пешксе зернане»* [морд.] – «что посеют в землю, какое зерно бросят – дай им широкий корешок, толстую соломушку, длинный колосок, полное зернышко»²¹; *«пёр пёрчё тырă аксассан пин пёрчё пулмалăхне патър, хăмăлне хăмăш нек пар, пушне турпас нек ту, тейишине пърса нек пар»* [чув.] – «сподоби от каждого посеянного зерна получить тысячу зерен, стебель да будет, как камыш, колос да будет, как щепка, зерно да будет, как горох!»²² и т.д. Из удмуртских куриськонов зерновые культуры предстают и вовсе растениями-исполинами: *«кизем-пальккем юэз, ожо сяен ожматсалыд ке, бадьпу сяен пушыймытсал ке, кызьпу сяен толэзьытсал ке, коньы бызьмон, сёр бызьмон нюпырчыкыса сётсал ке»* [удм.] – «посеянное, брошенное (в землю) жито ты бы как лужок сдернул, как ивняк разветвил, как березняк распустил. Так дай, Боже, чтобы по ней (по соломе) можно было бы бегать белкам и куницам, чтобы солома от тяжести зерен согнулась»²³.

Пахарь – дитя земли. Его достаток всецело зависит от рачительного хозяйствования на ней. Располагая запасами хлеба, он мог безбедно содержать свою семью, иметь полный двор живности, уютный дом и крепкие хозяйственные постройки, в срок и в полном объеме платить подати и нести повинности и т.д. Имея в достатке хлеб, житель деревни мог жить сносно, зажиточно, богато. Отношение к нему крестьян было почтительным и бережным. Так, в чувашской деревне дедушки и бабушки с малых лет внушали своим внукам и внучкам, что всякий, кто ест заплесневевший хлеб, обязательно рано или поздно разбогатеет²⁴. Не испекшийся хлеб удмурты никогда не называли плохим, а говорили, что он очень хорош. Согласно их поверью, если хлеб называть плохим, обязательно будет неурожай²⁵. Естественно, играя ключевую роль в жизнеобеспечении жителей деревни, хлеб имел в ее пространстве высокий семиотический статус. Он являлся одним из распространенных видов обрядовой пищи марийских, мордовских, удмуртских и чувашских крестьян, использовался ими в повседневной жизни как символ, оберег, жертвенный дар, магическое средство и предмет ритуала. С хлебом крестьяне встречали дорогих гостей, благословляли молодых, приносили присягу, давали клятву и т.п.

В совокупной информации о богатстве здоровье как одно из его составляющих по значимости занимает, пожалуй, вторую позицию: *«Тазалык – эн кугу поянлык»* [мар.] – «Здоровье – самое большое богатство»; *«Шумбрачись сюпавчиде питней»* [морд.] – «Здоровье дороже золота»; *«Тазалык – байлык»* [удм.] – «Здоровье – богатство»; *«Сывлăх – пуянлăх»* [чув.] – «Здоровье – богатство»²⁶. Не только в пословицах и поговорках, но и в других жанрах фольклора средневожских народов находим подобные же оценки. В частности, в песнях-раздумьях. Так, в минуты особого душевного настроения в среде чувашей звучали следующие строки²⁷:

*Хусан хулинче хут хакля́.
Чэ́мпёр хулинче чён хакля́;
Сак санталя́кра мён хакля́? –
Брля́хпа сывля́х пит хакля́!*

В Казани-городе бумага ценится.
В Симбирске-городе ремень ценится;
На сем белом свете что ценится? –
Благополучие и доброе здоровье очень ценятся!

Такая ситуация, представляющая из народной мудрости, конечно же, не случайна. Здоровье – жизнь. Все материальные блага меркнут перед ним. Они теряют смысл, если нет здоровья. Здоровье дороже богатства. Здоровье приносит радость жизни. Лишь здоровый человек может дать здоровое потомство. Лишь он может создать достойные условия жизнеобеспечения себе, своей семье и обществу.

Золото, серебро и деньги марийские, мордовские, удмуртские и чувашские крестьяне также находили неизменными составляющими богатства. В приведенной иерархии ценностей первая позиция ими отводилась желтому металлу – золоту: «*Оксан рудыжэ – шёртнё*» [мар.] – «Сердцевина денег – золото»; «*Сырнесь рогожа потсоак сырне*» [морд.] «Золото и в рогоже узнается»; «*Зарни пыд улын костаськемез но зарни ик*» [удм.] – «Золото и под ногами золото»; «*Блтён пёчккё те хакля́*» [чув.] – «Золото мало да стоит (оно) дорого»²⁸. По значимости золото, серебро и деньги, как компоненты богатства, по всей видимости, занимали третью ступеньку в крестьянской условной оценочной лестнице.

По стародавней традиции, сложившейся исторически, и после отмены крепостного права многие хлебопашцы «лишние» деньги предпочитали держать в кубышке – на «черный день». Очень часто домочадцы и не догадывались об их существовании. Случалось, что лишь перед уходом из жизни глава семейства открывал своим отпрыскам «зачачку»²⁹.

В традиционной деревне в богатых крестьянских семьях и семьях среднего достатка из поколения в поколение передавались фамильные ценности, представленные главным образом женскими головными уборами, шейными, нагрудными и поясными нарядами, украшенными серебряными монетами, раковинами-каури и кораллами. В социально-экономическом плане данная составляющая крестьянского богатства являла собой мертвый капитал. В этнографическом очерке Д. Островского, отражающем повседневный быт удмуртов Казанской губернии в 1870-х годах, находим следующее наблюдение: «... Иногда женский костюм переходит по наследству через несколько поколений. Это одна из причин, почему женский костюм у вотяков (удмуртов. – Г.Н.) нелегко приобрести покупкою, особенно полный со всеми принадлежащими к нему монетами. Вотяки вообще любят старую монету, собирают и берегут ее, но монеты, носимые на одежде, как перешедшие по наследству от деда или прадеда, они считают как бы священной обязанностью передать в свою очередь своему потомству. И, действительно, некоторые из виденных мною ожерельев и ниток с деньгами стоит беречь и дорожить ими; большинство монет (от 30-50 на каждой женщине) петровские и екатерининские, но между ними попадаются и более древние русские и иностранные монеты. Мне предлагали достать полный кос-

твом молодухи за 50-60 рублей, но заранее можно было предвидеть, что *чыртыкыч* (шейное и нагрудное украшение; ожерелье; монисто. – Г.Н.) и *камали* (чересплечное украшение из серебряных монет. – Г.Н.) были бы очень бедны украшениями»³⁰. По свидетельству А.Ф. Риттиха, переходящий по наследству из поколения в поколение костюм чувашской женщины, «смотря по монетам, их количеству и ценности» в 1860-х годах «при случае могла быть куплена» за 25 рублей серебром. Иные из них, по его утверждению, доходили и до 100 руб. серебром³¹.

Крестьянскую условную лестницу богатства замыкала, надо полагать, совокупность материальных ценностей: дом с надворными постройками, промышленные заведения, рабочий скот, домашняя живность, сельскохозяйственный инвентарь, одежда, обувь и прочее добро. Вот каким предстает в зеркале свидетельств современника конкретные очертания наблюдаемой материи: «Есть в нашей деревне (с. Большая Таяба Тетюшского уезда Казанской губернии. – Г.Н.) один человек по имени Степан. Имеет плодовый сад, пасеку, сам окулирует яблони, владеет двумя шерстобойками, двумя ветряными мельницами, теперь уже отделяется от отца, строит себе два дома. Крыши кроет железом; он и валяльщик, он и плотник, он и стекольщик. Очень богат этот Степан»³².

Из удмуртской народной песни, опубликованной православным священником Борисом Гавриловым в 1880 г., собирательный облик усадьбы сельского богача Казанской и Вятской губерний предстает в следующем виде³³:

*Вуж кабанэдлэн кенерез
Быдэс бусылы тырмоно;
Та кужойслэн шыдез нянез
Быдэс дённяялы тырмоно.*

Загородью, которую загорожены твои скирды,
Можно бы[ло бы] обгородить целое поле.
Хлеба-соли у этих богачей
Достанет на целый век.

Приведенный фольклорный памятник зафиксировал важную грань из социально-экономической жизни средневожской деревни второй половины XIX–начала XX в. Нажитое добро (богатство) хлебопашцев в ее просторстве, помимо жилищ, хозяйственных построек, рабочего скота и всякой домашней живности, внешне выражалось и хранящимся в копнах урожаем. «Домовитость и трудолюбие вотяков (удмуртов. – Г.Н.) сейчас [же] бросаются в глаза, как только подъезжаешь к вотской деревне: в стороне виднеются *скирды* *прошлогодного хлеба* (курсив наш. – Г.Н.), по речке или [в пруду] плавают [стаи] гусей и уток, далеко в поле виднеются большие стада овец и коров»³⁴, – писал современник в 1870-х годах об удмуртской деревне Казанской губернии. Подобным же образом выглядели во второй половине XIX–начале XX в. и населенные места других национальных групп крестьянства, в том числе и русских. Так, согласно свидетельству священника Александра Алексеевского, в 1860-х годах в с. Монастырский Урай Лаишевского уезда Казанской губернии у «иных бережливых крестьян» в кладях и гумнах хранился хлеб, скопленный из «излишков 20 или 30 лет»³⁵. Доставив

с полей убранный хлеб на гумно, жители села обычно обмолачивали не весь его объем. Часть хлеба в виде необмолоченных снопов складывалась в копны. Для одних он служил страховым запасом на случай неурожая и прочих непредвиденных жизненных обстоятельств, для других – капиталом для аренды земли, для третьих – надежной «палочкой-выручалочкой» на случай женитьбы сына и т.п.³⁶ Одновременно почерневшие от солнца и дождя клады «стародавнего» хлеба являлись и своеобразным маркером, свидетельствующим о состоятельности домохозяина как хозяйствующего субъекта. Крестьянин желал и умел дорожить своей репутацией.

Оказавшись после отмены крепостного права в рыночной стихии, средневожские крестьяне постепенно стали отказываться от многих своих прежних поведенческих стереотипов и методов хозяйствования. Стала меняться и структура народного богатства села. Остро нуждаясь в деньгах, хранящийся в копнах и амбарах хлеб крестьяне стали обращать в живой капитал – деньги. Такая же участь постигла и фамильные ценности хлебопашцев. Классик чувашской литературы М.Ф. Федоров данный эпизод из жизни средневожской деревни отразил в своей поэме «*Арсури*» (Леший), созданной им в пореформенные годы³⁷:

*Симе сӑкӑр ситмесен
Пӑтавка йӑтса каятпӑр.
Хырӑс-марӑс намашкӑн
Хушпу саклат хыватпӑр.*

Коль пришла нужда в наш дом,
Мы с пудовкой побредём.
Чтобы подати внести –
Нам хушпу* в заклад нести.

Вырученные средства стали вкладываться в покупку земли, на модернизацию инфраструктуры хозяйства и на улучшение условий жизнеобеспечения. Многие из богатых крестьян-«инородцев» стали жить «порусски». Выделившись из среды однообщинников, владея большим количеством земли и занимаясь лесной или хлебной торговлей, эти «капиталисты» усвоили и «внешний лоск цивилизации, начиная от костюма и жилища». В 1890-х годах в д. Большое Маклашкино Чебоксарского уезда Казанской губернии один из таких богачей имел «довольно красивый двухэтажный дом в несколько комнат с большим балконом, голландскими печами и кухней с плитой»³⁸.

Во второй половине XIX–начале XX в. в средневожской деревне деньги как критерий, атрибут богатства и капитал существенно повысили свою значимость. Процесс коррекции традиционной системы социально-нравственных ориентиров в ней шел болезненно, исподволь, с каждым новым десятилетием набирая силу. Яркой иллюстрацией имевшей место социально-психологической трансформации крестьянского сообщества может служить следующее наблюдение современника, относящееся к рубежу двух столетий: «Черемисин (мариец. – Г.Н.) более привязан к хлебу, нежели к деньгам. Если

---

* *Хушпу* – традиционный чувашский женский головной убор, украшенный серебряными монетами.

черемисин хочет похвастаться богатством, то никогда не скажет, что у него столько-то денег, [а скажет] столько-то хлеба. В недавний голодный год (1891–1892) был такой случай. Один черемисин под влиянием рассказов, циркулировавших тогда, что у богатых будут лишний хлеб отбирать и раздавать даром неимущим, продал ржи около полуторы тысячи пудов. И что же? Плакал навзрыд, как ребенок, и говорил: «На что мне деньги, не надо денег мне!» *Впрочем, понятия теперь быстро меняются*³⁹ (курсив наш. – Г.Н.).

Согласно воззрениям марийских, мордовских, удмуртских и чувашских крестьян, богатство как социально-экономическое явление в духовно-нравственном плане включало в себя две полярные составляющие: Добро и Зло. Первый компонент. Богатство – это фактор-условие, достаток, обеспечивающий воспроизводство социума. Второй компонент. Богатство – это продукт и инструмент эксплуатации иных хозяйствующих субъектов, общественное зло, негодная для праведной жизни материя.

Богатство как достаток и фактор-условие, обеспечивающий воспроизводство социума, средневолжскими крестьянами принималось и одобрялось: «*Пыжаш деч посна кайыкат ок шоч*» [мар.] – «Без гнезда не рождаются и птицы»; «*Кода аф эрват кишфтома-салфтома, стане аф эрват кудфтома-вастьтома*» [морд.] – «Как нельзя жить без хлеба-соли, так нельзя жить без дома»; «*Кар лэсьтэ пи поттйсь тылбурдо*» [удм.] – «Гнездо вьет заботящаяся о потомстве птица»; «*Кайяк та хайне нурт тавать*» [чув.] – «И птица жилище себе строит»⁴⁰. Более того. Имущественно-бытовой комплекс, по их мнению, должен был постоянно обновляться и приращиваться. Как явствует из тонких наблюдений современника, в эпоху капиталистической модернизации подобная его динамика обуславливалась и мотивами социально-психологического порядка: «Всю жизнь [крестьянин-чуваши] обустройства, возводит новые строения: одно поправляет, другое ремонтирует, третье обновляет. Говорит: «Перед людьми неудобно». В отношении состояния, имущества наши люди очень боятся отстать от других. Если у односельчан, у соседей есть хлеб, то стремятся вырастить хлеб и оставить на следующий год про запас. Если держат много скота, то и он не хочет отстать от них. У тех есть лошадь в стойле – и этот не хочет отстать от них, говорит, «век на нас не заканчивается»: «сыновья, дочери растут, новая родня и родственники появятся, стыдно будет перед ними, зайдут в дом и засмеют»; говорит: «за богачами не погонимся, но обеспеченными людьми надо быть». Не все только так думают, если имущества, состояния становится больше, чем достаточно, то задумывают разбогатеть. Здоровый человек, таким образом, день ото дня живет с мечтой о будущем»⁴¹.

В подобной среде лица, кто, будучи в добром здравии и рассудке, хозяйствовал без должного прилежания и не заботился о создании приемлемых условий жизни для своей семьи, имели невысокий авторитет. Сами такие хозяева и их дворы в обществе хлебопашцев получали едкие оценки-

характеристики: «*Ни пичйжй, ни мәнгйжй*» [мар.] – «Ни огорода, ни кола»; «*Стама сонь козяшиц: фкя вазоц да кукишень квазоц*» [морд.] – «У него такое богатство: один теленок да кувшин квасу»; «*Солэн одйг майыгез но өвёл*» [удм.] – «У него и кола ни одного нет»; «*Аханчахйн чйххи те пйрре анчах*» [чув.] – «У имеющего отговорки курица и та одна»⁴².

В представлениях средневожских крестьян богатство как социально-экономическое явление оставалось моральной субстанцией лишь до тех пор, пока оно зиждилось на приемлемом – в их понимании – начале: было нажито собственным трудом: «*Тйжем пундышым лукмеке, мландеш шылтыме поянлыкым муат*» [мар.] – «Выкорчевав тысячу пней, найдешь клад, спрятанный в земле»; «*Ломань киис курецень тяк келепне, кядцень тяк венепне*» [морд.] – «На чужой каравай рот не разевай, сам добывай»; «*Узырмемед ке потэ, ужаны кулэ*» [удм.] – «Хочешь разбогатеть – трудись»; «*Сын мулне ан хапсйн, ху ёслесе туп, тецсё*» [чув.] – «Не зарься на чужое богатство, сам работай и добывай»⁴³. Иное богатство – общественное зло, неприемлемое для праведной жизни материя. Доводы кричащие. Оно нажито обманном путем, за счет присвоения результатов чужого труда, то есть имеет своей основой неприемлемые, аморальные действия: «*Шке шйэшет шукымок ат намал*» [мар.] – «На своей шее много не натаскаешь»; «*Аф васькафтат – аф козякодат*» [морд.] «Не обманешь – не разбогатеешь»; «*Дасьсэ сийса люкам кужым – чонари кужым*» [удм.] – «Накопленная за чужой счет сила – паучья сила»; «*Чун хёнекен мул тупать*» [чув.] – «Угнетающий других, находит богатство»⁴⁴.

Насколько важны были для средневожского крестьянина способ и обстоятельства получения богатства, можно судить по следующему весьма показательному эпизоду из повседневной жизни деревни. В пореформенное время вскоре после яровой пашни в удмуртском с. Верхние Шуни Мамадышского уезда Казанской губернии ежегодно проводился обряд *ю корбон*. Обычно в жертву приносились две коровы. Жертвенная пища – каша с мясом – между участниками весеннего календарного праздника распределялась путем жеребьевки. Данная процедура одновременно являла собой и шутивную форму дифференциации присутствующих по способу их возможного обогащения в последующий период жизни. Вынимая из шляпы жребий с тамгой сельских жителей, один из организаторов ее «тряски» обращался к шумному праздничному собранию с вопросами-пожеланиями, в числе которых были и следующие: Кто разбогатеет посредством хлебопашества? Кто разбогатеет посредством воровства? Кто разбогатеет на боку лежа? Кто разбогатеет посредством извозничества? Кто разбогатеет, выдавши дочь замуж? Кто разбогатеет, женивши сына? Кто разбогатеет посредством торговли?⁴⁵

Сила богатства и денег в обществе крестьянами признавалась: «*Окса цилй вйре корным пачеш*» [мар.] – «Деньги везде дорогу открывают»; «*Ярмак ули – весемесь ули*» [морд.] «Деньги есть – все есть [будет]»; «*Коньдон, ву кадь: тымид ке но кырыськос*» [удм.] «Деньги, как вода: за-

пруды – прорвутся»; «Укса чул кастарать» [чув.] – «Деньги рубят камень»⁴⁶. Но хлебопашец смотрел на мир через призму праведной жизни, в которой доминировали иные ценности. Ум, знание, честь, совесть, общественное мнение, дружбу, мир и согласие пахарь ставил выше богатства: «Окса шергй агыл, а кымыл шергй» [мар.] – «Деньги не дороги, почет, уважение дорого»; «Превтнень ярмаксо а рамасыть» [морд.] – «Ум за деньги не купишь»; «Кусыпын тэрыса улон узырлыклясь но жечгес» [удм.] – «Жить в согласии – лучше богатства»; «Лайх ят мултан та паха» [чув.] – «Доброе имя ценнее богатства»⁴⁷ и др.

Дуалистическое восприятие мира – характерная черта рассматриваемых нами крестьянских сообществ. Оно зиждилось на таких противоборствующих началах, как Добро и Зло. Поле первой и второй в совокупности и являли единое жизненное пространство, бытие: «Пурыжы, худажы – цилä иквәреш» [мар.] – «И добро, и зло – все вместе»; «Арась берянь паровтомо» [морд.] – «Нет худа без добра»; «Жечен но, уродэн но адями пумиське» [удм.] – «Человек и с добром, и со злом встречается»; «Усал пулмасяр ырә та пулмасть» [чув.] – «Без зла нет и добра»⁴⁸. При такой проекции богатство как социально-экономическое явление в крестьянском восприятии мира одновременно находилось и на половине Добра – достаток и фактор-условие, обеспечивающий воспроизводство социума, и на половине Зла – материальные ценности, доходы и прочие жизненные блага, имеющие в своей основе нетрудовое начало. Данное условное тождество может быть упрощено до следующей формулы: праведное богатство – неправедное богатство.

Во множестве фольклорных текстов мир богатства дан в единой связке со своей полярной составляющей – миром бедности. Пословицы и поговорки гласят: «Незерйн выргемжй – орави выргем, паянын – мөска выргем» [мар.] – «Одежда бедного – воробыная, богатого – медвежья»; «Козясь морай-кити, ашусь вачеда пишти» [морд.] – «Богатый гуляет-поет, бедняк впроголодь живет»; «Байлы – ыжпи, куанерлы – нылпи» [удм.] – «Богатому – ягнятки, бедному – ребятки»; «Пуян пурсай тәхәнать, сук сын сурхах тәхәнать» [чув.] – «Богатый одевается в шелка, бедный – в пленку»⁴⁹. На освещении социально-экономического контраста построены и другие жанры фольклора средневолжских народов. В частности, их песни. В 80-е годы XIX в. в среде чувашей Чебоксарского уезда Казанской губернии, к примеру, был записан следующий текст⁵⁰:

Пуян сынсем мәнтен паллә? –
Суртсем сине хәма витнӗ,
Арәмсем пуствапа.
Начар сынсем мәнтен паллә? –
Пурт тәррине хуп витнӗ,
Арәмсем кавак сәхманпа.

Богатые люди чем приметны? –
Дома крыты тесом,
Жены одеты в фабричное сукно.
Бедные люди чем приметны? –
Дома крыты лубом,
Жены одеты в домотканое сукно.

Идентификация социально-экономической действительности подобным способом есть прямое свидетельство широкого применения средневожскими крестьянами шкалы «Добро – Зло» в своей повседневной жизни. В таком показе крестьянского бытия подспудно присутствует моральная оценка наблюдаемой картины. В приведенной выше чувашской песне реакция на социально-экономическую действительность относительно мягкая, сдержанная. Но отмечаемый тон не характерен для всех фольклорных памятников. В части из них протестное начало выражено куда жестче. К таким произведениям, к примеру, можно отнести мордовскую песню «Во дворе богатого ласточка гнездо устроила». В ней в адрес своего обидчика – разорившего гнездо сына богача – птица-труженица бросает хлесткие фразы⁵¹:

*Кода сюдотан,
Сюпавонь цёра?
Кода клянятан,
Козявонь аля?*

Как же мне тебя,
Сына богача, проклясть?
Как же мне тебя,
Зажиточного сынка, осудить?

Как известно, хозяйствование на земле относится к числу занятий, подверженных постоянному риску. Усердие и прилежание в аграрной сфере экономики не каждый год дают ожидаемый результат. Случается, что в жаркое лето палящее солнце выжигает зерновые культуры, а в дождливое созревший хлеб ложится на землю и начинает гнить. Не редкость, что в суровую зиму промерзают озимые. Бывает, что домашняя живность поражается эпизоотиями. В неурожайные годы из-за бескормицы возможен падеж скота... Жители средневожской деревни второй половины XIX–начала XX в. в своем большинстве считали, что, хозяйствуя на земле и неся лежащие на ней повинности, нажить большое богатство собственным трудом и трудом членов своей семьи может далеко не каждый хлебопашец. Не случайно, лиц, кто в их среде в хозяйственно-имущественном плане относительно преуспевал, они чаще причисляли к хозяевам, обогатившимся неправедным путем. Обратимся к свидетельству современника, относящемуся к 1908 г. Оно касается идентификации социальной структуры общества чувашского села Большое Батырево Буинского уезда Симбирской губернии: «В этой деревне нет *сёрме пуянов* (богатеи; владелец «несметных богатств». – Г.Н.). Богатые в своем большинстве разбогатели за счет присвоения чужих денег; лиц, наживших добро собственным трудом, немного»⁵².

Но всяк пришедший в этот светлый мир живет надеждой. И средневожский пахарь грезил о большом богатстве. Он считал, что при большой удаче названная мечта осуществима. В 1870-х годах в удмуртских селах Мамадышского уезда Казанской губернии священник Б.Г. Гаврилов записал следующее поверье: «Во ржи иногда бывают на одном стебле двойные колосья. Если кто найдет такой колос, то следует взять палку и, обернув ее белой чистой холстиной, положить колос так, чтобы раздвоившиеся

концы его пришлись по сторонам палки, то есть дать колосу вид сидящего верхом на лошади человека и таким образом вдвоем с кем-нибудь принести его домой, делая вид, что несут что-нибудь тяжелое, и положить в новом пустом амбаре в сусеку. Только нужно, чтобы никто не видел и не встречался дорогою несущим. Кто делает так, тот постепенно будет богатеть»⁵³. В традиционной чувашской деревне в адрес богатых домохозяев менее состоятельные хлебопашцы часто бросали следующую фразу: «Надо полагать, ты раздобыл рожки змеи, богато живешь: у тебя и денег много, и скота много, и хлеба много». Согласно поверью чувашей, существует особая популяция змей – с рожками (вариант: с золотыми рожками). Лицо, раздобывшее ее рожки, может сильно разбогатеть. Для этого ему достаточно положить свое чудесное приобретение в кошелек – в нем заведется много денег. Если он свою находку положит в хлев – в хозяйстве приумножится поголовье скота, если в семена для посева – в поле уродится много хлеба⁵⁴.

Предел мечтаний средневожского хлебопашца – стать владельцем «полного богатства». Как это и ни покажется неожиданным, части членов сельского общества удавалось претворить свои сладкие грезы в жизнь. Кажалось бы, содержимое «полного богатства» должно быть весьма внушительным и разнородным. Ибо, как хорошо известно, удовлетворенная потребность рождает новую потребность. Как явствует из имеющихся источников, подобное предположение плохо стыкуется с действительностью. Объем крестьянского «полного богатства» относительно скромнен. В одной из корреспонденций, опубликованной в периодической печати в 1899 г., читаем: «Все земное у нас, что веселит человека на земле, было: три амбара хлеба, три сараа скотины»⁵⁵.

В зеркале крестьянского мировосприятия владельцы богатства, как правило, предстают в неприглядном облике. Их собирательный портрет соткан в основном из порочных черт: «*Паян – кёрти пырса: тйдём ат пырыл*» [мар.] – «Богатый – железный горох: его не раскусишь»; «*Козянь зепса ули, да ашути сон аф кули*» [морд.] – «В кармане у богатого есть, да бедного он не слышит»; «*Парсь тыр ке но – сие, узыр узыр ке но – кыске*» [удм.] – «Свинья и сыта – да ест, богач и богат – да тянет [себе]»; «*Пуян чёри – хытй чул*» [чув.] – «У богатого сердце каменное»⁵⁶. Деревня – единое социокультурное пространство. Два ее полюса, как справедливо считали крестьяне, обречены на тесное сношение друг с другом: «*Яр муртлы бай кулэ, байлы яр мурт кулэ*» [удм.] – «Бедняк нуждается в богаче, богач – в бедняке»; «*Вицё качака савакан патне ултй ёне савакан кёвелёк ыйтма пынй, тет*» [чув.] – «К тому, кто доит трех коз, пришел за закваской тот, который доит шесть коров»⁵⁷. Но услуга богачей – это медвежья услуга. Имея с ними сношения, бедные несут большие издержки: «*Паянлан ровотаен, нуждан мйшкёржы ак тем*» [мар.] – «Работая на богатого, нищий сытым не станет»; «*Козяти покат – нуждашиш токат*» [морд.] – «К богатому работать пойдешь – до нужды дойдешь»; «*Узыр мурт салам шуыса сётоз но, пунэмен шуыса, кыкмос басьтоз*» [удм.] – «Богач подарок преподнесет, да потом, сказав, что займы давал,

вдвое больше сдерет»; «*Пуян с̄ара тусан, юрл̄а сынн̄ан с̄апати с̄т̄ӕлет*» [чув.] – «Когда богатый сварит пиво, у бедняка изнашиваются лапти»⁵⁸.

Категория «неправедное богатство» в мировосприятии крестьянства всецело погружена в пространство Зла. Имеющиеся фольклорные источники содержат богатый материал, иллюстрирующий данную ситуацию. Сюжетов множество. В легенде, записанной этнографом В.К. Магницким в д. Осинкино Чебоксарского уезда Казанской губернии в 70-х годах XIX в., в главном персонаже находим мошенника и душегуба: «Виновником происхождения *Киреметя* был богатый некрещеный чувашин, захвативший себе множество разных земельных угодий и тем до крайности стеснявший других. Когда выведенный из терпения мир стал богачу на это жаловаться, то богач, чтобы удержать землю за собой, схитрил таким образом: на всех четырех углах своих владений вырыл по погребу, посадил в три из них по сыну, а в четвертый – работника и затем закрыл их так, чтобы посторонние не могли заметить присутствия их. После того, приведши народ (мир) на свои земельные владения, начал спрашивать землю, чья она? На это из-под земли явственно послышалось имя завладевшего землей богача. Мир богачу поверил. Впоследствии оказалось, что сыновья богача с работником в погребах погибли в наказание отцовской жадности; а на то место, где это случилось, народ стал ходить молиться в благодарность за смерть сыновей богача»⁵⁹. В 1887 г. священник Гавриил Яковлев выпустил в свет брошюру, где приводится зафиксированное в среде марийцев сказание о *Макар-керемете*, чуть ли не во всех деталях совпадающее с содержанием приведенного выше чувашского фольклорного памятника⁶⁰. Свое состояние сельский богатей из чувашей и сельский заправила из марийцев, как следует из данных источников, приумножили неправедным путем. Они причинили зло однообщинникам – присвоили путем обмана их земли.

В фольклорных памятниках крестьянское повседневное бытие получило отражение во множестве ситуаций самого разного плана. В сказках-бывальщинах, легендах-быличках и поверьях соискатели богатства изворотливы и необычайно изобретательны. Так, в мордовских сказках и легендах алчные люди имеют в своем услужении духов-обогащителей: у мордвы-мокши *Куйгорож* и у мордвы-эрзи *Трямка* (варианты: *Тилямка*, *Тряминьге*). Согласно части фольклорных памятников, *Куйгорож* (*Трямка*) выводился жадным до наживы лицом под плечевым сгибом из снесенного весной куриного (вариант: красного петуха; совы) яйца. Если курица имела черное оперение, высиженный птенец был черным, невидимым. *Куйгорож* (*Трямка*) имел обычно вид цыпленка, но мог принять и другое обличье – человека размером с палец, существа с головой птицы и хвостом змеи, маленькой кошки с природными мешочками в щеках, куда может войти два фунта зерна. При этом мифическое создание обладало большой силой. Будучи телесным, оно по своему желанию могло быть и невидимым. Другой вариант появления названных мифических существ в мордовском фольклоре связан с обращением соискателей богатств к покойникам. Желающий нажать состояние человек должен был в первую весеннюю темную

ночь отправиться на кладбище и призвать к себе *Куйгорожа (Трямку)*. После подобного обращения они вылезали из земли и обступали визитера. Из множества существ, умоляюще просивших «*Алей, монь зазимак, алей, монь зазимак!*» («Дяденька, возьми меня, дяденька, возьми меня!»), последний мог узнать своего будущего благодетеля лишь по голосу, ибо, будучи маленькими, в темную ночь они были едва различимыми. Поселившись в доме своего хозяина, *Куйгорож (Трямка)* выполнял все его поручения, на которые сам постоянно напрашивался, а также промышлял воровством, обкрадывая в первую очередь соседей хозяина⁶¹.

В чувашском фольклоре чудесный благодетель носит такое же имя, что и в мокша-мордовском – *Куйкӓрӓш*. Здесь мифическое существо предстает маленькой, но сильной птичкой, с бело-красным оперением, имеющей сопоставимые с воробьем размеры. Согласно поверьям, его появлению в доме обязательно предшествовало весьма важное событие: на седьмом году жизни петух сносил три яйца (вариант: одно яйцо). Если соискатель богатства клал их в куриный насест, то из одного яйца вылуплялся щенок, из другого – змей, а из оставшегося – *Куйкӓрӓш*. (Вариант: яйцо, из которого вылуплялось мифическое создание, клалось человеком под мышку – то есть под плечевой сгиб.) В хозяйстве своего хозяина названный фантастический персонаж выполнял и роль слуги, и роль работника. Но часть добра, не переводившаяся в доме алчной личности после появления в нем крохотной птички, имела, как бы выразился правовед, криминальное происхождение: она была ворованной⁶². Не прочь была промышлять воровством и марийская *Вечора*. В дневное время дух-обогадатель себя почти никак не проявлял: сидел в подполе (вариант: на чердаке, в хлеву или в прочих укромных местах). Мог быть невидимым и вследствие подобной своей природы редко когда попадался в чужие глаза. За хорошее обращение с собой *Вечора* верно служила приютившим ее хозяевам: в глухие ночи приносила в их дома украденную из соседних домов всяческую снедь и деньги⁶³. Согласно поверью проживавших в Казанской и Вятской губерниях удмуртов, из снесенного петухом яйца, если «парить» его под плечевым сгибом, вылупится змей. Он будет жить у своего хозяина и «будет таскать деньги из чужих сундуков и обогащать того человека»⁶⁴. Здесь не лишне также отметить, что не чист на руку и мифический дух-обогадатель северных удмуртов *Нуллиськись*. Это создание крестьяне находили четвероногим животным, внешне очень смахивающим на домашнего кота. По их представлениям, лицо, приютившее *Нуллиськись*, вскоре переставало в чем-либо нуждаться: он таскал своему хозяину хлеб из чужих амбаров⁶⁵. Богатство алчных людей, прибегших к услугам духов-обогадателей, как видим, имеет в своей основе несправедные – в крестьянском понимании – действия: использование труда мифических существ; сокрытие и присвоение украденного ими имущества.

В религиозно-философских системах средневожских народов теоним «киремет» (вариант: «керемет») включает в себя разное «содержимое»: и

божество Добра и Зла высшего разряда, и название ритуала, и название местности, и название жертвенного дара. В сюжетах, записанных В.К. Магницким и Г.Я. Яковлевым, как видим, под ним подразумевается место моления. Как известно, в далеком прошлом предки марийцев и чувашей находили *Киремет* добрым божеством. Свою злую ипостась – способность лишать людей жизни, поражать их телесными недугами и вредить им иным способом – божество приобрело под влиянием мировых религий гораздо позднее⁶⁶. Разумеется, превращение в легендах и поверьях богачей в *Киреметей* (*Кереметей*) или их соприкосновение с ним не простая случайность. Тем самым народная мудрость напрямую соединила в единую цепь категорию «неправедное богатство» с категорией «зло».

Во многих фольклорных памятниках эти две субстанции связаны между собой через сверхъестественное существо, олицетворенное таким персонажем, как Черт (Дьявол, Шайтан). Обратимся к тексту сказки «Как мужика дьявол обогатил», записанному в начале XX в. марийским этнографом Т.Е. Евсеевым. Содержание ее таково. Сколько ни кормил и ни поил свою лошадь мариец, она у него была вялой и дряблой. Нищий, получивший в его доме кров и пищу, в благодарность за оказанную услугу посоветовал мужику понаблюдать за животным в хлеву. Последний так и поступил. Причина исхудания лошади вскоре раскрылась: существом, мучившим ее, оказался дьявол. Накинув на него шнурок с крестом, мужик схватил сверхъестественное существо и приобрел в его лице работника в хозяйстве. Однажды вечером, возвращаясь вместе с дьяволом с пиршества от соседей, новоиспеченный владелец злого духа споткнулся и упал. По совету своего попутчика мариец обратил внимание на препятствие, ставшее причиной его падения. Оказалось, что он споткнулся о котелок, доверху наполненный деньгами. Став обладателем дармового богатства, мужик освободил дьявола – снял шнурок с крестом с его шеи⁶⁷. Согласно тексту удмуртской сказки, записанной священником Б.Г. Гавриловым в 1870-х годах в с. Ошторма-Юмья Мамадышского уезда Казанской губернии, крестьянский сын стал обладателем дармового богатства, ловко обманув живших в озере чертей. Он умело уходит от состязаний с более сильным, но глупым соперником. Представитель озерной нечисти, защищая место своего обитания, вынужден бороться с медведем, бегать наперегонки с зайцем и т.д. В итоге, уступив умному сопернику, он откупается от крестьянского сына большими деньгами⁶⁸. В легендах-быличках чувашей представлен сюжет, где жадный до наживы мужик, чтобы обогатиться, продал дьяволу свою душу⁶⁹.

В произведениях устного народного творчества категория «неправедное богатство» соединена в единую цепь с категорией «зло» и через другие его олицетворения. В марийской сказке «Одежда-невидимка лешего», записанной неизвестным корреспондентом в 1898 г. в д. Тышнал Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, главный персонаж на охоте добывает одежду лешего. По возвращении домой им было сделано нео-

жиданное открытие – всякий, кто облачается в нее, становится невидимым для окружающих. Вскоре охотник сильно разбогател. Он сменил свой промысел и – стал вором⁷⁰. Сюжет с аналогичной событийной канвой представлен и в быличке чувашей⁷¹.

Процесс обретения фольклорными персонажами марийцев, мордвы, удмуртов и чувашей несправедливого богатства, как правило, являет собой длинную цепь событий. Обычно она включает в себя такие действия, как: *знаковое звено А* – соприкосновение претендента на богатство с силами потустороннего мира; *знаковое звено Б* – необходимость переступления или переступление соискателя богатства через нравственное начало. Именно в такую схему укладывается событийная канва в нижеследующем суеверном представлении чувашей, записанном в начале XX в. слушателем Казанских миссионерских курсов Петром Васильевым: «Человек может разбогатеть следующим образом: в ночь перед Рождеством нужно поймать абсолютно черную кошку и идти в земляную баню, бросить ее в чугунный горшок и кипятить; туда необходимо идти вдвоем. Варить кошку необходимо где-то около полуночи». *Знаковое звено А*: «В этот момент в баню придет нечисть самого разного рода и будет всячески пугать, но если не оборачиваться назад, она ничего не сделает. Кошку необходимо кипятить до тех пор, пока она не разварится. Как только это состояние будет достигнуто, один из участников должен вынуть одну кость из варева и спросить у другого: «Ты меня видишь?» Возможный ответ: «Вижу» [или «Не вижу»]. Так по порядку поступают со всеми костями разваренной кошки. У нее есть одна кость, взяв которую, спрашивающий непременно получит от своего партнера такой ответ: «Не вижу». *Знаковое звено Б*: «Если кость, делающую человека невидимым, положить в карман, можно где угодно, хоть у кого вынести перед самым носом кучу денег или прочего добра, тебя никто не заметит»⁷².

В фольклорных памятниках наблюдаем и иную последовательность событий: 1) необходимость переступления или переступление соискателя богатства через нравственное начало; 2) соприкосновение претендента на богатство с силами потустороннего мира. Подобную ситуацию встречаем, в частности, в записанной в 1899 г. в среде горных марийцев священником К. Рябинским легенде: «Двое черемис (марийцев. – Г.Н.) собрались искать клад около околотка Куськина (расположен в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии. – Г.Н.). *Знаковое звено Б*: «Им сказали, что караульщики [клада] требуют убить человека, съесть черную кошку, крест снять и принять языческие имена, православных имен вовсе не упоминать. Человека не убили: страшно; кошку сварили и съели, кресты оставили на поляне или в лесу. В полночь стали рыть, дорылись до бочки, ударили обухом, доску вынули: золото так и блестит. Положили доску, и один забылся и назвал другого христианским именем: провалилось все, яма закрылась». *Знаковое звено А*: «Появились вдруг три собаки и стали бегать вокруг ямы, не пускают рыть. Испугались черемисы. Потом появились три повозки тройками, с ко-

локольчиками, кучерами, господа сидят; стали ездить вокруг ямы. Потом три медведя больших на двух лапах ходят – не пускают. Видят, что каральщики не пускают, ушли, кресты назад взяли»⁷³.

Богатство и судьба. Эти две категории в мировосприятии марийских, мордовских, удмуртских и чувашских крестьян второй половины XIX–начала XX в. находились в единой связке. Хлебопашцы искренне верили, что все в земной жизни предопределено свыше. Свидетельством тому могут служить зародившиеся в их среде уместные на все случаи жизни универсальные пословицы и поговорки: «*Йымы пуйырым кид доно ат карангды, ял доно ташкал ат ванжы*» [мар.] – «Что Богом суждено, рукой не отведешь, ногами не перейдешь»; «*Эрь ломанть павазоц эсь коряванза*» [морд.] – «У каждого человека счастье по себе»; «*Котькинлэн но шудэз – ас понназ луэ*» [удм.] – «У всякого человека – свое счастье»; «*Пурмен сакяр савартан тухса укет, тет; пурнэ сакяр шял хайрса крет, тет*» [чув.] – «Кусок хлеба, который не суждено съесть, выпадает изо рта; суженый кусок сам влезет в рот, разжав зубы»⁷⁴. Вселенная и мир людей, согласно мифологическим представлениям средневожских народов, созданы верховным Богом. Он и стоящие иерархически ниже боги и божества определяют судьбу человека. Сколько жить на белом свете, быть женатым (выйти замуж) или холостым (незамужней), иметь детей или быть бездетным (бездетной), страдать от всякой хвори или быть в добром здравии и т.д. – все в их руках. В воле богов и божеств: кому быть богачом, а кому бедняком. Не сумевшее обустроить должным образом свое хозяйство лицо в марийской деревне часто слышало от более удачливого соседа умиротворяющее народное изречение: «*Йымы паянлан презым, нуждалан тетям пуйырен*» [мар.] – «Бог богатому теленка, бедному ребенка определил»⁷⁵. В мордовском фольклоре данный мотив развернут в форму песни, которая имеет и соответствующее символическое название – «Раздача счастья»⁷⁶:

*Покиниень поки, поки пакся.
Поки паксясонть поки губорь,
Губорень прясо поки тумо,
Тумонть колмо тарадонзо.
Ве тарадсонть Нишке паз,
Омбоцесэнь вере паз,
Колмоцесэнь Никола.
Нишке паз явши уцяскат,
Вере паз явши касят:
Сюнав эрзянень плошкасо,
Бедной эрзянень цяркасо,
Грешной урознень пенч песэ.
Ве урознэнь эзь сато ...*

Ой, поле, широкое поле.
В том поле – большой бугор,
На бугре том – высокий дуб,
У дуба того – три ветки.
На одной ветке – бог Нишке,
На второй ветке – Вышний бог,
На третьей – святой Никола.
Делит Нишке людское счастье,
Вышний бог раздает там долю
Богачу-эрзянину – плошкой,
Бедняку-эрзянину – чаркой,
Несчастному сироте кончиком ложки,
Сироте не досталось (счастья) ...

В произведениях устного народного творчества средневожских народов взаимосвязь таких категорий, как «судьба» и «богатство», отражена множеством сюжетов. В фольклорных памятниках данного жанра, как

правило, присутствует такой компонент, как вмешательство в жизнь действующих лиц Высшего и внешнего чудесного начал. В волшебных сказках, к примеру, герои идут к достатку и богатству, получая от Бога, стихий природы и прочих субъектов чудесные дары – мельницу, скатерть-самобранку, лыковую кошель, пирог с золотой и серебряной начинкой и др. вещи⁷⁷. В легендах и быличках марийцев, мордвы, удмуртов и чувашей лица, кому предопределено свыше, находят клад. Согласно поверьям, в предназначенное время счастливицу запрятанный клад мог дать о себе знать в виде языков пламени, вырывающихся из-под земли. Он мог показываться такому человеку в облике «серебряного коня с золотой дугой и золотым колокольчиком», жеребенка, теленка, свиньи, белой собаки или птицы⁷⁸. В легендах и быличках судьба посылает счастливицам возможность нажать богатство и через такой акт, как чудесное исполнение желаний. Неожиданное ночное свечение неба чувашами принималось за *кӱвак хуппи усӱлни* (раскрытие небесных врат). Считалось, что если в этот миг высказать божеству желание-просьбу, оно непременно будет исполнено⁷⁹. Удмуртские поверья гласят: «*Вуюисез адӱыса, дораз бызьыса вуид ке, зарни тусьтызэ но пуньызэ сӱтоз*» – «Если, увидев радугу, добежишь до нее, подарит свою золотую чашку и ложку»; «*Вуюись доры мыныса вуид ке, вуюись зарни тусьты-пуньы либо туж трос зарни уксӱ сӱтоз, шуо*» – «Если дойдешь до радуги, говорят, она даст тебе золотую посуду или очень много золота»⁸⁰. Записанная православным священником И. Васильевым быличка повествует о том, что радуга пила воду из рек и морей. Золотые вещи – ложка, ковш, чаша и колотушка – находились на концах многоцветной дуги. Соискатель богатства должен был добежать до того места, где утоляло жажду названное божество. Если это условие выполнялось, радуга задавала вопрос: зачем пришел? Ответ должен был звучать следующим образом: за золотым ковшиком (варианты: за золотой ложкой; за золотой чашей). И счастливцев получал просимую вещь⁸¹.

Вера в Богов, в их величие, всемогущество и справедливость, надежда на их милость и покровительство – ментальная черта язычников и «двоеверов» региона. Из произведений устного народного творчества марийцев, мордвы, удмуртов и чувашей жалование Богами людям богатства предстает, как правило, праведным действием. В первую очередь данный их акт есть не что иное, как акт милосердия страждущим. Так, в одной из марийских сказок «белый добрый Бог» вручает отцу многодетного, но бедного семейства чудесные дары – стол, козу и пест. В итоге счастливицу удастся выводить во взрослую жизнь своих многочисленных отпрысков «без особой нужды»⁸². В одной из чувашских быличек обладателем клада становится вдова с малолетними детьми⁸³.

В памятниках фольклора рассматриваемое действие Богов часто являет собой и акт жалования за искоренение Зла. Одна из удмуртских сказок повествует о том, как во время грозы верховный Бог удмуртов *Инмар* безуспешно сражался с шайтаном. Последний в обличье маленького голого

человечка бессовестно дразнил Бога, похлопывая по своим ягодицам. По-сылаемые *Инмаром* молнии не достигали цели: нечистая сила оставалась невредимой. Наблюдавший такое безобразие охотник выстрелом из ружья убил шайтана. Бог отблагодарил его. После этого эпизода промысел охотника стал как никогда удачлив⁸⁴. Сюжет с подобной же событийной канвой представлен также и в мордовских, и чувашских сказках⁸⁵.

И, наконец, жалование Богами людям богатства есть и акт награды за жизнь в вере и в правде. Жить в гармонии с Богами, Природой и «миром» – великий труд. В записанной чувашским этнографом Г.И. Комиссаровым сказке находим сюжет, во многом созвучный с библейским рассказом о невинном страдальце Иове (Иов 1–42). Главный ее персонаж еще при появлении на свет, по совершенно нелепой случайности, попал в немилость верховному Богу чувашей *Турӑ*. Принимающей роды бабкой-повитухой спутник верховного Бога *Микул-турӑ* (Микола-бог), так некстати появившийся в бане, был выставлен за дверь. Наказание за непочтение не заставило долго ждать. Вскоре на голову мальчика обрушились беды – одна за другой: он стал круглым сиротой; имущество его родителей – первых богачей – сгорело; урожай в поле побилло градом. Во взрослую жизнь он вступил нищим и всеми гонимым юношей. Всякий раз, когда парень пытался наладить жизнь, *Турӑ*, по наущению *Микул-турӑ*, лишал его всего необходимого. Лишь после оказанного почтения – организации моления и угощения кашей и пивом – *Турӑ* смиловился: дал парню счастье и богатство⁸⁶.

Удмуртская пословица гласит: «*Инмар ки сётэм, гозызэ ачид пун*» – «Бог руки дал – веревку сам вей»⁸⁷. Надежда на Бога, на чудо – великое социально-психологическое подспорье. Но надежда – вещь не материальная. В таковую она может быть превращена только через труд. Отпечаток подобного воззрения средневожских крестьян на бытие находим в их фольклорных памятниках. Любопытная деталь. И в произведениях устного народного творчества марийцев, мордвы, удмуртов и чувашей возможность обогащения чудесным способом для действующих лиц невероятно мала. Персонажам в них сплошь и рядом обрести подобным образом богатство и не удастся. Так, удмуртская легенда сообщает, что радуга одаривала золотом лишь того человека, кто пришел к ней «в приличном одеянии и чистоте, предварительно омывшись в бане». Не выполнившее данное условие лицо находило свою смерть. Радуга убивала его ударом золотой колотушки⁸⁸. В чувашских фольклорных памятниках *кӑвак хуппи усӑлли* случается в столь короткий миг и настолько неожиданно, что свидетель явления обычно не успевает предпринимать что-либо. Те же, кому это удастся, нередко оказываются в нелепом положении. Согласно легенде, пожелав иметь стадо коней, чувашский пахарь закричал: «*Манӑн йӑвен нумай пултӑр!*» – «Пусть у меня будет много узд!». Бог желание исполнил. И счастливцев стал ... пастухом. Узд много, но своего коня нет. Имея аналогичное желание, некто другой из его соплеменников крикнул: «*Сӑсмен пар!*» – «Дай хомут!» Сколько впоследствии крестьянин ни покупал себе лошадь, всегда оставался с хомутом: животное погибало⁸⁹.

Богатство и счастье марийские, мордовские, удмуртские и чувашские крестьяне считали весьма хрупкими материями и старались тщательно их оберегать. Традиционное общество в ходе долгой своей истории выработало множество предписаний, направленных как на умилоствление Богов, так и нейтрализацию влияния темных сил (духов). Божествам, предопределявшим судьбу конкретных лиц и их домочадцев, носители стародавних духовных ценностей оказывали особое почтение. Во время приема пищи всеильные небесные покровители приглашались к совместной еде, им совершали моления и делали жертвоприношения.

По воззрениям жителей средневолжской нерусской деревни, чтобы приумножить богатство, не лишиться достатка и счастья, следовало строго блюсти обычаи и традиции дедов и прадедов. О проведении горными марийцами во второй половине XIX в. праздника *Шорыкйоль* (святки) и о своем участии в детские годы в этом торжестве спустя многие годы священник Г.Я. Яковлев вспоминал следующим образом: «В самый день черемисского праздника ... в пятницу, бывало, как только петухи запоют, рано утром черемисы возьмут лопаты, пойдут каждый на свое гумно и пригребут снегу на току кучками в виде как бы ворохов зерна, несколько десятков кучек, которые называют *кышыль*, то есть ворохами, или *копна*, то есть кладями хлеба. Бывало, дедушка мой и бабушка в этот день рано утром принесут денег на стол, копеечных, двух- и трехкопеечных монет, считая их рублями; если же принесут рублей 10 медных денег, из них изображают сотни и тысячи рублей. Затем посылали нас, ребят, в сад под яблони, и мы ходили выше колен в снегу, трясли сучки яблонь, приговаривая, что падает множество яблок; изображали из себя, будто бы собираем яблоки; затем ходили в овчарню, где хватили овец за ноги со словами *дигир потям ыштэмжы, шарок тулыжо* – чтобы овцы принесли ягнят двойнями и расплодился бы»⁹⁰. Чтобы жить богато, новый год мордва встречала блюдом из свиной головы. Увидев весной первых журавлей, мордовские крестьяне доставали из кармана деньги и произносили следующую фразу: «Журавль, ты богатый, я богаче тебя»⁹¹. Суеверный чувашский крестьянин, чтобы не обеднеть, срезав горбушку хлеба, никогда не подавал ее чужому человеку, а ел сам или же откладывал в сторону для себя. И с остатком каравая он поступал подобным же образом⁹². Чтящий традиции южный удмурт, давая займы своему соседу целый каравай хлеба, чтобы не лишиться достатка, обязательно отрезал от него небольшой кусочек⁹³. Приведенные примеры – лишь малая толика магических действий, призванных приумножать или оберечь достаток и богатство хлебопашцев.

Обретение несправедного богатства есть преступное деяние. Подобное действие заслуживает наказания. Данный мотив проходит красной нитью через многие произведения устного народного творчества марийцев, мордвы, удмуртов и чувашей. Так, в чувашской сказке «Деньги» двенадцать отходников в дупле упавшего на землю старого дуба находят большой клад из золотых монет. находку делят поровну. Каждому достается пай,

который невозможно унести на себе. Счастливики разбиваются на две группы по шесть человек. Одна из них отправляется в деревню за подводами, а другая остается сторожить бесценную находку. И первые, и вторые, чтобы удвоить свою долю, сговариваются лишить жизни своих компаньонов, что в конечном итоге и случается. Возвратившиеся из деревни с подводами отходники оказываются насмерть забитыми караульщиками найденных денег. Но и сами сторожа не блаженствуют: они умирают, съев доставленные первыми отравленные лепешки. Деньги никому не достаются⁹⁴. В мокша-мордовской сказке «Два брата» бездетный богатый брат вынужден опекать над бедным братом и его большой семьей – в неурожайные годы давать им муку и хлеб. Но его не устраивает подобное положение. Чтобы освободиться от ненужной «ноши», он выкалывает бедному брату глаза и отвозит в темный лес умирать. В полночь под дубом, на ветке которого дремлет бедняга, собираются черти и начинают делиться друг с другом новостями. Полученная информация открывает обреченному на смерть слепому возможность не только вновь стать зрячим, но и неслыханно обогатиться. Выздоровевший брат раскрывает бездетному брату тайну своего обогащения. Алчный брат отправляется в лес, вскарабкивается на ветку дуба и начинает ждать наступления полночи. Встреча с нечистой приносит ему гибель⁹⁵. Названный ряд памятников фольклора может быть многократно умножен.

Весьма характерный момент. Не процветают в произведениях устного народного творчества и лица, обогатившиеся при содействии духов-обогатителей. Порожденные (призванные) алчными людьми мифические существа доставляют своим хозяевам большое беспокойство. Мокша-мордовский *Куйгорож*, эрзя-мордовская *Трямка*, чувашский *Куйкӑрӑш* – исключительно капризные существа. Им необходим хороший уход и ласка. К тому же они и вовсе не могут сидеть без работы. Соискатели богатства, прибегшие к их услугам, постоянно вынуждены давать своим неугомонным слугам какое-либо поручение. Когда им не угождают, *Куйгорожи* и *Трямки* начинают всячески вредить своим хозяевам: подсыпают в пищевые продукты песок, засоряют зерно, испражняются в жилых помещениях и т.д. Не вынося столь изощренного издевательства, владельцы мифических существ вынуждены дать своим подопечным невыполнимое задание. Мордовским духам-обогатителям дается поручение свить из песка веревку, чувашским – сделать черные онучи белыми. Лишь это задание им не под силу. Но избавляя от своего общества хозяев, *Куйгорожи*, *Трямки* и *Куйкӑрӑш* лишают их и всего имущества⁹⁶. Столь же незавидна участь держателей *Вечоры* в марийских произведениях устного народного творчества. Как следует из них, и она, когда ее забывали накормить, уходила от своего хозяина. Покинутый духом-обогатителем дом вскоре после этого разорялся⁹⁷.

Сребролюбие и алчность средневожские крестьяне находили большим пороком, от которого во что бы то ни стало следовало освободиться.

Они считали, что сообщество хлебопашцев, преследующее цель жить в вере и в правде, обязано оградить своих членов от мира Зла. Пожалуй, в этом корень следующих их пословиц и поговорок: «*Оксалан вуйым пушы йӓле кӓвӓрӓ*» [мар.] – «Кто во власти у денег, тот быстро кончится»; «*Сембе ярмакнень аф сявсайть*» [морд.] – «Все деньги не соберешь»; «*Коньдонлы вӓсяськись ассэ но вузалоз*» [удм.] – «Молящийся на деньги и себя продаст»; «*Пуйма каякан вилнӓ, вилме каякан пуйса килнӓ*» [чув.] – «Кто отправился за богатством, умер; кто отправился на смерть, воротился богатым»⁹⁸. Согласно представлениям средневожских крестьян, корыстолюбивые и алчные люди не найдут себе покоя и после смерти. В среде чувашей, в частности, существовало поверье, что за свое одолжение – возможность обогатиться – злой дух мог превратить души умерших людей во что угодно: сурков, сани, телегу, вожжи и т.д. В одной из легенд, зафиксированной этнографом Н.В. Никольским, в частности, находим следующий сюжет: «В деревне Асламасове Ядринского уезда умер богач. В полночь приехали к нему неизвестные люди. Это был черт со свитой, причем лошадью ему служила превращенная душа кладоискателя»⁹⁹. Согласно марийскому поверью, души колдунов, а также души алчных, корыстолюбивых и обладавших прочими скверными качествами людей, после их смерти превращались в *Вуверов*. Отметим, что данный персонаж в марийской мифологии выступает символом общего зла, «влияющим на материальную и духовную жизнь общества»¹⁰⁰.

* * *

Во второй половине XIX–начале XX в. средневожское нерусское крестьянство в лице приверженцев традиционных верований, язычествующих христиан и «двоеверов» продолжало пребывать в культурном поле выработанных их отцами и дедами представлений о справедливом и нравственном мире. Подобная ситуация лишь на поверхностный взгляд представляется парадоксальной. В действительности, она ожидаема и закономерна, ибо основополагающие ценности массового сознания обладают исключительной устойчивостью, они инертны. Хлебопашцы-«инородцы» желали жить в гармонии с Богами и духами, с Природой, выстроить гармоничные отношения в семье и сельском обществе, с властью. Свое благополучие они не представляли вне богатства. В системе их жизненных ценностей данная составляющая бытия занимала хотя и не первую, но весьма важную позицию.

В социально-нравственной шкале оценок средневожского крестьянства богатство как социально-экономическое явление находилось и на половине «Добра» – праведное богатство, и на половине «Зла» – неправедное богатство. Мерилом их праведности служил труд. Хлебопашец считал, что морально лишь то богатство, которое заработано собственным трудом и трудом членов своей семьи. Иное богатство аморально, ибо имеет в своей основе неправедное действо – присвоение результатов чужого труда, об-

ман, воровство, мошенничество и прочие подобные деяния. Сребролюбие и алчность крестьяне находили большим пороком, разрушающим личность. И большое богатство, в их квалификации, есть не что иное, как большое зло. Оно не есть результат жизни в вере и в правде. Хлебопашец верил, что к богатству придет лишь тот, кому это предназначено судьбой. Но всякий, кто находится в добром здравии и рассудке, по его представлениям, должен заботиться о создании необходимого уровня жизнеобеспечения своим домочадцам и в хозяйственно-экономическом плане жить не хуже соседа и односельчанина.

Ростки товарно-денежных отношений, еще в дореволюционное время пустившие корни в социально-экономическом пространстве средневожской деревни, с отменой крепостного права в стране получили весьма внушительную внешнюю подпитку для роста. Медленно, но верно рыночные реалии стали заполнять здесь все новые и новые ниши крестьянской повседневной действительности. В сложившихся условиях хлебопашцы постепенно усваивали новый «миропорядок» и, как следствие, вынуждены были вносить коррективы в свою устоявшуюся систему социально-нравственных ценностей. Но при этом место базовых ее составляющих не подверглось пересмотру. В данной ситуации в социально-психологическом плане телега растущего капитализма не могла не вязнуть в преимущественно ориентированной на традиционные ценности социальной среде.

Литература и источники

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; он же. История хозяйства. Город / Пер. с нем.; Под ред. И. Гревса. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.

² Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви. М.: «Фолио», 2001. С. 230, 231, 233–236.

³ Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. С. 687, 694, 696, 697.

⁴ Афанасьев Э. О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики // Вопросы экономики, 1993. С. 54–59; Глаголев А. Христианская экономия в свете насущных задач экономической реформы в России // Там же. С. 60–71; Симонов В. Экономические проблемы в Новом Завете // Там же. С. 72–81; Платонов Д. Православие в его хозяйственных возможностях (Заметки историка-экономиста) // Там же. С. 82–87; Соболевская А. Духовные истоки российского предпринимательства // Там же. С. 88–96; Холодков В. Православные традиции в российском землевладении // Там же. С. 97–105; Афанасьев Э., Калхун Н., Трофимова И. Христианская этика и православные христиане в деловой жизни России // Там же. С. 109–112; и др.

⁵ Яхшиян О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 92–105; Буховец О.Г. Ментальность и социальное поведение крестьян // Там же. С. 184–194; Слепнев И.Н. Новые рыночные реалии и их преломление в менталитете пореформенного крестьянства // Там же. С. 215–227; Кузнецов С.В. Вера и обрядность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Там же. С. 284–292; Ананьич Б.В. Предпринимательство в России (Религиозно-национальный аспект) // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 243–253; Керов В.В. Конфессионально-

этические факторы старообрядческого предпринимательства // Там же. С. 254–264; *Холодков В.В.* Духовные основы производственной кооперации в России в отличие от корпорации на Западе // Там же. С. 547–563; *Шкалина Г.Е.* Традиционная культура мари. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2003; *Волкова Л.А.* Земледельческая культура уdmуртов (вторая половина XIX–начало XX века). Ижевск: ИИИЯЛ УрО РАН, 2003; и др.

⁶ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. СПб., 1903. Т. 14. С. 104–107; Симбирская губерния. Т. 39. С. 64–67.

⁷ *Таймасов Л.А.* Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004; *Мокшина Е.Н.* Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX–начале XXI века. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003.

⁸ Марий калык ойпого: Калыкмут-влак – Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки / Сост. *А.Е. Китиков.* Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. С. 20, 44, 99, 101, 114, 127 (далее: МКО–2004); Горномарийские пословицы, поговорки, загадки, приметы / Сост. *Ф.Т. Грачев.* Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2001. С. 25, 31, 48, 79 (далее – ГППЗП); Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Пословицы, присловья и поговорки / Сост. *К.Т. Сапародов.* Саранск: Морд. кн. изд-во, 1967. Т. IV. Кн. 1. С. 61, 67, 69, 70, 76, 87, 147, 164, 214, 308 (далее: УПТМН–1967); Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки / Сост. *Т.Г. Перевозчикова.* Устинов: Удмуртия, 1987. С. 54, 56, 70, 89, 105, 106, 107, 113, 132, 211 (далее: УФ–1987); Чăваш халăх пултарулаьхё. Ваттисен сăмахёсем / Пухса хатёрлекенё, ум сăмахпа йнлантарусене сыраканё *О.Н. Терентьева.* Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 2007. С. 126, 187, 230, 256, 278, 287, 283, 356, 372, 413 (далее: ЧХП–2007). На чувашском языке.

⁹ Цит. по: *Яковлев Г.Я.* Религиозные обряды черемис. Казань, 1887. С. 12, 13, 14, 17, 18.

¹⁰ Цит. по: *Евсеев М.Е.* Мордва Татареспублики // Материалы по изучению Татарстана. (Сборник статей). Казань, 1925. С. 189.

¹¹ Цит. по: *Васильев И.* Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков в Казанской и Вятской губерниях. Казань, 1906. С. 80, 81.

¹² Цит. по: *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры / Пер. с венг. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 313. С чувашского текста на русский слово «турлаьхля» автором переведен как «богатством». Между тем в контексте молитвословия оно имеет иной смысл – «с добром (достатком)».

¹³ Цит. по: *Яковлев Г.Я.* Указ. соч. С. 22, 23.

¹⁴ Цит. по *Месарош Д.* Указ. соч. С. 348, 349.

¹⁵ *Гаврилов Б.Г.* Поверья, обычаи и обряды вотяков Мамадышского уезда Урьсь-Учинского прихода. Казань, б/г. С. 37. Отдельный оттиск.

¹⁶ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары, 2000. Т. 13–14: С–Т. С. 108.

¹⁷ МКО–2004. С. 48; УПТМН–1967. С. 129; УФ–1987. С. 123; ЧХП–2007. С. 408.

¹⁸ Песни средненизовых чувашей / Сост. *М.Г. Кондратьев.* Чебоксары, 1993. С. 174.

¹⁹ *Яковлев Г.Я.* Указ. соч. С. 13.

²⁰ *Евсеев М.Е.* Указ. соч. С. 189.

²¹ УПТМН–1967. С. 144; УФ–1987. С. 18; Чувашские пословицы на чувашском, русском и французском языках / Сост. *Н.В. Никольский.* Рукопись // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. III. Ед. хр. 53. Инв. № 437. Л. 309.

²² Цит. по: Чăваш халăх пултарулаьхё. Пилсемпе кёлёсем / Кёнекене йёркекене, йнлантарусене сыраканё *В.П. Станьял,* ум сăмахне сыраканё *В.Г. Родионов.* Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 2005. С. 142. На чувашском языке.

²³ *Васильев И.* Указ. соч. С. 80, 81.

²⁴ Чăваш халăх пултарулаьхё. Сăнавсемпе ёненусем. Тёлёксем / Пухса хатерлекенё, ум сăмахпа йнлантарусене сыраканё *Е.В. Федотова.* Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 2009. С. 161. На чувашском языке.

²⁵ *Гаврилов Б.Г.* Указ. соч. С. 73.

²⁶ МКО–2004. С. 114; УПТМН–1967. С. 163; УФ–1987. С. 56; ЧХП–2007. С. 258.

²⁷ Сёр савра юрă. Чăваш халăхĕн афоризмла поэзи синчен. Сто строф. Из чувашской народной афористической поэзии / *М.Г. Кондратьев* пухса хатĕрленĕ. Шупашкар, 1998. С. 30. Фразу «ырлăхпа сывлăх» составитель перевел с чувашского на русский язык как «добрая жизнь со здоровьем». На наш взгляд, ее смысловое значение более точно передает словосочетание «благополучие и доброе здоровье».

²⁸ МКО–2004. С. 84; УПТМН–1967. С. 137; УФ–1987. С. 177; ЧХП–2007. С. 333.

²⁹ *Износков И.А.* Обычаи горных черемис // Памятная книга Казанской губернии на 1868/69 год. Казань, 1868. С. 82.

³⁰ *Островский Д.* Вотяки Казанской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при императорском Казанском университете. Казань, 1874. Т. I. № 1. С. 25, 26.

³¹ *Риттих А.Ф.* Материалы для этнографии России. Казань, 1870. Ч. II. С. 51.

³² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 159. Инв. № 4717. Л. 207. Перевод текста на русский язык наш.

³³ *Гаврилов Б.Г.* Произведения народной словесности. Обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. С. 26, 93.

³⁴ *Островский Д.* Указ. соч. С. 41.

³⁵ *Алексеевский А.* Летопись Троицкой церкви села Монастырского Урая Лаишевского уезда // Известия по Казанской епархии, 1869. С. 485.

³⁶ *Тимофеев Г.Т.* Тăхăр ял: Этнографи тĕрленчĕкĕсем. Халăх сăмахлăхĕ. Сьрса пынисем. Сьрусемпе асаилӗсем / Пухса хатĕрленĕсем *А.В. Васильев, В.П. Станьял.* Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2002. С. 97. На чувашском языке.

³⁷ *Федоров М.* Арсури. Леший. Поэма / Перевод с чувашского *А. Смолина.* Шупашкар, 2000. С. 28, 31.

³⁸ *Траубенберг П.В.* Плетушечный промысел и быт чувашей в Чебоксарском уезде // Обзор кустарных занятий в Казанской губернии. Казань, 1896. С. 108.

³⁹ Волгарь, 1899. № 183. Примечание 5.

⁴⁰ МКО–2004. С. 103; УПТМН–1967. С. 69; УФ–1987. С. 106; ЧХП–2007. С. 85.

⁴¹ *Тимофеев Г.Т.* Указ. соч. С. 92, 93.

⁴² УПТМН–1967. С. 314; УФ–1987. С. 207; ЧХП–2007. С. 281; ГППЗП. С. 80;

⁴³ МКО–2004. С. 120; УПТМН–1967. С. 126; УФ–1987. С. 28; ЧХП–2007. С. 213.

⁴⁴ МКО–2004. С. 146; УПТМН–1967. С. 305; УФ–1987. С. 19; Ваттисен сăмахĕсем, каларăшсем, сутмалли юмахсем. С. 21.

⁴⁵ *Гаврилов Б.Г.* Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Урьясь-Учинского прихода. С. 21.

⁴⁶ ГППЗП. С. 184; УПТМН–1967. С. 317; ЧХП–2007. С. 331. *Клабуков А.* Пословицы и поговорки удмуртского народа // Записки Уд НИИ. Ижевск, 1950. Вып. 13. С. 97.

⁴⁷ ГППЗП. С. 184; УПТМН–1967. С. 213; УФ–1987. С. 99; ЧХП–2007. С. 179.

⁴⁸ ГППЗП. С. 17; УПТМН–1967. С. 204; УФ–1987. С. 44; ЧХП–2007. С. 37.

⁴⁹ ГППЗП. С. 80; УПТМН–1967. С. 309; УФ–1987. С. 181; ЧХП–2007. С. 283.

⁵⁰ Чувашское устное народное творчество. Песни. Чебоксары, 1978. С. 81, 457. На чувашском языке.

⁵¹ УПТМН. Лирические песни / Сост. *Л.С. Кавтаськин.* Саранск, 1965. Т. 2. С. 85.

⁵² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 168. Инв. № 4939. Л. 309.

⁵³ *Гаврилов Б.Г.* Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Урьясь-Учинского прихода. С. 71.

⁵⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Инв. № 1005. Л. 11 об.; *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Т. 13–14: Ç–Т. С. 61.

⁵⁵ Волгарь, 1899. № 183.

⁵⁶ ГППЗП. С. 80; УПТМН–1967. С. 309; УФ–1987. С. 184; ЧХП–2007. С. 285.

⁵⁷ УФ–1987. С. 182; ЧХП–2007. С. 281.

⁵⁸ ГППЗП. С. 81; УПТМН–1967. С. 310; УФ–1987. С. 186; ЧХП–2004. С. 283.

⁵⁹ *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. С. 4.

- ⁶⁰ Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. С. 84, 85.
- ⁶¹ УПТМН. Мокшанские сказки / Сост. А.И. Маскаев. Саранск, 1966. Т. 3. Ч. 1. С. 272–301, 377–379; *Десяткина Т.П.* Мифология мордвы: энциклопедия. Изд. 2-е, испр. и доп. Саранск, 2006. С. 158–160.
- ⁶² *Месарош Д.* Указ. соч. С. 50–51; *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Т. 6: К (Ка–Корак кёпси). С. 255–256.
- ⁶³ *Тойдыбекова Л.С.* Марийская мифология. Этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2007. С. 69.
- ⁶⁴ *Васильев И.* Указ. соч. С. 10–11.
- ⁶⁵ *Верещагин Г.Е.* Собрание сочинений: В 6 т. / Под. ред. В.М. Ванюшева. Т. 3: Этнографические очерки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. Кн. 2. С. 212–213.
- ⁶⁶ См.: *Салмин А.К.* Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. С. 404–418; *Тойдыбекова Л.С.* Указ. соч. С. 104–107; и др.
- ⁶⁷ *Евсеев Т.Е.* Калык ойпого: Тошто годсо марий ойлываш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме, туныктен каласыме, воштылтгыш, тушто, кумалтыш мут да шүведыме ю-влак. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1994. С. 48–49. На марийском языке.
- ⁶⁸ *Гаврилов Б.Г.* Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. С. 133–135.
- ⁶⁹ Чăваш халăх пултарулахĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем / Пухса хатĕрленĕĕ *Е.С. Сидорова.* Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. С. 468–469. На чувашском языке.
- ⁷⁰ Сказки горных мари: Свод марийского фольклора / Сост. В.А. Акцорин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. С. 52–54.
- ⁷¹ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Т. 1–2: А. С. 312–313.
- ⁷² НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 176. Инв. № 5047. Л. 86–87. Перевод с чувашского языка на русский наш.
- ⁷³ Цит. по: *Рябинский К.* Ардинский приход Козьмодемьянского уезда // Известия Общества археологии, истории и этнографии (ИОАИЭ), 1900. Т. XVI. Вып. 2. С. 194.
- ⁷⁴ ГППЗП. С. 212; УПТМН–1967. С. 301; *Герд К.П.* Пословицы и поговорки вотяков // Вотяки. Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. М., 1926. Кн. 1. С. 58; ЧХП–2007. С. 131.
- ⁷⁵ ГППЗП. С. 212.
- ⁷⁶ УПТМН. Эпические и лиро-эпические песни / Сост. Л.С. Кавтаськин. Саранск, 1963. Т. 1. С. 43–44.
- ⁷⁷ Сказки горных мари... С. 106–107, 111–115; УПТМН. Мокшанские сказки. С. 233–236; Сто сказок удмуртского народа / Сост. Н.П. Кралина. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1961. С. 170–173, 180–183; Чăваш халăх сăмахлахĕ. Юмахсем / Пухса хатĕрленĕĕ *Е.С. Сидорова.* Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1973. Т. 1. С. 299–303. На чувашском языке.
- ⁷⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Инв. № 5047. Л. 88; Мордовский этнографический сборник / Сост. А.А. Шахматов. СПб., 1910. С. 178; *Рябинский К.* Указ. соч. С. 194; *Месарош Д.* Указ. соч. С. 65; *Десяткина Т.П.* Указ. соч. С. 164; *Тойдыбекова Л.С.* Указ. соч. С. 180–181.
- ⁷⁹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 213. Инв. № 1739. Л. 32.
- ⁸⁰ Цит. по: *Владыкина Т.Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: Монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. С. 274.
- ⁸¹ *Васильев И.* Указ. соч. С. 7.
- ⁸² Сказки горных мари. С. 111–115.
- ⁸³ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 213. Инв. № 1759. Л. 110.
- ⁸⁴ *Владыкина Т.Г.* Указ. соч. С. 271.
- ⁸⁵ Чăваш халăх сăмахлахĕ. Мифсемпе халапсем / Пухса хатĕрленĕсем *И.И. Одюков, Е.С. Сидорова, Г.Ф. Юмарт.* Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1987. VI том. II пайĕ. С. 198. На чувашском языке; *Смирнов И.Н.* Историко-этнографический очерк. Саранск, 2002. С. 194.
- ⁸⁶ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 213. Инв. № 1740. Л. 33.

- ⁸⁷ УФ–1987. С. 13.
- ⁸⁸ *Владыкина Т.Г.* Указ. соч. С. 7.
- ⁸⁹ Чӑваш халӑх сӑмахлӑхӗ. Мифсемпе халапсем. С. 49, 50.
- ⁹⁰ *Яковлев Г.Я.* Указ. соч. С. 85, 86.
- ⁹¹ УПТМН. Народные приметы мордвы / Сост. *Т.П. Девяткина.* Саранск, 2003. С. 186, 274.
- ⁹² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 184. Инв. № 5217. Л. 252.
- ⁹³ *Гаврилов Б.Г.* Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Урьяс-Учинского прихода. С. 73.
- ⁹⁴ Чӑваш халӑх сӑмахлӑхӗ. Юмахсем. Т. II. С. 87, 88.
- ⁹⁵ УПТМН. Мокшанские сказки. С. 238–240.
- ⁹⁶ Там же. С. 272–301, 377–379; *Месарош Д.* Указ. соч. С. 50–51; *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Т. 6. С. 255–256.
- ⁹⁷ *Тойдыбекова Л.С.* Указ. соч. С. 69.
- ⁹⁸ ГППЗП. С. 184; УПТМН–1967. С. 137; УФ–1987. С. 178; ЧХП–2007. С. 282.
- ⁹⁹ *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш // ИОАИЭ, 1911. Т. XXVI. Вып. 6. С. 551.
- ¹⁰⁰ *Тойдыбекова Л.С.* Указ. соч. С. 70–72.

G.A. Nikolayev. The wealth in the system of socio-moral values of the Volga region peasantry of the second half of the 19th–the beginning of the 20th centuries.

The Volga peasants who were mainly pagan Christians and «twobelievers» considered the wealth to be «Good», a factor for reproducing socium; a righteous wealth and on the other hand, as «Evil», unrighteous wealth. Labor was their measure of righteousness. A ploughman thought the wealth to be moral only if it is earned by his own work and by work of his family. Any other wealth is immoral because it is characterized by misappropriating the results of smb. else's labor, fraud, theft, etc.

«...**С**мотреть и беречь накрепко, чтоб татар и чувашу и черемису и вотяков русские люди и толмачи и приставы, также из них их братья татаровя и черемиса ябедники молодых людей татар же и чувашу, и черемису, и вотяков не обидели напрасно и продажи и убытков не чинили, да и самим им окольниковому и воеводам, князю Петру Лукичу с товарищи, им напрасных никаких налог и жестокостей не чинити, держать к ним ласка и привет и государскою милостью обнадеживать; а от которых между ими бывает всякое дурно и в людях смута, и тех унимать, чтоб одноконечно никому ни от кого обид и нападков и убытков и разоренья не было»¹. Приведенная цитата выписана из наказа Петра I от 31 марта 1697 г. воеводам и князьям Казанской провинции «Об управлении казенными и земскими делами». В нём сформулированы методы и способы управления народом. Содержание наказа в целом проникнуто заботой не только о России, но и о людях, в ней живущих. Особое внимание царём уделено «инородцам». Цель настоящего сообщения – показать взаимосвязь истории г. Санкт-Петербурга и чувашского этноса в XVIII столетии.

Петр Великий оставил глубокий след в исторической памяти чувашского народа. Его образ заполнил самую сокровенную нишу народа – фольклор. Во всех жанрах устного поэтического творчества чувашей русский царь Петр – лицо положительное: он мудрый государственный муж. Автор настоящих строк в 1994 г. в Ульяновской области в среде местных чувашей записал забавное предание: «К царю поступила жалоба на крестьян д. Средние Алгаши Цильнинского района. Якобы они не подчиняются его приказам. Разгневался царь, затребовал объяснений. А направили к нему от деревни держать ответ самую красивую девушку, нарядив её в яркие

Антон Кириллович С а л м и н – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук.

вышитые одежды и украшения из серебряных монет. «Почему не подчиняетесь царю!?» – был вопрос. «Царь-батюшка, мы слушаемся нашего царя-пашу, поэтому и носим его облик на нашей нежной груди», – был ответ. Подошел царь к красавице и увидел, что на груди её крупные, серебром сверкающие монеты с изображением его самого. Обрадовался царь, поцеловал девушку в сладкие уста, усадил за царский стол»². Есть ряд сказок, где Петр I, принятый крестьянином, стал кумом чуваша³.

Людские ресурсы. Построение города европейского типа в устье Невы и выход в просторы Балтийского моря – одна из величайших исторических заслуг Петра I. Для претворения в жизнь данной гениальной идеи в первую очередь были нужны людские ресурсы. Естественно, они могли быть поставлены из российских глубин. Царь издает по этому поводу ряд указов. Вначале работали посменно, говоря современным языком, вахтовым способом. В каждой смене насчитывалось более 13000 чел. География приезжающих была обширной. Так, в 1705 г. в отрезок времени с августа по сентябрь к работам в Санкт-Петербурге и Нарве прибыли рабочие из Поволжья, в том числе из городов с уездами: Алатыря, Казани, Свияжска, Симбирска, Курмышы, Чебоксар, Цивильска, Ядрина, Самары⁴. В этот период резко увеличивается набор рекрутов. Так, в январе 1705 г. газета «Ведомости» сообщает, что «в Казани и в иных низовых городах набрано в новь солдат 25000 члк, которые уже во учении обретаются»⁵. В 1706 г. в Казани организовывается набор строительных специалистов. Каменщики, кирпичники и каменоломщики в количестве 173 чел. отправляются в Санкт-Петербург. В это время началось строительство каменной Петербургской крепости, и новоприбывшие, по всей видимости, были направлены именно туда⁶.

12 мая 1708 г. Петр Алексеевич пишет казанскому голове Н.А. Кудрявцеву: «По получении сего указу Казанского уезду и протчих низовых городов татар и чувашы и ис черемисы, ежели столько татар не будет, наряди в Питербурх на службу пять тысяч человек и отправь их немедленно сюды водою, а хлеба им вели взять с собою только на проезд до здешнего места»⁷. Этот документ как нельзя лучше показывает характер Петра Алексеевича и его царскую опеку о своих подопечных. Несмотря на имевшиеся местные трудности по наведению порядка в крае, Н.А. Кудрявцев спешит исполнить царский указ. Так, в октябре 1708 г. он докладывает: «Всемиловейший царь, государь. По твоему государеву ясашных и служилых татар Казанского и других городов с уездов 2104 человека, да Синбирской служилой чувашы 700 человек, всего 2804 человека в Санкт-Питербурх высланы з дворяны в нынешнем октябре в розных числех. А порознь, государь, с Алексеем Бекетовым 778 человек, с Васильем Тимачовым 488 человек, с Ываном Нармацким 1020 человек, с Мартыном Суворовым 518 человек. Да у них же, государь, у пяти человек по лошаде взяты с оставших, и те лошади все запятнаны. И в отписках, государь, в Санкт-Питербурх к господину к генералу-маеору и обер х каменданту к Роману Брюсу с ними дворяны пи-

сали и в наказах им написали, что людей им отдать и лошадей объявить всех по росписям, в которых летами и шерстами те лошади написаны. А всех с ними отпущено 562 лошади; и мерины, государь, все подъемные, а иные и под драгун годятца»⁸.

18 августа 1710 г. Петр I издает указ на имя генерала-адмирала П.М. Апраксина, повелев переселить в Петербург на постоянное место мастеровых людей из приписанных к адмиралтейству мест центральной России. Согласно указу, мастеровых в количестве 14971 чел. следовало переселить вместе с их семьями, а для их жилья построить дома за счет казны. Что касается разрядки по Казанской губернии, то положено было взять всего 667 чел., в том числе 50 кузнецов, 264 плотника, 296 каменщиков и 13 кирпичников⁹. Однако размах строительства требовал соответственное количество рабочих рук и специалистов. Целеустремленный Петр за всем следил сам и не любил «оплошности». Например, 18 августа 1710 г. он строго упрекает своего сподвижника графа П.М. Апраксина: «Также зело мы удивляемся вам, что вы по определению с Ульяном Синявиным оплошились в высылке татар и чуваш сюда на работу, а именно: явилось здесь только по сие время 1262 человека, да с дороги сбежало 474. Что зело нужно, дабы они сполна были сюды высланы с добрым провожатым, чтоб с дороги не бегали, дабы от того то здесь в работе остановки не учинилось. И ежели впредь так будет, то взыщется на вас. С Казанской губернии надобно выслать в Петербург к городovým делам работников в первую очередь перемену 2867 человек, денег им на каждого человека по рублю на месяц, итого им на три месяца 8601 рубль; в другую перемену людей и денег высылать против того ж»¹⁰.

Согласно разрядке, на строительство Петербурга из Казанской губернии в 1710 г. было назначено отправить 8580 работных людей, в 1711 г. – 6272, в 1712 – 5733, в 1713 – 7518, а в 1714 и 1715 годах – по 6024 чел. В 1711 г. из Казанской губернии только мастеровых надлежало прислать 667 чел.¹¹ В 1712 г. начинается постройка каменного Петропавловского собора. Работы по его сооружению выполнялись переведенцами из губерний. В справке А.В. Макарова – секретаря Ближней канцелярии государя – сообщается, что смена по строительству Петропавловского собора насчитывает 20000 чел., в том числе прибывших из Казанской губернии – 3136 чел.¹² Согласно указу государя, в июле 1715 г. в Казанской губернии было собрано и выслано в Санкт-Петербург некрещеных татар, мордвы и чувашей 1255 чел. с соответствующими снастями, провиантом и деньгами. Их сопровождали провожатые. Новобранцы прибыли в распоряжение канцелярии Городовых дел 19 августа¹³. Но в 1718 г. повинность населения по строительству Петербурга была сокращена, а 31 марта 1721 г. отменена окончательно.

В числе первых в Петербурге застраивалась Татарская слобода. Образование её было прямым следствием распоряжений Петра I. По свидетельству современников, она возникла к северу от Петропавловской крепости за кронверком. Жили в этой слободе представители народов, при-

ехавшие на строительство: татары, чувашы, марийцы, удмурты, башкиры, калмыки, казаки. Название «Татарская слобода» весьма условное. Иностранец путешественник начала XVIII в. о татарском рынке, расположенном напротив кронверка, в частности, замечал, что здесь задешево можно купить «старое платье всевозможных национальностей»¹⁴. С Татарской слободой смыкалась Белозерская слобода. «В ней жили дислоцированные у крепости полки татар, калмыков и запорожских казаков, которые в первые годы города основали здесь свои “таборы”»¹⁵. Рядом располагался Обжорный (Сытный) рынок. Как объяснял историк П.Н. Петров, татарской в ту пору называли иррегулярные конницы калмыков, а юрты их – татарским становищем. «Кроме лачужек, в Татарской слободе построились дворами солдаты и офицеры Белозерского полка, вместе с солдатами Выборгского полка; были, впрочем, владельцами 21 избы и, промышленявшие торговлею, татары казанские в общем итоге 70 мест составлявшие меньше третьей части. Тут же было, у кронверка, и шесть деревянных солдатских казарм»¹⁶. Здесь же обитала весьма многочисленная община шведских военнопленных со своей церковью и двумя священниками. «Но в 1721 г. по условиям заключенного тогда Ништадтского мира эти пленные были отправлены обратно на родину, и община прекратила свое существование»¹⁷.

Следует, конечно, учесть и то, что «слободой» до отмены крепостного права по всей России именовали любое пригородное большое село с не крепостным населением. А само слово «слобода» происходит от значения «свободный». Иначе говоря, «Татарская слобода» является экзонимом. В целом, Санкт-Петербург в то время не был городом в собственном смысле данного слова. Устраивались приезжие нерегулярно – поселками и слободами. «Люди стремились селиться на местах посуше, строения «обходили» заболоченные низины и «скапливались» на возвышенностях, сухих местах»¹⁸. Вообще «татары» для Санкт-Петербурга начала XVIII в. – понятие собирательное. Даже в Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. татары, башкиры, тептяри, чувашы, азербайджанцы, турки-османцы, туркмены и киргизы объединены в группу носителей «турецко-татарских языков»¹⁹.

Во втором десятилетии XVIII в. чрезмерно возросла тяжесть повинностей. Воеводы по-прежнему набирали на работу в Петербург крестьян из чувашских и марийских уездов Поволжья. Условия работы были очень тяжелы, работники часто болели и погибали. «Тяжесть рекрутской повинности в связи с ведением Северной войны многократно усилилась. В течение 1710–1719 гг. было проведено 34 рекрутских набора, причём в это число не входят наборы запасных и рабочих людей и матросов»²⁰.

В 1712 г. Петр I издает указ о переезде царского двора из Москвы в Петербург. В следующем году перемещается сюда и правительствующий сенат. Коллегии Иностранных дел, Военная и Адмиралтейская уже находились в Петербурге. В течение 1718–1721 гг. здесь сформировались и другие коллегии. Центр политической жизни все больше перемещался из ста-

рой столицы в новую. Приблизительные подсчеты показывают, что на 1725 г. в Петербурге проживало 30–40 тыс. чел. Но с переездом царского двора в Москву в 1728 г. численность города начинает сокращаться. В 1729 г. Сенат издает даже Указ о возвращении в северную столицу многих самовольно покинувших город купцов и ремесленников.

Из записи в журнале Верховного тайного совета узнаем, что в марте 1726 г. из Казанской губернии в город прибыло 5000 татар²¹. Конечно, под «татарами» опять имелись в виду «инородцы» этого края – собственно татары, а также чувашы, мари́йцы и др. Из переписи, устроенной в декабре 1733–январе 1734 гг., явствует, что только на Невском кирпичном заводе кирпичниками, обжигальщиками и гончарами работали 16 чел. из Казанского уезда, 7 – из Свияжского, 2 – из Чебоксарского²². Согласно точной переписи Полицмейстерской канцелярии, на 1737 г. в Петербурге насчитывалось 5898 дворов. Число жителей (включая женщин, детей, крестьян-отходников, солдат, нищих) составляло примерно 70 тыс. чел. В 1750 г. взрослое население Петербурга составляло 74283 чел., а всего вместе с детьми в нем проживало 95 тыс. чел. Как следует из подсчетов А.Л. Шлёцера, выполненных на основе данных о числе рождений, смертей и заключенных браках, в 1762 г. в Петербурге было не менее 130 тыс. «обывателей». А.Н. Радищев, составлявший по поручению правительства «Описание Санкт-Петербургской губернии», писал, что в 1788 г. здесь проживало примерно 200 тыс. жителей. Статистические выкладки академика И.Г. Георги показывают переко́с естественных пропорций между мужским и женским полом на исходе века. Например, в 1792 г. в Петербурге на 137440 мужчин приходилось всего 66115 женщин. К 1800 г. население Петербурга выросло до 220208 чел. В их числе мужчины составляли 153590 чел., женщины – 66618 чел.²³

Как видим, велся строгий учет всех прибывающих в город людей. Поступающих по разнарядке рабочих регистрировали. В случае их нехватки губернии присылали других или компенсировали «недопоставки» деньгами. Подсчёт числа умерших в Санкт-Петербурге не велся. В распоряжении исследователей имеются лишь косвенные данные. Так, дипломат Ю. Юль относительно города Кроншлота (с 1723 г. Кронштадт) в 1709–1710 гг. сообщал, что при его сооружении от голода, холода, морозов и изнурительных работ погибло более 40000 крестьян, а при строительстве Петропавловской крепости – не менее 60 тыс. чел. Согласно Г. Геркенсу, побывавшему в Петербурге в 1710–1711 гг., при строительстве города погибло 100 тыс. чел. Эту же цифру подтверждает и Ганноверский резидент Хр.Ф. Вебер. «В 1733 г. кто-то сказал англичанину Ф. Дешвуду, что при строительстве Петербурга и Кронштадта погибло 300 тысяч человек»²⁴. Было очень много больных. В основном болели цингой и дизентерией. Медицинская помощь отсутствовала вообще. Люди умирали массами. Никто не удивлялся тому, что «люди по улицам мертвые валялись». «Действительно, под нашими ногами лежат кости строителей... Смертность работников при строительстве Ладожского канала в 1718–1728 гг. была так велика, что через

какое-то время окрестности стройки напоминали кладбище, и Б.Х. Миниху пришлось срочно снести все кресты, чтобы не пугать новых рабочих»²⁵.

Обеспечение продовольствием. Конечно, в новом городе со сплошной стройплощадкой остро стоял продовольственный вопрос. Болотистая местность, как известно, мало пригодна для земледелия. Вот почему в регионе вопрос снабжения людей съестными припасами стоял очень остро. Ситуацию срочно следовало выправить. И опять выручали Российские губернии. Зерно, муку, крупу, икру и сало начали завозить и из Среднего Поволжья²⁶. Продовольствие в город доставлялось, прежде всего, водным путем. Оно поступало по Волге в Тверь, оттуда – по системе рек, на Ладожское озеро и по Неве через пороги – в Петербург. Уже в 1703–1709 гг. был сооружен канал в районе Вышнего Волочка, что значительно ускорило движение грузов. В период судоходства он пропускал до 1200–1500 барок. «По приказу Петра I в 1718 г. началось сооружение Ладожского канала, законченного лишь в 1728 г. Канал позволял проводить суда в обход Ладожского озера, что сделало навигацию более безопасной. Уже в 1729 г. через Ладожский канал прошло 1240 барок. Проводили барки бурлаки»²⁷. Петербургский немец фон Генрих Реймерс в 1803 г. по свежим следам истории писал буквально следующее: «Дороговизна увеличилась еще от того, что Петербург, в отличие от других больших городов, не получал продукты с окрестных земель, а, наоборот, сам снабжал продуктами земледелия жителей окрестных деревень»²⁸. Поэтому совершенно справедливо следующее высказывание, сделанное в середине первого десятилетия XVIII в.: «Если бы из Новгорода, Пскова и Москвы и даже из Казанского царства не доставляли сюда продовольствие, особенно муку, ... то не только бы Петербург, но и эта часть страны вымерла бы от голода»²⁹.

В последние годы XVIII в. в город ежегодно завозили с Волги: немолотой ржи – от 1 до 4 млн пудов, пшеницы – до 400 тыс. пудов, ржаной муки – от 2 до 5 млн пудов, пшеничной муки – от 140 до 400 тыс. пудов. Капустой, репой, огурцами и луком горожан удовлетворяли в основном огородники и крестьяне из окрестностей Петербурга. В болотах и мхах Новгородской губернии люди собирали ягоды. Некоторые фрукты в столицу доставляли на судах с Волги. Из Германии приходили корабли с яблоками и грушами. По свидетельству И.Г. Георги, даже в конце века сады и огороды в Петербурге занимали обширную площадь. Волжские купцы доставляли ежегодно от 13 до 25 тыс. живых стерлядей. Карпы поставлялись из Пруссии, икра – с Волги и Яика. Много рыбы ловили в Неве, Ладожском озере и в Финском заливе. А соленых сигаев петербуржцы возили даже на продажу в Москву.

Морское дело. Постройка города и заселение его людьми не были самоцелью. Главное – выход в море. Для этого нужен свой большой военный и торговый флот. Необходимо было срочно строить корабли. Остро встал вопрос о корабельном лесе. И опять взор Петра I устремлен на покрытую дремучей дубравой Среднюю Волгу. По царскому указу крестьяне – тата-

ры, чувашы, мари́йцы, мордва и русские – Симбирской, Воронежской, Нижегородской и Казанской губерний были причислены к лашманам. Напомним, что деловой лес, тем более дуб, растет только в экологически благоприятной зоне и на соответствующей почве. Все ценные дубовые и сосновые леса Чувашии вдоль рек Волги, Суры, Алатыря и Булы были выделены в заповедные, так называемые «корабельные рощи», и приписаны к Санкт-Петербургскому адмиралтейству.

«Древесные породы были разделены на две группы: запрещенные и дозволенные. К первой группе были отнесены дуб, клен, вяз, ильм, лиственница, сосна корабельная от 12 вершков (53 см) в диаметре и выше, их рубка в заповедных верстах запрещалась, а дуб запрещалось рубить вообще. К дозволенным породам отнесены липа, ясень, ольха, береза, осина, ель, орешник, ива, сосна тоньше 52 см»³⁰. Сначала строительство судов для Балтийского флота осуществлялось в Лодейном Поле, Санкт-Петербургской верфи и Казани. «В Казани в 1702 г. было построено 16 морских кораблей, кроме того, в постройке находилось еще 64»³¹. Однако перевозка натолкнулась на ряд трудностей. Поэтому решили в Казани суда не строить, а везти на Балтийские верфи лесоматериал. В 1703 г. заповедными были объявлены крупные лесные массивы – Ильина Гора Казанской губернии и Большесурский массив Симбирской губернии.

Первая российская газета «Ведомости» в январе 1703 г. сообщала, что на р. Сок (на территории современной Самарской обл.) нашли много нефти и медной руды³², так необходимые для морского дела России. Из руды немедленно начали выплавлять медь: она шла на изготовление корабельных пушек. «В конце апреля 1710 г. с пристаней Казанской губернии вверх по Волге были отправлены 70 стругов и 120 завадень, груженых корабельным лесом»³³.

Казанское адмиралтейство было учреждено по указу Петра I в 1718 г. Оно размещалось на р. Казанка. «В качестве рабочей силы к Адмиралтейству приписали крестьян из окрестных селений, преимущественно татар, чувашей, мари́йцев»³⁴. В специально выстроенной слободе, названной Адмиралтейской, поселили мастеровых людей, плотников, пильщиков – всего 250 чел.

В 1717–1720 гг. особенно интенсивно отправляли на больших и малых судах из Казани в Санкт-Петербург шлюпки, обтесанный по лекалам корабельный лес, бочки с железными обручами, якоря, бечева варовые, канаты, рогожные паруса, ясеньевые весла, лодки, анкер-штоки, доски дубовые, вязовый кряж, балки, кожу, губернские деньги. Вместе с грузом в Петербург прибывали солдаты, сержанты, кормщики, корабельные ученики, работники, караульщики. Обо всех подготовительных делах и об отправке грузов Петру I детально докладывали из Казани ответственные лица – корабельный мастер Гордлий, вице-губернатор Н.А. Кудрявцев и подрядчик Яков Корсаков. Например, 24 июня 1720 г. сообщалось: «Реестр что отпущено из Казани на домшоутах припасов. На 3-х больших: по якорю становому, ве-

сом по 7 пудов. По якорю завозному, весом по 3 пуда. По шейме, по сучке, по подъемной, по правильной, по бечеве варовья. По 4 ложки лычных. По 3 каната завозных лычных. По парусу рогожному. По 14 весел. По лодке»³⁵. А вот сообщение от 14 июля 1720 г.: «А леса корабельные с пристаней чтоб, Государь, пробрать: понеже кои лет 5, или 4 готовлены, чтоб не начали трупрещить, понеже разобраны по кораблям и окладены в стогах и за множеством, Государь, и на пристанях теснота, убираться не ведаем как. А и за сим, Государь, и еще есть леса готовые на пристанях: на шлюпки, на боты, на галеры, на блоки вязовые деревья»³⁶. В донесении от 9 августа того же года читаем: «Доношу Вашему Царскому Величеству: отпущенный ныне из Казанской губернии с Волжских и Сурских пристаней корабельных дубовых лесов, дерев и досок с Яковым Корсаковым в разных месяцах и числах, как он к пристаням сюда свои проводил, на 80, и 70, на 60 и на 54 и на 32-пушечные корабли, числом 14785 дерев, 7790 досок, всего дерев и досок 22575»³⁷. Как видим, в Казанской губернии велась большая работа, имеющая прямое отношение к морскому делу в Санкт-Петербурге.

Как известно, в 1718–1724 гг. служилые чуваша были переведены в разряд государственных крестьян и приписаны к разработке корабельных лесов. От удельных крестьян они отличались тем, что не платили поземельный сбор и не несли рекрутскую повинность. Но на них была наложена тяжелая повинность – рубить и вывозить из корабельных рощ лес. Так возникло потомственное сословие лашманов. В хозяйственном отношении они состояли в управлении удельных контор, однако по обязанностям находились в ведении морского министерства. Удельные конторы всякий раз отправляли, когда в этом возникала необходимость, требуемое от них число лашманов. Немецкое слово *Laschmann* («заготовитель леса») привилось чувашам и вошло в основной состав их словарного фонда. Оно стало и мужским именем, и символом могучей силы, и названием улиц, рощ, оврагов, дорог. Так, зимняя дорога от с. Абызово Ядринского уезда в с. Ачакасы Цивильского уезда через с. Орауши и в середине XX в. называлась Лашманной³⁸. К выборочной рубке «клейменных для флоту» деревьев и вывозке их к Волге и другим рекам были приписаны более 5 тыс. государственных крестьян из чувашей. Они заготавливали сосновый, «мачтовый» лес и дубовые кряжи для кораблестроения, вывозили их к пристаням и сплавом доставляли на судостроительные верфи Санкт-Петербурга. Наиболее опытные мастеровые работали плотниками и столярами по строительству судов.

В центре Санкт-Петербурга на острове Новая Голландия между Адмиралтейским каналом и Крюковым каналом и рекой Мойкой были построены склады для хранения привезенного корабельного леса. Нет никакого преувеличения в следующем утверждении М.И. Пыляева, по крайней мере, относительно первых 20 лет морского дела в России: «Тогда все суда строились из Казанского дуба»³⁹.

В 1722 г. Петр I сам прибыл в Казань. Его дорога проходила по маршруту Козьмодемьянск – Чебоксары – Свияжск. Будучи в Казани в течение

трех дней, он вместе с вице-губернатором Н.А. Кудрявцевым осматривал город. В частности, император осмотрел кожевенный и суконный заводы, а также корабельную верфь, где для него была построена яхта⁴⁰. Здесь же работал пумповый (насосный) завод, выпускавший кожи для корабельных пумп. Завод этот построен по его приказу в 1714 г.

В 1727 г. адмиралтейств-коллегия отправляет в Казань инструкцию о необходимости срочно подготовить годный на строительство двух кораблей, одного фрегата и 15 галер лес. Из донесения, составленного капитан-командором Иваном Козловым в сентябре месяце, узнаем, что от устья Свяги по нагорной стороне вверх Волгою до устья Суры-реки, в 20 и в 25 верстах от Волги корабельными учениками было заклемено корабельного дуба – 10500, галерного – 276 штук, между городами Чебоксары и Козьмодемьянск по берегам Волги по 5 и по 8 верст в гору корабельного дуба – 2000, галерного – 110, от Симбирска вверх Волгою-рекою до устья Свяги-реки и по реке Свяге по обе стороны по 20 и по 50 верст корабельного дуба – 18800, а галерного – 1200. Во исполнение названной инструкции только в сентябре 1727 г. было помечено 46422 дерева⁴¹.

13 августа 1731 г. был издан Указ «О сборе денег для содержания Адмиралтейства флота, и о размножении дубовых лесов в Казанской губернии...». В документе, в частности, указывалось: «Для размножения в Казанской губернии дубовых лесов на порозжих чувашских и черемисских землях, на которых жилья и пасек и сенных покосов – не имеется, сеять дубовыми желудьями, и для осмотра тех мест послать Казанскому Генерал-губернатору и из казенной лесной конторы нарочных, и сколько таких свободных земель найдется, тому учинить опись и послать в Сенат...»⁴². В 1730–1732 гг. леса площадью более 200 га вниз по течению Волги от Нижнего Новгорода по рекам Кама, Сура, Вятка, Алатырь, Була, Черемшан были отнесены к Санкт-Петербургскому Адмиралтейству. В 1731–1735 гг. в Чувашии велись первые посадки и посевы дуба. Руководили этой работой лесные мастера М. Зелгер и Я. Фалентин. Растущие сегодня в северной части Чувашской Республики старые дубы относятся как раз к посадкам того времени.

Местное население Поволжья продолжало трудиться на благо Адмиралтейства под бдительным оком Петербурга. Рапорты о ходе текущих дел и статистика дают возможность увидеть картину в целом. Например, в доношении из Ставропольского уезда Симбирской губернии от 1764 г. содержатся сведения о приписанных к Адмиралтейству служилых татарах и чувашах⁴³. Из синодика Чебоксарского Троицкого монастыря узнаем, что в 1767 г. императрица Екатерина II, будучи в Чебоксарах, лично осматривала местные дубовые рощи. В частности, «Ея величество соизволила пойти в коретах за город, дабы собственным воззрением осмотреть принадлежащие для корабельного строения адмиралтейству дубовые рощи, куда прибыв, несколько времени пешком по оным ходить изволила». Еще в середине XIX в. местные жители показывали большой дуб, под которым, согласно

преданию, останавливалась Екатерина II для завтрака⁴⁴. В той же поездке Екатерина II побывала в пригороде города Маинска в имени графа И.Г. Орлова. В письме графу Н.И. Панину, в частности, она сообщала: «По лесам же везде вишни и розы дикие, а леса иного нет, как дуб и липа, земля такая черная, как в других местах в садах на грядах не видят»⁴⁵.

Несмотря на массовую вырубку корабельного и строительного леса, в конце XVIII в. в Чувашском крае строевой лес продолжал занимать огромные площади. По данным генерального межевания 1794–1797 гг., левобережье Чебоксарского, правобережье Чебоксарского и Козьмодемьянского, юго-восточная часть Ядринского, а также огромные площади в Курмышском, Алатырском и Буинском уездах были заняты строевым и корабельным лесом. Отличный лес рос по реке Черемшан. Только в частях Курмышского, Алатырского и Буинского уездов, вошедших впоследствии в состав Чувашии, корабельных рощ насчитывалось более 300 тыс. дес. Толщина деревьев в отрубе достигало от 10 до 24 вершков, а высота – от 10 до 18 сажен. Особенно славились дуб, сосна и ель⁴⁶.

Этнограф В.К. Магницкий в 1895 г. в газете «Казанский телеграф» опубликовал статью «Царский дуб» в Козьмодемьянском уезде». В ней, в частности, сообщается: «Недоезжая до Чебоксар от Старо-Сундырской станции ..., на правой стороне Московского почтового тракта до последнего времени сохранилась дубовая роща, в которой дубья от самого края тракта тянулись вглубь правильными рядами, видимо, посаженные в свое время человеческими руками. Такое же насаждение мы видели не раз в Чебоксарском уезде в Тюрлеминском лесу, пограничном с Свияжским уездом, на левой стороне того же тракта, верстах в 3-х от чувашского села Тюрлема, по направлению к Воробьевке; близ этого насаждения проходит проселочная «лашманская» дорога, по которой «лашманы» возили вырубаемые для кораблестроения дубья; а в разряд «лашман», как известно, императором Петром I-м были зачислены инородческие «мурзы» (дворяне), взамен оклада и подушной подати. И то, и другое насаждения местные жители, сколько нам известно, смутно приписывают Указу императора Петра Великого»⁴⁷. В 1798 г. царь Павел I останавливался у д. Большое Аккозино Чебоксарского уезда Казанской губернии и интересовался посадками, заложенными по указу Петра I. В следующем 1799 г. он повелел активнее заняться разведением корабельных лесов в Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах.

Указ Петра I по культурному вмешательству в дикую жизнь дубрав Чувашии лег на благородную почву. В самом начале XX в. известный лесовод и исследователь леса в Чувашии Б.И. Гузовский писал, что в Ильинском лесничестве Казанской губернии «имеются дубовые посадки 130–140-л[етнего] возраста»⁴⁸.

Строительство и архитектура. Чуваши Казанской, Симбирской и Нижегородской губерний с самого начала XVIII в. привлекались к строительству Петербурга. Они заготавливали и перевозили стройматериалы, рыли

каналы, сооружали мосты, прокладывали дороги и производили прочие работы в центре города, на острове Котлин, в Петергофе, на Олонецкой верфи.

Петр I торопился. Так, в инструкции стольнику Федору Вердеревскому в мае 1704 г. Петр пишет, что Зотов бастион должен быть готов к 25 августа. До этого срока предстояло еще поднять землей общую высоту бастиона и обложить внешнюю сторону укреплений дерном. А за неисполнение инструкции распорядителю работ «по Ево государеву указу быть на каторге»⁴⁹. Переселяемых в город людей высочайше предписывалось обеспечить жильем и земельным наделом. Историк П.Н. Петров об этом писал конкретно: «На семью, под дворы и огороды по десятине, а под пашню, наравне с выделами помещичьих крестьян, т.е. по 10 четвертей на двор. А если переселившийся работник принят на постоянную службу канцелярии строений г. С.-Петербурга, то давалось ему месячное жалованье хлебом и деньгами, да по десятине на припашку, «в поле, а в дву потомуж», на выпуск скотины, и на сенные покосы с лесными угожьями; стало быть по 6 десятин на семью. А кирпичного дела мастерам, иноземцам, вместе с обжигальщиками извести, под дворы и огороды, земельные участки, в длину по 40 сажен, а в ширину, по 15 сажен – на месте поселения, точно так же»⁵⁰.

В описании Петербурга за 1716–1717 гг. отмечено, что многие из строителей и прочих людей, принудительно отправленных в Петербург, стали его жителями. Заработав деньги, многие из них основывались тут же, построив себе дома. Им разрешалось занять для этого любое место. Но в строящемся городе жители ежедневно сталкивались с большими неудобствами. В частности, им приходилось мириться с ужасными дорогами. В записках немецкого путешественника Г. Геркенса читаем: «Не только сам город, но также и вся местность вокруг так низка и болотиста, что сюда можно приехать и отсюда выехать только по одной дороге, которая недалеко за городом делится на две. И эти две дороги в таком плохом состоянии, что в весеннее и осеннее время можно насчитать дюжинами мертвых лошадей, которые в упряжке задохлись в болоте... Дальше от города еще больше ухудшается». Летом «если дождь идет только один день, то всюду можно завязнуть в грязи, как за городом, так и в городе»⁵¹.

В 1719–1725 гг. интенсивно застраивался Васильевский остров. По замыслу Петра I, он должен был стать центром столицы. Возникли слободы на Охте для плотников, несколько слобод для рабочих – на Московской стороне. К 1725 г. в Петербурге насчитывалось порядка 6000 дворов. Большая их часть располагалась на левом берегу Невы. Застраивалось большое пространство от устья Мойки до Смольного двора⁵². При строительстве широко использовался дубовый материал, привезенный и из Чувашии. В основном он шел на сваи под фундаменты строений.

В историю архитектуры Петербурга второй половины XVIII в. яркие страницы вписал чуваш П.Е. Егоров (1731–1789 гг.). Сподвижник Петра Великого грузин князь Е.Л. Дадиани из поездки по своим поместьям в Нижегородской губернии привез в Петербург совсем маленького мальчика-

сироту. Имена Е.Л. Дадиани находились в Курмышском и Ядринском уездах с чувашским населением, что дает возможность говорить о происхождении мальчика из присурских деревень. Рос и воспитывался он в семье Егора Дадиани, получив и имя, и фамилию от своего воспитателя. Позже сам Петр Егоров не раз подчеркивал, что он – чуваш. Например, в марте 1755 г. он подал челобитную на имя императрицы Елизаветы Петровны с просьбой принять его архитектурным учеником в школу при Канцелярии от строений. В частности, он писал: «Родом я прежде был чувашенин и вывезен в малолетстве господином генерал-майором артиллерии князем Дадиановым в Россию и им окрещен православной вере греческого исповедания; и находился при означенном господине генерал-майоре и доньине; и обучен российской грамоте, читать, писать, арифметике, геометрии и отчасти малевать; однако ж упомянутого господина генерал-майора не крепостной, а состою вольным»⁵³. Э.Ф. Кузнецова своё обстоятельное исследование об архитекторе Петре Егорове выполнила, опираясь на архивные данные. Факт о том, что Петр Егоров чуваш, следует как из собственных записей архитектора, так и свидетельств людей, близко знавших его.

Князь Егор Дадиани учил Петра не только грамоте и математике. Будучи генералом артиллерии, Дадиани сам обладал прекрасными навыками в области рисования, живописи и архитектуры. Мальчику Петру особенно полюбили математику, рисование и основы архитектуры. Зимой 1755 г. по рекомендации своего воспитателя он подал челобитную на имя императрицы Елизаветы Петровны. Руководитель архитектурной школы Канцелярии от строений С.А. Волков проверял знания Петра Егорова в течение двух недель. Успешно выдержав экзамены, в апреле Петр Егоров стал учеником «архитектурной команды». Одновременно он, достигнув 24 лет, покинул дом князя Дадиани. В декабре Егоров получил искомый аттестат.

Ему доверяют ответственные работы: он участвует в съемке генерального плана Петергофа (1756 г.), копирует чертежи отдельных залов Зимнего дворца (1759 г.). Первой самостоятельной работой П.Е. Егорова стала разработка в 1763 г. чертежей церкви Успения Пресвятой Богородицы (позже её стали называть Екатерининской). Этот собор был построен в 1756–1768 гг. в г. Пярну (Эстония). В 1765 г. Петр Егоров был направлен на строительство Училища для мещанских девушек (входит в ансамбль Смольного-Воскресенского Новодевичьего монастыря). Затем П.Е. Егоров, как опытный архитектор, активно привлекался к работам по возведению павильона для празднования водоосвящения на Неве, к разработке чертежей проектов домов адмиралов Г.А. Спиридонова и А.Н. Сенявина. В 1766 г. П.Е. Егоров заменил своего учителя С.А. Волкова по преподаванию в архитектурной школе. В формулярном списке за 1767 г. о нем отмечено: «В архитектурной науке хорошее знание имеет и против других... искуснее»⁵⁴.

В октябре 1768 г. Петр Егоров был направлен на постоянную работу «при Зимнем каменном дворце»: «При Зимнем каменном дворце... работы всегда производятся, причем знающему делу быть должно, того ради озна-

ченной Канцелярии определить к тому дому к каменным работам заархитектора Петра Егорова, по сему жалованье ему производить, более другими делами его не обязывать»⁵⁵. В сентябре 1768 г. руководитель строительства Мраморного дворца генерал-майор М.И. Мордвинов обращается к директору Канцелярии от строений И.И. Бецкому с просьбой направить к нему знающего «сие искусство» Петра Егорова. Сюда известный к тому времени архитектор П.Е. Егоров мог быть приглашен только с определенной целью – для работы над проектом. Никакой другой работы на строительстве Мраморного дворца в этот период еще и не было. П.Е. Егоров приступил к работе с 1 октября 1768 г. В этом же месяце, согласно «щетам», последовали изменения в предварительных проектах. В отзыве о Петре Егорове, написанном в январе 1786 г., в частности, читаем: «Приняв возложенную на него должность, то есть практическое показание и смотрение за всеми по тому строению производящимися работами и сверх того по Его Господина Егорова прожектору, Ея Императорским Величеством апробированному, строились принадлежащие к оному дому каменные службы под Его ж присмотром, и как при первом, так и при последнем строениях он, Егоров, имея довольное в том знание, как верного и рачительного человека долг обязывает неусыпное оказал рачение и прилежность»⁵⁶. Как констатируют исследователи архитектуры Санкт-Петербурга XVIII в., «к лучшим самостоятельным постройкам П.Е. Егорова относятся служебный корпус и великолепная ограда Мраморного дворца»⁵⁷.

Вершиной творчества Петра Егорова является шедевр мировой культуры – ограда Летнего сада. Строительство данного архитектурного памятника продолжалось 16 лет (1770–1786). Согласно новому штату Конторы строений, в «архитектурной команде» полагалось иметь двух архитекторов, двух заархитекторов и четырех архитектурных помощников. Однако «стараниями» Ю.М. Фельтена был утвержден штат в составе одного архитектора (сам Ю.М. Фельтен) и двух заархитекторов (П.Е. Егоров и И.Б. Фока). В 1772 г. в её состав приняли еще заархитектора И.Ф. Дункера. Петр Егоров проработал здесь почти все годы строительства – с 1772 по 1786 гг. Сохранились чертежи ограды, выполненные рукой П.Е. Егорова.

Осенью 1772 г. он представил первый вариант проекта ограды Летнего сада, куда вошли и элементы чертежа И.Б. Фока. Но вскоре П.Е. Егоров в корне переработал первый вариант проекта. В частности, он отказался от всех элементов барокко, убрал пышные вензеля, внесенные было по предложению Екатерины II, удалил также провисающие цветочные гирлянды на колоннах и у корзин у створки ворот. Искал «наилучшие пропорции», соразмерность, ясность и гармонию. Фактически, работа в одиночку П.Е. Егорова над проектом заняла 1772–1784 гг. Он постоянно переделывал и совершенствовал проект, уточнял весь рисунок ограды, дважды менял её протяженность (сначала увеличил размер каждого звена, затем – количество колонн). Окончательный вариант чертежа содержит изумительно легкие ворота, прелестные украшения и колонны, увенчанные изысканными вазами

и урнами. В результате переработки ни один из компонентов не остался без кардинальных изменений. Ничего из первого варианта, представленного самим П.Е. Егоровым и И.Б. Фоком, в последнем варианте проекта не сохранилось. Тем более, как свидетельствуют исследователи Р.Д. Люлина, М.Ф. Коршунова и Э.Ф. Кузнецова, первоначальные чертежи И.Б. Фока представляли собой копии из альбома Д. Маро.

Тем временем Ю.М. Фельтен под покровительством Бецкого делает карьеру: после ухода Растрелли становится главным архитектором Конторы строений, профессором Академии художеств, где, после гибели Кокорина, начинает играть руководящую роль. В строительстве Летнего сада его функции ограничиваются административными. Графический почерк Фельтена известен по его достоверным чертежам проекта восстановления колокольни Петропавловского собора, фасада южного корпуса Эрмитажа, а также фасада манежа при Зимнем дворце. Однако «ни один из сохранившихся 11 чертежей ограды не соответствует графической манере Фельтена, даже из тех, которые имеют его личную подпись. Два чертежа (варианты верхнего украшения на большие и малые ворота) выполнены И.Б. Фоком. Это подтверждается и графическим анализом, и архивными документами. Однако эти чертежи не были приняты к исполнению. Остальные 9 чертежей ограды Летнего сада выполнены в графической манере Петра Егорова, которая известна по его подлинным чертежам (павильон Иордань, иконостасы церквей – Екатерининской и Рождественской и др.). Графический почерк Егорова очень своеобразен и живописен (вспомним, что он учился в юности живописи)»⁵⁸. М.Ф. Коршунова по этому поводу замечает: «Со сметой на изготовление медных деталей связан чертеж малых ворот ограды, подписанный Фельтеном. Графическое исполнение листа не напоминает его руку»⁵⁹. Кроме того, Р.Д. Люлина отмечает, что самой характерной чертой егоровских чертежей является некоторая приглушенность красок (все тона бледные, неяркие) и очень индивидуальная техника отмывки – тоже бледная, со слегка намеченными пятнами теней. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) хранятся 509 листов чертежей по строительству «железной решетки с воротами», и «нет ни одной строчки, которая могла бы подтвердить творческое участие Фельтена в её создании. В сооружении ограды Фельтен участвовал только как руководитель, начальник, главный архитектор и инспектор над мастерскими Конторы строений, обязанный наблюдать за всеми постройками, находящимися в ее ведении»⁶⁰. Об авторстве Петра Егорова свидетельствует и формулярный список П.Е. Егорова за 1786 г., составленный протоколистом Иваном Харитоновым через 7 лет после окончания строительства ограды. Петра Егорова к этому времени уже не было в живых, а это еще раз подчеркивает беспристрастность составителя формуляра.

Об авторстве Петра Егорова в изготовлении чертежей и его непосредственном руководстве строительством ограды можно проследить и по многим другим документам. Например, по указу от 26 июля 1773 г., который

гласит: «А как на каком расстоянии для крепления оной решетки столбы поставить и какой ширины между теми столбами звенья решетки делаться должны, заархитектору Егорову от Присутствия приказано сделать сходственный с апробированными той решетки и воротами чертежами на всю дистанцию как должно решетка с воротами и столбами и цоколем быть аккуратный чертеж... для скорейшего сделания и представления оного на апробацию господину надворному советнику и архитектору Фельтену в утверждение, а ему, господину Фельтену, по рассмотрении тот чертеж, буде оный исправно сочинен будет, с надписанием, что по оному работу производить должно, представить в Контору немедленно»⁶¹. 21 октября 1773 г. Юрья Фельтен рапортует в Контору строений Ея императорского Величества домов и садов: «Во исполнение данного мне из оной Конторы указа, как должно по берегу Невы реки у Первого саду железную решетку и трое ворот сделать, учиненные заархитектором Егоровым шесть чертежей мною рассматриваны и при сем во оную Контору представляются, по которым и работу производить должно»⁶². Как видим, и сам Ю.М. Фельтен несколько не оспаривал авторство чертежей ограды Летнего сада.

Украшения ворот отливались из меди с позолотою. Работу мастеров постоянно контролировал сам Петр Егоров. Так, 4 ноября 1784 г. он докладывал в Контору строений: «30 октября был у мастеров и по осмотру оказалось, что на двои малые ворота из меди украшения отлиты, кроме корзинок, по отливанию которых формы приготовлены и в зделанное слесарною работою железо на место приправлено и с того украшения ими через огонь голландским червонным золотом вызолочена средняя большая кудревата штука наподобие дерева, репьев больших три пары, алагрек один на большие ворота вызолочен же, другой на малые ворота с прочими изготовленными штукаами золочением производить начато»⁶³. Действительно, такое цельное произведение могло быть создано лишь творческой мыслью одного архитектора, имевшего возможность выполнить всю работу от начала до конца. Ему, как опытному мастеру, поручались ответственные работы и по составлению смет, заключению контрактов и приемке готовых конструкций ограды от тульских литейщиков, Путиловских каменщиков и мастеров медных украшений. В каждый раз Петр Егоров проверял соответствие изделий его чертежам. В 1778 г. были установлены все 36 гранитных колонн, между ними – 32 железных звена, одни большие и двое малых ворот.

Заметим, что в академическом издании, посвященном 300-летию Санкт-Петербурга, имеются фотографии, иллюстрирующие достижения XVIII в. Среди них – и решетка Летнего сада. В подписи под этой фотографией весьма уклончиво сказано, что архитекторами ограды Летнего сада являются Ю. Фельтен и П. Егоров⁶⁴. Тем не менее, вердикт ведущих исследователей таков: «Лучшим творением зодчего (Петра Егорова. – А.С.) является всемирно известная невяская ограда Летнего сада, проектированию и строительству которой зодчий отдал многие годы жизни (1772–1786). Стро-

илась под руководством Фельтена, но прямых свидетельств его творческого участия в проектировании нет. В то же время сравнение ограды Летнего сада с оградой Мраморного дворца говорит в пользу П.Е. Егорова»⁶⁵. За труд по созданию ограды Летнего сада П.Е. Егоров в 1786 г., то есть в год окончания всех работ, был возведен в надворные советники.

Культура и наука. Петербург сыграл исключительную роль в изучении чувашей. Во время пожара, случившегося 5 декабря 1747 г., как известно, сильно пострадала Кунсткамера. В том числе и хранившиеся в 6 шкафах предметы: в основном одежда народов Поволжья, Урала и Сибири. Что касается одежды народов Волго-Камья, то они были привезены Д.Г. Мессершмидтом из его восьмилетней экспедиции⁶⁶. Инициатором и распорядителем этой экспедиции был лично сам Петр I. Чувашские вещи были собраны Даниилом Мессершмидтом в 1719-1727 гг. в Поволжье в пространстве Козьмодемьянск – Казань. Таким образом, была заложена первая страница по изучению этнографии чувашей. В шкафах под № 9–11 на западной галерее 2-го этажа Кунсткамеры слева размещалось 32 предмета: женские головные полотенца *сурпан*, рубашки *кёне*, нагрудные украшения из серебряных монет *шўлкеме*, халаты свадебные, чулки, платки жениха *сулак*. К счастью, точные рисунки сгоревших экспонатов сохранились. Большинство из них хранится в архиве Российской Академии наук⁶⁷. А.И. Терюков и А.К. Салмин считают, что авторами интересующих нас рисунков являются Даниил Мессершмидт и Георг Унферцагт. Кроме того, в коллекциях Кунсткамеры первой половины XVIII в. в большом количестве имелись предметы религиозного культа. К примеру, датский путешественник Педер фон Хавен, в 1736 г. побывавший в Российской Академии наук, в своем дневнике писал: «При Академии имелась также Кунсткамера, где помимо многочисленных редкостей природы и искусства было хорошее собрание языческих древностей»⁶⁸. Среди скульптур малой формы, должно быть, имелись и изображения чувашского божества *Йёрэх* из глины и металла (допустимо, были и золотые).

Чувашская одежда имела место и в историческом действе, известном как «Ледяной дворец» на Неве. Произошло оно в январе 1740 г. Краткая его история такова. Князь М.А. Голицын, оставшийся без супруги, был назначен пажом. По настоянию императрицы Анны Иоанновны решился на второй брак. Расходы на свадьбу полностью взяла на себя императрица. Невестой была выбрана девушка из простого сословия. Однако свадьба была превращена в фарс. «Шутки ради и, возможно, еще для того, чтобы показать, как широко простирается ее власть, императрица разослала по всем губерниям распоряжение прислать от каждой из народностей в Петербург несколько пар обоего пола. За казенный счет они были одеты в свои национальные костюмы»⁶⁹. Представители разных народностей, которые должны были шествовать на этой церемонии в национальных одеждах, были собраны в доме кабинет-министра А.П. Волынского на Мойке, недалеко от французско-немецкой реформаторской церкви, и зарисованы. Свадебный

поезд насчитывал более 300 персон. Он был разделен на четыре части, согласно временам года. Так, самоеды, камчадалы и лапландцы изображали зиму, украинцы – лето и т.д. На манеже герцога Курляндского были накрыты столы, и представители каждой национальности отведали свои любимые блюда. «После обеда начали танцевать, и каждый народ танцевал под свою музыку национальный танец»⁷⁰.

В июне 1740 г., будучи в опале, министр был обезглавлен в крепости. Из-за его смерти остались неосуществленными идеи, которые должны были осуществляться после событий в Ледяном дворце. По замыслу министра Волынского, рисунки, выполненные на свадьбе, должны были быть выгравированы на меди.

Заметим, что не следует путать рисунки, сделанные с одежд, привезенных из экспедиции Д.Г. Мессершмидтом, и рисунки, выполненные на свадьбе в Ледяном дворце. Первые хранятся в основном в архиве РАН в Санкт-Петербурге, а вторые, по мнению автора этих строк, частично вошли в книгу И.Г. Георги⁷¹. В издании есть и рисунки чувашской женской одежды.

Вполне возможно, что для шутовской свадьбы в Ледяном дворце чувашские вещи специально привезены не были. Могли обойтись с теми, что уже имелись в Кунсткамере. Об этом говорит архивный документ от 1739 г. Так, обер-секретарь Авраам Сверчков по этому поводу 27 декабря 1739 г. в Академию наук писал специальное уведомление. В частности: «Понеже по имянному Ея Императорского Величества указу приготавлиется некоторый маскарат, к чему потребно ис платья, имеющегося в Десянск Академии в натуре разных народов, а имянно: мордовского, черемисского, чувашского, вотяцкого, тунгусского, лопарского, самоедского и протчих сибирских народов и одну остробацкую лотку». Далее несколько раз повторяется, что одежда чувашей имеется в наличии, то есть присылать с мест не надо. Например: «В Академии наук о следующих народах имеется известие и описании, а именно: черемисы, чуваша, вотяки, мордва, башкирцы». Притом отмечается, что с некоторых платьев есть и рисунки⁷².

Подчеркнем еще раз: по состоянию на 1739 г. в Кунсткамере имелась коллекция одежды чувашей, а также рисунки с них. Но по случаю свадьбы в Ледяном дворце в январе 1740 г. платья из этой коллекции были еще раз срисованы, будучи надетыми на участников свадебного поезда.

По итогам академических экспедиций на Волгу и в Сибирь в Санкт-Петербурге была издана книга Г.Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков» (СПб., 1756). Исследование описывает быт, этнографию и религию коренных народов Волго-Камья. Итоги научных экспедиций по Российской империи И.Г. Георги легли в основу его книг: «Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in der Jahren 1773 und 1774. В. II.» (St. Petersburg: Acad. der Wissenschaften, 1775). Здесь уделено внимание и чувашам. А в 1776–1780 гг. он же опубликовал четырехтомное исследование обо всех народах империи, где

особенно тщательно описал образ жизни и религию обитателей России⁷³. В 1769 г. Академией наук была издана книга под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» (СПб., 1769). Её подготовил Е.И. Рожанский, священник из чувашей, владевший азами лингвистики. Курировал издание митрополит Вениамин (В.Г. Пуцек-Григорович). Академик П.С. Паллас подготовил и в 1787–1789 гг. издал четырехтомный сравнительный словарь всех языков и наречий⁷⁴. Ф.П. Аделунг составил полный немецко-русский лексикон в двух частях⁷⁵. А в 1800 г. в Синодальной типографии вышел краткий Катехизис, переведенный на чувашский язык⁷⁶. Первые 12 страниц этой брошюры посвящены изложению грамматики чувашского языка. Центром всех этих и других исследований и изданий стал молодой город Санкт-Петербург. Санкт-Петербург, таким образом, открыл миру чувашей, а чувашам – целый мир.

Религия. По указанию великого князя Петра Алексеевича, в 1715 г. Правительствующий Сенат издал Приговор «О переписке служащих и неслужащих татар, а также чуваш, черемис, мордвы и прочих нехристиан и о составлении именных списков служилым людям гарнизонных полков». Согласно этому документу, губернские власти должны были немедленно составить ведомости и прислать в Канцелярию Сената с нарочными⁷⁷. Особое личное внимание государя XVIII в. уделили Булгарскому городищу, надгробным плитам и другим памятникам бывшей великой Волжской Булгарии. В 1722 г. здесь был Петр I. Именно благодаря ему до нас дошли сведения о надписях на могилах Волжской Булгарии. Самая ранняя надпись относится к 619 г. Срочно были сняты копии, плиты поправлены, а ученые стали изучать тексты. Стало понятно, что эпитафии составлены на чувашском языке арабской графикой. Надо полагать, «о Болгарском городище рассказывал юному Петру его сводный брат, царь Федор Алексеевич, и тот до конца жизни не потерял интерес к древнему городу»⁷⁸.

О культовых памятниках Волжской Булгарии подробно писали академики И.И. Лепехин и П.С. Паллас, а также писатель П.П. Свиньин.

В 1767 г. Булгар посетила Екатерина II. Под свежим впечатлением она сочинила статью «О болгарях и хвалисах». Вернувшись из путешествия по Волге, императрица созвала комиссию для составления нового Уложения. Комиссия состояла из выборных депутатов всех сословий⁷⁹. На заседаниях комиссии поднимались и вопросы о взаимоотношениях церкви и «иноверцев».

Прибывающих в Санкт-Петербург чувашей, согласно царским указам, крестили немедленно. То же самое происходило и с солдатами, и с рекрутами. Крестили и на местах, особенно тех, кто был причастен к заготовке леса. В конспектах Н.В. Никольского об этом, в частности, читаем: «С 1722–1738 г. чуваш крестилось ясашных 131 об.п., рекрут 12 чел., адмиралтейских плотников 2, солдат 54 чел.»⁸⁰.

В XVIII столетии Санкт-Петербург в числе других городов страны стали строить и чуваша. Многие его представители выбрали город местом

постоянного жительства. Чуваши Среднего Поволжья снабжали столицу продовольствием и прочим провиантом. Для строительства российского флота с Волги доставлялся и корабельный лес. Многие чувашы были причислены в лашманы. В архитектуру Санкт-Петербурга яркие страницы вписал чуваш П.Е. Егоров. В свою очередь город открыл миру культурное пространство чувашей, положив начало их научного изучения.

Литература и источники

- ¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. III. № 1579. Ст. 7.
- ² Поле 94. Экспедиция автора в 1994 г. в Цильнинский район Ульяновской области. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки.
- ³ См.: Чувашиские сказки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. 160 с.
- ⁴ *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782 гг. СПб., 1885. С. 59.
- ⁵ Ведомости, 1705. № 5.
- ⁶ *Андреева Е.А.* Квалифицированная рабочая сила на строительстве Петербурга (1703–1712) // Петровское время в лицах – 2006. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. С. 9.
- ⁷ Письма и бумаги Императора Петра Великого. Пг., 1918. Т. VII. Вып. 1. С. 165.
- ⁸ Письма и бумаги Императора Петра Великого. М.: Изд-во АН СССР, 1976. С. 888.
- ⁹ *Петров П.Н.* Указ. соч. С. 83–84. Прим. 169.
- ¹⁰ Письма и бумаги Императора Петра Великого. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 291–292.
- ¹¹ *Андреева Е.А.* Указ. соч. С. 9.
- ¹² *Петров П.Н.* Указ. соч. С. 92.
- ¹³ *Дубровин Н.Ф.*, ред. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1897. Т. V. Год 1715-й. Кн. II (июль–декабрь). С. 776 .
- ¹⁴ Описание ... столичного города Санкт-Петербурга // Белые ночи: Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л.: Лениздат, 1975. С. 220.
- ¹⁵ *Анисимов Е.В.* Санкт-Петербург в XVIII веке // Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб.: Наука, 2003. С. 57.
- ¹⁶ *Петров П.Н.* Указ. соч. С. 97.
- ¹⁷ *Реймерс Генрих фон.* Санкт-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 72.
- ¹⁸ *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 59.
- ¹⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. С. Петербургская губерния. СПб., 1903. Т. XXXVII. С. 93–94.
- ²⁰ *Селиванова С.А.* Русская администрация и сельская многонациональная округа Свяжской и Алатырской провинций в 1700–1781 гг.: Некоторые аспекты взаимоотношений // Волжская земля: история, экономика, культура. М.: Вуз и школа; Чебоксары: ЧГУ, 2005. С. 39–40.
- ²¹ *Дубровин Н.Ф.*, ред. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 гг. СПб., 1886. Т. I (февраль – июль 1716 г.). С. 178–180.
- ²² *Семёнова Л.Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л.: Наука, 1974. С. 84.
- ²³ *Она же.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). М.: Весь мир, 1998. С. 8.
- ²⁴ *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 84.
- ²⁵ Там же. С. 85, 88.

- ²⁶ Павленко Н.И. Петр I. М.: Молод. Гвардия, 2004. С. 338.
- ²⁷ Семёнова Л.Н. Быт и население ... С. 165–166.
- ²⁸ Реймерс Генрих фон. Указ. соч. С. 100.
- ²⁹ Описание... С. 229.
- ³⁰ Редько Г.И., Яковлев И.А., Яковлев А.С., Тихонов П.Т. Корабельные дубравы Чувашии: История и современное состояние. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. С. 6.
- ³¹ Там же. С. 31.
- ³² Ведомости, 1703. № 1.
- ³³ Редько Г.И. и др. Указ. соч. С. 31.
- ³⁴ Долгова С.Р., Кононова А.Ю., Болотина Н.Ю. «Весьма прекрасно и преславно Болгарское городище»: Древняя Казань в документах Российского государственного архива древних актов // <http://rusarchives.ru/events/exhibitions/kazan1000-2shtm>
- ³⁵ Попов Н.А. Материалы для истории морского дела при Петре Великом, в 1717–1720 годах. М.: 1859. С. 147.
- ³⁶ Там же. С. 150.
- ³⁷ Там же. С. 111.
- ³⁸ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1935. Вып. VIII. С. 68–69.
- ³⁹ Пыляев М.И. Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1889. С. 19.
- ⁴⁰ Долгова С.Р. и др. Указ. соч.
- ⁴¹ Дубровин Н.Ф., ред. Протоколы, журналы, и указы Верховного тайного совета. СПб., 1889. Т. IV (июль – декабрь 1727 г.). С. 691–692.
- ⁴² ПСЗ. Т. VIII. № 5831.
- ⁴³ Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 3. Оп. 106. Д. 153. Л. 10 об.
- ⁴⁴ Артемьев А. Казанские гимназии в XVIII столетии. СПб., 1874. С. 80.
- ⁴⁵ Письма и записки императрицы Екатерины Второй к графу Никите Ивановичу Панину // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1863. Кн. 2. С. 23.
- ⁴⁶ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI– начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 394–395.
- ⁴⁷ Магницкий В.К. «Царский дуб» в Козьмодемьянском уезде // Казанский телеграф, 1895. № 583.
- ⁴⁸ Гузовский Б.И. Хозяйство в нагорных дубравах Ильинского лесничества Казанской губернии. Козьмодемьянск, 1909. С. 3.
- ⁴⁹ Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 32.
- ⁵⁰ Петров П.Н. Указ. соч. С. 91.
- ⁵¹ Цит. по: Семёнова Л.Н. Быт и население ... С. 165.
- ⁵² Там же. С. 6, 11.
- ⁵³ Кузнецова Э.Ф. Архитектор Петр Егоров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. С. 20.
- ⁵⁴ Там же. С. 42.
- ⁵⁵ Там же. С. 199.
- ⁵⁶ Там же. С. 174.
- ⁵⁷ Зодчие Санкт-Петербурга... С. 989.
- ⁵⁸ Кузнецова Э.Ф. Указ. соч. С. 82–83.
- ⁵⁹ Коришнова М.Ф. Юрий Фельтен // Зодчие Санкт-Петербурга, XVIII в.: Архитекторы барокко. Ранний классицизм. Строгий классицизм. СПб.: Лениздат, 1997. С. 485.
- ⁶⁰ Кузнецова Э.Ф. Указ. соч. С. 116.
- ⁶¹ Там же. С. 190.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. С. 101.
- ⁶⁴ См.: Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб.: Наука, 2003.

- ⁶⁵ Зодчие Санкт-Петербурга... С. 989.
- ⁶⁶ *Терюков А.И., Салмин А.К.* Коллекции Кунсткамеры: Одежда народов Волго-Камья (первая половина XVIII в.). СПб.: МАЭ РАН (рукопись).
- ⁶⁷ АРАН. Р. IX. Оп. 4.
- ⁶⁸ *Хавен Педер фон.* Путешествие в Россию // *Беспамятных Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 356.
- ⁶⁹ *Реймерс Генрих фон.* Указ. соч. С. 162.
- ⁷⁰ Там же. С. 163.
- ⁷¹ *Георги И.Г.* Изображение одежд, принадлежащих к описанию всех народов, обретающихся в Российской империи. СПб., 1776.
- ⁷² АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. Л. 281–285 об.
- ⁷³ *Georgi J.G.* Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion... und ubrigen Merkwureigkeiten. Ausgabe 1–4. St. Petersburg, 1776–1780.
- ⁷⁴ *Паллас П.С.* Сравнительный словарь всех языков и наречий. СПб., 1787. Ч. I. 441 с.; СПб., 1789. Ч. II. 491 с.
- ⁷⁵ *Аделунг Ф.П.* Полный немецко-русский лексикон. СПб., 1798. Ч. 1–2.
- ⁷⁶ Краткий катехизис, переведенный на чувашский язык. СПб., 1800. 20 с.
- ⁷⁷ *Дубровин Н.Ф.*, ред. Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате ... С. 1090.
- ⁷⁸ *Долгова С.Р.* и др.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ *Никольский Н.В.* Конспект по истории христианского просвещения чуваш. Казань, 1909. С. 9.

A.K. Salmin. St. Petersburg of the 18th century and the Chuvash.

In the 18th century the Chuvash were among other nationalities who began building St. Petersburg. Many of them chose the city as a place for living. The mid-Volga Chuvash provided the capital with food-products and ship timber for shipbuilding from the Volga region. The Chuvash P.E. Egorov added a vivid page to the architecture of St. Petersburg. The city, in its turn, opened the Chuvash culture to the world. This was the beginning of its scientific research.

**СРЕДНЕВОЛЖСКАЯ ДЕРЕВНЯ
В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
И АССИМИЛЯЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ**

ЧГВ, 2009 г., № 4
© Г.А. Николаев

В конце XIX–начале XX в. средневожская деревня как субъект исторического процесса выступала в нескольких ипостасях. Она являла собой и хозяйственно-экономическую субстанцию, и совокупность локальных крестьянских сообществ, и носительницу исторической памяти социума, и специфическое хранилище народных обычаев и традиций, и «общий дом» представителей разных этнических общностей. Освещение эволюции деревни в фокусе этнокультурного ракурса предполагает рассмотрение широкого круга вопросов, что не представляется возможным в рамках заданного объема статьи. Принимая в расчет данное обстоятельство, для анализа мы выбрали два сюжета. Преследуемая нами исследовательская цель – воссоздать общие контуры этнической ситуации в деревне Казанской и Симбирской губерний в конце XIX–начале XX в. и осветить шедшие в ней ассимиляционные процессы. В региональной историко-этнологической литературе данная тематика освещается либо только вскользь, либо лишь применительно к отдельно взятым этносам¹.

Этнокультурное пространство России соткано из множества в разной степени продвинутого народов. Причем данная особенность ей была присуща изначально: на политической карте Европы государство зародилось как полиэтничное образование. С перешагиванием державой очередных исторических рубежей ее границы перманентно расширялись. Одновременно множилось и число этносов, ставших подданными страны. К концу XIX в. в Романовской империи проживало порядка двух сотен народов, различавшихся по численности, конфессиональной принадлежности, языку и культуре. Расширение политических границ государства сопровождалось перемещением русской этнической общности на новые земли, вошедшие в его

Геннадий Алексеевич Николаев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук.

состав как насильственным, так и мирным путем. В результате русский компонент стал своего рода культурным пространством, связывающим в единый живой организм разные этнические общности страны.

В течение столетий с ростом территории удельный вес русских в составе населения России неуклонно снижался. В 1719 г. они составляли 70,7% всех жителей страны, в 1762 г. – 62,3%, в 1795 г. – 48,9%, в 1857 г. – 45,9% и в 1914 г. – 44,6%². Но на всех этапах развития Российской многонациональной державы русские являлись ее ядром, ее государствообразующей, стержневой составляющей. Их отличали развитая социальная структура, относительно высокий уровень урбанизации и грамотности. Данная этническая общность несла основное бремя по управлению страной. В 1913 г. из 182 членов Государственного совета – второй палаты Государственной думы – 148 (81,3%) лиц по вероисповеданию принадлежали к православным, то есть к русским³. На плечи русских же легла и основная нагрузка по обеспечению динамичного поступательного развития державы. И по своей численности русские превосходили каждую взятую в отдельности российский этнос.

В этнокультурном отношении многие регионы Российской державы являлись ее слепком в миниатюре. Со стародавних времен и в Среднем Поволжье бок о бок жили разные народы. К концу XIX в. основное население сел и деревень Казанской и Симбирской губерний составляли русские (в 1897 г. соответственно 34,8% и 66,1%), татары (32,3% и 9,2%), чуваши (25,2% и 11,2%), мордва (1,1% и 13,2%), марийцы (6,2% и менее 0,1%) и удмурты (0,5% и менее 0,1%). Карта размещения этносов в каждой административно-территориальной единице имела свой рисунок, который был обусловлен шедшими здесь в течение столетий демографическими, миграционными и этническими процессами. По состоянию на 28 января 1897 г., доля русских в составе сельского населения в уездах Казанской и Симбирской губерний варьировала от 7,6% (Ядринский) до 87,6% (Сызранский), татар – от менее 0,1% (Козьмодемьянский) до 70,8% (Мамадышский), чувашей – от менее 0,1% (Казанский и Ардатовский) до 92,3% (Ядринский), мордвы – от менее 0,1% (Казанский, Козьмодемьянский, Лаишевский, Свияжский, Царевококшайский, Цивильский и Ядринский) до 40,4% (Ардатовский), марийцев – от менее 0,1% (Ардатовский, Буинский, Карсунский, Лаишевский, Свияжский, Цивильский и Чистопольский) до 55,4% (Царевококшайский) и удмуртов – от менее 0,1% (Ардатовский, Карсунский и Свияжский) до 4,5% (Мамадышский)⁴.

В условиях многонационального региона часть этнически «чистых» населенных мест с течением времени приобретала новое качество – становилась многонациональной. Согласно подсчетам, выполненным нами на основе земских экономико-статистических публикаций, в начале XX в. в Казанской и Симбирской губерниях насчитывалось 332 сельских поселения (без учета поселков и хуторов) с этнически неоднородным населением. В 101 из них совместно проживали русские и чуваши, в 73 – русские и марий-

цы, в 64 – русские и татары, в 34 – татары и чувашаи, в 14 – русские и мордва, в 12 – русские, чувашаи и татары, в 8 – русские и удмурты, в 6 – татары и марийцы, в 6 – русские, чувашаи и мордва, в 4 – татары и мордва, в 4 – чувашаи и мордва, в 2 – русские, татары и мордва, в 1 – татары и удмурты, в 1 – русские, татары и марийцы, в 1 – чувашаи, татары и мордва, и в 1 – русские, чувашаи, татары и мордва⁵. При этом наблюдаем вполне ожидаемую картину. Русский компонент, численно преобладавший над всеми другими этносами средневожского региона, представлен в абсолютном большинстве многонациональных сел и деревень двух губерний – в 282 (84,9%).

Изменение этнического состава сел и деревень было следствием совместной хозяйственно-экономической деятельности представителей разных народов, их миграций и перманентных сношений друг с другом, предпринимаемым крестьянским «миром» шагов по смягчению прессы платежей за надельные земли и прочих обстоятельств. На рубеже XIX–XX столетий русские и татары в с. Старая Икшурма Мамадышского уезда Казанской губернии составляли две относительно равновеликие группы однообщинников. Потомками пришельцев здесь являлись русские, в разное время принятые в свою среду татарами. Первыми иноплеменниками, водворившимися в поселение, стали несколько семейств русских кузнецов, живших в ближайшей округе села. Нуждаясь в лицах, знавших кузнечное ремесло, татары пригласили «чужаков» в свое общество: «дали им землю и стали жить [с ними] дружно»⁶. Часть населенных мест становилась этнически разнородной из-за принимаемых властями, ведомствами и помещиками мер регулирующего порядка. Так, чувашское с. Богдашкино Симбирского уезда одноименной губернии статус «смешанного» населенного пункта приобрело именно вследствие подобного административного вмешательства. В «самом начале» XIX в. Симбирская казенная палата подселила к чувашским крестьянам 20 дворов лашман из татар-мусульман⁷. Подобная участь постигла и русскую д. Уренская Копышовка Симбирского уезда: в составе жителей населенного места иноэтнический компонент в лице крещеных татар из д. Новые Маклауши Симбирского уезда появился в 1837 г.: Симбирской удельной конторой новокрещены были переселены к приверженцам православия с целью укрепить их в христианской вере⁸.

Жизненное пространство полиэтнических сел и деревень являло собой динамичное явление. Одновременно имело место два разнонаправленных процесса: этнически «чистые» села и деревни становились многонациональными, а этнически смешанные – однонациональными. При этом не все населенные места сохраняли однажды приобретенное этнокультурное многообразие – смешанный национальный состав жителей. Миграции, ассимиляционные процессы и смена вероисповедования достаточно часто возвращали этническую ситуацию в «смешанных» поселениях в исходное, а случалось, как бы это ни звучало парадоксально, и в совершенно иное этнокультурное состояние. К примеру, в 1794 г. русское с. Шумовка Симбирского уезда одноименной губернии обрело нового хозяина – князя М.М. Го-

лицына. При нем и его потомках названное сельское общество «стало разноплеменным и крайне буйным». Столь резкими переменами в своей повседневной жизни шумовчане были обязаны пришлому люду, работавшему ранее на уральских заводах Голицыных: провинившиеся на производстве рабочие князьями водворялись в свою родовую вотчину на Средней Волге. Со временем пришлый этнический компонент полностью растворился в русской культурной среде. Но наблюдательный глаз современника и в начале XX в. без труда находил в жизненном пространстве села следы былой его «разноплеменности»: «среди великорусов есть немало обрусевших чуваш, мордвы и цыган»⁹. С жителями д. Басурманская – в начале XX в. с. Владимирское Козьмодемьянского уезда Казанской губернии – произошла иная «метаморфоза». На административной карте региона данное населенное место появилось в 1580-х годах: оно было основано горными марийцами и чувашами, поселившимися несколькими дворами в пяти верстах от Козьмодемьянской крепости у устья р. Обуховка. Впоследствии «служилая черемиса», приняв христианство, полностью утратила свою этническую идентичность – обрусела¹⁰.

В начале XX в. в этнически смешанных селах и деревнях, как следует из материалов земских обследований, проживало: в Казанской губернии – 242318 чел. (данные на 1907 г.), в Симбирской – 75877 чел. (данные на 1910 – 1911 гг.). В составе сельских жителей их доля в первой составляла 10,4%, во второй – 4,6%¹¹. Приведенные статистические характеристики несколько скрадывают пространство полиэтнических населенных мест. Согласно зарегистрированным в переписных листах всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. данным, в чувашской д. Синьялы Чебоксарского уезда Казанской губернии, к примеру, проживала русская семья В.Я. Яковлевых в составе четырех человек¹². Между тем в материалах земского обследования 1906 г. данное населенное место зарегистрировано как этнически «чистое» – чувашское¹³. Выявленное «разночтение» имеет свое объяснение. Земские экономико-статистические обследования позволяют установить лишь число сел и деревень, где инонациональная примесь составляла относительно внушительную долю. В начале XX в. сотрудниками оценочно-статистического бюро Казанского губернского земства в разряд этнически смешанных сельских поселений причислялись, например, только те сельские общества, где инонациональный компонент составлял 10 и более процентов¹⁴. В том, что к подобному же статистическому приему прибегали и сотрудники Симбирского губернского земства, не приходится сомневаться. В состав крестьянского общества с. Большой Сиуч Симбирского уезда в 1900-х годах, к примеру, помимо русских входили две семьи татар численностью 29 душ обоего пола, являвшиеся потомками переселенных сюда в 1837 г. местной удельной конторой новокрещен¹⁵. Но в поселенно-общинных таблицах земской подворной переписи 1910–1911 гг. данное населенное место не фигурирует как этнически смешанная¹⁶.

Разумеется, при изучении этнической ситуации нюансы статистической «кухни» земских обследований должны приниматься во внимание. Вместе

с тем вряд ли будет правильным все же считать, что полученные нами на основе материалов земских обследований статистические характеристики существенно искажают этническую реальность средневожской деревни. В повседневной жизни малочисленный инациональный компонент, попадая в «чужую» стихию, обычно вскоре пропитывался ее «духом» – традициями, поведенческими стереотипами и прочими составляющими этнической идентичности. В этнографической записке слушателя Казанских миссионерских курсов Г. Коккеля за 1908 г. находим: «В эту деревню (с. Большое Батырево Буинского уезда Симбирской губернии. – Г.Н.) за чувашского парня вышла замуж русская девица. В первое время молодая ходила в русском костюме, но сейчас она одевается во все чувашское»¹⁷.

Культура ни одного вожского народа не являлась образованием, имеющим своей основой исключительно собственную этнокультурную составляющую. Каждая из них включала в себя элементы культур других этносов, с которыми они приходили в прямое или опосредованное соприкосновение. Этнокультурный взаимообмен непрерывно сопровождал этнические общности региона в их тернистом пути в историческом пространстве. Подобный процесс на Средней Волге в конце XIX – начале XX в. шел асимметрично. В местностях, где бок о бок проживали крестьяне различной национальной принадлежности, превалирующим обычно было этнокультурное влияние той этнической общности, которая в округе численно преобладала. В случае, когда они были относительно равновеликими, и степень воздействия сопредельных сторон друг на друга была относительно равной. В районах же, где этносы размещались сплошной массой, каждая из них «варилась» главным образом в собственном этнокультурном поле. Но замкнутость компактно расселенных этнических общностей была, конечно же, относительной. Иноэтническое влияние в их среду привносили торговцы и работавшие по заказу клиента кустари иной национальной принадлежности, выезжавшие в другие регионы страны на заработки члены сельских обществ, бравшие в жены и мужья иноплеменников молодые люди и прочий люд из «чужаков» – богомольцы, нищие и т.д. По свидетельству исследователя-современника С.К. Кузнецова, в Казанской губернии в 1880-х годах «ничтожный процент русских» присутствовал «почти во всякой общине» удмуртов. Они были представлены ремесленниками, временными арендаторами мельниц, а также приглашенными на выморочные наделы хлебопашцами¹⁸. Согласно данным всеобщей переписи населения, на 28 января 1897 г. в ок. Евсейкин Козьмодемьянского уезда Казанской губернии в семье марица Петра Егорова временно проживал житель д. Полевые Хачики чуваш Васильев Никита. Восемнадцатилетний парень находился при домохозяйине «в работниках земледелием»¹⁹.

В жизненном пространстве средневожской деревни доминировало русское влияние. Здесь они – великороссы – являли собой более продвинутую в социально-политическом, социально-экономическом и социально-культурном отношениях этническую общность и превосходили по численности

каждую отдельно взятую национальную группу хлебопашцев по «общему дому». Проводниками русской культуры на территории с «инородческим» населением объективно являлись также такие институты и каналы, как армия, церковь, местная администрация, школа и периодическая печать. Внушительное внешнее воздействие приносило свои плоды. В эпоху капитализма тяга «инородцев» ко всему русскому неуклонно росла. В корреспонденции сельского священника Е. Сосунцова, опубликованной в 1901 г. на страницах церковной периодики, читаем: «Все черемисы (марийцы. – Г.Н.) околodka Коновалова [Казанского уезда одноименной губернии] и недалеко находящиеся от него селений довольно правильно говорят по-русски и вообще стремятся к обрусению»²⁰. Как и представители других этносов страны, русские, водворяясь в гущу того или иного средневожского народа, и сами вбирали в себя некоторые черты этничности своих соседей. Так, в начале XX в. русских, живших в округе с. Акулево Чебоксарского уезда Казанской губернии, приходский священник находил в какой-то мере теряющими свою «самость» в иноэтнотультурном поле: «вследствие своего меньшинства, несколько очувашились»²¹.

В конце XIX – начале XX в. смене этнического самосознания в той или иной степени были подвержены все проживавшие в средневожской деревне национальные группы хлебопашцев: и русские, и татары, и чуваша, и мордва, и марийцы, и удмурты, и представители других этносов. Этот сложный, многослойный, разнонаправленный, не лишенный драматизма процесс в их культурном поле был выражен по-разному. Его направление, масштабность и интенсивность обуславливались комплексом обстоятельств и условий – принадлежностью крестьян к той или иной конфессиональной общине, социальной и культурной продвинутостью хлебопашцев различной национальной принадлежности, их численностью и особенностями расселения, уровнем этнической мобилизации и т.д. Основными потоками шедших здесь ассимиляционных процессов являлись обрусение и отатаривание.

Путь в русские всецело пролегал через культурное поле христианства. В начале XX в. в с. Шемякино Тетюшского уезда Казанской губернии, по свидетельству его уроженца, перед тем, как перейти на ношение «русской одежды», женщина-чувашка отслужила в приходской церкви молебен²². Этот случай, кажущийся, на первый взгляд, курьезным, в действительности глубоко символичен и показателен. Этническую идентичность великороссов вожские коренные народы не представляли вне данного мировоззрения. В их сознании понятия «христианство» и «русская вера» закрепились как равнозначные субстанции. Приверженец православия в среде марийцев обозначался, к примеру, следующими словосочетаниями: *рушла вера мари* (буквально: мари русской веры), *рушарньа вэра кучьшо* (верующий по-русски), *рушвэра дэнэ шогьшо* (держась за русскую веру)²³.

Религия, как известно, может и объединять, и разъединять социум. В зеркале статистических характеристик всеобщей переписи населения 1897 г. национальные группы сельского населения Казанской и Симбирской губер-

ний в конфессиональном ракурсе предстают в следующем виде. Русские: православные – 97,2%, старообрядцы и уклонившиеся от православия – 2,8%, прочие – менее 0,1%. Мордва: православные – 98,8%, старообрядцы и уклонившиеся от православия – 1,2%, прочие – менее 0,1%. Марийцы: православные – 97,3%, приверженцы традиционных верований – 2,7%, прочие – менее 0,1%. Чуваши: православные – 98,9%, приверженцы традиционных верований – 1,1%, прочие – менее 0,1%. Удмурты: православные – 76,4%, приверженцы традиционных верований – 23,4%, мусульмане – 0,2%. Татары: мусульмане – 94,5%, православные (далее: кряшены) – 5,5%, прочие – менее 0,1%²⁴. Де-юре, как видим, в капиталистическую эпоху абсолютное большинство хлебопашцев-«инородцев», за исключением татарских крестьян, являлось приверженцами православия и составляло единое с русскими конфессиональное поле. Это обстоятельство, конечно же, не могло не благоприятствовать установлению относительно тесных контактов между ними, в частности, заключению этнически смешанных браков. Но де-факто этноконфессиональная ситуация здесь была более сложной, ибо основная масса православных «инородцев» являла собой язычествующих христиан и «двоеверов»²⁵.

В историко-этнологической литературе мордва не без основания причисляется к этническим общностям, чаще других этносов Российской империи менявших свое национальное самосознание на русское. По приблизительным подсчетам, сделанным С.И. Бруком и В.М. Кабузаном, только в 60–90-х годах XIX в. в стране в состав русских влилось более 100 тыс. мордвы²⁶. В том, что и на Средней Волге в конце XIX – начале XX в. данный процесс шел интенсивно, сомневаться не приходится. Произведем несложные расчеты. Прежде в Симбирской губернии выберем те уезды, административные границы которых со времени проведения переписи 1897 г. до демографического обследования 1920 г. оставались неизменными. Таких единиц находим всего пять – Алатырский, Ардатовский, Карсунский, Сентилеевский и Сызранский уезды. За указанный промежуток времени численность сельского населения на очерченной территории у русских возросла с 690938 чел. до 842801, у мордвы – с 160106 чел. до 183875²⁷. Прирост равен: у первых – 21,97%, у вторых – 14,84%. Для получения необходимых для анализа статистических характеристик несколько скорректируем реальную демографическую ситуацию. Коррекция первая. Из материалов земского обследования 1910–1911 гг. явствует, что уровень мобильности русского сельского населения на рассматриваемой территории был выше, чем у мордвы²⁸. Чтобы не усложнять расчеты, данный показатель примем равным для двух рассматриваемых национальных групп крестьянства. Коррекция вторая. Судя по косвенным данным, в Симбирской губернии коэффициент естественного прироста сельского населения у мордвы был выше, чем у русских²⁹. И данный показатель будем считать равным для двух анализируемых этнокультурных субъектов. Коррекция третья. Ассимиляцию русскими и мордвой представителей других народов, составляв-

ших на данной территории небольшие группы³⁰, не примем в расчет. При этом заметим, что произведенная нами коррекция демографической ситуации будет иметь своим результирующим следствием небольшое уменьшение перехода мордвы в состав русских. В 1920 г. в пяти уездах Симбирской губернии численность мордовского сельского населения при приросте 21,97% – как у русских – составит 195281 чел. Разница между рассчитанным и зарегистрированным переписью 1920 г. статистическими характеристиками и составит искомую величину: 195281 чел. – 183875 чел. = 11406 чел.³¹ За 23 года в пяти уездах Симбирской губернии свое этническое самосознание сменила на русское, как видим, достаточно внушительная группа мордовского сельского населения.

Большая «русскость» жизненного пространства мордвы, бросавшаяся в глаза и внешне, получила отражение в исторических источниках самого разного плана. Так, обыденный эпизод из повседневной жизни средневожской деревни, подробно описанный в автобиографии юного школьного ученика, высвечивает весьма характерное явление из ее бытия. В 1896 г., в возрасте семи лет, уроженец чувашской д. Кубня Буинского уезда Симбирской губернии Лукиан Марков стал учеником церковноприходской школы, расположенной в соседнем с. Малые Кармалы. По собственному его признанию, два учебных года, из проведенных здесь четырех, он провел «без всякой пользы» для себя, ибо «продолжал стоять на той [же] ступени развития, какой стоял еще до поступления в школу». Местный учитель, не изъяснявшийся по-чувашски, в образовательном процессе был малополезен для чувашского мальчика, не понимавшего ни слова по-русски. Между тем сверстники Лукиана – дети окрестных мордовских крестьян, «для которых ничего не стоило понимать русский язык», в учебе преуспевали³².

Из этнографических записок, составленных учеником Казанской духовной семинарии Иваном Григорьевым 26 февраля 1912 г., предстает следующая картина: «Жители (мордва. – Г.Н.) с. Александровка [Симбирского уезда одноименной губернии] – особенно мужского пола – по костюму похожи на русских. Разговаривают они также по-русски. Такому сближению их с русскими содействовало то обстоятельство, что они все земельные наделы свои продают и пропивают, отправляются на заработки в города, где живут по несколько лет и возвращаются оттуда, конечно, похожими на русских. Ездят на заработки не только мужчины, но и женщины, которые также научаются болтать по-русски»³³.

Нельзя не признать, что к объяснению причин, вызвавших «русскость» у мордвы в с. Александровка, современник подошел как рядовой обыватель, конкретно. Внешнее обрусение мордвы – ношение русского костюма, общение на русском языке – он объяснил двумя обстоятельствами: мобильностью членов сельского общества и их относительно долгим пребыванием в русской среде. Выезд за пределы своей округи и длительное проживание в среде русских действительно являлись вызывающими изменение национального самосознания мордвы факторами, но отнюдь не единственными и, пожалуй,

и не основными. Его причины гораздо глубже, они уходят своими корнями в историческое прошлое этноса. Мордва еще до присоединения к Московии долгое время находилась в сфере воздействия русских. В их религиозном сознании и культовой практике «со стародавних времен складывались синтетические формы религии, сочетавшие мордовское язычество с язычеством восточнославянским, а затем с русским православием»³⁴, что облегчало их взаимные разносторонние контакты. Бинарность народа, относительно слабые экономические и культурные связи между субэтносами мокша и эрзя, дисперсное расселение этноса также не могли не облегчить ассимиляцию мордвы русскими.

В конце XIX – начале XX в. марийцы, чувашаи и удмурты, в отличие от мордвы, в разы в меньшей степени были подвержены русской ассимиляции. Они значительно позднее мордвы попали под русское влияние, жили преимущественно или компактной массой, или в близком соседстве с татарами-мусульманами, менее преуспели в усвоении истин «русской веры» и отличались большей приверженностью на мир своих соплеменников. Удмуртская поговорка гласит: «*Кышно басыткйд ке, зучез эн басыты*» («Если думаешь жениться, то на русской не женись»)³⁵. Схожий мотив обнаруживаем и в устном народном творчестве чувашей³⁶:

*Ати мана вырăса парас тет,
Каймастăп, килместĕп.
Вырăс, кулач хушинче,
Каймастăп, килместĕп,
Кулачă пĕçерме пĕлместĕп.*

Отец за русского хочет меня выдать замуж,
Не пойду, не хочу.
В среде русских, где калачи,
Не хочу, не пойду,
Калачи печь не умею.

*Ати мана тутара парас тет,
Каймастăп килместĕп.
Тутар, самовар хушинче,
Каймастăп, килместĕп,
Самовар лартма пĕлместĕп.*

Отец за татарина хочет выдать меня замуж,
Не хочу, не пойду.
В среде татар, где самовары,
Не хочу, не пойду,
Самовар ставить не умею.

*Ати мана чикана парас тет,
Каймастăп, килместĕп.
Чикан, юмăс хушине,
Каймастăп, килместĕп,
Юмăс пăхма пĕлместĕп.*

Отец за цыгана хочет выдать меня замуж,
Не хочу, не пойду.
В среде цыган, где ворожба,
Не хочу, не пойду,
Гадать- ворожить не умею.

Смена чувашами, марийцами и удмуртами своего этнического самосознания на русское имело, как правило, чаще всего в тех их селах и деревнях, которые размещались островками в гуще русской «стихии», а также в этнически смешанных сельских обществах, где был представлен внушительный русский компонент. Так, священник из чувашей, получивший назначение в с. Байдеряково Сызранского уезда Симбирской губернии, испытал настоящий шок от оказанного ему соплеменниками приема. Совершив богослужение на родном для прихожан языке, он вызвал их крайнее неудовольствие. Согласно свидетельству диакона Д. Селиванова, они «даже к архиерею ходили с жалобой на священника, прося священника из русских»³⁷.

Признать всех жителей «инородческих» сельских обществ, предпочитавших общаться между собой на русском языке, утратившими свою этническую идентичность – было бы упрощением этнической ситуации в средневожской деревне. Далеко не каждый из них, конечно же, являлся таковым. Но верно и то, что со сменой родного языка на русский чуваша, удмурты, кряшены и марийцы теряли свою «самость», и в их среде росло стремление полностью влиться в этнокультурное пространство великороссов. Так, на рубеже XIX–XX столетий марийцы Паратского, Моркиальского и Никольского приходов Казанского уезда одноименной губернии, по свидетельству священника – «черемисина по происхождению», сильно противились использованию родного языка при богослужении в местных храмах. В своей основной массе они тяготились собственной этнической общностью: «Мы тоже русские и хотим молиться так же, как и все русские»³⁸.

Жители «инородческой» деревни – и мужчины, и женщины, вступая в брак с русскими и водворяясь в их среду, спустя относительно короткий отрезок времени, как правило, меняли свою этническую идентичность. Сравнительно быстрое вращение их в иную этническую общность объяснялось, в первую очередь, тем, что такие лица в социокультурном плане в той или иной мере уже были окультурены русскими и, как правило, внутренне нацелены на их мир³⁹. Ориентация русско-«инородческих» и «инородческо»-русских семей на этнокультурное поле великороссов ярко иллюстрируется этническим поведением супругов в национально смешанных семьях. В городах и русских селениях лица, состоявшие в таком браке, своих отпрысков записывали практически всегда русскими. Так, в переписных листах всеобщей переписи населения 1897 г. в г. Чебоксарах дети в чувашско-русских семьях Степановых, Ильиных и Фоминых – проживали соответственно в Солдатской слободе, по ул. Ярославской и в Кузнечной слободе – зарегистрированы великороссами⁴⁰.

Вместе с тем как институт, обеспечивающий ассимиляцию «чужаков», этнически смешанные браки в пространстве русской деревни не играли определяющей роли. Относительно распространенным явлением повседневной действительности они являлись преимущественно в населенных местах, где нерусские крестьяне совместно с русскими хлебопашцами составляли единое сельское общество. В газете «Волжско-Камская Речь» за 1907 г., к примеру, читаем: «В Казанском уезде деревни Айша, Ковали, Ильинское, Белая Безводная, Параты и Лягушкино имеют смешанное население, где постоянно совершаются браки между черемисами (марийцы. – Г.Н.) и русскими»⁴¹. Но подобная картина наблюдалась лишь в тех этнически неоднородных селах и деревнях, где крестьяне разных национальностей имели между собой тесные сношения и относились друг другу с доверием и уважением. В местностях же компактного расселения русских национально смешанные браки если и случались, то крайне нечасто. Редкостью являлись они и в контактных зонах⁴².

Тесные этнокультурные контакты русских с «инородцами» были затруднены невлечением и плохим владением сторонами языками друг друга.

Основная масса русских хлебопашцев не особо утруждала себя усвоением «инородческих» языков. Относительно благоприятной была ситуация в данном плане лишь в контактных зонах и этнически неоднородных населенных местах. В районах же компактного расселения этноса языками других волжских народов обычно владели только те лица, кто имел в их среде собственное «дело» – торговцы, скупщики и кустари-отходники⁴³. Не менее проблемным был языковой вопрос и в «инородческой» деревне. В местностях, где нерусские крестьяне имели постоянные сношения с русским людом – в контактных зонах, в этнически смешанных населенных местах, в пригородных, приволжских и присурских деревнях, в торговых и притракторных селах, в окрестностях железнодорожных станций они в лице основной массы мужчин рабочего возраста еще могли сравнительно сносно «балакать» на языке русского собрата⁴⁴. В других же местностях в их среде на русском языке неплохо могли изъясняться только крестьяне-отходники, бывшие солдаты, учащиеся и получившие начальное образование общинники. В «медвежьих уголках» контакт русских хлебопашцев с иной категорией лиц проходил не без языковых сложностей. Вот каким предстает из этнографических записок современника диалог «гордого внука славян» с чувашским хлебопашцем на таких территориях: «Тут дорога, тут пошел, *урля-пирлэ* [вкривь и вкось] Орлов [фамилия] *арманёне* [вблизи мельницы], *мáкáльт* [звукоподражательное слово о быстром мелькании чего-либо] дорога, прям[о] Ишак[и] [название села]»⁴⁵. Найти же в нерусской деревне женщин, кто мог бы сколько-нибудь сносно вести диалог с русским, составляло задачу и вовсе трудновыполнимую⁴⁶.

В социально-психологическом плане тесному общению русских с «инородцами» в определенной мере препятствовал и имевший место в средневолжской деревне бытовой национализм. Часть русских хлебопашцев находила «инородцев» людьми несколько неряшливыми, скуповатыми и консервативными⁴⁷. В социальной среде всякое действие вызывает противодействие. В «кривом зеркале» склонна была видеть великороссов и часть «инородцев»: «... всегда себя выставляют вперед», «конфликтуют», «не замечают», «задевают», «издеваются», «смотрят свысока» и т.д.⁴⁸ Не всякий русский, таким образом, желал видеть своим брачным партнером «инородца». Подобно настроенные лица не были редкостью и в среде нерусских крестьян. В данном плане нерусские крестьяне более благожелательно были настроены к обществу друг друга. В этнографических записях современника за 1916 г. находим: «Брачных союзов между русскими и чувашами бывает очень редко, хотя, по народным понятиям, [и] не запрещается; но между мордвой и чувашами встречается чаще»⁴⁹.

8 июня 1895 г. в г. Карсун Симбирской губернии в магазине купца Антипина уроженец чувашско-татарского с. Бюрганы Буинского уезда И.Н. Юркин встретился с двумя татарскими муллами. Стороны нашли друг друга интересными собеседниками. Завязался откровенный разговор об этноконфессиональной ситуации в Поволжье. В ходе дружеской беседы духовным

лицам неожиданно был задан вопрос, крепко задевший их за живое: «Сильно ли русеют [татары]-мишари?» Незамедлительно последовал категоричный ответ: «Положительно нет!». Еще священнослужителями было добавлено, что «мусульмане никогда не русеют», и что, наоборот, в «мусульманство переходят другие народности», в их числе «чуваши и мордва»⁵⁰. Так, имела ли место в конце XIX – начале XX в. в средневожской деревне ассимиляция русскими татар-мусульман?

Приведенный эпизод из повседневной жизни средневожской деревни весьма показателен. В вопросах веры и христианин, и мусульманин, и приверженец язычества жестко отстаивали свои позиции. Признание факта крещения татар-мусульман и утраты ими этнической идентичности в вышеприведенном конкретном случае для мулл было, надо полагать, равнозначно уступке православию в жестком конфессиональном противостоянии. На это, естественно, духовные лица не могли пойти. Впрочем, надо отдать должное служителям культа: они без потерь мировоззренческого плана вышли из неловкой ситуации, дав на «дерзкий» вопрос столь же «дерзкий» ответ.

Волжскотатарское этнокультурное поле, сотканное на исламской духовно-нравственной основе, став неотъемлемой частью социокультурного пространства России, в течение столетий успешно отражало миссионерские потуги Русской православной церкви и государства. В «русскую веру» татары уходили редко. Но данный процесс в Среднем Поволжье все же имел место и был обусловлен как мощным внешним социально-политическим, социально-экономическим и социально-культурным воздействием, так и факторами внутреннего порядка, в частности, утратой по той или иной причине приверженцами ислама всякой связи с родной общиной и, как следствие, принятием крещения. Случалось, что такие лица с течением времени меняли и свое этническое самосознание. О татарских корнях некоторым русским хлебопашцам региона напоминали носимые ими фамилии. В начале XX в. в с. Омара (Благовещенское) Мамадышского уезда Казанской губернии проживали, к примеру, семейства русских крестьян Токтаровых, Юнусовых, Сулеменевых, Басалаевых, Алакаевых, Сапаровых, Кутуевых и Карачевых⁵¹.

Нет оснований считать, что в эпоху капитализма процесс растворения отдельных представителей средневожской мусульманской общины в этнокультурном поле великороссов сошел на нет. Детальную картину смены вероисповедания татарами-мусульманами Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. удалось воссоздать ульяновскому историку А.В. Кобзеву. По его данным, полученным в результате обработки документов духовной консистории, в Симбирской губернии с 1858 г. по 1911 г. из ислама в православие перешло 127 татар-мусульман. И еще 32 лицами было высказано желание принять крещение. В своем большинстве неопиты жили в православных селах и деревнях. В четырех случаях их переход в православие был обусловлен стремлением вступить в брак с иноверцем (иноверкой). Отдельные сменившие веру лица перестали осознавать себя татарами: «в душе уже не татарин, а христианин и решил принять христианст-

во»⁵². Аналогичный процесс, вне сомнения, шел и в Казанской губернии. В 1900 г., к примеру, православие здесь приняли 14 татар-мусульман⁵³.

Разумеется, обрусение татар-мусульман в средневожской деревне может быть квалифицировано только как единичное явление. Более был выражен данный процесс в социальной среде крещеных татар, живших в близком соседстве с русскими или в смешанных с ними селах и деревнях. Так, в начале XX в. в русско-кряшенском с. Абди Мамадышского уезда Казанской губернии многие потомки старокрещенных татар общались между собой на русском языке. Причем в их среде были лица, не знавшие «потатарски ни одного слова»⁵⁴. Но такая ситуация наблюдалась не во всех их этнически неоднородных населенных местах. В с. Тавели Мамадышского уезда Казанской губернии, к примеру, в начале XX в. старокрещенные татары и русские мало имели «между собою взаимного общения» и совсем не вступали «в родственные связи друг с другом»⁵⁵.

В конце XIX–начале XX в., как и в предыдущие столетия, этнокультурное поле татар продолжало расширять свои границы. Данный поток ассимиляционных процессов имел свои особенности. Основное его русло находилось в конфессиональном поле ислама (татары-мусульмане), а небольшой «рукав» – в конфессиональном поле христианства (кряшены, устойчивые в православии). Путь в татары был существенно короче пути в русские. Погружение средневожских нерусских этносов в православие само по себе не вело к относительно скорой утрате ими своей этнической идентичности. Мусульманское же культурное поле сравнительно быстро разъедало национальное самосознание новых членов общины. Ислам, с его развитым организационно-регулирующим началом, плотнее наполнял ниши повседневного бытия своих приверженцев. Современник отмечал, что «ассимиляция отатаренных язычников и отступников от православия идет настолько быстро, что через два поколения уже нет возможности отличить одних от других»⁵⁶.

В XIX в. ассимиляция татарами своих соседей имела значительные размеры. По примерным подсчетам казанского этнолога Д.М. Исакова, только в первой половине столетия в Буинском, Симбирском, Цивильском и Тетюшском уездах Казанской и Симбирской губерний в состав татар влились «несколько тысяч» чувашей⁵⁷. В последующее время с укреплением православия в нерусской деревне этот процесс пошел на убыль. Но принятые в ходе Первой русской революции законодательные акты – Высочайше утвержденное Положение комитета министров 17 апреля 1905 г. и Манифест 17 октября 1905 г. – дали новый всплеск татарской ассимиляции. Иноэтничный приток в этнокультурное пространство татар в начале XX в. было внушительным, но вместе с тем и не крупномасштабным. С 17 апреля 1905 г. по 1 ноября 1910 г., как явствует из введенных в научный оборот Д.М. Исаковым данных, в Казанской губернии из православия в мусульманство отпало 38999 чел.⁵⁸ По данным священника С. Багина, оставившие поле христианства за период с 1860-х годов до 17 октября 1905 г. лица в их числе

составляли до 32008 чел.⁵⁹ По его же сведениям, с момента издания Манифеста 17 октября 1905 г. по 1 января 1909 г. в Казанской епархии в мусульманство из православия отпали еще 2994 крещеных татар⁶⁰. Из приведенных статистических характеристик следует, что численность чувашей, марийцев, удмуртов и представителей других этносов, принявших в 1905–1910 гг. мусульманство в Казанской губернии, могла достигать 3997 чел. По подсчетам А.В. Кобзева, численность чувашей мусульман в уездах Симбирской губернии в 1905–1907 гг. не превышала 400–600 чел.⁶¹ В своем абсолютном большинстве отпавшие из православия в мусульманство «иностранцы» и «иностранцы»-мусульмане являли собой потенциальных «новых татар».

Данной группой сельского населения ориентация на этнокультурное пространство татар-мусульман внешне демонстрировалась ношением татарского костюма, общением на татарском языке, соблюдением мусульманских обрядов и традиций и т.д. Как правило, они и называли себя татарами. Так, согласно свидетельству современника, один из таких омульманенных «иностранцев» в начале XX в. представился следующим образом: «Я – отпавший татарин из крещеных черемис»⁶². Уход в татары русского православного населения в рассматриваемый период также имел место, но данное явление исчерпывалось единичными случаями. Так, в ходе всеобщей переписи населения 1897 г. приверженцами ислама в среде русских сельских жителей Казанской и Симбирской губерний зарегистрировались 209 чел.⁶³ В среду кряшен иноэтнокультурный компонент попадал главным образом через национально смешанные браки⁶⁴.

В свою очередь и русские, и кряшены, и оставившие в конце XIX–начале XX в. культурное поле ислама татары, в силу разных жизненных обстоятельств оказавшиеся в среде поволжских соседей, с течением времени, случалось, «врастали» в иноэтнокультурное пространство. В д. Мусирма Цивильского уезда, к примеру, именно такой процесс привлек внимание современника: «Случаются, входят в чувашские семьи зятями молодые люди из русских и татар. В чувашских семьях, где жена взята из русских, малые дети в раннем детстве говорят по-русски. Спустя время, словно пашня, покрывающаяся ячменем и овсом, словно нива, зарастающая сорняком, они совсем очушашиваются. Вчистую забывают русские слова, воспринятые в младенчестве от матери. В семьях, где мать чувашка, а отец из русских или татар, дети с малых лет говорят по-чувашски. И зятья из русских и татар, и русские снохи в среде чувашей всегда говорят по-чувашски. Во время праздников вместе с чувашами поют чувашские песни, часто не только не уступая им в мастерстве, но и превосходя их»⁶⁵. И еще более убедительное свидетельство аналогичного порядка. «Я родился в 1890 году 7 февраля (теперь село) в Малом Шемякине Большешемякинской волости Тетюшского уезда Казанской губернии. По женской линии я потомок давно *очушашившегося татарина* (курсив наш. – Г.Н.). По мужской линии я чувашин»⁶⁶. Эти строки нами извлечены из автобиографии выпускника Казанской учительской семинарии Ф.С. Калсанова. Как видим, переход

русских и татар в состав других средневожских этносов прослеживается источниками. Но размеры названных потоков этнических процессов в средневожской деревне могут быть квалифицированы лишь как весьма и весьма скромные.

Другие составляющие ассимиляционных процессов в средневожской деревне – переход чувашей в состав мордвы и соответственно мордвы в состав чувашей, марийцев в состав удмуртов и соответственно удмуртов в состав марийцев, чувашей в состав марийцев и соответственно марийцев в состав чувашей и т.д., – в той или иной мере взаимно гасили друг друга и не накладывали сколько-нибудь существенный отпечаток на этническую карту региона. Подобное заключение основано на анализе этнодемографической ситуации в пограничных районах расселения перечисленных национальных групп крестьянства.

Обработка материалов метрических книг приходских церквей Козьмодемьянского уезда Казанской губернии позволила получить, в частности, следующие статистические данные, характеризующие этнокультурные контакты между марийцами и чувашами в сфере семейно-брачных отношений. В чувашском с. Малое Карачкино, включавшем в свой состав четыре околотка, в 1901–1910 гг. вступили в брак 127 его уроженцев-мужчин. При этом 27 из них, или 21,3%, в спутницы жизни выбрали не соплеменниц, а жительниц ближайшей марийской округи: в Козьмодемьянском уезде – из д. Юнго-Кушерга (5 чел.), из с. Кожважи (4 чел.), из д. Малые Паратмары (4 чел.), из с. Емелево (2 чел.), из д. Паратмары (2 чел.), из д. Старые Тарашнуры (2 чел.), из ок. Сарлайкин (1 чел.) из д. Горная Кушерга (1 чел.), из д. Пиндиково (1 чел.), из д. Пертюково (1 чел.), из д. Шапкилей (1 чел.), из д. Юльялы (1 чел.), из д. Новая (1 чел.); в Чебоксарском уезде – из с. Сидельниково (1 чел.)⁶⁷. За данный же отрезок времени в марийской д. Средние Кожважи, семьей обзавелись 62 мужчины. В этнокультурном ракурсе в их числе 10 брачных пар, или 16,1%, являлись марийско-чувашскими. До замужества чувашские девицы и женщины проживали в следующих деревнях: Токшик (2 чел.), Эшмулайкасы (2 чел.), Турыкасы (2 чел.), Ойкасы (1 чел.), Шубоси (1 чел.) и Большие Татаркасы (1 чел.)⁶⁸.

В местностях, где «инородческие» группы сельского населения проживали в относительно близком соседстве и имели между собой частые сношения, имели место, как видим, встречные потоки ассимиляционных процессов. Обмен невестами между этнокультурными пространствами, находившими друг друга в социально-культурном плане ровней, может быть квалифицирован именно подобным образом. Так, согласно данным первой всеобщей переписи населения, на 28 января 1897 г. в марийском ок. Евсейкин Козьмодемьянского уезда Казанской губернии в семье Степановых проживали четыре лица: домохозяин – местный уроженец Степанов Андрей, его жена – уроженка чувашской деревни Хундыкасы Никитина Ульяна, дети супругов – Семен и Карп. Все члены семьи в ходе переписи родным языком назвали марийский. В числе временно пребывавших лиц при данной семье

демографическим обследованием были зарегистрированы уроженцы д. Хундыкасы Васильев Никита и Анна Трофимова. Первый, будучи в очень солидном возрасте, – ему было 96 лет, находился «на прокормлении у зятя», а вторая, приходившаяся племянницей жене домохозяина, гостила у тети. В отличие от Никитиной Ульяны, сменившей де-факто свое этническое самосознание, и Васильев Никита, и Анна Трофимова в ходе переписи свою этническую принадлежность определили как чувашаши. Состоя более двух десятков лет в браке с марийцем – старшему сыну супружеской пары Семену было 23 года, чувашская женщина уже не представляла себя вне марийской «стихии»⁶⁹. И еще один не менее любопытный факт названного же порядка. В данном же населенном пункте в семье марийского крестьянина Гавриила Григорьева демографическое обследование 1897 г. зарегистрировало временно пребывавшее лицо – Григорьеву Елену 30-ти лет. Она приходилась домохозяину сестрой, была замужем за чувашским крестьянином ок. Тренькин. Переписчикам она родным языком назвала не марийский язык, а чувашский⁷⁰. Этническая ориентация марийской женщины в данном случае очевидна: она склонна причислить себя к чувашам. Для ухода «в чувашаши», то есть смены своего этнического самосознания, ей, как следует из источника, потребовалось еще меньше времени – надо полагать, порядка десяти лет.

Что же касается вливания в состав нерусских народов региона лиц иной национальной принадлежности Российской державы, то названное явление исчерпывалось здесь единичными случаями. Тщательный просмотр метрических книг по десяткам сел и деревень Казанской и Симбирской губерний за 1901–1910 гг. позволил выявить лишь несколько подобных случаев. В Николаевской церкви мордовского с. Атрать Алатырского уезда Симбирской губернии 3 февраля 1903 г. «билетный солдат» Николай Ноздрин, к примеру, зарегистрировал брак с жительницей колонии Подстепная Новоузенского уезда Самарской губернии Лидией Фельде⁷¹. Аналогичный случай имел место и в чувашском с. Малое Карачкино Козьмодемьянского уезда Казанской губернии: 10 февраля 1908 г. в Казанской церкви местный батюшка в метрической книге сделал запись о регистрации брака запасного старшего унтер-офицера Андрея Ермолаева и уроженки д. Пртедсвич Островского уезда Ломжинской губернии Марцианны Сикорской⁷². Информация о месте рождения невест и их фамилии позволяют заключить, что, по всей видимости, женой мордвина стала немка, а супругой чуваша – поляка. Не исключено, что впоследствии первая могла омордвиниться, а вторая – очувашиться. Во всяком случае, подобный процесс нашел отражение в свидетельствах современников. Так, в память стариков с. Оточево Ядринского уезда Казанской губернии врезался факт возвращения с воинской службы чуваша с женой-полячкой. До самой своей смерти бывший солдат жил со своей супругой в согласии и общался с ней на русском языке; но впоследствии его вдова постепенно очувашилась: «теперь его жена и вовсе забыла русский язык»⁷³.

Среднее Поволжье – слепок Российской державы в миниатюре. Его характерную черту составляет многонациональный и поликонфессиональный состав жителей. В конце XIX–начале XX в. сельское народонаселение Казанской и Симбирской губерний было представлено главным образом русскими, татарами, чувашами, мордвой, марийцами и удмуртами. В совокупности они являли собой пространство трех конфессий – христианства, ислама и язычества. Народы региона в основной своей массе проживали в чисто национальных сельских поселениях. Жизненное пространство относительно небольшой части населенных мест объединяло представителей двух и более этносов. В одних местностях национальные группы сельского населения размещались сплошной массой, в других – небольшими гнездами или враспыленную в гуще крестьян иной национальной принадлежности, что накладывало определенный отпечаток на тесноту межэтнических отношений.

Этнические общности средневожской деревни, объединенные многовековой общей исторической судьбой и хозяйственно-экономической деятельностью, находились в сложном этнокультурном взаимодействии друг с другом. Следствие и внешнее отражение данного процесса – смена частью национальных групп крестьянства региона своей этнической идентичности. В конце XIX–начале XX в. в иноэтничные «стихии» вливались и русские, и татары, и чувашы, и марийцы, и мордва, и удмурты, и представители других этносов. В силу факторов и условий, сложившихся исторически, основными потоками шедших в среде хлебопашцев ассимиляционных процессов явились обрусение и отатаривание. Смене этнического самосознания более было подвержено население, проживавшее в этнически неоднородных селах и деревнях, в контактных зонах, размещавшееся островками в гуще других этносов, а также находившийся во временной отлучке контингент – солдаты, отходники, богомольцы, нищие и т.д.

Литература и источники

¹ *Мухаметшин Ю.Г.* Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX–начало XX в. М.: Изд-во «Наука», 1977; Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981; *Исхаков Д.М.* Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). Казань, 1993; *Г.А. Никитина.* Сельская община – бускель – в пореформенный период (1861–1900 гг.). Ижевск: УИИЯЛ Уро РАН, 1993; *Шкляев Г.К.* Межэтнические отношения в Удмуртии. Опыт историко-психологического анализа. Ижевск: УИИЯЛ Уро РАН, 1998; Марийцы. Историко-этнографические очерки. Коллективная монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005; *Демидова И.И.* Русско-чувашские связи во второй половине XIX–начале XX вв. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006; и др.

² *Миронов Б.Н.* Социальная история России (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. С. 25.

³ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: «Блиц», 1995. С. 236.

⁴ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. СПб., 1903. Т. 14. С. 100, 101; Симбирская губерния. СПб., 1904. Т. 39. С. 62, 63.

⁵ Подсчитано по: Крестьянское землевладение Казанской губернии. Казань, 1907. Вып. 1–12; Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Симбирск, 1912–1915. Вып. 1–8.

⁶ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. 1. Ед. хр. 309. Инв. № 6195. Л. 47.

⁷ *Мартынов П.Л.* Селения Симбирского уезда. (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде.) Симбирск, 1903. С. 257.

⁸ Там же. С. 78, 180.

⁹ *Мартынов П.Л.* Указ. соч. С. 262, 263.

¹⁰ История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2006. С. 277, 278.

¹¹ Подсчитано по: Крестьянское землевладение Казанской губернии, Свод по губернии. Казань, 1909. Вып. 13. С. 25; Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 1–8.

¹² Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 157. Оп. 1. Д. 16. Л. 21.

¹³ Крестьянское землевладение Казанской губернии. Чебоксарский уезд. Казань, 1907. Вып. 7. С. 32.

¹⁴ Крестьянское землевладение Казанской губернии. Свод по губернии. С. 14.

¹⁵ *Мартынов П.Л.* Указ. соч. С. 116.

¹⁶ Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Симбирский уезд. Симбирск, 1915. Вып. 1. С. 90.

¹⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 168. Инв. № 4938. Л. 298. На русский язык цитата переведена нами.

¹⁸ *Кузнецов С.К.* Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // Этнографическое обозрение, 1904. № 4. Кн. LXIII. М., 1905. С. 27.

¹⁹ Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. 300. Оп. 1. Д. 4. Л. 17, 17 об.

²⁰ *Сосунов Е.* Краткое историко-статистическое описание школ церковноприходских и грамоты г. Казани и Казанского уезда. Коноваловская школа грамоты // Известия по Казанской епархии, 1901. № 13. С. 623.

²¹ Там же. Ед. хр. 637. Инв. № 9707. Без нумерации листов.

²² Там же. Ед. хр. 168. Инв. № 4928. Л. 5.

²³ Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 1927. С. 184.

²⁴ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. Т. 14. С. 104–107; Симбирская губерния. Т. 39. С. 64–67.

²⁵ *Николаев Г.А.* Заметки о чувашско-русских взаимоотношениях в средневожской деревне на рубеже XIX–XX столетий // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 40.

²⁶ *Брук С.И., Кабузан В.М.* Этнический состав населения России (1719–1917 гг.) // Советская этнография, 1980. № 6. С. 23, 25.

²⁷ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 39. С. 62, 63; Всероссийская перепись населения 1920 года. Симбирская губерния. Симбирск, 1923. С. 72, 73, 106.

²⁸ Доля приписных отсутствующих семей в общем числе приписных семей в деревне Симбирской губернии в 1910–1911 гг. составляла: у русских – 13,9%, у мордвы – 10,5%. Подсчитано по: Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 1–8.

²⁹ Людность семей в деревне Симбирской губернии в 1910–1911 гг. составляла: у мордвы – 6,48 чел., у русских – 5,67 чел. Подсчитано по: Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 1–8.

³⁰ В 1897 г. в Алатырском, Ардатовском, Карсунском, Сенгилеевском и Сызранском уездах Симбирской губернии в селах и деревнях проживало: русских 690938 чел. (76,8%), мордвы – 160106 чел. (17,8%), прочие этносы – 48242 чел. (5,4%). Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 39. С. 62, 63.

³¹ Подсчитано по: Подворная перепись Симбирской губернии. Вып. 1–8; Всероссийская перепись населения 1920 года. Симбирская губерния. С. 72, 73, 106.

³² Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. 1. Ед. хр. 180. Инв. № 5169. Л. 449, 450.

³³ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 223. Инв. № 5725. Л. 77.

³⁴ *Мокишин Н.Ф.* Религиозные верования мордвы. 2-е изд., доп. и перераб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. С. 225.

³⁵ *Герд К.П.* Пословицы и поговорки вотяков // Вотяки: Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. М., 1926. Кн. 1. С. 59.

³⁶ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 176. Инв. № 5054. Л. 257. На русский язык текст переведен нами.

³⁷ Там же. Ед. хр. 207. Инв. № 5685. Л. 407.

³⁸ *Сосунцов Е.* Указ. соч. С. 623.

³⁹ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 167. Инв. № 4917. Л. 195, 196.

⁴⁰ ГИА ЧР. Ф. 157. Оп. 1. Д. 10. Л. 129–130; д. 28. Л. 145–146, 157–158.

⁴¹ Волжско-Камская Речь, 1909. № 197.

⁴² *Рябинский К.* Ардинский приход Козьмодемьянского прихода // ИОАИЭ, 1900. Т. XVI. Вып. 2. С. 195; *Иванцев С.* Из быта мордвы деревни Дюрки Паранеевской волости Алатырского уезда Симбирской губернии // ИОАИЭ, 1894. Т. XI. Вып. 6. С. 575.

⁴³ *Тимофеев Г.Т.* Тăхăр ял: Этнографи тёрленчĕксĕм. Халăх сăмахлăхĕ. Ырсе пынисем. Ырусемпе асалиусем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви. 2002. С. 114, 115.

⁴⁴ ГИА ЧР. Ф. 322. Оп. 1. Д. 21. Л. 9 об.

⁴⁵ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 285. Инв. № 6059. Л. 481.

⁴⁶ Труды Особого Совещания по вопросам образования восточных инородцев. На правах рукописи. СПб., 1905. Приложение 1. С. 209.

⁴⁷ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 183. Инв. № 5203. Л. 181; ед. хр. 196. Инв. № 5561. Л. 193; *Коблов Я.* О татаризации инородцев Приволжского края. Казань, 1910. С. 13, 14.

⁴⁸ *Тимофеев Г.Т.* Указ. соч. С. 53.

⁴⁹ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 285. Инв. № 6057. Л. 297.

⁵⁰ *Магницкий В.К.* Несколько данных о «мишарях» (мещера, мещеряки) и селениях их в Казанской и Симбирской губерниях // ИОАИЭ, 1896. Т. XIII. Вып. 4. С. 252.

⁵¹ Историко-статистическое описание церквей и приходов ... С. 201.

⁵² *Кобзев А.В.* Смена вероисповедания татарами-мусульманами Симбирской губернии во второй половине XIX–начале XX в. // Этнографическое обозрение, 2006. № 2. С. 89, 90, 92.

⁵³ Общее собрание Братства святителя Гурия. 21 января 1901 года // Известия по Казанской епархии, 1901. № 4. С. 162.

⁵⁴ Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Г. Мамадыш и Мамадышский уезд. Казань, 1904. Вып. VI. С. 32.

⁵⁵ Историко-статистическое описание церквей и приходов ... С. 326.

⁵⁶ *Кремлев А.* Отчет Казанского епархиального инородческого миссионера за 1912 год // Известия по Казанской епархии, 1913. № 36. С. 1067.

⁵⁷ *Исхаков Д.М.* Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVII–XIX вв. // Советская этнография, 1980. № 4. С. 30, 38.

⁵⁸ *Исхаков Д.М.* Историческая демография татарского народа (XVIII–начало XX вв.). Казань, 1993. С. 97.

⁵⁹ *Багин С.* Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и о причинах этого печального явления // Православный собеседник, 1910. Январь. С. 125.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *Кобзев А.В.* Исламизация православных чувашей и чувашей-язычников Симбирской губернии в XIX–начале XX века // Отечественная история, 2007. № 5. С. 124.

⁶² Эсливанов В. Трудности и нужды Казанской инородческой миссии // Известия по Казанской епархии, 1915. № 42. С. 1137.

⁶³ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 14. С. 104, 107; т. 39. С. 66, 67.

⁶⁴ Пчелов А. Чуваша или татары? Несколько слов о деревне Кушелга Тетюшского уезда и о других деревнях Тетюшского и Цивильского уездов // Православный собеседник, 1913. Кн. 2. Март. С. 127.

⁶⁵ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 206. Инв. № 5662. Л. 180. На русский язык цитата переведена нами.

⁶⁶ Там же. Ед. хр. 168. Инв. № 4928. Л. 5–7.

⁶⁷ Подсчитано по: ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 4. Д. 55. Л. 148–161 об., 242–249, 315–328; д. 56. Л. 49–61, 138–149, 249–263, 336–352; д. 57. Л. 48–61, 136–150, 233–246.

⁶⁸ Подсчитано по: ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 88. Л. 28–37, 99–105, 150–161, 210–221, 267–276, 336–344, 395–402; д. 89. Л. 26–30, 78–83.

⁶⁹ ГА РМЭ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 4. Л. 30, 30 об.

⁷⁰ Там же. Л. 37, 37 об.

⁷¹ ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 1. Д. 7. Л. 112 об.

⁷² Там же. Ф. 557. Оп. 4. Д. 57. Л. 56 об.

⁷³ НА ЧГИГН. Ед. хр. 179. Инв. № 5136. Л. 72. На русский язык цитата переведена нами.

G.A. Nikolayev. Mid-Volga village at the end of the 19th–the beginning of the 20th centuries: the ethnical situation and assimilation processes.

At the end of the 19th–the beginning of the 20th centuries the main population of a mid-Volga village consisted of the Russians, Tatars, Chuvash, Mari, Mordvinians and Udmurts. They were in a complicated interaction. As the result part of them changed their ethnical identity. Russianizing and tatarizing were the results of assimilation processes among peasants.

В течение длительного времени в силу известных причин в отечественной историографии тема о пребывании советских солдат в плену в годы Великой Отечественной войны освещалась однобоко. Исследования посвящались исключительно героизму и мужеству красноармейцев и командиров, и в условиях фашистской неволи продолжавших бороться с ненавистным врагом. В издававшихся по названной тематике трудах описывался подвиг М.М. Джалиля, генерала Д.М. Карбышева, М.П. Девятаева и некоторых других солдат и офицеров. В основном этим всё и ограничивалось. О миллионах же узниках фашизма мало что писалось. Будто их и не было вовсе.

Впервые информация о численности пленённых была опубликована в 1969 г. в статье Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко «Забвению не подлежит». В ней приводится цифра о свыше 3,9 млн советских военнопленных, уничтоженных немцами на оккупированной территории СССР¹. С началом перестройки доступ к вновь открывшимся источникам, а также зарубежным исследованиям позволил провести новые подсчеты. Так, в 1988 г. Б.В. Соколов представил следующие цифры – 5,8 млн советских военнопленных, из которых 3,3 млн чел. погибли. Однако уже в 2001 г. он же приводит еще большую цифру – 6,3 млн чел.² Многочисленные исследования 1990-х годов и начала XXI в. не позволили конкретизировать военные потери Советского Союза в лице пленных: результаты подсчетов колеблются в пределах 4–6,3 млн чел.³, что объясняется отсутствием единой методики подсчета и использования архивных документов. Официальная статистика даёт сведения о 4,5 млн советских военнопленных⁴.

О численности уроженцев Чувашии, попавших в плен, пока приходится говорить лишь весьма приблизительно. Согласно «Книге Памяти» Чува-

---

Дмитрий Анатольевич Захаров — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, заместитель декана исторического факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева.

шии, в годы войны пропало без вести 47006 уроженцев республики, часть из которых оказалась в фашистском плену. В Государственном историческом архиве Чувашской Республики (ГИА ЧР) находятся фильтрационные дела на 6055 репатриантов. Ещё около 1,5 тыс. документальных источников на красноармейцев, пребывавших и в основном погибших в плену, имеются в электронной базе данных Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Следует отметить, что точный подсчет числа военнопленных сопряжен с большими трудностями. К примеру, красноармеец Михаил Аверьянов, призванный Урмарским районным военным комиссариатом (РВК), до сих пор числится в ЦАМО РФ как пропавший без вести⁵, а в ГИА ЧР на него имеется фильтрационное дело как на репатриированного⁶. И это не единичный случай. В республиканском архиве содержатся фильтрационные материалы и на граждан, переехавших в Чувашию из других областей страны после войны⁷, и на лиц, не служивших в рядах Красной Армии, но угнанных в плен в прифронтовой полосе⁸. Определенные сложности вызывает анализ карточек военнопленных, хранящихся в ЦАМО РФ: некоторые красноармейцы при допросах не указывали истинное место рождения. Так, уроженец Горьковской области мог дать неверную информацию о своем происхождении, преследуя цель, запутать следствие или по другим мотивам. С учетом возможных погрешностей в учете мы можем только приблизительно установить низший пороговый уровень числа военнопленных-уроженцев Чувашской АССР – 7,5 тыс. чел.

Если применить расчетные методы, то конечные цифры будут иные. Возьмем для пропорции соотношение официальных чисел мобилизованных в годы войны советских граждан (34476700 чел.) и попавших в плен (4559000). Получается, что 13,2% военнслужащих от числа призванных в армию оказались в лагерях Германии и её сателлитов. При переносе подобного соотношения на потери населения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны не трудно подсчитать, что в плену у противника могли оказаться порядка 27486 уроженцев республики. Однако необходимо принять во внимание относительность данных цифр.

Настоящая работа призвана осветить процесс репатриации военнслужащих, призванных из Чувашской АССР и оказавшихся в плену в ходе Великой Отечественной войны. В то же время изложение регионального материала значительно бы теряло научную значимость без анализа общесоюзных тенденций, поэтому в данной научной статье анализируются разноразноуровневые пласты исторических процессов. В ходе исследования мы решили акцентировать внимание на вопросах прохождения фильтрации в специальных учреждениях НКВД, определения наказания и его последующего исполнения, социальной адаптации и реабилитации бывших военнопленных. В нашей работе мы попытались подвергнуть критике стереотип о поголовном суровом государственном наказании военнслужащих, побывавших в плену, который усиленно внедрялся в общественное сознание в конце 1980–1990-х годов.

Следует отметить, что одним из первых остро обозначил проблему плена на региональном уровне Г.А. Александров. Правда, сделал он это весьма категорично: «После окончания войны оставшиеся в живых военнопленные вернулись, за исключением немногих, домой на родину. Власти обвинили их в предательстве, а родных и близких подвергали преследованиям. Постепенно, пройдя жесткую проверку и отсидев ряд лет в лагерях, большинство бывших военнопленных возвратились к мирной жизни...»⁹. Подобные штампы, возникшие в 1990-е годы на почве критики сталинской эпохи, в настоящее время пересматриваются вплоть до отрицания¹⁰. Действительно, архивные документы показывают, что значительное число освобожденных из стен лагерей солдат и офицеров продолжили службу в рядах Красной Армии или были направлены в рабочие батальоны, выполнявшие важнейшие задачи по восстановлению народного хозяйства. Осужден был незначительный процент по фактам преступлений.

Отсутствие комплексных исследований по данной проблематике предопределило обращение автора к архивным документам ГИА ЧР, а также к воспоминаниям самих бывших военнопленных. Среди последней группы источников можно выделить мемуары Ивана Скобелева, подготовленные к публикации В. Алексиним в газете «Республика»¹¹. Уроженец д. Нижний Курмей Оренбургской области, чуваш по национальности, Иван Скобелев принял активное участие в строительстве легиона «Идель-Урал», который находился в составе вермахта. В своих мемуарах он показал, какое наказание получили за свое сотрудничество легионеры от советской судебной машины. Другим произведением, освещающим процесс репатриации, стала книга уроженца д. Старое Котяково Батыревского района Ю.В. Владимирова «Как я был в немецком плену»¹². Данные мемуары отличаются подробным описанием службы автора в рабочем батальоне в 1945–1946 гг. и являются ценным источником, позволяющим преодолеть стереотип об уголовном наказании всех военнопленных, сотрудничавших с немецкими властями. Заметим, что Ю.В. Владимиров, находясь в немецких лагерях, исполнял обязанности переводчика и завербовался в рабочую команду, но понес относительно мягкое наказание.

Итак, репатриация, как организованный процесс возвращения на родину советских военнопленных, началась в 1944 г. Однако фильтрационные пункты возникли гораздо раньше. Они стали создаваться уже в начале войны, когда военнослужащие прорывались из многочисленных «котлов» в расположение своих воинских подразделений, а также бежали из плена. 28 декабря 1941 г. последовал приказ народного комиссара Внутренних дел СССР Л. Берии «О создании специальных лагерей для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника»¹³. Согласно ему, в трехдневный срок были образованы лагеря: Грязовецкий (Вологодская область), Южский (Ивановская область), Тамбовский, Ново-Анненский (Сталинградская область). В скором времени дополнительно были организованы Череповецкий, Рязанский, Суздальский, Острогжский

(Воронежская область), Подольский (Московская область), Старобельский (Ворошиловградская область) лагеря. Создание такого значительного количества лагерей объяснялось большим числом военнослужащих, которым удалось вырваться из окружения летом-осенью 1941 г. Декабрьское контрнаступление под Москвой многократно увеличило поток выходящих из плена и с оккупированной территории.

Спецлагеря по существу представляли собой тюрьмы строгого режима¹⁴. Они были изолированы высокими заборами и колючей проволокой, охрану несли конвойные войска, военнопленным запрещалась переписка, свидания с родственниками. Более мрачную картину рисуют в своих исследованиях отдельные авторы: «...Колючая проволока, вышки и посты, прожекторы по ночам, запрет на выход, конвоирование до места работы и обратно и т.д. При входе в лагерь прибывших встречал плакат: «Родина ждет вас!» и автоматчики»¹⁵. Еще дальше идет М. Штейнберг, который утверждает, что условия там «ничем не отличались от гуглаговских и немалая часть «фильтруемых» погибла»¹⁶. Эти и подобные рассуждения не выдерживают никакой критики. Авторами, опирающимися в исследованиях на источники, доказано, что смертность в спецлагерях была в разы (!) ниже, чем в лагерях ГУЛАГа или даже простых тюрьмах¹⁷.

Безусловно, военнослужащие оказывались в очень тяжелых как с бытовой, так и психологической стороны условиях, но подобное содержание объяснялось не столько желанием руководства страны наказать бывших военнопленных и окруженцев, сколько выявить в их среде преступников, агентов немецкой разведки. Среди содержащихся в лагерях находились и те, кто, убив командира, бежали на сторону врага или смалодушничили и бросили свое подразделение. Так, уроженец Алатырского района¹⁸ попал в окружение в составе 10-й армии под Белостоком в июле 1941 г. Личный состав 169-го стрелкового полка «находился в окружении 18 дней... командования с ними не было»¹⁹... У всех было личное оружие и боеприпасы»²⁰. Однако он бросил свою винтовку и патроны и был взят в плен немцами при прочесывании леса. Под Минском добровольно в группе сдались в плен, имея на руках оружие и боеприпасы, три односельчанина из Порецкого района и один уроженец Ядринского района: «Мы увидели немецких солдат, поэтому мы вышли на шоссе с оружием, где и сдались немцам в плен..., желая сохранить свою жизнь»²¹. Нельзя отрицать и присутствие в числе бывших военнопленных завербованных вражеских агентов. По воспоминаниям начальника VI управления РСХА²² В. Шелленберга, «в лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которых после обучения забрасывали на парашютах вглубь русской территории. Их основной задачей, наряду с передачей текущей информации, было политическое разложение населения и диверсии»²³. Так, в самой Чувашии, согласно сводке НКВД, был разоблачен немецкий агент, уроженец Яльчикского района, который призвался в Красную Армию в августе 1941 г. и уже через месяц попал в плен под г. Лубно Полтавской области. В плену он «был завербован

в качестве шпиона-диверсанта и с контрреволюционным диверсионным заданием через линию фронта переброшен в тыл Советского Союза»²⁴. Как видим, создание фильтрационных лагерей было насущной необходимостью.

Именно поэтому особым отделам НКВД предписывалось проводить «тщательную личную проверку содержащихся в лагерях бывших военнослужащих Красной Армии и необходимую агентурно-оперативную работу»²⁵. После проверки военнослужащий поступал в распоряжение соответствующих военных комиссариатов с последующей отправкой на фронт или арестовывался при подозрении в шпионаже, дезертирстве, измене родине. В последнем случае дело рассматривало Особое совещание НКВД, которое выносило приговор. По каждому конкретному делу любая деталь могла иметь судьбоносное решение: показания свидетелей и участников побега из плена или выхода из окружения, наличие при переходе к советским воинским частям оружия, знаков различия, красноармейской или комсомольской книжки; социальное и материальное положение родителей и родственников, участие их в Гражданской войне; факты более раннего пребывания в плену или окружении, прежней судимости и т.п.

Показательны судьбы двух уроженцев Чувашии – Ильи Аксакова и Алексея Александрова, где именно такие детали определили принятие решения по ним в спецлагерях. И. Аксаков попал в окружение вблизи г. Белый Смоленской области в июле 1942 г. вместе со своим подразделением (252-я стрелковая дивизия)²⁶. Во время выхода из окружения он был пленен, но через несколько дней ему вместе с товарищами удалось бежать. Затем в течение двух месяцев они шли на восток, питаясь ягодами и грибами. При переходе через линию фронта на mine подорвался младший лейтенант Панов, которого И. Аксаков, получивший также ранение, вынес в расположение частей Калининского фронта²⁷. Сразу после выхода к советским войскам И. Аксаков был отправлен в сортировочный лагерь, где прошел врачебную комиссию, по заключению которой был госпитализирован. После излечения в декабре 1942 г. в течение шести дней проходил фильтрационную проверку в Суздальском лагере и был направлен на фронт. Важную роль в ходе следствия сыграло то обстоятельство, что Илья Аксаков перешел линию фронта с винтовкой, а свидетельские показания давал офицер. В дальнейшем, участвуя в войне, он снова получил ранение и в 1944 г. был демобилизован по инвалидности²⁸.

Тогда же, в 1942 г., советские войска были окружены и в Харьковской области. Алексей Александров попал в окружение 25 мая вблизи с. Лозовенька и пробивался со своим подразделением (523-й отдельный инженерный батальон) на восток²⁹. На следующий день он, раненный в ногу, попал в плен, через неделю бежал, но через некоторое время был задержан полицаями и возвращен в лагерь, откуда повторно бежал с товарищем. В августе 1942 г. им удалось выйти в расположение 127-й стрелковой дивизии. Следующими этапами стали пересыльные пункты армии и фронта, Тамбовский лагерь НКВД. По воспоминаниям супруги, он «проходил проверку в одном

из сборных пунктов Советской Армии, где над ним издевались и морили с голоду»³⁰. Однако сержант Александров не был отправлен на фронт: видимо, у следствия возникли определенные сомнения. Выяснилось, что в июле 1941 г. танковый полк, где он служил, был окружен в Винницкой области, а сам он только через два месяца вышел из окружения. Данное обстоятельство решило судьбу молодого человека: в ноябре 1942 г. он был отправлен в лагерь Сталиногорска³¹, где работал на восстановлении химкомбината. Несмотря на то, что Александров план перевыполнял, соблюдал дисциплину, писал заявления с просьбой отправить его на фронт, до января 1945 г. он содержался в лагере. Только затем был направлен в запасной полк, а потом переведен в действующую армию. В декабре 1945 г. демобилизовался и вернулся на родину³².

В годы войны широко практиковалась отправка окруженцев, бывших военнопленных в трудовые армии, на восстановление и строительство промышленных объектов. Но, как правило, данный контингент военнослужащих все же возвращался обратно в Красную Армию, что подтверждается «Справкой о ходе проверки б/окруженцев и б/военнослужащих по состоянию на 1 октября 1944 г.»³³. Согласно ей, всего прошло через спецлагеря 354592 бывших военнопленных и окруженцев, в том числе 50441 офицер. Следует учитывать, что на момент составления справки почти 57 тыс. чел. еще проходили спецпроверку (из их числа формировались 4 штурмовых батальона по 920 чел. в каждом), находились в лазаретах или умерли. Таким образом, вычитая данную цифру из общего количества, можно подсчитать, что в Красную Армию были возвращены около 84% прошедших фильтрацию (249416 чел.), направлены в промышленность 10% (30749), конвойные войска 2% (5924). Были арестованы органами «Смерш» 4% (11556) чел., проходивших фильтрацию. Данная цифра соотносится и с подсчетами (за период 1941–март 1944 г.) других исследователей – А. Кокурина и Н. Петрова (3,6%), А.В. Меженко (3,5%)³⁴. Таким образом, из числа проходивших фильтрацию в 1941–1944 гг. прямым репрессиям подверглось относительно небольшое количество военнослужащих. В то же время следует учитывать, что отправка в штурмовые части (штрафные батальоны и роты) также являлась суровым наказанием. Правда, у военнослужащего оставался шанс искупить свою вину и восстановиться в правах и звании. Например, уроженец республики Петр Алексеев, попавший в плен 1942 г. под Севастополем, бежал, перешел линию фронта и был направлен в штрафную роту, где получил тяжелое ранение и был комиссован³⁵. С ноября 1944 г. согласно постановлению Государственного комитета обороны все военнопленные должны были направляться в запасные воинские части, минуя спецлагеря³⁶.

В 1944 г. поток возвращающихся в Советский Союз военнопленных и репатриированных резко увеличился, что было вызвано освобождением оккупированной территории страны и продвижением частей Красной Армии в Восточную Европу, а также выходом из войны Финляндии и Румынии, где содержались в плену советские граждане. Так, в октябре 1944 г. из финского

плена был освобожден уроженец с. Балабаш-Баишево, который был направлен на работу в шахту г. Ленинск-Кузнецк Кемеровской области, где пробыл до апреля 1945 г. и был вторично мобилизован в армию³⁷.

После окончания Великой Отечественной войны началась массовая репатриация советских граждан. Согласно директиве Ставки от 11 мая 1945 г., организовывались 100 лагерей для их приема, кроме того действовали 46 сборных пунктов. 22 мая 1945 г. был установлен 10-дневный срок для регистрации и проверки репатриантов, после чего военнослужащие направлялись в запасные части³⁸. В дальнейшем срок рассмотрения дела был увеличен до одного-двух месяцев³⁹. Данный этап репатриации бывший военнопленный Ю. Владимиров, уроженец Батыревского района, характеризует довольно мягко: «Самым важным событием для всех нас было *собеседование* (выделено мною. – Д.З.) в Особом отделе, где наши данные тщательно записали, чтобы затем проверить их достоверность путем запросов в соответствующие органы. Таким образом, все репатрианты прошли предварительную фильтрацию, но она еще не была окончательной...»⁴⁰.

Значительная часть бывших военнопленных была зачислена в рабочие батальоны. Следует отметить, что в 1945 г. были демобилизованы военнослужащие соответствующих возрастов, остальные же продолжали службу в запасных воинских подразделениях, а в соответствии с постановлением ГКО от 18 августа 1945 г. часть из них была зачислена в рабочие батальоны⁴¹. Таким образом, данная мера не была репрессивной: на солдат распространялось действующее законодательство о труде, права и льготы, которыми пользовались рабочие страны. В 1946–1948 гг., по достижении определенного возраста, они были демобилизованы в установленном порядке. Так, житель Козловского района в ноябре 1945 г. был мобилизован в рабочий батальон и направлен в г. Владимир на лесоразработки, а демобилизован в январе 1947 г.⁴²

Чтобы предотвратить возможные резкие выпады против рабочих батальонов, обратимся к источнику – воспоминаниям Ю.В. Владимирова. В сентябре 1945 г. он с товарищами был определен в состав такого батальона на работу в донбасскую шахту. На первом же заседании шахтоуправления секретарь парторганизации указал на причину, по которой они должны трудиться, не имевшей ничего общего с унижением человеческого достоинства или наказанием: «... На прошедшей войне миллионы наших сверстников и отцов сложили на фронте свои головы или получили увечья, а мы благодаря плену, хотя, наверное, и многое выстрадали, остались живы. Поэтому нам необходимо самым эффективным, высокопроизводительным и, может оказаться, даже многолетним трудом в шахте хотя бы частично отплатить советскому обществу»⁴³. Безусловно, работа в шахте как тогда, так и сейчас является наиболее тяжелой, поэтому нет ничего удивительного, что в источнике указывается на изнурительный труд. В то же время бывшие военнопленные получали за свою работу ежедневно 1,1 кг хлеба (в Чувашии в 1945 г. паек для рабочих составлял около 600 г, а подобную норму

выдавали только руководящему составу) и ежемесячную высокую зарплату. Они обеспечивались жильем в отопляемом общежитии, где «во всех комнатах были установлены простые деревянные койки с матрацем, простыней, тонким одеялом и подушкой»⁴⁴. Работа в шахте регламентировалась трудовым законодательством: были четко определены время работы (8 час.) и смены, выходные дни. В случае болезни или ранения лечение осуществлялось медсанчастью, которая выписывала также оплачиваемый больничный лист; также для шахтеров была организована баня. Хотя существовал запрет на перемещение за пределы района области, можно было писать письма домой и получать посылки. Бывшие военнопленные в рабочем батальоне получили и удостоверения личности – военные билеты, по которым они стали считаться уволенными в запас военнослужащими. Большинство из них вернулись домой в 1947–1948 гг. Сам Ю. Владимиров находился в рабочем батальоне меньше года: уже в августе 1946 г. он, сумев восстановиться через переписку на учебу в Московском институте стали, уехал на родину в Чувашию.

Теперь обратимся к вопросу о «суровости» наказания. Всего после войны было репатрировано 1836562 солдат и офицеров, из числа которых 233400 (12%) были осуждены и отбывали наказание в системе ГУЛАГа⁴⁵. По инструкции подлежали аресту и суду: 1) руководящий и командный состав органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», «русской освободительной армии», национальных легионов и других подобных организаций; 2) рядовые полицейские и рядовые участники перечисленных организаций, принимавших участие в карательных экспедициях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей; 3) бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно перешедшие на сторону противника; 4) бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов; 5) сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов⁴⁶.

Согласно статье 193-22 (сдача в плен) Уголовного кодекса РСФСР данным лицам грозил расстрел. Однако высшая мера наказания для большинства из них была заменена 6 годами спецпоселения, которые, между прочим, засчитывались им в трудовой стаж. Так, уроженец Алатырского района в плену был зачислен в рабочую команду немецкой дивизии, в составе которой принял присягу и выполнял различные работы на оборонных сооружениях. После капитуляции Германии добровольно пришел на сборный пункт, откуда был направлен в фильтрационный лагерь. В 1946–1950 гг. отбывал наказание в спецпоселении Нижне-Амурского исправительно-трудового лагеря⁴⁷. Другой уроженец Алатырского района служил рядовым в саперной команде во Франции также на строительстве оборонительных сооружений, за что был приговорен к 6 годам спецпоселения в Приморском крае⁴⁸. Рядовой 601 Восточного батальона вермахта, уроженец Шемуршинского района, который принимал участие в карательной экспедиции против белорусских партизан, также был приговорен только к 6 годам спецпо-

селения⁴⁹. Как видим, в большинстве случаев советская судебная машина проявляла исключительную гуманность к бывшим военнопленным.

В целях выявления активных пособников фашистов органами НКВД была выстроена четкая система базы данных, где уже арестованные и отбывавшие наказание бывшие советские военнослужащие опознавали своих товарищей по службе в немецкой армии, национальном легионе и других подразделениях. Значительную помощь сотрудникам внутренних дел оказала немецкая картотека лагерей для военнопленных, которую захватили наступающие войска Красной Армии. Данная работа позволила в течение 1945–1948 гг. установить личности большинства легионеров Волго-Татарского легиона «Идель-Урал», которые были приговорены к различным срокам заключения в лагерях ГУЛАГа. Чуваш И.Н. Скобелев, игравший заметную роль в жизни легиона, был приговорен к расстрелу, который заменили 10 годами тюремного заключения⁵⁰. Значительная часть чувашей-легионеров была приговорена по статье 58-1б (измена Родине) УК РСФСР к расстрелу, замененным наказанием в 10 или 25 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет⁵¹.

Несомненно, в ходе следствия имелись случаи «перегибов». Так, уроженец Цивильского района писал: «...9 марта 1945 г. я был допрошен военным комендантом г. Кезлин. При допросе лейтенант в сильно пьяном виде не спрашивая меня записал в протоколе, что я добровольно сдался в плен. Протокол я прочитал, расписаться отказался, мотивируя, что я в плен не сдавался добровольно. У него на столе лежал пистолет, в горящей печке – докрасна раскаленная железная жила. Он взял пистолет и начал допрашивать, угрожая расстрелом: Ты был раненый? – Нет. Ты был больной? – Нет. У нас в плен не сдаются добровольно только которые не могут носить оружия... все остальные сдаются добровольно. После этого он приказал расписаться, я отказался. Он подошел и ударил два раза пистолетом по лицу, пошла кровь из носа... Показывая на железо, говорит: – Сейчас буду колоть твои пальцы, тело железом. Я растерялся... – Если не распишешься, то сегодня же тебя отправят в Сибирь на 10 лет, а если подпишешь – на фронт, искупить свою вину»⁵². Бывшему узнику лагеря, который находился в плену с 1941 г., ничего не оставалось, как подписать данный протокол. В дальнейшем его зачислили в запасной полк, а в 1946 г. перевели в рабочий батальон, в составе которого он работал на Московском мотоциклетном заводе, откуда и был демобилизован.

Отдельное внимание сотрудников НКВД вызывали лица, освобожденные союзными войсками и переданные в соответствии с ялтинскими договоренностями 1945 г.⁵³ Как правило, бывшие военнопленные получали одежду, обувь, обеспечивались питанием со стороны английских и американских войск до момента передачи советским властям⁵⁴. По воспоминаниям жителя Урмарского района, содержавшегося в плену в Норвегии, им выдали новое английское обмундирование и через военную миссию передали советскому командованию. Однако перед отправкой им предла-

галось переехать в Англию или остаться в Норвегии⁵⁵. Другой уроженец Чувашии, Моисей Андреев в марте 1945 г. записался в американскую армию, в которой прослужил в должности командира отделения до июля этого же года, охраняя немецких военнопленных, затем вернулся на родину⁵⁶. Именно подобные случаи, а также гипотетическая возможность сотрудничества с иностранными разведками рассматривались следственными органами, и штамп – «освобожден американскими (английскими) войсками» – на долгие годы сохранялся в личном деле репатрианта.

После отбытия срока наказания или успешной фильтрации дальнейшая социальная адаптация бывших военнопленных, как правило, складывалась очень трудно. Они, а также их ближайшие родственники, терпели ограничения в трудоустройстве, при поступлении на учебу, смене жительства и т.п. Типичным является эпизод из жизни бывшего военнопленного Василия Арсентьева, выходца из Шихазанского района, которого сотрудник Министерства государственной безопасности (МГБ) предлагал «под благовидным предлогом» перевести с должности главного кондуктора на другую работу, а исполнительное начальство железной дороги в итоге его уволило⁵⁷. Во многих учетных документах, анкетах стояли вопросы о пребывании в плену, окружении, которые и определяли дальнейшую судьбу человека. Наиболее болезненной была реакция на зачастую несправедливое отношение в обществе, навешивание ярлыков «изменника родины».

Так, на жителя Цивильского района, бывшего в годы войны в плену, поступила в 1948 г. жалоба от его жены, в которой она указывала на антисоветские действия мужа (сорвал со стены портрет Сталина) и пребывание его в плену⁵⁸. Органы МВД, правда, установили истинные мотивы данного письма: муж оставил жену и переехал. В дальнейшем, устроившись в Цивильскую среднюю школу учителем географии, он продолжал испытывать на себе негативное отношение общественности. В частности, это выражалось даже в поведении учеников, которые демонстративно игнорировали его уроки, зная о том, что учитель был в плену. Служебная характеристика, написанная директором школы в 1952 г., констатировала, что он тщательно готовится к урокам, однако «знания учащихся низкие, дисциплина отсутствует. Часто... бросал урок и приходил в учительскую и заявлял о том, что не могу вести урок, учащиеся ведут себя грубо... По результатам первой учебной четверти у него по географии не успевает 17 учащихся»⁵⁹. Подобная травля зачастую действовала не хуже официальных репрессивных мер. В итоге ему пришлось переезжать на новое место жительства.

Другой пример. В 1951 г. поступила анонимная жалоба на бригадира одного из колхозов Чебоксарского района, бывшего военнопленного. Он обвинялся в том, что нет приплода лошадей, ожидаемого урожая конопли, сгнили запасы гороха, разрушилось здание сельсовета⁶⁰. Главное – указывалось на факт пребывания в плену, что казалось сельскому жителю достаточным аргументом к привлечению к уголовной ответственности. К чести органов МГБ Чувашской АССР, было проведено детальное расследова-

ние, которое не подтвердило суть жалобы, более того, анализ почерка позволил выявить личность автора письма. Им оказался бывший бригадир.

Бывшие военнопленные оказались в незащищенном положении перед общественностью. Во многом это было вызвано самим характером войны, в ходе которой советское население безжалостно истреблялось немецкими войсками, что, конечно же, ни английское, ни американское население на себе не испытало. Это тотальное уничтожение гражданского населения, военнослужащих сделали людей жестокими по отношению к тем, кто, как им казалось, незаслуженно выжил. К ним относились как к людям второго сорта. В глазах общественности были только ясные факты: «мой муж (отец, брат, сын) погиб, а этот выжил, сдавшись в плен». Более того, сельское население в годы войны испытывало тяжелые лишения, голод, так что подобное отношение было объяснимым. Показателен здесь эпизод из воспоминаний Ю. Владимирова: «На длинном этапе Конецполь-Енджеюв, который мы для сокращения пути преодолевали большей частью по проселочным дорогам, случился очень неприятный инцидент. У опушки леса мы увидели наше воинское подразделение... В этом воинском подразделении были и женщины, увидев которых, один из наших молодых товарищей вдруг громко заорал: «Ах, какие бабы стоят с автоматами!» Услышав это, из группы военных выскочил пожилой старшина, подбежал к грубияну и ударил его по щеке, закричав: «Во-первых, это не бабы, а девушки-герои, а во-вторых, вы – сволочи! Отсиделись у немцев в плену, а мы кровь свою проливали! Вот вам покажут дома на лесоповалах Сибири и в рудниках, кто вы такие!»

Официальные власти тем временем не спешили реабилитировать военнопленных. Наоборот, определяли меры наказания, не учитывая перипетии попадания в плен и нахождения в нем. В 1952 г. приказом МГБ СССР дела бывших военнопленных стали пересматриваться. В соответствии с данным документом предусматривалась дальнейшая разработка дела, передача его в архив для хранения или уничтожение. 17 сентября 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»⁶¹. Согласно ему, из мест заключения и от других мер наказания освобождались лица, осужденные сроком до 10 лет лишения свободы за пособничество врагу и другие преступления, предусмотренные статьями 58-1, 58-3, 58-4, 58-6, 58-10, 58-12. Для осужденных на более длительный срок наказание сокращалось наполовину. Однако амнистия не распространялась на граждан, совершивших убийства. Действия по реабилитации бывших военнопленных стали проводиться в 1956 г., когда была образована специальная комиссия во главе с Г.К. Жуковым. Итогом работы стала докладная записка в ЦК КПСС, в которой осуждалось политическое недоверие, применение репрессивных мер, лишение льгот и пособий в отношении бывших военнопленных и членов их семей. Предлагалось амнистировать всех военнослужащих, осужденных за добровольную сдачу в плен. С 1957 г.

большинство дел было пересмотрено, многие бывшие военнопленные были восстановлены в звании, им вернули награды и назначили пенсии. Однако многие решения комиссии так и остались на бумаге⁶². Лишь в 1995 г. Б.Н. Ельцин подписал Указ «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатрированных в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период», согласно которому бывшие узники немецких лагерей получили статус участника Великой Отечественной войны.

Таким образом, констатируем, что в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство советских военнослужащих (свыше 95%), освобожденных из немецкого плена, успешно проходили фильтрацию и возвращались в действующую армию или направлялись в промышленность. Во многом это объяснялось трудным восполнением потерь на фронте и нехваткой рабочих рук. После окончания войны процент успешной фильтрации понизился: полностью были оправданы и реабилитированы около 88% военнослужащих. Это было вызвано тем, что резко увеличилось число репатриантов, у органов НКВД было больше времени и возможностей для тщательного расследования. Сдача в плен воинских подразделений вермахта и СС, где служили и советские граждане, и передача коллаборационистов Англией и США также позволили выявить большое число преступников и изменников родины. В основном они понесли заслуженное наказание в виде расстрела, хотя для части из них смертная казнь была заменена более мягким наказанием. Имелись безвинно пострадавшие, но это было скорее исключением, чем правилом. Вместе с тем военнослужащие, прошедшие фильтрацию, по возвращении на малую родину ощущали на себе осуждающее отношение общественности. В Чувашии, где большинство военнослужащих было призвано из села, данный вопрос стоял очень остро. Чувашская деревня, понесшая очень тяжелые потери в годы войны, сдержанно приняла бывших военнопленных. Им не позволяли забыть пребывание в плену: односельчане кто открыто, а кто сдержанно при случае всякий раз напоминали об этом.

Литература и источники

¹ Руденко Р.А.Р Забвению не подлежит // Правда, 1969. 24 марта.

² Соколов Б.В. Тайны второй мировой. М., 2001. С. 231.

³ Всероссийская Книга памяти, 1941–1945. Обзорный том. М., 1995. С. 410–411; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 4; Полян П.М. Советские граждане в рейхе: Сколько их было? // Социс, 2002. № 5. С. 95–100; Соколов Б. Русские коллаборационисты // Независимая газета, 1991. 29 октября.

⁴ Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история, 1996. № 2. С. 91–112.

⁵ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) Российской Федерации. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1181.

⁶ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 11.

- ⁷ Там же. Д. 10.
- ⁸ Там же. Д. 5, 102.
- ⁹ Александров Г.А. Годы Великой Отечественной войны // История Чувашии новейшего времени. Книга 1. 1917–1945. Чебоксары, 2001. С. 254.
- ¹⁰ См., напр.: Пыхалов И. Великая обломанная война. М., 2008. 480 с.; Шевченко В.В. Власть и бывшие военнопленные в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал, 2009. № 5. С. 26–30.
- ¹¹ Скобелев И. Чуваши и татары в логове фашистов // Республика, 2003. № 23–27, 31.
- ¹² Владимиров Ю.В. Как я был в немецком плену. М., 2008. 480 с.
- ¹³ Приказ дополнен в 1942 и 1943 гг., отменен в 1955 г.
- ¹⁴ Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история, 1996. № 2. С. 91–112.
- ¹⁵ Беляков Л.П. Горькая судьба репатриированных военнопленных // Репрессированные геологи. М.–СПб., 1999. С. 420.
- ¹⁶ Штейнберг М. Когда слово «военнопленный» звучит гордо // Независимое военное обозрение, 2005. № 1. С. 8.
- ¹⁷ Пыхалов И. Указ. соч. С. 330–334.
- ¹⁸ Здесь и далее точные указания на личные данные (отчество, дата, место рождения и т.п.) не будут даваться по этическим соображениям.
- ¹⁹ В ходе наступления группы армий «Центр» в Белостокско-Минский котел попали 3-я, 4-я и 10-я армии. 30 июня 1941 г. при попытке пересечь шоссе Барановичи–Минск управление 10-й армии было уничтожено.
- ²⁰ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.
- ²¹ Там же. Д. 520. Л. 22.
- ²² Главное управление имперской безопасности (нем. Reichssicherheitshauptamt, сокр. RSHA).
- ²³ Шелленберг В. Мемуары. М., 1991. С. 215.
- ²⁴ ГИА ЧР. Ф. Р–203. Оп. 11с. Д. 72. Л. 53.
- ²⁵ Приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 001735 от 28 декабря 1941 года «О создании специальных лагерей для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника» // Лубянка – старая площадь. Сб. док-в под ред. В.Н. Бредихина. М., 2005. С. 22.
- ²⁶ 39-я армия под командованием генерал-лейтенанта И.И. Масленникова, в составе которой была и 252 СД, была окружена и разбита 9 армией В. Моделя в ходе операции «Зейдлиц» (2–12 июля 1942 г.). Бельский район Смоленской области в годы войны советские солдаты красноречиво прозвали «долиной смерти», а немцы – «долиной ада».
- ²⁷ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 36. Л. 2 об.
- ²⁸ Там же. Л. 10 об.
- ²⁹ 6-я армия, которой командовал генерал-лейтенант А.М. Городнянский, была окружена и уничтожена в ходе Харьковской операции (12–28 мая 1942 г.). Командующий армии погиб.
- ³⁰ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 50. Л. 22 об.
- ³¹ Ныне г. Новомосковск Тульской области.
- ³² ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 50. Л. 3–25.
- ³³ Земсков В.И. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) // Социологические исследования, 1991. № 7. С. 4–5.
- ³⁴ Кокурин А., Петров Н. НКВД-НКГБ-Смерш: структура, функции, кадры. Статья четвертая (1944–1945) // Свободная мысль, 1997. № 9. С. 96; Меженко А.В. Военнопленные возвращались в строй... // Военно-исторический журнал, 1997. № 5. С. 32.
- ³⁵ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 188. Л. 5 об.
- ³⁶ Меженко А.В. Указ. соч. С. 33.
- ³⁷ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 20. Л. 6.

- ³⁸ Земсков В.И. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956) // Социологические исследования, 1995. № 5. С. 7–8.
- ³⁹ Пыхалов И. Указ. соч. С. 337.
- ⁴⁰ Владимиров Ю.В. Как я был в немецком плену. М., 2008. С. 433.
- ⁴¹ Земсков В.И. Указ. соч. С. 10.
- ⁴² ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 365. Л. 38.
- ⁴³ Владимиров Ю.В. Указ. соч. С. 442–443.
- ⁴⁴ Там же. С. 443.
- ⁴⁵ Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / Под общей редакцией Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 453–464.
- ⁴⁶ Земсков В.И. Указ. соч. С. 7.
- ⁴⁷ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 15. Л. 17.
- ⁴⁸ Там же. Д. 4. Л. 4.
- ⁴⁹ Там же. Д. 466. Л. 22–22 об.
- ⁵⁰ Скобелев И. Чуваш и татары в логове фашистов // Республика, 2003. № 23–27, 31.
- ⁵¹ Там же; ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 11. Л. 15; д. 39. Л. 57–57 об.
- ⁵² Там же. Д. 127. Л. 11 об.–12.
- ⁵³ См. подробн.: Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1996. 542 с.
- ⁵⁴ ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.
- ⁵⁵ Там же. Д. 57. Л. 23.
- ⁵⁶ Там же. Д. 258. Л. 27 об.–28 об.
- ⁵⁷ Там же. Д. 384. Л. 21–22.
- ⁵⁸ Там же. Д. 50. Л. 18–22 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 30.
- ⁶⁰ Там же. Д. 86. Л. 3–3 об.
- ⁶¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» // Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004. С. 420–422.
- ⁶² См. подробн.: Дембицкий Н.П. Судьба пленных // Война и общество, 1941–1945. Кн. вторая. М., 2004. С. 232–264.

D.A. Zakharov. Repatriation of Soviet prisoners of war in 1944–1945 (According to the materials of the Chuvash ASSR).

During the Great Patriotic War dozens of thousands of servicemen from Chuvashia were taken prisoners. After the war soldiers and officers who survived in concentration camps were checked in the NKVD filtration points. Part of them were punished deservedly. But most of them were fully exonerated and they returned to the peaceful life. The process of the social adaptation of the former prisoners of war was complicated. They and their close relatives were restricted in getting jobs, entering colleges or in moving to another place of residence. The process of rehabilitation finished de jure in 1995.

ЧГВ, 2009 г., № 4
© Э. Винклер

АВГУСТ АЛЬКВИСТ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Карл Август Энгельбрект Альквист (7.08.1826, Куопио–20.11.1889, Хельсинки) – профессор финского языка и литературы, писатель и литературный критик. В 1845 г. поступил в Императорский Александровский университет в Хельсинки, где изучал латинский и греческий языки, а также историю. После создания финской кафедры пополнил свои знания изучением финского языка и литературы. Учебу в университете завершил в 1853 г. со званием кандидата (в настоящее время оно приравнивается званию магистра философии. – Э.В.). Уже во время учебы Альквист встал на защиту своего родного финского языка, за усиление его позиции в обществе, в противовес доминировавшему тогда шведскому языку. В дальнейшем финский язык и литература – в их широком смысле – то есть с включением всего того, что сегодня понимается под финно-угроведением, стали основной областью его деятельности. В 1846–1847 гг., во время учебы в университете, отправился по следам Элиаса Лённрота в Северную Карелию, Архангельск и на восточную территорию Ботнического залива для сбора песенного материала. В 1854 г., после сдачи кандидатского экзамена, совершил ещё одну экспедицию по сбору песенного материала по Карельскому перешейку и в Ингерманландию, параллельно изучал районы расселения и состав прибалтийско-финских народов, отмеченных на карте Петера фон Кёппена Ингерманландией (изд. 1849 г.). Через год (1855 г.) совершил поездку к вепсам в район Олонца. В 1856 г. Альквист отправился в свою трехгодичную экспедицию по изучению финно-угорских языков в Волго-Уральский регион и в Западную Сибирь (мордовский, марийский, мансийский, хантыйский языки), которые не входили или не стояли на первом месте в плане исследования экспедиции Кастрена. После возвращения в 1859 г. он защитил диссертацию и был назначен доцентом в

Эберхард В и н к л е р – профессор, заведующий кафедрой финно-угроведения в университете Геттинген (Германия).

Александровском университете. В 1863 г., перед тем как унаследовать кафедру финского языка и литературы от Э. Лённрота, он посещает Копенгаген, Берлин, Прагу и Будапешт. Во время поездок знакомится с новейшими достижениями в области языкознания и этнологии, а также устанавливает научные контакты, в том числе с Палом Хунфальви и Йожефом Буденцем, с которыми он в дальнейшем активно переписывается. Альквист еще два раза побывал у сибирских финно-угорских народов, в 1877 и в 1880 гг., когда был уже известным профессором. Во время этих визитов он исправил и дополнил свой языковой материал, собранный в 1858 г. После службы в университетских стенах (декан, зам. ректора и ректор университета в 1884–1887 гг.) и ухода с должности профессора кафедры он хотел было возобновить свои исследования, но заболел воспалением легких и умер.

Альквист относился к первой плеяде финских исследователей (кроме него и до него, в первую очередь, следует назвать имена Андреаса Иоганна Шёгрена и Матиаса Александра Кастрена), которые после того, как Финляндия стала частью Российской империи, интенсивно занялись сбором языкового материала родственных языков. Научный мир в те времена не имел никаких достоверных данных об этих языках. В XVIII в. были предприняты первые шаги по выяснению языковых и родственных отношений народов Российской империи. Но, к сожалению, цели, которые преследовались на первом этапе полевых исследований¹, имели скорее общеисторический характер, нежели языковедческий. Методика исследований соответственно тому времени и поставленным целям также была недостаточной (опрос по относительно коротким, заранее составленным спискам слов или перевод текстов на многие, по возможности, языки России, отсутствие фиксации сведений об информантах, неполные записи и т.д.). И результаты, естественно, были скудными. Эта первая плеяда ученых концентрировала свое внимание в основном на языках и народах отдельных регионов и за время, предоставленное им для обследования в тех немногих районах, пыталась собрать весь необходимый материал (и не *en passant*, как это часто происходило в XVIII в.). Представителями первого поколения исследователей был собран богатый фактический материал, но только Альквисту посчастливилось издать их большую часть еще при жизни. К ним, в частности, относятся: «*Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning*» [Вотская грамматика с языковым материалом и словарем] (1856), «*Anteckningar i Nord-Tschudiskan*» [Замечания к северо-чудскому, то есть к вепсскому языку] (1859), «*Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichnis*» [Опыт мокша-мордовской грамматики с текстами и словарем] (1861); научные труды: «*Om Ungerska språkets förwandskap med Finskan*» [О родстве венгерского языка с финским] (1863), «*Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen*» [Культурные слова в западнофинских языках] (1875), «*Über die Sprache der Nord-Ostjaken: Sprachtexte, Wörtersammlung und Grammatik*» [О языке северных хантов: языковые тексты, словарь и грамматика] (1880) и «*Über die Kulturwörter*

der obisch-ugrischen Sprachen» [О культурных словах обско-угорских языков] (1890; в 1882 г. издано на финском языке). Его мансийские работы – «*Wogulisches Wörterverzeichnis*» [Словарь мансийского языка] (1891), «*August Ahlqvists Wogulische Sprachtexte nebst Entwurf einer wogulischen Grammatik*» [Мансийские тексты с образцом мансийской грамматики Августа Альквиста] (1894) издал Ю. Вихманн после его смерти. Черемисские и татарские материалы Альквиста пока еще не опубликованы. Его чувашские материалы также печатаются впервые.

По сравнению с полевыми исследователями XVIII в., упомянутые трое ученых были лингвистически заинтересованы, для своего времени высоко эрудированы и, благодаря знанию финского языка, хорошо осведомлены в особенностях финно-угорских языков. (В XVIII в. исследователями, как известно, часто были немцы.) Фонетическая транскрипция и записи у представителей первой плеяды финно-угроведов были значительно качественнее, чем в образцах XVIII в.

Все же в методике описания и исторического анализа все трое ученых придерживались старой парадигмы. Все те новые направления, которые начали формироваться вокруг младограмматиков с середины XIX в., были им недоступны. Шёгрэн и Кастрен к тому времени умерли, а Альквист находился в зените своего творчества. Он давно определил свой научный путь и уже не был готов для восприятия новых идей² как и его эстонский коллега, Фердинанд Иоганн Видеманн³.

Оценивая с современных позиций, заслуги Альквиста, без сомнения, заключаются в его новаторских исследованиях по мордовскому и обско-угорским языкам и, в первую очередь, по мансийскому. В Финляндии он считается основателем финноязычного финно-угроведения⁴.

Все исследовательские экспедиции проводились с целью выявления родственных связей между финно-угорскими языками; во времена Кастрена они не были еще достаточно изученными ясными. Кастрен, как известно, расширил эти связи вплоть до урало-алтайской семьи. Как уже подчеркивалось, задачей Альквиста было исследование языков, изучением которых Кастрен подробно не занимался. «Целью моей поездки, как известно, – утверждал он, – было более точное исследование финских языков, находящихся в районах между Волгой и Уралом»⁵. То, что во время исследования региона Волги объект изучения он расширил и чувашским языком, объяснялось тем, что дискуссия о родстве чувашей и чувашского языка протекала в ту пору особенно остро. Об этом Альквист пишет так: «При более точном изучении цели моей поездки мне показалось, что исследование чувашского языка должно стать моей первоочередной задачей. Происхождение чувашей покрыто туманностью, и в то время как часть ученых причисляет их к финно-язычным народам, другие выдают их за настоящих соплеменников тюрков, не вдаваясь при этом в более подробное освещение языка, который больше, чем что-либо другое, может доказать родство. Данное обстоятельство и мое желание разрешить этот спорный

вопрос послужат достаточным аргументом для моего оправдания, если я слишком отклонился от своей главной задачи. Но еще больше оправдывает меня то, что изучение чувашского языка связано с исследованием финских языков. Мы знаем, что чувашский язык граничит с севера с черемисским языком, а на юге с мордовскими языками. К тому же я еще раз имел возможность убедиться в том, что чувашский повлиял как на мордовский, так и на черемисский языки, и сам подвергся их влиянию. Итак, я могу утверждать, что изучением чувашского языка во время своей поездки я «убью двух зайцев одним выстрелом (ударом)...»⁶.

Насколько повышенным был международный интерес к чувашам в середине XIX в., свидетельствует, например, то обстоятельство, что часть писем Альквиста, посвященных изучению чувашей, была опубликована три раза: в 1857 г. на финском языке, в том же году на немецком в России и в 1858 г. в Германии.

* * *

Альквист отправился в свою трехгодичную экспедицию из Хельсинки 19 февраля 1856 г. В Санкт-Петербурге он пробыл три недели. Чтобы основательно подготовиться к поездке он достал для себя не только нужные документы, но и отобрал имеющиеся в Санкт-петербургских библиотеках источники и литературу⁷. О том, что он уже тогда имел намерение заниматься чувашским языком, свидетельствует его ссылка на имеющийся в Санкт-Петербурге рукописный материал. Итак, решение о включении чувашского языка в план экспедиции пришло ему впервые не в Казани.

Первой остановкой на его исследовательском пути был город Казань, в который он прибыл 21 марта 1856 г. О своем пребывании в нем он писал: «Уже в Казани я начал изучение чувашского языка. Литературы очень мало; перевод Евангелий, отпечатанный в Казани в 1820 г., и краткая библейская история (там же в 1832 г.) составляют основу этой литературы. К ним можно причислить несколько молитв православной церкви, сообщение о деятельности и развитии религиозных обществ и одну статью об оспе. Имеется один незначительный учебник по языку, изданный в прошлом веке (*«Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка»*. С.-Петербург, 1769)⁸, и не превосходящий его по качеству учебник со словарем казанского же издания (Вишневский Виктор. *Начертание правил чувашского языка и словарь, составленный для духовных училищ Казанской епархии*, 1836). Авторами обоих учебников являются священники. Мои занятия по чувашскому языку в Казани состояли в том, что я с помощью церковного служителя, чуваша по происхождению, читал перевод Евангелий»⁹.

При этом огромную помощь оказало мне то, что автор последней грамматики (Вишневский, 1804–1885) разрешил мне снять копию со своего перечня слов, встречающихся в переводе Евангелий»¹⁰.

Итак, Альквист встретился в Казани с Вишневским и получил от него копию словаря, что в дальнейшем сыграло определенную роль в появлении материалов чувашского языка Альквиста.

30 мая 1856 г. Альквист оставил Казань, переправился через Волгу в с. Услон и переночевал недалеко от этой деревни на берегу Волги. На следующий день он пересек границу чувашской территории, впервые переночевал в чувашской деревне, название которой он не приводит. Через день Альквист прибывает в Цивильск, о котором весьма лестно отзывается¹¹. Второго июня он достигает с. Ишаки – своего первого места пребывания. Здесь он задерживается на целых шесть недель. Почему он выбрал именно это, почти ничем не примечательное место, установить на основе его записей невозможно. Альквист упоминает, что Ишаки находятся в центре четырех уездов – а именно: Чебоксарского, Цивильского, Ядринского и Козьмодемьянского, в которых живут чуваша, и что здесь имеется церковь, и что в этой церкви находится чудотворная чудеса икона Святого Николая, известная на всю округу¹². По множеству причин именно здесь он решил пополнить свои знания по языку¹³.

Спиридон Михайлович Михайлов, который в Козьмодемьянске был информатором Альквиста, вскоре после отъезда Альквиста опубликовал маленькое описание с. Ишаки в *Казанских губернских ведомостях* (1857). Традиционно считается, что поселение было основано в начале XIV в. татаринном по имени *Ижек*, мусульманином, у которого было много потомков. (См. последовательность фонетических изменений; тат. *Ижек* > чув. *Ишак* > русск. *Ишаки* – на основе письменного сообщения Клары Адягаша.) Во времена Петра Первого началась христианизация чувашей, жители Ишак в 1748 г. стали официально православными. Вследствие этого в данную местность переселились православные священники со своими семьями, которые в 1780 г. проживали уже в 15 домах. В 1793 г. село полностью сгорело во время пожара, в 1797 г. оно было вновь восстановлено. Построенная тогда на чувашской территории первая каменная церковь со временем превратилась в духовный центр региона. В экономическом плане село было достаточно развито, вскоре оно стало одним из значительных рынков в округе. Но голод 1833–1834 гг. заставил многих жителей покинуть поселение. Основным занятием жителей являлось земледелие; животноводство было развито слабо. В 1843 г. в с. Ишаках проживали 277 мужчин и 322 женщины в 101 доме, среди них 25 русских обоего пола. Чуваша, как правило, селились отдельно от них. Чувашский язык сохранился в этом регионе в наиболее «чистом виде», не подвергся смешению чужеродными элементами. Как считает С. Михайлов, данный факт послужил поводом для пребывания здесь двумя годами раньше (считая с 1857) австрийского (?) путешественника Регули и финского ученого Альквиста.

В одном из своих писем Альквист жаловался на то, что в этой деревне в начале своих полевых исследований он столкнулся с огромными трудностями, так как среди жителей не было ни одного образованного человека¹⁴. В конечном итоге его информантом стал безымянный переводчик. Не были благоприятными и внешние условия жизни: голод, жара, мириады мошкары и других насекомых, русская хозяйка, у которой жить было нелегко: она

считала его безбожным лютеранцем, далее одиночество, духовное и светское убожество его информантов. Но, несмотря на это, он охарактеризовал плоды своего шестинедельного пребывания «ценными», особенно что касается его грамматических и лексических записей; первая часть рукописи, русско-чувашский словарь, была составлена в Ишаках. В конце словаря стоит запись, что работа завершена 13 июля 1856 г. Кроме того, он собрал здесь 50 песен и 100 загадок.

В конце июля Альквист поехал на три недели в Козьмодемьянск, где продолжил изучение чувашского языка и занимался также горномарийским языком. Условия проживания в Козьмодемьянске были намного лучше, но и здесь он продолжает жаловаться на внешние обстоятельства, на отсутствие цивилизации и культуры¹⁵. Но он здесь нашел информантов, каких себе желал. Одним из них был уже упомянутый Спиридон Михайлович Михайлов (1821–1861), историк, фольклорист, писатель, судебный переводчик, член-корреспондент Императорского Географического общества, из-за которого Альквист собственно и приехал в Козьмодемьянск¹⁶. Другим его информантом был священник Громов, который остался бы иначе в неизвестности. Громов сам составил рукописный словарь чувашского языка и отправил его в Санкт-Петербург. Альквист писал: «С помощью этих двух мужчин я снова учил чувашский язык в течение трех недель, и мои записи находятся в таком хорошем состоянии, что их публикацию сможет обеспечить любой другой человек, если у меня у самого не будет для этого достаточно времени»¹⁷.

Альквист оставался в этой местности до конца сентября и в последние дни занимался в основном горномарийским языком¹⁸. После он снова возвратился в Казань, где параллельно с изучением татарского языка приводил в порядок свои полевые записи по чувашскому языку, дополняя их материалами из университетской библиотеки. В начале 1857 г. он поехал к мордве. По пути между Буинском и Ардатовом на неделю задержался в чувашских деревнях, где дополнил свои записи материалами низового диалекта чувашского языка. О своей работе здесь он пишет: «Было бы здесь излишне говорить об этом (о предмете исследований, то есть о различии между верховым и низовым диалектами чувашского языка), так как материал будет помещен в готовящейся грамматике чувашского языка в соответствующем параграфе. Здесь я подчеркну, что пополнение моих знаний о диалектах чувашского языка было полезным для грамматики. Я не смогу посчитать грамматику завершенной, пока я не познакомлюсь с чувашами из Самарского, а может быть, и Саратовского уездов. Хорошая возможность для этого будет у меня будущим летом, во время моей поездки к мордвинам»¹⁹.

По всей вероятности, Альквист не смог посетить южных чувашей, так как ни в его письмах и воспоминаниях, ни в самом материале не имеются никаких ссылок.

Это были так называемые внешние рамки исследований Августа Альквиста о чувашском языке.

Альквист полагал, что его чувашский материал хорошо обработан и готов к печати, но все же он не смог сделать его полностью доступным для будущих поколений. Причину Альквист назвал в одном из писем к своему ученику Эмилю Нестору Сетяля, ставшему впоследствии одним из великих финно-угроведов в Финляндии²⁰: обработку своих чувашских материалов он завершит к своему 60-летию; тогда он посетит родину чувашей, которую найдет очень красивой, и куда можно ехать и в пожилом возрасте. Как известно, Альквист умер в возрасте 63 лет.

В письме, опубликованном на финском²¹ и на немецком языках в Германии²², приведены отдельные парадигмы, имена числительные и слова, являющиеся, по мнению Альквиста, финно-угорскими заимствованиями в чувашском языке, а в фольклорной части перечислены древние названия богов. Но сам материал до сих пор не издан и хранится в фондах Финно-Угорского общества в Финляндии. Очевидно, он не известен широкой публике, так как ни в монографии М.Р. Федотова²³, ни в научных справочных изданиях²⁴ нет ссылок на эти материалы. И в финской научно-исторической литературе они упоминаются очень редко²⁵.

Материал рукописи состоит из 232 рукописных фолиантовых страниц, разделенных на пять частей. Первая часть, в свою очередь, также разделена на подразделы:

1. *Rysk – Tsçhuwasçhisk oçh Tsçhuwasçhisk – Svensk Ordförteçkning* (С. 2–116):

а) *Tsçhuwasçhiska ord*, русско-чувашский словарь (С. 3–64),

б) Чувашско-русский словарь без названия (С. 65–90) и

в) *Ordförteçkning till de Tsçhuwasçhiska språkprofven*, чувашско-шведский список слов к чувашским текстам (С. 91–116).

2. *Tsçhuwasçhisk Grammatik*, достаточно полная грамматика чувашского языка на шведском языке (С. 117–178).

3. *Tsçhuwasçhiska Språkprof*, то есть чувашские тексты (С. 179–231), разделенные на:

а) *Чувашские басни* (С. 180–190),

б) *Чувашские сказки* (С. 192–207).

4. *Краткое описание чувашских суеверий* (С. 208–219) и

5. *Краткое описание чувашских суеверий* (С. 220–232), то есть пятая и четвертая части имеют одинаковое название.

Части 1–2 записаны большей частью самим Альквистом, что можно установить на основе дат; части 3–5 записаны первоначально чужим почерком. Только 1 и 2 части опубликованы. Рукопись Альквиста достаточно хорошо читается, и весь материал, как подчеркивает и сам Альквист, хорошо упорядочен.

Несколько слов о каждой части:

Часть 1а. Русско-чувашский словарь охватывает 62 страницы и включает в себя около 2300 слов. Слова приведены в алфавитном порядке,

большинство из них содержит чувашские эквиваленты; иногда Альквист делает примечания на шведском языке. Речь идет о заранее подготовленном списке русских слов, который был дополнен чувашскими соответствиями Альквистом во время пребывания в Ишаках. В конце словаря, как уже подчеркивалось, стоит запись с указанием завершения словаря 13 июля 1856 г. По словам самого Альквиста, словарь содержит слова из верхового диалекта чувашского языка. Информантом является, по всей вероятности, безымянный переводчик.

Часть 1б. Чувашско-русский словарь содержит только 25 страниц и охватывает приблизительно 800 слов в алфавитном порядке. О его происхождении не имеется никаких данных. Сделать соответствующую обработку чувашско-русского словаря – задача сложная, к тому же в нем имеются слова, не встречающиеся в части *1а*. Речь может идти о списке слов Вишневого, который Альквист скопировал в Казани (см. выше). Об этом свидетельствует то, что он сам заявляет о наличии данного списка у себя, и то, что этот список содержит библейские цитаты. С другой стороны, словарь не содержит столько много слов, связанных непосредственно с переводом Евангелий. В списке имеются замечания Альквиста на шведском языке и татарские переводы слов, сделанные частично в арабском письме и чужой рукой. Последние, по всей вероятности, дополнены во второй половине 1856 г., когда Альквист снова был в Казани.

Часть 1в. Чувашско-шведская часть содержит 26 страниц, содержащих около 1000 слов в алфавитном порядке. Эта часть переписана на шведском языке как «Список слов к чувашским текстам», то есть к обоим сказкам, которые можно найти на страницах 179–207. Непонятным остается замечание на шведском языке, сделанное к названию. Оно звучит так: «Сообщение о русских словах, заимствованных из восточных языков, содержащихся в «Материале для словаря» в бюллетенях, 2 отделения, части XII, XXII и XXIX, Петербургской Академии». В соответствующих тетрадях *Bulletin de la Classe Historico-Philologique* [2 отделение?] *de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg* не содержится никакой ссылки на *Материал к словарю*.

Часть 2. Грамматическая часть состоит из 61 страницы и представляет собой краткую, но охватывающую все основные области языка, грамматику. Отдельные, уже опубликованные, парадигмы приводятся и в этой части. По всей вероятности, при написании использованы многие труды или статьи, так как определенные разделы грамматики рассматриваются Альквистом много раз, и он ссылается иногда на Вишневого и Акиандера (1802–1871), профессора русского языка и литературы (названия трудов, на которые он ссылается, точно не указаны). Частично приводятся формы из Евангелий и из низового диалекта чувашского языка: «*i Simbirska dialekten*» или «*i Buinsk*». Работа над грамматикой завершена 17 января 1857 г. в «*Sigalinska prikasen*», во время пребывания Альквиста в деревнях низовых чувашей по пути к мордвинам.

Части 3а и 3б написаны чужим почерком, в левой колонке содержат чувашский текст в кириллице, в правой колонке дается русский перевод. Запись хорошо читается. Отдельные чувашские слова снабжены латинской транслитерацией, которая приведена над словами и имеет примечания на шведском языке. По всей вероятности, они сделаны самим Альквистом. Данные о происхождении этих материалов и об их авторе отсутствуют.

Части 4 и 5 представляют собой русские тексты, записанные чужим, но красивым почерком. Записи произведены разными людьми. Содержание обоих текстов сильно не отличается, описываются ритуалы юмсай, чувашского шамана. Четвертая часть кажется копией пятой части, на что указывают ошибочная нумерация (отсутствует цифра 6) и отсутствие части текста в конце. В конце (С. 231, часть 5) имеется примечание на русском языке, которое приводится и на стр. 232 и, по всей вероятности, относится к четвертой части: *Сочинение бывшим (не прочитывается) успешком (не прочитывается) Симбирского спасского Собора протоиереем Александром Протопоповым, и по одобрении Цензурным Комитетом Казанского Университета было напечатано особою статьею в издаваемом при том же университете журнале под названием Казанский вестник. Симбир(ск): Спасского Собора протоиерей Александр Протопопов.*

* * *

Альквист поставил перед собой две цели, для достижения которых он должен был заняться изучением чувашского языка (см. пункт 3), а именно:

а) выяснить родственные связи и опираться при этом на языковые данные,

б) исследовать «влияние» чувашского языка на соседние финно-угорские языки: марийский и мордовский.

Звуковые законы, легшие в основу классического метода в финно-угроведении со времен Вильгельма Томсона, конечно, во времена Альквиста не были еще известными. В тексте уже подчеркивалось, что Альквист придерживался старой научной методикой, которая для доказательства родства должна была довольствоваться очевидной схожестью слов и суффиксов. В соответствии с этой методикой неопределенными кажутся и его результаты, о которых он сообщает в своих письмах: «Раньше я вместе с Кастреном допускал, что чуваша – отатарившиеся черемисы. Тому причиной были большие сходства в традициях, в образе жизни и внешнем виде. Но они могут быть и влиянием длительного совместного проживания. Более близкое соприкосновение языков обоих народов было бы здесь решающим, но оно характеризуется множеством общих слов, являющихся по происхождению не финскими, а тюркскими, каковым является и весь чувашский язык. ... Несмотря на то, что иногда в чувашском языке встречаются древнефинские слова, все же он является чистейшим тюркским диалектом ('puhdas turkkalainen murte'), что явствует из значительного большинства его слов и из его грамматического строя ('kieliopillisesta rakennuksesta')²⁶.

То, что Альквист отстаёт со своими выводами от достижений научных мыслей того времени, отметил ещё Эрман, издатель «Архива научных исследований о России» в своём примечании к сообщениям Альквиста²⁷. Эрман не без иронии подчёркивает не только то, что чувашские слова, являющиеся в действительности тюркскими, Альквист характеризует как древнефинские²⁸, но и то, что родство чувашского языка с тюркскими языками давно уже доказано: «Заодно мы заметим, что в этом сочинении [Schott, *De lingua Tschuvaschorum*] уже полностью доказано, что господин Альквист собирается только доказать, а именно: тюркское происхождение чувашского языка»²⁹.

Диссертация Вильгема Шотта *De lingua Tschuvaschorum* появилась за 15 лет до этого в 1841 г. в Берлине, в которой автор доказывает родство этого языка с тюркскими языками, так что для современников данная проблема казалась уже решённой, о чём свидетельствует и ссылка Эрмана. Бенцинг вообще считает, что родство было доказано Клапротом уже в 1828 г.³⁰ Несмотря на тот факт, что Альквист основательно подготовился в Санкт-Петербурге к своей поездке, все же он не был знаком с данной работой, в его рукописях не имеется ссылки на Шотта. Является ли это причиной того, что Альквист больше не публиковал свои чувашские материалы, так как во время своей поездки по Центральной Европе в 1860-х годах он побывал и в Берлине.

Аулис Йоки прав, когда он признаёт Альквиста инициатором научных полевых исследований среди чувашей, потому что Шотт не собирал сам языковые данные, а опирался при написании на уже опубликованные материалы. Значение Альквиста как исследователя чувашей и чувашского языка заключается ещё в том, что его письма содержали разнообразную информацию о языке, культуре и религии чувашей, и эти письма были доступны для тогдашнего просвещённого мира; интересующаяся публика получила подробные знания о тюркском народе, находящемся в отдалении от остального тюркского мира. Более точная оценка чувашского языкового материала, представляющего собой краеугольный камень в истории науки и в исследовании чувашского языка, будет нами ещё дана. Альквист является первым финским исследователем чувашского языка и чувашского народа, он первым осознал значение этого языка для изучения финно-угорских языков. По его стопам пошёл Хейкки Паасонен, автор чувашско-венгерско-немецкого словаря и монографии о тюркском влиянии на мордовский язык. Примеру Альквиста последовали также Мартти Рясänen и Юрьё Вихманн, представившие свои труды о влиянии чувашского языка на соседние финно-угорские (черемисский и пермские) языки.

Литература и источники

¹ Winkler E. Frühe finnische Untersuchungen zum Tschuwaschischen // August Ahlqvist. Erscheint in UAJb 21 (2007), 2008.

² Cp.: *Korhonen M.* Finno-Ugrian Language Studies in Finland 1828–1918. Helsinki, 1986. 86.

³ См.: *Winkler E.* Ferdinand Johann Wiedemann väikeste läänemeresoome keelte uurijana // *Emakeele seltsi aastaraamat* 53 (2007. 150–160), 2008.

⁴ *Korhonen M.* Указ. соч. С. 87.

⁵ *Ahlqvist A.* Aus einem Briefe des Candidaten Aug. Ahlquists an Herrn A. Schiefner // *Bulletin de la Classe des Sciences Historiques, Philologiques et Politiques de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg*, 1857. Tome XIV. № 10. 145.

⁶ Там же.

⁷ *Ahlqvist A.* Ensimmäinen matka-kertomus. Toinen matka-kertomus. Suomi, 1856. S. 215.

⁸ Cp.: *Vesterinen J. (Hg.)* August Ahlqvist. Muistelmia matkoilta Wenäjällä 1854–1858. Häme-enlinna, 1986. 125; *Benzing J.* Einführung in das Studium der altaischen Philologie und der Turkologie. Wiesbaden, 1953. 127.

⁹ *Ahlqvist A.* Nachrichten über Tschuwaschen und Tscheremissen // *Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland*, 1858. 40.

¹⁰ *Ahlqvist A.* Aus einem Briefe des Candidaten Aug. Ahlquists an Herrn A. Schiefner // *Bulletin de la Classe des Sciences Historiques, Philologiques et Politiques de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg*. S. 146.

¹¹ *Vesterinen J. (Hg.)* August Ahlqvist. Muistelmia matkoilta Wenäjällä 1854–1858. Hämeenlinna. S. 131.

¹² Там же. С. 126.

¹³ Там же. С. 132.

¹⁴ Там же. С. 151.

¹⁵ Там же. С. 156.

¹⁶ *Ahlqvist A.* Nachrichten über Tschuwaschen und Tscheremissen // *Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland*. S. 40.

¹⁷ Там же. С. 41.

¹⁸ *Ahlqvist A.* Ensimmäinen matka-kertomus. Toinen matka-kertomus. S. 238.

¹⁹ Там же. С. 240.

²⁰ *Joki A.* August Ahlqvist fennougristina // *Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja*, 1977. S. 52.

²¹ *Ahlqvist A.* Ensimmäinen matka-kertomus. Toinen matka-kertomus. S. 246.

²² *Ahlqvist A.* Nachrichten über Tschuwaschen und Tscheremissen // *Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland*. S. 61.

²³ *Федотов М.Р.* Исследователи чувашского языка. Чебоксары, 2000.

²⁴ Исследователи Чувашского края. Библиографический указатель. Чебоксары, 2002.

²⁵ См., например: *Joki A.* August Ahlqvist fennougristina // *Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja*. S. 52; *Korhonen M.* Finno-Ugrian Language Studies in Finland 1828–1918. S. 80.

²⁶ *Ahlqvist A.* Nachrichten über Tschuwaschen und Tscheremissen // *Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland*. S. 60–62.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 61. Сноска 1.

²⁹ Там же. С. 59. Сноска 1.

³⁰ См.: *Benzing J.* Einführung in das Studium der altaischen Philologie und der Turkologie. Wiesbaden, 1953. S. 128.

E. Vincler. August Alkvist as a researcher of the Chuvash language.

The works on the Chuvash language by A.E. Alkvist (1826–1889), his materials received during the expeditions in the Chuvash region in 1856–1857 are considered in the article. The Chuvash part of his written heritage including Russian-Chuvash and Chuvash-Russian dictionaries, the Chuvash grammar in Swedish, the Chuvash texts are described here.

ЧГВ, 2009 г., № 4
© В.В. Никифорова

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРОЗА
В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ПОЭТИКА ТВОРЧЕСТВА
ГЕОРГИЯ ФЕДОРОВА**

*«Медленно жить,
очень медленно жить...»¹*

Интелектуальная проза – новое, практически не изученное явление в современном литературном процессе. В чувашской литературе рубежа XX–XXI веков она представлена произведениями Бориса Чиндыкова, Владимира Степанова, Михаила Сунтала. В пространстве такого вида прозы заметным явлением выступает и творчество Георгия Федорова. Он – автор интеллектуальных и одновременно чувственных стихотворных произведений (в том числе изданной в 2000 г. поэмы «Рондо», в структуре которой значимы и прозаические фрагменты), достаточно своеобразно реализующий себя и в прозе.

В центре внимания статьи – *аллегорический* (другой возможный вариант перевода – *метафорический*) эскиз Г. Федорова «*Ай, мӓнтарӓн хир мулкачи*» (буквальный перевод названия: «О, мой бедный полевой заяц»). Он тяготеет к жанру интеллектуального романа. Интеллектуальный роман можно воспринимать как дальнейшее развитие философского романа. Основываясь на достижениях философского романа (способность рождать различные ассоциации на самых разных уровнях; множественность символов и аллегорий; важное значение мифа (в широком смысле слова), притчи; философский диалог, который организует герой сам с собой), интеллектуальный роман отличается еще более глубоким содержанием, уплотнением смысла. Вместе с тем усложняется и техника письма. Понятно, что такой тип письма может появиться на определенном этапе движения литературы. Для литературы чувашской, очевидно, это конец XX в.

Вера Витальевна Никифорова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Прозу Г.Федорова можно определить как культурно-эстетическое явление, вобравшее в себя лучшие традиции не только чувашской, но мировой литературы в целом (шире – культуры). Без сомнения, что она укоренена в традициях национальной культуры, то есть основу ее определяет *национальное*. Основа эта складывается из глубокого знания и чувствования устного народного творчества (поговорка, пословица, песня, миф, притча...), важнейшие образы — символы (лес, ветер, дождь, гром (гроза), птица, телега (колесница), дорога, мост, заяц...) национальной философии, литературы, культуры. Именно она обусловила восприятие и видение мира Федорова, которые обогатились в процессе *узнавания* других традиций.

Эскиз Федорова состоит из нескольких повестей². Цель предлагаемой работы – дать общее представление об особенностях прозы данного автора. Ввиду ограниченности объема публикации объектом анализа стали первые три повести цикла.

На языке оригинала жанр звучит как «*ытарлă эскиз*». В определении *ытарлă* заложено несколько значений, в том числе: «иносказательно; намеком, намеками; окольно, плеонастично; через параболу, профанат...». *Ытарлăх* текста Федорова правомерно рассматривать как проявление национальной особенности мышления. Об особенностях данного мышления (впрочем, как и любого другого национального мышления) можно рассуждать бесконечно. В поисках основ представляет интерес точка зрения самого Георгия Федорова-литературоведа, которая серьезно аргументирована. Анализируя творчество классиков чувашской литературы (Илли Тхти, Ивана Мучи, Хведера Уяра и др.), он делает вывод, что чувашскому мышлению характерны очень тонкий юмор и ирония. За шутовством, скоморошничаньем, самоуничижением (*ухмаха пени* – прикидываться дурачком) чувашского человека скрывается серьезная философия, призванная, в конечном итоге, к адекватной оценке национальных черт³. Условия формирования и особенности бытования данной черты анализирует и В. Родионов (*ухмаха супаслăх* – в его определении)⁴. В рамках *ытарлăх* воспринимается и частое сравнение героями своей жизни, сложившейся ситуации с понятием *мыскара* («забава, шутка, потеха»). Возможно, сравнение реальности, которая куда более серьезна и трагична с этим понятием, помогает чувашскому человеку легче принять эту реальность. Переосмысление в сознании существующей реальности в чем-то напоминает «карнавализацию сознания» М. Бахтина. В широком смысле *карнавал* празднует конец старого и рождение нового. Иными словами, открывается дорога возможным изменениям. Вначале – в сознании, потом – возможно, и в реальности. Понятие *мыскара* соотносимо, таким образом, с *ироническим смехом*. Иронический смех всегда – победа над трагедией, создание новой реальности.

Жанр *эскиза* проявил себя в чувашской литературе еще в 20–30 гг. XX в. («Штрум» (1924) Семена Хумма, «*Атăл та куна халиччен курман*» (Даже Волга этого до сих пор не видела, 1935) Илли Тхти, публицистический эскиз «*Стахановец сулă*» (Путь стахановца, 1936) Ефрема Еллиева). Понят-

но, что интерпретации термина и понимание жанра в разные периоды отличаются, но наличие предыдущего опыта в любом случае имеет определенное значение. *Эскиз* Федорова, по его замыслу, должен состоять из нескольких завершенных, но представляющих вместе единое целое повестей. Эта серия повестей потенциально соотносима с жанром романа. В ней – одна общая идея, общие герои, общее историческое и культурное пространство. Хотя, по всей видимости, между понятиями нельзя поставить знак равенства.

Текст Федорова непросто для восприятия. Вначале он даже внушает ощущение хаотичности и неровности. В целом читатель испытывает определенное «сопротивление материала», то есть текст стремится быть не только «объектом восприятия», но и вести на равных интеллектуальный диалог, стремится к самодостаточности. Он близок к постмодернистскому понятию *нарратива*⁵. Складывается ощущение, что писатель очень близок к максимуму в реализации потенциала Слова. Он с уважением относится к Слову, наслаждается его возможностями, своим Письмом. В целом, формальная организация произведения *находится* в рамках постмодернистского мышления и обращена более к интеллектуальному началу воспринимающего. Содержательная сторона текста – повествование о *жизни души*. «Какое употребление делаю я теперь из моей души. Вот вопрос, который следует ставить во всяком положении и исследовать далее, что происходит с тою частью моего существа, которую называют руководящей. Чья душа теперь у меня. Не ребенка ли. Не юноши ли. Не слабой ли женщины, или тирана, или скога, или дикого зверя» (Марк Аврелий)⁶ – один из эпитафов ко второй повести. Чуткому читателю, вне зависимости от интеллектуального багажа, думается, размышления о вечном будут близки и понятны. Хронологические рамки произведения – XX век, новейшая история. Иллюстрация ко второй повести – газетный лист со статьей «Не могу поступаться принципами» – знак того Времени. Это и возражение Сталину. В то же время и спор конкретной эпохи с извечным. Подтекст рисунка ироничен. Но герои произведения могли бы подписаться и под прямым смыслом этого выражения. Национальная жизнь вырабатывает определенный кодекс поведения для своих представителей, нарушить который значит – оказаться не в ладах не только с окружающим миром, но, в первую очередь, с самим собой. Проза Федорова осмысляет предшествующий опыт жизни народа в целом. Текст Федорова максимально уплотнен квинтэссенциями истин, проявляющихся в Языке, Слове.

Событийные линии в произведении то приближаются друг к другу, то расходятся, то чередуются, то опять неожиданно встречаются, одно и то же событие раскрывается с разных точек зрения (с точек зрения разных героев), стираются границы между сном и явью... Составляющие текста (начиная от мелких деталей до сюжетной линии) тесно друг с другом связаны. Сначала деталь развивается, потом поверяется. Федоров пишет, постоянно возвращая читателя к самым разным местам предыдущего текста. К примеру,

что на сердце у Лизук какая-то боль, мы узнаем еще вначале. А то, что она больна (плохо слышит) – только потом и в разных ситуациях (Первая повесть). Иными словами, в формальной организации повести выявляются своего рода витки. Где-то, возможно, такие возвращения удлиняют повествование. Тут возникает ряд вопросов: насколько оправдана такая форма письма в начале XXI в.? Или как вообще должна развиваться национальная литература в настоящем и будущем? Возможно ли в эпоху интернета существование длинного письма? А если все, подчиняясь закону экономии языковых средств, будет стремиться к краткости – не исчезнет ли красота? Общие тенденции, характерные для всей мировой литературы, не исключают возможностей индивидуального решения. Ясно, что в литературе должен отражаться ритм современной жизни, но в ней должны отражаться и ритм национальной жизни и ее индивидуальность.

Неторопливость, медлительность повествования, в некоторых случаях – *растянутость* (формально это чаще выражается в возвращениях к уже сказанному, повторах) – характерные черты ранней чувашской прозы (Игнатий Иванов, Иван Юркин). Но *неторопливость, медлительность* стиля наблюдается и у писателей второй половины XX в. (Юрий Скворцов, а также «в сочинениях В. Енеша, А. Емельянова, Л. Таллерова, В. Петрова и ряда других писателей»⁷. Возникает предположение, что данные особенности изначально были свойственны национальному мышлению в целом. Фольклор отразил это во множестве пословиц со значением «лучше не спешить» и пословицах, подобных «*тавра кайнӑ – пыл синӑ*»⁸ (окольной дорогой пошел – меда поел), «*тӱрӑ каян пӱлӑнӑ, савра каян савӑнӑ*»⁹ (прямой дорогой пошел – задохнулся, окольной – в радости пребывал). То есть «чуваш предпочитает естественный ход событий. Не надо спешить»¹⁰.

Ритм жизни чуваша, по всей видимости, более созвучен ритму Вечности, перед которой умолкают суетные движения. Поэтому Павел Ясак не может вписаться в контекст *настоящего*, земного Времени, которое движется с сумасшедшей скоростью (Первая повесть). Временной ритм здесь обусловлен больше внешними обстоятельствами-событиями. Самоощущение чуваша, «предпочитающего естественный ход событий» и в то же время чувствующего ответственность перед всем миром за происходящее вокруг, часто не может вместить в себя такое количество событий и смириться с разрядом несправедливых из них. Отчасти это может быть причиной разлада между внутренним и внешним миром, возникновения чувства вины перед другими и перед собой.

Саму Вечность Федоров воспринимает словно бы состоящую из витков. Жизнь героя – один виток этого Большого Времени (в том числе и земная жизнь проходит определенные витки). Недаром Сьирги боится, что его судьба повторит судьбу его отца: «Молодой мужчина вспоминает и горько усмехается: и вправду он стал тенью отца?»¹¹. Один из сквозных образов произведения – *колесница (телега)*. Образ выражает авторское представление о жизненном пути человека: данная «форма движения материи»

видится как движение по кругу. *Колесо/колесница* символизирует круг, или жизненный круговорот. Авторский перевод названия эскиза на русский язык («У нас колесница одна») отразил эту точку зрения. Второй эпиграф ко второй повести также подтверждает мысль о том, что все повторяется:

Горе нам, горе! Какие пришли времена!
Или среди появившихся ныне на свет
Древним подобных людей на земле нашей нет?
Разве я сам не страдаю от тяжести бед?

(Конфуций)¹²

Хаотичность XX в. лишь подтверждает мысль о том, что так было всегда. По движению телеги в повести угадывается душевное состояние героев и их жизненное положение. Хорошо на душе у Унюка – *движение телеги ровное, размеренное*¹³. И ему не хочется никуда спешить. Но в наступившие суровые времена нелегко мужчине подниматься в гору. И мост, оказывается, уже покосился, и *телега уже разваливается...*¹⁴. Смерть матери заставила Педера задуматься о собственной жизни, осознать вину перед матерью. Но горе одного человека не может остановить движение всего остального света. Мимо дома Педера проезжает *тяжелый воз*, сельчане гонят скот – деревня проснулась, у нее свои проблемы, и солнце встает, и облака плывут без ведома Педера...¹⁵. Во сне Педер увидел себя возчиком. Он едет по ухабистой дороге, телега его скрипит... И вдруг треснула ступица колеса, лошадь распряглась и убежала... Жизнь Педера совсем разладилась...¹⁶. Казалось, что жизненная колесница то попадала в яму, то выезжала на ровную дорогу¹⁷. В какой-то момент показалось, что Педер вернулся к самому себе, своим истокам, но XX в. опять увел его в сторону. Причем очень быстро (так же и Матви, Павла, Гаврилу и др.). Герои осознанно или неосознанно вступают в спор с этим быстротекущим временем. В этом споре некоторые из них гибнут (Матви, Павел...).

В числе характерных черт чувашской словесности литературовед Федоров отмечает «тягу к уплотнению смысла, краткости повествовательного слова, к особым формам эпичности. Эти свойства усиливают ассоциативность строя речи, углубляют смысл высказывания за счет различных форм условности и иносказания»¹⁸. «Чувашское национальное сознание более предрасположено к извлечению интеллектуального смысла, притчевого содержания, аллегорически-символического потенциала из мифов, обыкновенных сцен бытовой жизни, присказок и побасенок»¹⁹. Необходимое дополнение к вышесказанному: разумеется, «использование мифологических образов», «тяготение к метафорике»²⁰ сами по себе характерны многим национальным культурам. Характерны они в целом и для постмодернизма. В исследовании национальной литературы, в частности, на современном этапе литературовед Федоров подчеркивает «необходимость акцентирования внимания на категориях условности, иносказательности чувашской литературы, на ее тяге к «мифологической художественности», к символам, снам,

притчам и т.д.²¹ Но это разные уровни восприятия мира, или разные системы. Различия в данном случае организуются в соотношениях одних и тех же черт и постановке акцентов. В творчестве художника происходит встреча и соединение/перекрещивание разных форм культуры, и вырабатывается индивидуальное.

В целом все творчество писателя можно воспринимать как большой текст. Произведения Федорова (как прозаические, так и стихотворные) тесно друг с другом связаны, хотя бы на уровне ассоциаций. Новое произведение словно продолжает уже начатый текст. Этот текст пытается постигнуть смысл человеческой жизни, его тайну, глубину души человека. Поэтому часто Слово Федорова оформляется в циклы (циклы поэм «Хёсмет» (Служение), «Эпиграф», «Рондо»...). И, возможно, поэтому перед автором встают такого рода вопросы: «*Лёймestёп: те ку эпилог, / Те чун сунтармáи сён пролог?..*»²² («Эпилог ли это – я не знаю, / Иль пролог в душе моей пылает?..») Множество связей – очевидных и едва уловимых, отсылок, сценок, интертекстуальность – увеличивают плотность фактуры федоровского текста.

Федоров фиксирует большей частью не движение мысли как таковой, а рефлексию героя, смену впечатлений, скачки ассоциаций. Он пытается заглянуть во внутренний мир человека, понять его *настоящего*. По всей видимости, только «наедине с собой» раскрывается истинная человеческая сущность. Общественные традиции учат скрывать свое душевное состояние (не будем отклоняться – обсуждать положительные и отрицательные стороны этих норм). Евдокию, родившую Педера без мужа, после смерти назвали «чистым человеком». Свой грех в дальнейшей жизни она искупила сполна. «*Таса сын вáл, ятне-шивне ярса, алтас хёрарáм нек сапаланса сурёмен. Алли хусáлсан, алса áйше, нуcё сурáлсан калпак áйше чикнё. Ял сáнче янрашса, сын сáнче нáйкáйшса ят яман...*»²³ – «Чиста она, честь свою старалась не уронить, не вела себя как неаккуратная женщина. Если рука ломалась – прятала в рукавицу, если голова раскалывалась – надевала шапку. На людях не шумела и не жаловалась, чести своей не уронила». Трагедию, таящуюся в ее сердце и в сердцах других героев, и раскрывает прозаик. Во многих случаях мышление героев можно определить как поток сознания (психологизм). Если внутренний монолог организуется вокруг одной темы, поток сознания – многотемный, вместе с тем в нем отражаются чувства и эмоции героев.

«*Сывравсá хáраххи эпё: сёр каçипе сáмах шывраса хáйшкáлатáп, пур-сук сáнарáмна кёрмешетáп... – Эх, айван, áс кёмё ёнтё сана нихáсан та, – тейёччё анне, сáкна пёлсен. – Тёр сукмакна утас вырáнне сук чáтлáхра кам ухмаххи сётсе сурё?!*»²⁴ – «Я – будто писатель, ночи напролет мучаюсь в поисках слова, вожусь с еле проявленным образом... – Эх, неразумный, не поумнеть тебе, видно, никогда, сказала бы мать, узнав об этом. – Какому глупцу придет в голову блуждать по несуществующему лесу вместо того, чтобы идти по прямой тропе?!». «*Хатёр-и вёсёр услáха*

узма, сирĕпĕн ярса пусма? – ыйтатъ тĕттĕмрен И.С. Тургенева аса илтѣренкен сас. Ха-атĕр! – теес килет, кĕлеткене сивĕ тытатъ, – сапла сĕнарланатъ сĕвĕс-алхимик сулĕ... Сакĕ сутĕ тĕнчерĕ чĕн вĕй пирки тата чĕн пуянлĕх пирки шухĕшлаттаратъ»²⁵ – «Готов ли ты открыть бесконечное пространство, решительно в него вступить, – спрашивает из темноты голос, напоминающий голос И.С. Тургенева. – Хочется сказать: готов! И тело пронизывает холод, – таковым воспринимается путь поэта-алхимика... Он заставляет задуматься об истинной силе и об истинном богатстве этого мира». У Федорова – концентрированное, почти осязаемое Слово. «Поиск слова» прозаика напоминает об известных поисках Г. Флорбера. Федоров тоже тщательно подбирает каждое слово. В то же время – это слово, которое идет от сердца, пытается адекватно и осторожно выразить каждый момент бытия.

В прозе Г. Федорова интертекстуально запечатлелись достижения, опыт предшествующей литературы. Само название эскиза переключается со стихотворением Гр. Филиппова «*Чухĕн сын пурнĕсĕ – хирти мулкач пурнĕсĕ*» (Жизнь бедняка, что жизнь зайца в поле, 1880–1890), с «Мулкач юрри» (Песней зайца)... Наблюдения относительно поэтики языка национальной словесности, сделанные ученым Георгием Федоровым, успешно проверяются в его собственном художественном произведении: «Наряду с публицистической заостренностью известные коллизии, канонизированные тропы, речевые фреймы приобретают нередко философский статус и по сути сливаются в особую поэтику публицистико-философского языка чувашской национальной словесности»²⁶.

Сравнение с зайцем и с жизнью зайца в чувашской литературе складывается как традиция, или как общее место. Должно быть, не случайно, что условия жизни чуваша (Михаил Сеспель: «Издrevле жил чуваш в угнетении...»)²⁷ наталкивали его на сравнение собственной жизни с жизнью зайца в поле. Образцы устного народного творчества, видимо, зафиксировали уже сложившиеся соответствующие черты характера у определенной категории людей, осознали параллель. Для анализа некоторых черт топоса, проявляющихся в повести, приведем подстрочный перевод песни, строчка из которой стала названием эскиза:

*Вĕрманта сатрака,
Уй-хирте сĕл-тĕман.
Ай, мĕнтарĕн хир мулкачи
Епле чĕтатъ-ши?..*

В лесу – чашоба,
В поле – вьюга.
О, бедный полевой заяц,
Как он терпит?

Продолжение песни – авторская стилизация (то есть Георгия Федорова):

*Хир варринчи
Пĕччен йывĕс
Мĕн шухĕша
Пурнатъ-ши?..*

Одинокое дерево
Посреди поля,
С какой мыслью
Оно живет?..

Следует добавить, что бытовали различные вариации мотива «*Върманта сатрака...*». «*Пирён ахаль те телей сук*» (Нет уж счастья нам не знать) называется песня Гаврилы Федоровича Федорова (1878–1962)²⁸:

*Върмана та кайрӓм та сатрака,
Оя та тухрӓм та сӓл-тӓман,
Олаха та кӓтӓм те хӓр сӓмах(ӓ),
Яла та кӓтӓм те йыт сасси,
Пирён ахаль те телей сок.*

Пошел в лес – чащоба,
Вышел в поле – вьюга,
Вошел в деревню – лай собачий,
На посиделках – пересуды.
Нет уж, счастья нам не знать.

Их объединяет одна мысль, которая выражается примерно следующим образом: человек – одинок и незащищен в этом мире, практически невозможно ожидать от д р у г х понимания и успокоения твоей души...

Герои повести часто сравниваются с полевым зайцем. «Она у меня, Праски, *беззащитна, как полевой заяц*, говорит Гаврила, отдавая племянницу за Педера²⁹. *Словно полевой заяц, не находящийся пристанища в метелицу*, снует во дворе сам Гаврила, которого терзают тягостные мысли³⁰. Судьба Хелиппа – человека с огромной как мир, душой, но ущербного физически, *напоминает судьбу полевого зайца*³¹. Федоров исследует определенный тип чуваша. Он чаще всего находится в *межсостояньи* (выражение самого прозаика). По всей видимости, образно и наиболее адекватно он отражается в определении *хир мулкачи*. Межсостоянье для прозаика – всегда трагедия, так как рефлексия героя очень часто саморазрушающая. Экзистенциальные постулаты об одиночестве человека, его ответственности перед собой и всем миром, «чувство вины за все совершающееся вокруг него» (Н. Бердяев) изначально очень близки чувашскому мышлению. Идет человек по жизненному лесу: «Нигде не виден свет надежды...». «Один-одинешенек и бессилен он в поле. Бессилен и незащищен...»³². Трудно, конечно, обозначить границы, за пределами которых ответственность той или иной личности начинает работать в ущерб самой себе. Вероятно, во всем нужно стремиться к относительному равновесию – нужно постоянно помнить и об ответственности перед собой. Но излишняя ответственность перед другими, должно быть, способствует возникновению собственной внутренней несвободы. Так, Павел Ясак, близко к сердцу воспринимающий все несправедливости мира, ни в чем не может найти себе успокоения. «*Йӓри-тавраляхра, чӓрере – пин айӓн. Айӓн, айӓн... Сӓсӓне тирет, савана сулать нур хавала, малаш ӓмӓте, сӓлен нек чӓйӓлтатать вар-васакра, вӓр-вӓр! туса вӓрӓлтатса вӓсет чӓрере хуйӓх кайӓкӓ*»³³ – «В округе, в сердце вины разной – тысяча. Вина, вина... Ножом колет, косою скашивает всю жизненную силу, мечту о будущем, как змея шипит в душе, вр-вр порхает в сердце птица печали». Довольно интересно проследить логику чувашского мышления, проявляющуюся в «Песне зайца»³⁴. На первый взгляд, в ней, казалось бы, выражена обыкновенная «заячья психология». На следующем шаге обнаруживается неслучайность цифры «7». Эта цифра очень значима для чувашского мышления. Предполагаемое

Федоровым аналогичное количество повестей, объединенных в цикл, прежде всего исходит из национальных традиций. (При дальнейшем погружении в текст, безусловно, откроются другие его смыслы.) Муж Праски, Педер, во время сенокоса задел косою птичье гнездо и разбил одно яйцо. От жалости к птице из глаз Праски потекли слезы, и она вспомнила эту песню, которую пела ей мать. Заяц, которого вот-вот поймают, переживает не о собственной участи. Душа его болит о другом: поймают – сдерут шкуру, наверное, продадут на базаре, напьются, жен своих будут избивать, и дети будут плакать... Ай-ай-ай как жалко...³⁵. И душа Праски, которой выпала незавидная доля, способна вместить в себя боль и страдания многих... Такова душа истинного чуваша. «Эпир пётём сут тёнчешён кёл таватпёр» (Мы молимся за весь белый свет) – гласит чувашская пословица.

Названия повестей – своего рода метафоры, которые раскрываются в содержании. Название первой из них – строчка из собственно авторской песни, стилизованной под народную: «Вёр-вёр кайёк, вёр кайёк...» (Вр-вр птица, вр птица...»).

На языке оригинала значима аллитерация. Точнее, в самой лексеме «вёр» заложена важная информация. Для точности обратимся к словарю: 1) *подр.* – о круговом, вращательном движении; 2) *подр.* – о сильном переживании, сердечной боли. <...> 3. подражание шуму чего-либо летящего³⁶. Образ птицы, которая не может найти себе пристанища, ассоциируется с представлениями героев о собственном душевном состоянии:

*Вёр-вёр кайёк, вёр кайёк
Турат сине лараймасть.
Ах, монтарён, самрэк пуç,
Чун канёсне тупаймасть.*

Вр-вр птичка, вр птичка
Сесть на ветку не может.
Ах, бедная молода головушка,
Покоя души не находит³⁷.

Сирьги, у которого нет ни своего дома, не осталось родных людей, не может найти успокоения и для своей души. «Шиклёх кайёкё вёр-вёр туса саврэнать кэкёрта, чуна хускатса илет те пёр сятёркка, унтан хёссе пайёр-таса лартать чёрнисемпе чёрмаласа тытса <...> Вёр-вёр кайёк, вёр кайёк вёсин вёсет – турат сине лараймасть»³⁸ – «Птица опасения и подозрительности с шумом кружит в груди, вселяет тревогу в душу, а затем, впившись в нее когтями, сдавливает <...>. Вр-вр птица, вр птица летать-то летает, ветку себе не может найти, чтобы присесть». В душе юноши «бьется воробушек», когда он ведет разговор с красавицей Таисией³⁹. Словно птица, потерявшая гнездо, кружит он вечерами около черемухи, яблони, поняв, что Лизук стала для него дорога и не надеясь на счастье⁴⁰. Лизук везде и во всем пытается отыскать, увидеть душу любимого. Соловей своим пением сильно тревожит и без того ноющую душу девушки, но, быть может, предостерегает от неверного шага: «Лисук, Ли-сук, айван, ай-ван... Сывёр, сы-вёр, вёр, вёр... вёр-р-р!.. Те шайчак вёрлатать сапла каç ытарёнче, те Лисук чёри вёркет?»⁴¹ – «Лизук, Ли-зук, наивная, наив-ная... Спи, спи, вр,

вр... вр-р-р! То ли соловей так беспокоится в ночной тиши, то ли сердце Лизук тревожится?».

Сердце Павла, чувствующего вину перед дочерью, разрывается от боли: *«Ясак мар, сук, въл мар, кёвёсү кайăкё, вёчёхү кайăкё хухăлтаттарать сунаттисене, пуслан хай варкăшёне кăмăл аркисене силлет сил пек. Ясак мар, сук, въл мар, хухăл кайăк кăйт нуреле пусланă сивё пăр хысене кайса пытанать, вёчёрхенчёкне тартать, хурлăн кăшкăрать...»*⁴² – «Не Ясак, нет, птица ревности, птица раздражительности машет крыльями, будоражит его душевное состояние, словно ветер. Не Ясак, нет, не он, шумная птица прячется за чуть оттаявшим холодным льдом, подавляет свою злость, скорбно кричит...». Напрашивается предположение, что в сознании чуваша связь образа птицы с понятиями «свобода», «воля» не первична. Видимо, *трагическое* в жизни свобододолюбивого существа ближе и понятнее чувашу, и поэтому он размышляет об этом больше, находит здесь больше точек соприкосновения. Неспроста в произведении возникает вопрос: *«Чăвашĕн вёснечки ун. Чăнласах та пур-ши сўл пёлтре хăлат пек ярăнса вёсечекен чăваш?»*⁴³ – «Каков полет чуваша? Неужели есть на самом деле чуваш, парящий высоко в небе, словно коршун?». Хотеть, мочь – это один вопрос. Другой ряд вопросов – *нужен ли* ему (чувашу) высокий полет? А если его стихия – это з е м л я? Может быть, он добровольно взял на себя труднейшее – отвечать за землю? И кто сказал, что н е б о лучше? С другой стороны, сознательный отказ от мечты – не есть ли чаще всего проявление мудрости, твердости характера и силы воли?

Название второй повести – *«Туй ачи, пуса ачи»* (Праздничный гуляка) характеризует тех новых властителей новой эпохи, которые неоправданно оказались у руля. *«Сан вёт, асту, кутăнта йёмў те сукчё. Кавёрле каларёш, пыйтă та уксе пусне суратчё килёрте. Халь кăна ăнсăрт сумне кёмсёрт хушса сын шутне кётён. Ял-ялён ёрчесе кайрёс сан пек пуса ачисем, кахалсем, карма саварсем. Пуслăха тухса пётрёр...»*⁴⁴ – «У тебя ведь, вспомни, и штанов не было. Как говорил Гаврила, даже вошь, упав, голову разбивала в вашем доме. Только сейчас неожиданно стал человеком. Повсеместно развелись такие, как ты, пустоцветы, лодыри, горлопаны. Начальниками стали...» – в лице Педера от зажиточного Матви достается всем, кто вырвался из грязи в князи.

Ощутим в эскизе авторитет художественного мира мастера чувашской прозы 50–70 гг. XX в. Юрия Скворцова, творчество которого Георгий Федоров глубоко исследовал. Здесь интертекстуально запечатлелись и особенности поэтики Мастера, и своеобразие его художественного мира. Его присутствие чувствуется в любви к схожим природным явлениям (образы леса, ветра, птиц) и на уровне реминисценций... Эпизод расставания Лизук и Сирьги (первая повесть) соотносим с эпизодом расставания героев Скворцова («Береза Угах»). В одном ряду – встреча Сирьги в лесу с кошкой и нападение этого животного на Угахви в лесу, душевные переживания героев. «Большой хор» Г. Федорова⁴⁵ подхватывает песню Земли Ю. Скворцова. Размышления

о жизни в произведениях Федорова перекликаются со скворцовским рассказом «Когда зеленеет вода». Здесь же прочитываются реминисценции из Педера Хузангая, Васyleя Митты, слышится отзвук уяровского «ходим среди людей – как по лесу...».

В контексте мировой литературы структура эскиза сопоставима со своеобразием Письма М. Пруста. Субъективная эпопея Пруста состоит, как известно, из семи частей (природа аналогичного количества, по всей видимости, различна, но в целом в обоих случаях может предопределяться национальными традициями). Субъективная эпопея – отражение через призму восприятия одной человеческой жизни, его внутреннего мира – современной эпохи, понимания времени, общественной ситуации. Поток сознания героев и того, и другого автора представляет собой не хаотичные, а хорошо продуманные фрагменты текста, которые большей частью фиксируют важные моменты в их жизни.

В третьей части («*Ан кай, кайяк, вярмана*» – «Не лететь бы птичке в лес») мы узнаем, что все повести были написаны учителем Виктором Николаевичем, который был репрессирован в 30-е годы и попал в лагерь.

Название повести – строчка из народной песни – возможно, предостерегает человека от опасности и трудностей, которые встретятся на его жизненном пути, в «жизненном лесу». В устах лешего слова песни несут еще более негативную информацию:

...*Ан кай, кайяк, вярмана:*
Хура вярман сайхахля...

...Не лететь бы птичке в лес:
Темный лес дремуч...

Вообще, лес для сельчанина – среда неродная: «*Вярман – вай хуть мён кала та! – ютах ял сыннишён. Тярён та тярён унта сив усланкяра. Ни ир, ни сёр варри тапхярта. Саря та тёссёртерех уйяк пяхё сан сине кивелнё ёмёр нуэ купташкилле. Сут тёнчере мён пурри йялтак пёр сятяркалакх пуллине аса курсе*⁴⁶ – «Лес – он, что ни говори! – чужд для сельчанина. Будешь и будешь стоять на холодной опушке. В часы, когда непонятно, то ли утро, то ли еще полночь. Желтая и безликая луна будет взирать на тебя подобно черепу отжившего века. Заставляя думать о том, что все на свете лишь на мгновенье». Для Леса (Большого Времени) отдельное дерево (человек), по большому счету, всего лишь маленькая частичка. И от нее самой многое зависит, и то, останется ли она такой же маленькой, или займет достойное место в этом пространстве. Отдельный маленький человек не в состоянии уберечься от всех исторических катаклизмов. Писатель Виктор Николаевич пытается понять смысл истории, место отдельной личности в ней, как маленькой, так и великой. Эпиграф из Т. Манна как бы вводит в контекст Большого Времени судьбу отдельного человека и судьбы отдельных семей, которые формируются в большей степени не по законам естественного развития, а под воздействием трагических коллизий истории (Первая мировая война, раскулачивание, ссылки и лагеря...)⁴⁷.

Именно в таком контексте бездонность прошлого и будущего, трагедия настоящего способны вызвать смирение и помочь преодолеть героям трагизм нынешнего положения.

Нельзя не отметить, что в творчестве писателя, тонко чувствующего музыку, явно или неявно постоянно присутствует тема музыки. Особенно зримо проявлена она в книге «Рондо». Менее зрима, но не менее существенна она, с нашей точки зрения, и в анализируемом эскизе.

С формальной точки зрения, многое из составляющих текста представляет собой ритмический отрывок, текст (песни, стихи, пословицы... – тексты народные и авторские. Это и форма особого присутствия в произведении как бы закулисно персонифицированного Повествователя), в том числе нередки звуковые повторы. Они же создают атмосферу, претендующую на соотнесение ее с музыкальной. Напомним, что и в рондо (музыкальная пьеса), и в рондо (вид стихотворения) главная тема (мысль) повторяется, то есть опять возникает идея круга. Повторы также структурируют текст, придают ему полифоническое качество, развивают мысль в новой плоскости. Закономерность значимых для Федорова жанров, должно быть, бессознательно, проявляется и в его прозе. Главная идея эскиза, а именно – параллель жизни чуваша с жизнью полевого зайца связывает несколько повестей в одно целое. Она становится лейтмотивом произведения. В целом для всего творчества Федорова характерно стремление к постижению *сущности* человеческой жизни, глубокое *переживание* каждого момента бытия:

*Ан тив,
Эпир пурнар пёр авăк.*

*Çапах, –
Епле вăл, Пурнăç –
Савăк!*

*Пинсуллăх чёттёмĕ... Самант...
Çут тĕнчери кашни хукавишĕн,
Турнас пулса укен сункавишĕн...
Пăшăрханса чунна амант.*

Пускай,
Живем мы лишь мгновенье.

Все же, –
Как она, Жизнь –
Прекрасна!

Частичка тысячелетия... Миг...
За каждое движение на свете,
За щепу, становящуюся стружкой...
Переживай душой своей⁴⁸.

Несмотря на то, что человек – лишь *пылинка* в Вечности («*пинсуллăхра – вăл çётнĕ пăнчă...*»; «*çакă аслă пурнăçра тусан пёрчи çеç вăл, шухăшлакан курăк туни*»), есть оправдание человеческой жизни. Виктор Николаевич: «*Çав тусан пёрчиех ывăл-хĕр суратать, кёнеке сырать...*»⁴⁹ – «И эта же пылинка рождает нового человека, пишет книги...». Ощущение трагичности своего существования и одновременное стремление *осмыслить* это существование – это объективный оптимизм. В данной системе координат равноценны и человеческая жизнь, и дыхание/существование цветка (другого живого существа):

*Кашни папкан ачаш чунне
Ялан эп анланасишĕн пултăм.
Синкерлĕн тăтăм ун умне.*

Нежную душу каждой почки
Я всегда пытался понять.
В смятеньи вставал пред нею.

Кашни турат хусканăвне,
Асърхаса,
Ача пек култăм.
Тулли АСАМЛАХНЕ –
Ăмсантăм,
Куллен
Телейлĕн асаплантăм,
Туянтăм пурăнăç СУМНЕ⁵⁰.

Движение каждой ветки,
Замечая,
Смеялся, как ребенок.
Полноте ВОЛШЕБСТВА –
Завидовал,
Изо дня в день
Счастливо страдал,
Приобретая жизни ОПЫТ.

По пути постижения *сущности* жизни идут / способны идти немногие.
Федоров – один из них...

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Интеллектуальная проза появляется в чувашской литературе в конце XX в. Она возникает как следствие развития философской прозы и характеризуется еще более глубоким содержанием, уплотнением смысла, усложнением техники письма.

В пространстве такого вида прозы весьма интересны поиски Георгия Федорова. Его эскиз «*Ай, мăнтарăн хир мулкачи*», состоящий из нескольких повестей, потенциально соотносим с жанром интеллектуального романа.

Основу прозы Георгия Федорова определяют традиции национальной культуры. Основа эта складывается из глубокого знания и чувствования устного народного творчества, национальной философии, литературы, культуры. Творчество писателя также вобрало в себя и лучшие традиции мировой литературы.

Литература и источники

¹ Цит. по статье: *Подорога В.А.* Начало в пространстве мысли (Мераб Мамардашвили и Марсель Пруст) // Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. М., 1999. С. 132.

² Первая повесть «*Вър-вър кайăк, вър кайăк*» (Птичка моя, невеличка, 1992—1995) опубликована в журнале «Тăван Атăл» (Родная Волга), 1996. № 10. С. 14–54; вариант повести был опубликован ранее: «*Сурхи аслати*» (Весенний гром) // Родная Волга, 1994. № 2. С. 1–7; Вторая повесть – «*Туй ачи, нуса ачи*» (Праздничный свадебный гуляк) // Родная Волга, 2002. №№ 2–6; Третья повесть – «*Ан кай, кайăк, върмана*» (Не лететь бы птичке в лес) // Родная Волга, 2005. №№ 4, 5, 7.

³ *Федоров Г.И.* Чăваш цивилизацийĕ хывăнас сул-йĕр тата наци культурин анĕ // Иван Мучи пултаруляхĕ тата чăваш литературинчи куляшăн илемлĕ хайне евĕрлĕхĕ. Лекцисен конспекчĕ. Шупашкар: ЧГУ, 2001. 5–11 с.

⁴ *Родионов В.Г.* Чăваш литератури (XVIII–XIX ĕмĕрĕн пĕрремĕш сурри): Вĕренĕ пособийĕ. Шупашкар: ЧПУ, 1999. С. 22.

⁵ Важнейшей атрибутивной характеристикой нарратива является его самодостаточность и самоценность: как отмечает Р. Барт, процессуальность повествования разворачивается «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть, в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой». См.: *Можейко М.А.* Нарратив // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 491.

⁶ Родная Волга, 2002. № 2. С. 1.

⁷ Федоров Г.И. Художественный мир чувашской прозы 1950–1990-х годов. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. С. 196.

⁸ Чăваш халăх сăмахлăхĕ. V том. Вак жанрсем. Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 1984. С. 104.

⁹ Там же. С. 105.

¹⁰ Хузангай А. Культура как информация наивысшего качества // Республика, 2002. № 29–30. 10 апреля.

¹¹ Первая повесть // Родная Волга, 1996. № 10. С. 34. Здесь и далее подстр. пер., кроме оговоренных случаев, наш.

¹² Вторая повесть // Родная Волга, 2002. № 2. С. 1.

¹³ Там же. С. 3.

¹⁴ Там же. С. 10.

¹⁵ Вторая повесть // Родная Волга, 2002. № 4. С. 13.

¹⁶ Вторая повесть // Родная Волга, 2002. № 6. С. 25.

¹⁷ Там же. С. 31.

¹⁸ Федоров Г.И. О поисках новых методологических ориентиров изучения национальной художественной литературы // Диалог культур: проблемы художественного сознания. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 26.

¹⁹ Федоров Г.И. Художественный мир чувашской прозы 1950–1990-х годов. С. 195.

²⁰ Можейко М.А. Постмодернизм // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 601–605.

²¹ Федоров Г.И. О поисках новых методологических ориентиров изучения национальной художественной литературы // Диалог культур: проблемы художественного сознания. С. 20.

²² Поэма «Сумерки». Цитата по статье: Яковлев Ю. Чунри ункайлăха кĕретĕп... // Ар, 2001. Нарăс 6. № 6.

²³ Вторая повесть // Родная Волга, 2002. № 4. С. 12.

²⁴ Цитата по статье: Яковлев Ю. Чунри ункайлăха кĕретĕп... // Ар, 2001. Нарăс 6. № 6.

²⁵ Там же.

²⁶ Федоров Г.И. О поисках новых методологических ориентиров изучения национальной художественной литературы // Диалог культур: проблемы художественного сознания. С. 9.

²⁷ Сесель М. Собрание сочинений: Поэзия, проза, драматургия, письма. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1989. С. 223.

²⁸ Певец, исполнитель чувашских народных песен, с голоса которого в 1929–1957 годах записано около 800 народных песен. См.: Чăваш халăх юррисем. Г. Федоровран сырсă илнĕ. Шупашкар, 1969. Пер. на рус. яз. Н.Ф. Евстафьева и Н.С. Павлова. 114 с.

²⁹ Вторая повесть // Родная Волга, 2002. № 4. С. 22.

³⁰ Там же. С. 27.

³¹ Вторая повесть // Родная Волга, 2002. № 5. С. 43.

³² Вторая повесть // Родная Волга, 2002. № 4. С. 27.

³³ Первая повесть. С. 20.

³⁴ Для сравнения (и только) приведем «Песню зайца» того же Гаврилы Федорова:

*Сич сол вытрăм пĕр варта,
Сич сол вытрăм пĕр варта
Шăн йывăса кышласа,
Шăл-сăвара пĕтерсе.
Калча сĕме тохасчĕ;(2)
Лесник корсан тытать поль,
Тытсан тире сĕвет поль.*

Семь лет я в овраге скрывался,
Семь лет я в овраге скрывался,
Мерзлые деревья грыз,
Губы-зубы я попортил.
На озимь выйти я хотел,
Лесник увидит и, боюсь,
С меня, косога, шкуру спустит.

Чăваш халăх юррисем. Г. Федоровран сырсă илнĕ. Пер. на рус. яз. Н.Ф. Евстафьева и Н.С. Павлова. С. 67.

³⁵ Вторая повесть // Родная Волга, 2002. № 4. С. 28.

³⁶ Чувашско-русский словарь: Ок. 40 000 слов / Под ред. М.И. Скворцова. 2-е изд. М.: Русский язык, 1985. С. 69.

- ³⁷ Вторая повесть // Родная Волга, 2002. № 3. С. 44.
- ³⁸ Первая повесть. С. 28.
- ³⁹ Там же. С. 36.
- ⁴⁰ Там же. С. 39.
- ⁴¹ Там же. С. 43.
- ⁴² Там же. С. 51.
- ⁴³ Вторая повесть // Родная Волга, 2002. № 3. С. 45.
- ⁴⁴ Родная Волга, 2002. № 6. С. 29.
- ⁴⁵ Родная Волга, 2002. № 2. С. 9.
- ⁴⁶ Третья повесть // Родная Волга, 2005. № 7. С. 42. Один из берегов чувашей – лошадиный череп – вывешивался на столбах оград. Верили, что он защищает от злых духов.
- ⁴⁷ «Прошлое – это колодец глубины несказанной. Не вернее ли будет назвать его бездонным... Начало истории той или иной... семьи единоверцев определяется условной отправной точкой, и хотя нам отлично известно, что глубины колодца так и не измерить, наши воспоминания останавливаются на подобном первоисточке, довольствуясь какими-то определенными... историческими пределами».
- ⁴⁸ Федоров Г. Эпиграф (Арс. Тарковскирен). Ярём-поэма // Родная Волга, 1993. № 5. С. 10–15.
- ⁴⁹ Третья повесть // Родная Волга, 2005. № 5. 47 с.
- ⁵⁰ Федоров Г. Эпиграф... С. 14.

V.V. Nikiforova. Intellectual prose in the Chuvash literature: poetry by Georgy Fyodorov.

The prose by Georgy Fyodorov is a new phenomenon in the modern Chuvash literature. It includes the best traditions of the Chuvash and world literature. The object of the research in the article is a sketch by G. Fyodorov 'Oh, my poor hare', consisting of several stories. The author of the article analyzes the sketch as an intellectual novel.

ЧГВ, 2009 г., № 4
© А.И. Мордвинова

ЦЕРКОВНАЯ СКУЛЬПТУРА ЧУВАШИИ: ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ

Поворот в оценке эстетических, художественных ценностей, последовавший вслед за перестройкой социального устройства общества в 1980–1990-е годы, заметно изменил роль православия в общественной и культурной жизни России, заставил во многом по-новому посмотреть на духовное наследие тысячелетней истории ее народов. Замечательные памятники древнерусского искусства, дошедшие до нашего времени, обретают для искусствоведения содержательную полноту, исследуется и анализируется значительное количество известных и вновь открываемых произведений, пробуждается широкий интерес общественности к ним.

В Чувашии, где также сохранилось немало произведений церковного искусства, их оценка и введение в научный оборот только начинается. Мы наблюдаем почти полное отсутствие исследований по многочисленным храмам, как дошедшим до наших дней, так и утраченным, по прекрасным произведениям иконописи, резьбы и прикладного искусства, которые представляют богатейший и очень важный пласт истории и культуры народов края. Поэтому любое предприятие по выявлению и атрибуции сохранившихся памятников представляется сегодня очень актуальным.

Церковная скульптура и резные иконы, появившиеся на территории Чувашии с середины XVI в., также становятся предметом изучения. Это необходимо для создания более объективной и полной картины православной жизни чувашского народа. Среди первоочередных задач мы выделяем такие, как выявление, атрибуция и систематизация памятников церковной скульптуры и, вслед за этим, определение специфики всего исследуемого материала и введение его в научный оборот.

Антонина Ильинична Мордвинова – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук.

В решении этих задач приходится исходить из того, что церковная скульптура Чувашии представляет собой локальное проявление русского искусства и включает в себя небольшое количество разнохарактерных памятников. При этом мы наблюдаем почти полное отсутствие фактических данных об этих памятниках. Это заставляет, как правило, обратиться к более широкому кругу произведений и литературе, выходящей за рамки изучаемого материала. Поэтому нам представляется необходимым обратиться к истории русского искусствоведения, отразившей проблемы развития и бытования церковной скульптуры и воспользоваться методом историко-искусствоведческого анализа, позволяющего рассматривать имеющийся материал хронологически, в его развитии и, главное, как части общероссийской церковной художественной культуры.

В настоящей статье рассматривается, в первую очередь, историография общероссийской искусствоведческой науки, которая уже сформулировала основные проблемы в этой области искусства. Параллельное привлечение региональной литературы, представляющей, главным образом, исследования краеведов и этнографов, позволит вписать произведения деревянной церковной скульптуры Чувашии, открытые нами в ходе исследовательской работы, в общероссийскую канву искусства.

Теоретические основы классификации и систематизации памятников церковного искусства были разработаны на основе иконописи еще во второй половине XIX–начале XX столетий. Первыми это сделали Ф.И. Буслаев и Н.П. Кондаков, крупнейшие специалисты по православному искусству. Труды их стали основой для дальнейшего его изучения и выработки новых научных методов, в том числе и в области пластики. Автор историко-археологического метода в изучении православного наследия Ф.И. Буслаев видел в искусстве источник знаний о мировоззрении, обычаях и древних обрядах народа и отрицал его художественное значение, сосредоточившись на содержании. «Главнейшее свойство русской иконописи, – писал он, – состоит в ее религиозном характере, исключаящем собою все другие интересы или над ними вполне господствующем и все их в себе поглощающем. И у других народов церковное искусство стояло на этой же ступени религиозного чествования...»¹. Такая установка была, напротив, отвергнута в годы советской власти как устаревшая. Это оправдано единственно возможным способом сохранения памятников христианства в годы тоталитарного атеизма – признанием их исключительно как произведений искусства. Сегодня, обращаясь к наследию Ф.И. Буслаева, находим у него немало суждений, созвучных современности. Так, чувашская народная скульптура, которая сыграла немалую роль в формировании положительного отношения к церковной скульптуре, совершенно не подходящая под критерии красоты ни реалистического, ни декоративного искусства, но выразительная в предельной простоте и условности, заключала в себе сложное содержание – целую мировоззренческую систему народа. Упрощенная иногда до надгробного столба *юпа* или куска бересты, означающего, тем не менее, домашнее бо-

жество *йѣрѣх*, она вряд ли выражала эстетические представления чувашского народа, очень богато проявившего свой художественный талант в костюме и вышивке. Эта скульптура не может быть рассмотрена, по мнению А.А. Трофимова, отдельно от обрядовых действий и представлений: «Изучение произведений в отрыве от их естественной среды не позволит вникнуть в их глубинную суть, полностью раскрыть их содержание»². Таким образом, некоторые положения Ф.И. Буслаева актуальны и сегодня, они получают новое звучание на примере памятников деревянной скульптуры Чувашии.

Вслед за Ф.И. Буслаевым отец Павел Флоренский ставит на первое место особый духовный смысл иконных образов. Эта проблема очень остро обсуждалась в конце XX в. на фоне неохотного возвращения православных святынь из музеев обратно в храмы. Обращаясь к авторитету русских богословов прошлого, например, того же П.А. Флоренского, которому принадлежат слова: «Нет ничего внешнего, что не было бы явлением внутреннего»³, современные отцы церкви укоряют светскую интеллектуальную элиту в том, что она ради возвышения «эстетической значимости предметов церковного происхождения» утратила понимание их «изначального, сакрального значения»⁴. Думается, эти споры получают, наконец, свое завершение, так как, очевидно, что и та, и другая составляющие иконы имеют в создании святых образов первостепенное значение.

Ученик Ф.И. Буслаева Н.П. Кондаков – ученый-византист, обладавший самыми широкими знаниями и эрудицией в области русских древностей, создал фундаментальную академическую науку. Его труды являются примером решения монументальных искусствоведческих проблем, комплексным к ним подходом, с учетом широких художественных связей разных народов и, главное, пониманием национального своеобразия их искусства. Он писал о необходимости введения местных древностей в сферу истории российского искусства⁵.

Исходя из всего этого, мы можем заключить, что одной из главных проблем изучения деревянной церковной скульптуры, с самого её появления на Руси, является вопрос о причастности скульптурного образа к христианству. Во все времена его существования это подвергалось сомнению. Дело в том, что изобразительное пространство иконы было плоским и условным, двухмерным и не имело перспективной глубины. Оно подразумевало глубину духовную. Объёмная же статуя по своим формам напоминала языческих идолов. Действительно, в XIX в. почти повсеместно мы видим, что даже те произведения, которые были приняты церковью как чудотворные, расписанные в лучших традициях иконописи и исполненные в стиле высокой духовности и благоговейного чувства, стали объектом жертвоприношений, их одевали в настоящие одежды и обували. И хотя Святейший Синод признавал, что «честь икон, как на досках писанных, так и резных, стало быть одинакова», история бытования особо почитаемых скульптур подтверждает особое к ним отношение⁶.

Восприятие народом православного вероучения на бытовом уровне всегда давало смешение христианских и языческих представлений. Церковная скульптура, так же, как и церковная архитектура и иконопись, являясь частью культуры, была глубоко связана с мировоззрением крестьянина, отражала сельскохозяйственные циклы и обряды, сложившиеся еще в древние дохристианские времена. Она довольно органично вошла и в жизнь народов Чувашского края именно благодаря, как нам кажется, широкому распространению здесь народной культовой деревянной и каменной скульптуры. И здесь синкретизм возник в специфическом варианте, когда внешняя обрядовость православной религии накладывалась на глубоко укоренившиеся представления традиционной народной религии. Известно, что формальное крещение чувашей еще не сделало их христианами. Об этом писали еще исследователи XIX и начала XX вв. – В.А. Сбоев, В.К. Магницкий, Н.В. Никольский, С.М. Михайлов; среди них были и священнослужители, такие, как Н. Каменский и А. Краковский⁷. Их заслуга состояла в подробном и тщательном описании сохранившихся обрядов и быта населения. Обобщая собранный материал, они все пришли к одинаковому выводу о «двоеверии» чувашского народа и необычайно устойчивых древних традициях во всех областях жизни этноса. Н.В. Никольский, например, писал, что «христианское религиозное сознание новокрещенных если и было пробуждено огласителем, должно было заглухнуть в массе понятий нехристианских»⁸. Более того, он был убежден в том, что «возле домашнего очага имело место только одно языческое»⁹. При всей категоричности данного замечания, в нем, конечно, много правды. Восприятие христианства находилось на очень низком, так называемом бытовом уровне, без понимания его философии и догматики. Это было еще и результатом отсутствия богословских книг и священников, проводивших службу на чувашском языке – известно, что основная масса чувашей даже к началу XX в. русским языком почти не владела. Лишь благодаря активности государства, заинтересованного в распространении христианства на востоке России, и хорошо организованной обрядности, содержащей, как и любая другая религия, элементы магии и фетишизма, православие постепенно ассимилируется в традиционной религии чувашей, языческой по характеру.

Высказанная Н.Н. Серебренниковым, открывшим миру пермскую деревянную скульптуру, мысль о том, что новокрещенными – недавними язычниками, легче воспринималась круглая скульптура, чем плоская икона, вызвала споры среди исследователей¹⁰. Однако при всей спорности этого мнения, доля правды в нем есть. Тем более, на наш взгляд, когда дело касается чувашей, сохранивших свою религию до наших дней. Это дает основание утверждать, что языческий компонент в чувашском христианстве был всегда очень силен. Уже в XVIII и XIX вв. почитание православных святых и богов древнечувашского пантеона происходило в тесном их *ñi äø áí èè. Á.Á. Ñáí ää î èñäè î á î áðyää î î èéí í áí èy áí äö Хёрлĕ сыр* – керемети: «...Раза два мне случалось быть при таких жертвоприношениях, и

в оба раза я с изумлением слышал имя Николы-Торы, то есть Николая Чудотворца. Никто не мог объяснить мне, как и почему в эти именно молитвы включено имя христианского святителя»¹¹. Это происходило в начале XX столетия и не было исключительным событием.

Устойчивое внимание к синкретичности религиозных представлений чувашского народа возникает во второй половине XX в., когда к этим проблемам обратились такие видные чувашские историки, как В.Д. Дмитриев, П.В. Денисов, В.Ф. Каховский и другие, подготовившие и выпустившие научный сборник статей «Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в Чувашской АССР» (Чебоксары, 1978). Конечно, они не касались проблем искусства, но помогли обозначить характер восприятия чувашским населением христианских памятников, которые были поставлены ими в один ряд с древнечувашскими божествами. Оно выражалось в равном почитании большинством крестьянского населения как языческих божеств, так и церковных образов, о чем упоминали все исследователи прошлого столетия¹².

Вторая половина XX в. дала новый уровень знаний о церковном искусстве в России. Это стало следствием формирования крупных музейных коллекций древнерусского искусства и их изучением, развитием реставрационного дела, появлением многочисленных публикаций и возросшим интересом к деревянной скульптуре большого круга специалистов. Важные для нас вопросы православного искусства рассматривались крупнейшими искусствоведами гуманитариями, такими, как Д.С. Лихачев, В.В. Бычков, С.С. Аверинцев, Г.К. Вагнер¹³. Они не оставили без внимания и наиболее известные, исторически значимые скульптуры. Но только Г.К. Вагнер собственно деревянной церковной пластике посвятил несколько статей и монографий, в которых органично вписал ее в общую картину истории искусств¹⁴. Поднимая широкие проблемы средневекового искусства, Г.К. Вагнер рассматривает в его контексте весь путь развития православной скульптуры, начиная в первого известного на Руси памятника конца XIV в. – св. Николая Можайского. Исследователь связывает этот путь с развитием общественно-философской мысли, с особенностями христианского мировоззрения, пришедшего на смену языческому, с изменением содержания – трансформацию формы. Всегда глубокий и оригинальный в суждениях, Вагнер строит свои выводы, опираясь на материалы многих исследователей прошлого времени, собравших и систематизировавших сотни известных сегодня памятников. Он первым выделил жанровые признаки церковной пластики, конкретизировал понятия Проторенессанса и Возрождения относительно древнерусского искусства, много внимания уделил стилистическим процессам – одному из основных вопросов искусствоведения. Его исследования – это новый уровень постановки проблем в области средневекового искусства и, в том числе, скульптуры.

В последние десятилетия появились также публикации по самым разным – общим и узкоспециальным – проблемам в названной области

искусства. Событием стали пять сборников, посвященных вопросам изучения древнерусской скульптуры, вышедшие в 1991, 1993, 1996, 2003 и 2008 гг. под грифом НИИ истории и теории изобразительного искусства Академии художеств. Появились статьи и в сборниках крупных музеев: Третьяковской галереи, Русского музея, а также музеев из традиционных центров древнерусского искусства – Ростовского, Архангельского и некоторых др. В них также стали публиковаться рукописи исследователей прошлого времени, по разным причинам не увидевшие свет в свое время. Все это помогает более точной атрибуции и систематизации памятников, открытых на территории Чувашии.

Что касается памятников региона Средней Волги, то они изучены крайне недостаточно. При том, что в середине XIX столетия архимандрит Макарий оставил описание более четырехсот памятников церковной скульптуры г. Арзамаса и Арзамасского уезда Нижегородской губернии¹⁵, почти все они не дошли до нашего времени. Но их иконография, типология и сюжеты были им рассмотрены. Это особенно важно, так как Нижний Новгород имел самые тесные культурные отношения с Чебоксарами и другими городами и селениями Чувашского края, а арзамасские мастера упоминаются в архивных документах о церквях Чувашии.

Сегодня фонды музеев Поволжья и внутреннее убранство храмов региона, где могут находиться произведения скульптуры, остаются почти без внимания. В запасниках таких городов, как Казань, Нижний Новгород, Кострома и даже Ярославль, где существует целая школа искусствоведения в области иконописи, хранится значительное количество замечательной деревянной резной скульптуры, которой серьезно еще не занимались. Однако начало ее изучению все же положено в Ульяновске. Здесь появились публикации В.К. Цодиковича, сотрудника Ульяновского художественного музея, взявшего на учет не только скульптуры музейного собрания, но и памятники, находящиеся в храмах Ульяновской области¹⁶. Таким образом, вопросы изучения церковной скульптуры в Среднем Поволжье остаются открытыми.

Утрата значительной части резных образов, особенно в советское время, также создает большие трудности для изучения деревянной церковной скульптуры. Как известно, деревянные скульптуры относительно недолговечны, хрупки, неудобны в перевозке. Именно присутствие поврежденной скульптуры в храме (утраченные, отломанные пальцы, руки и другие части тела) стало причиной появления синодальных указов (1722 г., 1832 г. и др.) об изъятии резных образов. Церковное начальство справедливо считало кощунственным присутствие в церкви святых образов в полуразрушенном виде. Однако эти запретительные указы часто провоцировали изъятие всех без исключения резных икон, которые по требованию епархиального начальства вывозились из городских и сельских храмов в епархиальные центры. Некоторые из них уничтожались, другие приходили в ветхость в так называемых «рухлядных» помещениях. И хотя многие свя-

ценники сопротивлялись вывозу особо почитаемых памятников, это происходило в течение XVIII–XIX вв. Так, в 1825 г. из Чебоксар была вывезена в Казань во исполнение указа скульптура Параскевы Пятницы¹⁷. В архивных документах сохранились и письма к настоятелю чебоксарского Свято-Троицкого мужского монастыря из Казанской духовной консистории с предписаниями вывезти широко почитаемую статую св. Николая Можайского в Казань, датируемыми 1826 г.¹⁸ Синодальные указы об изъятии скульптуры из храмов привели и к тому, что их перестали указывать в церковных описях¹⁹. Это обстоятельство еще более осложняет работу над выявлением и изучением скульптурных памятников.

Первые православные памятники появились в Казанской епархии еще во второй половине XVI в. в связи со строительством храмов, в первую очередь – в Чебоксарах, с самого его основания ставшего центром новой веры на территории современной Чувашии. Введенский собор, а также Никольский женский и Троицкий мужской монастыри были построены именно в этот период. Из церковной скульптуры XVI столетия до нас дошла только статуя св. Николая Можайского, находящаяся ныне в Толгской церкви Троицкого мужского монастыря в Чебоксарах²⁰. Не сохранилось произведений XVII в., что можно объяснить сложным для России и народов Средней Волги периодом истории, характеризующимся трудным процессом христианизации «инородцев» и малым количеством построенных здесь храмов. Но XVIII и XIX вв. представлены достаточно полно и разнообразно – круглой и иконостасной статуарной пластикой, отдельными иконостасами. Причиной этому были и заметный экономический подъем, и начало массовой христианизации населения по государственной программе, и, в связи с этим, широкое строительство церквей именно начиная с середины XVIII в.

Надо заметить, что скульптура никогда не изготавливалась в таких больших количествах, как живописная икона, и присутствовала в храмах как отдельно стоящая фигура (Христос в темнице, Распятие, отдельные святые, ангелы) или группа святых (Распятие с предстоящими). Только в XVIII в., в связи с развитием барочного иконостаса, появляется значительное количество иконостасной и киотной скульптуры, часто плоскорельефной. В ранний период христианизации чувашского народа происхождение их связано с Москвой, позднее – с Поволжьем – городами Нижегородской губернии, Казанью и др. Что касается мастеров, то и здесь иконописцев и их артелей и мастерских было несравненно больше, чем резчиков. Скульптурные образы изготавливались далеко не повсеместно. В Чебоксарах и других городах Чувашии имена резчиков деревянной скульптуры по архивным документам пока не найдены. Мы можем утверждать, что произведения церковной пластики были привозными и появление их было явлением единичным.

Начальным этапом нашей работы над темой «Деревянная церковная скульптура Чувашии», в соответствии с поставленными задачами, было выявление сохранившихся памятников. В Чебоксарах все они, кроме упомянутой уже круглой скульптуры Николая Можайского XVI в., возвращен-

ной в 1996 г. вновь открытому Троицкому монастырю, находятся в Чувашском государственном художественном музее. Сюда они были переданы в 1951 г. из Краеведческого музея, куда попали после закрытия храмов в 1920–1930-е годы. По инвентарной книге Краеведческого музея, в его коллекции с 1921 по 1941 гг. числилось 22 произведения, включая и два двустворчатых иконостаса, которые в 1951 г. не были переданы в Художественный музей вместе с другими церковными предметами и бесследно пропали, – возможно, были списаны. Такое предположение основано на том, что в это время в Краеведческом музее были списаны многие произведения церковного искусства. Но в той же инвентарной книге списанными числятся названный выше Николай Чудотворец, изображение херувима и уникальная скульптура «Плачущий ангел», которые, однако, не пропали в те годы, но и не были внесены в инвентарные книги Художественного музея. Путаница в музейных учетных документах на раннем этапе их истории также значительно усложняет исследовательскую работу.

На сегодняшний день часть названных произведений в музеях не сохранилась. В акте от 17 июля 1951 г. о передаче из Краеведческого в Художественный музей произведений древнерусского искусства значатся головы Иоанна Крестителя – три гипсовые и одна из дерева. Из них теперь сохранилась только одна гипсовая. Есть также еще одно гипсовое произведение – оплечный рельеф Иисуса Христа в терновом венце, которое могло быть обозначено в акте как голова Иоанна – подобное часто случалось в то время из-за некомпетентности музейных сотрудников, которые не были специалистами в этой области. Два других рельефа с головой Иоанна Крестителя, два Распятия, один из семи ангелов исчезли из коллекции уже Художественного музея в период с 1951 по 1978 гг., после чего их начинают заносить в инвентарные книги. К сожалению, надо констатировать, из поступивших тогда 159 произведений сохранилось в музее лишь чуть больше половины. Неквалифицированно оформленные документы и их частичная утрата – нет, например, актов списания в Краеведческом музее, – очень осложнили работу над выявлением памятников. Кроме того, встречаются неверные записи, такие, как «резьба головы», с примечанием о помещении «в церковный отдел», без всякой описи предмета, без размеров и даже без названия.

Впервые на эти памятники, как и на все православное искусство Чувашии, обратил внимание профессор МГУ, крупнейший исследователь древнерусского искусства А.И. Некрасов, прибывший в Чебоксары летом 1930 г. специально для изучения древностей города. Описав и датировав значительную часть сохранившихся до того времени произведений, он отметил, что они представляют из себя большую художественную ценность. В его опись вошло, кроме архитектурных памятников, настенных росписей, икон и предметов прикладного искусства: 3 памятника круглой скульптуры и скульптурная группа Распятия с предстоящими, 14 иконостасов с царскими вратами (почти все XVIII в.), 5 рельефных голов Иоанна Предтечи (одна из

них каменная), каменный же рельефный образ Николая Чудотворца, 2 головы Скорбящего Христа (одна гипсовая) и фигуры ангелов (количество не указано). Три его альбома с фотографиями и рукопись, в которой он систематизировал весь материал, являются сегодня бесценным вкладом в деле изучения памятников православного искусства Чебоксар.

Нами были обследованы почти все храмы районов республики, изучены архивные описи церквей и другие документы. Как предполагалось, большинство произведений надо было бы искать в храмах северных, прилежащих к Волге, и западных, соседних с Нижегородской областью районах – Чебоксарском, Мариинско-Посадском, Ядринском, Алатырском, Порецком. Но почти все церкви были разорены, перестроены или уничтожены в советское время, огромная часть памятников при этом погибла. Большинство действующих ныне церквей оказались вновь возведенными на разоренных местах. Многие из них утварью не очень богаты. Основная масса скульптурных памятников сохранилась пусть не в очень древних, но не разоренных храмах, закрытых только на три-четыре года во время Великой Отечественной войны Их убрание не столь случайно: оно формировалось в течение ста-двухсот лет со дня их существования. Некоторые произведения были перенесены в них из более старых храмов, существовавших на их месте прежде. Полученная картина распространения церковной скульптуры подтвердила наши выводы по выявленным архивным данным.

Среди архивных документов главным источником необходимых сведений о скульптуре стали церковные описи и приходо-расходные книги отдельных храмов. Конечно, в них мы не находим описания произведений скульптуры, но есть отметки о месте их расположения в храме, объем проведенных работ, если это касается иконостаса, датирована запись, встречаются имена мастеров или их происхождение. Архивные материалы проливают также свет на характер почитания православных памятников, определяют сюжеты и образы, наиболее часто встречающиеся на территории Чувашии. Среди особо почитаемых – главным образом скульптуры и каменные рельефы, с изображением Николая Можайского, Распятия, вынесенные в часовни, в г. Алатыре упоминается «Христос страдающий», в Цивильске – Параскева Пятница.

Широкий круг вопросов решается и в области сохранения и реставрации произведений церковной пластики, поднимаемые в последние десятилетия специалистами крупных научно-исследовательских центров в Москве и Санкт-Петербурге. Ими разрабатываются новые методы, связанные с освоением новых материалов и технологий. В советское время искусствоведы и реставраторы уделяли внимание памятникам не только известных центров, школ и направлений, но и собраниям периферийных музеев. Так, в Чебоксарах в Художественном музее в свое время побывали и осмотрели произведения церковного искусства известный исследователь и реставратор С.В. Ямщиков, специалисты Всероссийского художественного

научно-реставрационного центра им. И.Э. Грабаря, которые провели на скульптурах профилактические работы, а самые ценные, статуи Николая Можайского XVI и Параскевы Пятницы XVIII в., по их рекомендации, были вывезены в Москву и отреставрированы в мастерских этого центра в 1970–1990-х годах реставраторами высшей категории В.Ю. Бараненковым, Л.М. Молчановой.

* * *

Таким образом, проблемы изучения церковной скульптуры в Чувашии отчасти разрешаются благодаря широкому освещению в русской искусствоведческой литературе путей исторического развития и бытования памятников, ставших классическими образцами этого вида искусства, а также большого количества менее известных скульптур. Описанные многими исследователями стилистические, жанровые и технологические особенности, присущие произведениям разного времени, являются отправными в атрибуции местных образов. Но, созданные в рамках православного канона, каждый из них представляет уникальное, совершенно неповторимое произведение искусства.

Источники и литература

¹ Цит. по: *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М.: Искусство, 1986. С. 92.

² *Трофимов А.А.* Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары, 1993. С. 19.

³ *Флоренский П.А.* Иконостас // Декоративное искусство, 1988. № 6. С. 28.

⁴ *Михайлов* (о. Борис). Культурные ценности и религиозные святыни // Троицкие чтения, 1988. Большие Вяземы, 1999. С. 83.

⁵ *Кызласова И.Л.* Исследовательские методы Ф.И. Буслаева и Н.П. Кондакова // Вестник Московского университета, 1978. №4.

⁶ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. VIII (1728). СПб., 1891. № 110/589. С. 102.

⁷ *Каменский Н.Т.* (архиепископ Казанский и Свияжский Никанор). Современные остатки языческих обрядов. Казань: Университетская типография, 1879; *Краковский* (о. Андрей). Древнейший памятник исторического описания гор. Чебоксар (сообщено чебоксарским священником Андреем Краковским) // Журнал министерства внутренних дел, 1855, декабрь. СПб. С. 115–117.

⁸ *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв. Казань, 1912. С. 56.

⁹ Там же. С. 59.

¹⁰ *Серебренников Н.Н.* Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1928. С. 32.

¹¹ *Сбоев В.А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856. С. 113.

¹² *Каменский Н.Т.* Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чувашей. Казань, 1879; *Миронов А.Л.* История христианского искусства. Конспект лекций, читанных в Императорском Казанском университете и на Казанских высших женских курсах в 1913/14 уч. году. Казань, 1914; *Магницкий В.К.* Материалы к изучению старой чувашской веры. Казань, 1881; и др.

¹³ *Бычков В.В.* Русская средневековая эстетика. М.: Мысль, 1992; *Вагнер Г.К.* Искусство Древней Руси. М.: Искусство, 1993.

¹⁴ Вагнер Г.К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV веков. М.: Искусство, 1980; *он же*. Древнерусский ансамбль как образ мира // Искусство ансамбля. Художественный предмет – интерьер – среда. М.: Изобразительное искусство, 1986; *он же*. Искусство Древней Руси. М.: Искусство, 1993.

¹⁵ Макарий архимандрит. Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. СПб., 1857.

¹⁶ Цодикович В.К. Иконопись, парсуна, деревянная скульптура XVI–XIX вв. Каталог. Ульяновск, 1981; *он же*. Народная деревянная скульптура Ульяновской области 17–19 вв. Ульяновск, 1988.

¹⁷ Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 255. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 11. Расходная книга.

¹⁸ Там же. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 229.

¹⁹ По устному утверждению сотрудника Русского музея (Санкт-Петербург) Н.В. Мальцева, крупнейшего специалиста в области деревянной церковной скульптуры.

²⁰ Мордвинова А.И. Св. Николай Можайский (Памятник церковной скульптуры XVI века в Чебоксарах) // Этнология религии чувашей. Чебоксары, 2003. Вып. I. С. 140–155.

A.I. Mordvinova. Church sculpture of Chuvashia: the problems of its studies.

The monuments of the church sculpture and carved icons that are in the museums and churches of Chuvashia are an important layer of the Orthodox culture. The loss of a considerable part of carved icons, scarcity of the data about them, inaccuracy of the museum documents, etc. Make their studies difficult. The experience of the Russian researches of the church art of the second part of the 19th–20th centuries will be useful. Theoretical foundations of the classification and systematization of Orthodox monuments and the methods of their attribution are given in the researchers' works.

ЧГВ, 2009 г., № 4

© Ю.В. Гусаров

© Н.В. Герасимова

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
КУШНИКОВ*

В 1901 г. Чебоксарская земская управа выдала Кушникову аттестат, в котором назвала его «одним из самых полезнейших врачей для земского медицинского дела», чья добросовестная деятельность «всегда отличалась неустанной энергией» и не вызвала ни одной жалобы со стороны населения¹. На следующий год, в преддверии 25-летия службы П.С. Петрова и многолетней работы Кушникова в Чебоксарском земстве, земское собрание решило поместить портреты врачей, соответственно в Мариинско-Посадской и Исмелевской больницах, а также в зале земской управы (из-за отказа юбиляров, в зале управы их портреты не появились²) и избрало комиссию из гласных Э.А. Адольфа, А.П. Астраханцева, Н.П. Ефремова, И.Ф. Филиппова для разработки программы чествований и подготовки приветственных адресов³.

25-летие земской деятельности врачей отмечалось в 1903 г., хотя Кушников прослужил в Чебоксарском уезде лишь половину этого срока. Врач С.М. Вишневский, подчеркивая знаменательность данного обстоятельства, в послании к юбиляру писал: «Этим, по-моему мнению, Чебоксарское земство хотело выразить ту совершенно справедливую мысль, что для твоей, выдающейся из ряда других плодотворной врачебной деятельности, не применимы обычные мерки и сроки: ты и в 12-13 лет своей службы земству оказал ему пользы и услуг столько же, сколько другим свойственно и естественно в 25 лет»⁴. 3 сентября для вручения приветственного адреса в Исмели приехал весь состав земской управы во главе с председателем В.В. Кожевниковым⁵. Статью о юбиляре напечатала газета «Волжский вестник» в

Юрий Владимирович Гусаров – кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Наталья Викторовна Герасимова – кандидат исторических наук.

***Окончание.** Начало см.: Чувашский гуманитарный вестник, 2007/2008 гг., № 3. С. 118–141.

которой отмечалось, что оба врача пользовались исключительным уважением молодых коллег, что их знали все «от мала до велика» в Чебоксарском и были слышаны – в соседних уездах⁶.

В поздравлениях коллег и друзей по поводу юбилея профессиональная и общественная деятельность Кушникова получила высокую оценку: «Это ведь большое, большое счастье так прожить жизнь, как Вы прожили: в неутомимой работе на пользу народной массы ... И это верно, что народ Вас оценил, я это могу засвидетельствовать: Вас, как врача, считают авторитетом мужики и бабы в нашей местности, не говоря уж о местной интеллигенции» (К.В. Лаврский); «Немало на Руси хороших врачей, но мало на Руси хороших врачей – общественных деятелей. Не часто выходят врачи из узких рамок своей специальности и идут навстречу общественному невежеству и нищете духа. Вас я приветствую, как человека последнего типа» (А. Румянцев); «Я лично Вас знаю более двадцати пяти лет, и в период этого времени немало было попушено промыслом Божиим искушений... Вы, Дмитрий Алексеевич, кроме оказания Вами народу медицинской помощи ... спасали и спасаете от смерти с голода. Поэтому я ... и церковный староста ... просим Вас, в знаменательный для Вас и для нас день принять сию святыню – образ Спасителя и сказать Вам за всё русское спасибо» (священник с. Бичурина Г.Ф. Филиппов)⁷. Ученики двухклассного Бичуринского училища поднесли врачу хлеб и соль, выразив благодарность «за постоянное внимание к учащимся»⁸. Крестьяне собрали деньги и подарили серебряный подстаканник с надписью: «Д.А. Кушникову в знак уважения его верности делу и христианской любви к ближним», которым он особенно дорожил⁹. В том же году решением земского собрания годовое жалованье Кушникова было увеличено на 200 руб.¹⁰

Как человека с активной жизненной позицией, Кушникова не могла не волновать судьба Родины. По свидетельству учителя с. Бичурино С. Иванова, врача сильно встревожила война с Японией. В марте 1904 г. в ответ на приглашение земской управы он распорядился ежемесячно перечислять 1% из служебного оклада в пользу «Комитета по усилению военного флота» до конца войны, но уже в июле 1905 г. досрочно прекратил пожертвования¹¹. В 1904 г. по случаю появления холеры доктор направлял в деревни учителей (санитарных попечителей) для проведения профилактических бесед, напутствуя их разъяснять народу ненужность войны и разоблачать её истинных виновников¹². В 1905 г., потрясённый обрушившимися на страну «горем и смутой» начавшейся революции, Кушников с горечью писал жене: «О, как жалко мне Россию! Боже, боже, до чего мы дожили? Свои войска грабят города, да и города на военном положении. Ужас!»¹³; «Кругом темнота и косность. Тяжело. Не выбиться скоро Родине на свободный путь!»¹⁴. По воспоминаниям эсера, учителя З.В. Сперанского, в январе 1905 г. Кушников, его сын Сергей и студент-юрист Кудрявцев на протяжении 3-4 вечеров собирались у К.В. Лаврского в д. Новородиново, где было решено организовать революционный кружок для работы среди населения, к которому

скоро присоединилось около 10 учителей и крестьян¹⁵. Также и приказчик чайной д. Исмели Ф.С. Спиридонов (1878–?) указывал, что «кружок кадетов Кушникова, Лаврского и др.» оформился до ноября 1905 г.¹⁶

Когда в октябре 1905 г. царь пошёл на уступки революции, провозгласив гражданские свободы и объявив о создании Государственной Думы, Кушников активно включился в политическую борьбу. На его гражданский выбор повлияло окружение, куда входили известные в будущем политики К.В. Лаврский и Т.Н. Николаев, а также общественная работа, наделившая опытом организаторской деятельности. Однако определяющей являлась активная жизненная позиция самого Кушникова, ещё в юности вступившего на путь политической борьбы. К слову, активное участие в революции 1905–1907 гг. приняли многие его коллеги: Л.В. Карташёв (Алатырь), К.А. Покровский (Чебоксары), Н.И. Степанов (Цивильск) и др., также получившие закалку в студенческих революционных кружках.

С лета 1905 г. установились связи Кушникова с лидером чувашских эсеров Т.Н. Николаевым. По данным полиции, в июле Т.Н. Николаев агитировал крестьян д. Б. Крышки Чебоксарского уезда голосовать за врача Аккозинской больницы в случае созыва «Земского собора» (то есть планировавшейся Булыгинской Думы) и призывал выписывать либеральные газеты вроде «Нашего дела» и «Волжского листка», обещая компенсировать расходы с передачей подписчикам денег через Кушникова¹⁷. С октября 1905 г. на квартире Кушникова в д. Исмели проходили нелегальные собрания учителей Чебоксарского уезда с участием Т.Н. Николаева и его помощников – чувашских священников с. Бичурино М.С. Спиридонова и Г.Ф. Филиппова (духовника врача)¹⁸. По свидетельству участника эсеровского кружка в с. Бичурино учителя Шутнеровской школы В.В. Васильева (1882–?), в конце октября 1905 г. Т.Н. Николаев с помощью учителей собрал в д. Исмели многолюдный митинг, на котором выступил и Д.А. Кушников¹⁹. Из донесения унтер-офицера жандармерии К. Лучанкина известно, что митинг состоялся 30 октября в чайной-читальне Попечительства о народной трезвости (ПНТ) по инициативе Кушникова, который председательствовал на нём. Врач прочитал Манифест от 17 октября и прокомментировал его содержание. Было решено перевести Манифест и агитационную литературу на чувашский язык, приобрести гектограф для её распространения и организовать при чайной революционную библиотеку (тут же были собраны деньги и переданы чебоксарскому агроному В.И. Вишневскому). Такие собрания было решено проводить здесь каждое воскресенье «с присутствием крестьян для слушания»²⁰. Из того же источника известно, что Кушников председательствовал на собрании, состоявшемся 6 ноября²¹. В декабре 1905 г. чебоксарский исправник сообщал, что Кушников снабжал Т.Н. Николаева, проживавшего в родной деревне у брата Павла, деньгами для поездок в Казань²². Сам Т.Н. Николаев признавался, что в этот период часто встречался с Кушниковым, с которым его сближала общность взглядов по защите интересов трудового народа²³. В ближнее окружение Кушникова

Дом врача и амбулатория в д. Аккозино. 1903 г.

Д.А. Кушников с семьёй, сослуживцами и пациентами. Д. Аккозино. 1900 г.
Сидят (слева направо): сын Александр, глазной врач N, Д.А. Кушников, сын Пётр,
врач-терапевт N, жена Анна Петровна, сын Дмитрий.

входил и будущий учёный-тюрколог В.Г. Егоров²⁴, который в 1899–1901 гг. работал учителем Бичуринского двухклассного училища Министерства народного просвещения. По данным полиции, в 1905–1906 гг., в бытность студентом Казанской духовной академии, как сотрудник Т.Н. Николаева он организовывал крестьянские митинги в Чебоксарском уезде²⁵.

Как верно отметил участник революции 1905–1907 гг., уроженец д. Большое Аккозино В.В. Тюмеров (1884–1960), предвыборная тактика Кушникова и других кадетов Чувашского края по сотрудничеству с эсерами способствовала росту их популярности среди чувашских крестьян²⁶. Д.П. Петров также писал о поддержке чувашскими эсерами кандидатур Лаврского и Кушника в период выборов в Госдуму²⁷.

27–28 ноября 1905 г. по инициативе Т.Н. Николаева в с. Бичурине состоялся крестьянский сход Воскресенской волости, который принял приговор об изменении политического и экономического строя России, переизбрал волостное правление и присоединился к Всероссийскому Крестьянскому союзу²⁸. Власти вначале арестовали Т.Н. Николаева, но по требованию крестьян, задержавших и разоруживших исправника и нескольких нижних чинов полиции, а также земского начальника, в тот же день (27 ноября) освободили его (в начале декабря, не желая давать повода для преследования своих сторонников, Т.Н. Николаев добровольно сдался властям)²⁹. Из мемуарных свидетельств известно, что во избежание возможных обвинений крестьян в насилии, Кушников провёл медицинское освидетельствование задержанных, констатировав, что «вся полиция жива и здорова, жалоб ни от одного из них не поступило»³⁰.

После этих событий реакционеры стали распускать слухи, что действиями Т.Н. Николаева и крестьянского схода закулисно руководил Кушников. Желая отвести удар от товарища, Т.Н. Николаев опубликовал в либеральной газете «Волжский вестник», где работал секретарём редакции, открытое письмо, в котором объявил о своей с Кушниковым автономности и личной ответственности за собственные поступки. Касаясь своих взаимоотношений с врачом, он писал: «Бывал, бываю и буду бывать у Д.А. Кушникова, во-первых, как у врача, во-вторых, как у честного и бескорыстного работника и как у образованного человека в нашей местности со здоровым взглядом на жизнь и сердечным отношением к моим единоплеменникам, тёмным чувашам»³¹.

В начале 1906 г. стартовала кампания по выборам в российский парламент. В Чебоксарском уезде она сопровождалась острой политической борьбой. По рапортам полиции, в предвыборный период Кушников занимался пропагандой среди крестьян «теорий левых партий»³², хотя на самом деле он не разделял радикальных взглядов. Так, на одном из митингов, пользуясь правом председательствующего, лишил слова оратора, подстрекавшего крестьян к восстанию. На другом, разъясняя народу содержание Манифеста от 17 октября, дословно сказал: «Каждый может говорить, что у него болит, то есть говорить о своих нуждах и поэтому [люди] могут

собираться и рассуждать открыто, но при этом не затрагивая правительства»³³. По свидетельству современника, в 1905–1906 гг. только благодаря авторитету Кушникова «во многих местностях Чебоксарского уезда не произошло крупнейших беспорядков»³⁴.

Как кандидат от оппозиции Кушников подвергался преследованиям со стороны властей: увольнению, переводам, обыскам³⁵. Стремясь устранить опасного противника, политические оппоненты прибегали к откровенной лжи. В одном из писем Кушников писал: «Попы неистовствуют и клянут и меня, и интеллигенцию. Священник с. Покровского в церкви изъяснял народу, что слушать [Т.Н.] Николаева и доктора (то есть Кушникову. – *Авт.*) не следует: «Видите, православные, обоих увезли в чёрной кибитке. Обоих в тюрьму». Это совершалось подряд несколько праздников... На бывшем пастырском собрании (съезде духовенства. – *Авт.*) некоторые попы всю смуту в народе приписывают мне. Было особое суждение. Это всё условия партийной борьбы. Вся уездная сволочь страшно подняла голову»³⁶.

За сплетнями последовали полицейско-административные санкции. Сельский торговец П.М. Юрусов, недовольный отказом земской управы в продлении на 1906 г. контракта на поставку продуктов для Исмелевской больницы, с подачи полиции подал губернатору кляззу на Кушникову. Он доносил, что в чайной-читальне ПНТ в д. Исмели проходили революционные митинги под председательством врача. 13 ноября 1905 г. на одном из них с антиправительственной речью выступил Т.Н. Николаев, что заставило автора доноса высказаться в защиту царя. После этого сельские учителя и учительницы, приказчик чайной Ф.С. Спиридонов (брат священника М.С. Спиридонова) и др. собрались на квартире врача, где произносили речи, пели «Марсельезу». Желая придать больший вес доносу, торговец связал инцидент в Аккозино с выступлением 27–28 ноября в Бичурино, сообщив, что Кушников «обозлился» на него из-за того, что полицейское начальство, прибывшее в село для расследования революционных событий, квартировало в доме П.М. Юрусова³⁷. Сам Кушников отрицал факт митинга и дебатов, указывая, что это было народное чтение под председательством священника А.Г. Карчевского, проведённое с разрешения уездного исправника в присутствии жандарма и урядника³⁸. С его слов, у него на квартире собрались учителя, приглашённые Т.Н. Николаевым, а также А.Г. Карчевский и Ф.С. Спиридонов, при этом гости «болтали на злобу дня. Говорили и о союзах. Пели»³⁹. Более полную картину собрания даёт рапорт присутствовавшего на нём упоминавшегося жандарма К. Лучанкина. Из него узнаём, что оно проходило с 17 до 20 часов. Первым выступил Кушников, который призвал крестьян воспользоваться правами, предоставленными Манифестом от 17 октября для свободного обсуждения насущных вопросов и предложил выбрать председателя собрания, его президиум и секретаря. Затем Т.Н. Николаев предложил на эти должности кандидатуры людей из своего окружения. В выступлениях учителей Н. Алексева (д. Кудемеры), Н. Емельянова (с. Бичурино), В. Васильева (с. Шутнерово) в завуалированной форме

обличалась антинародная политика царского правительства, коррумпированность чиновников и угнетение народа. О П.М. Юрусове в отчёте не упомянуто⁴⁰. По сведениям Кушникова, после собрания П.М. Юрусов находился дома и не мог знать о том, что происходило на квартире врача⁴¹. Провокатором мог быть входивший в окружение Т.Н. Николаева священник А.Г. Карчевский, который во вторую избирательную кампанию был завербован полицией для работы против Кушникова⁴². Что касается черносотенца П.М. Юрусова, то он вторично «прославился» в августе 1906 г., когда после кровавого разгона полицией митинга в Исмелях оговорил своих недругов, которые были арестованы и помещены в тюрьму⁴³.

Участники революционных собраний сохранили о них долгую память. С. Иванов писал, что однажды Т.Н. Николаев организовал собрание в чайной д. Исмели, на котором тайно распространялись прокламации. В выступлениях Т.Н. Николаева, Кушникова и В.И. Вишневого говорилось о начавшейся революции, Манифесте от 17 октября, о том, как действовать народу. После митинга 15–20 заранее предупреждённых учителей собрались на квартире Кушникова (позже подошёл чебоксарский врач Н.С. Петров), где пели революционные песни (запевалой был Т.Н. Николаев) и разошлись далеко за полночь⁴⁴. Я.П. Соснин писал, что в один из зимних вечеров в той же чайной Кушников организовал просветительскую лекцию с показом «туманных картин», после которой Т.Н. Николаев выступил с речью о Манифесте от 17 октября. Жандарм попытался стащить оратора с трибуны, но крестьяне выпроводили его вон⁴⁵. Утверждается, что после доноса П.М. Юрусова последовало распоряжение губернатора провести дознание и обыскать квартиру Кушникова⁴⁶. Известно, что полиция провела обыск, но ничего противозаконного не обнаружила⁴⁷.

Судя по воспоминаниям, квартира Кушникова служила местом для собраний революционной чувашской интеллигенции и подпольной работы. С. Иванов писал, что после возникновения в 1905 г. в Чебоксарском уезде ячейки Всероссийского союза учителей и деятелей народного образования на квартире Кушникова при участии его сына Сергея⁴⁸ на гектографе был размножен устав этой организации, несколько десятков экземпляров которого были анонимно разосланы учителям⁴⁹.

В марте 1905 г. сменился состав земской управы. Её новым председателем был назначен Цивильско-Ядринский предводитель дворянства И.И. Есипов. Ранее он служил земским начальником Цивильского уезда и скандально прославился в 1891 г., когда запретил раздавать голодающему населению муку, пожертвованную купцом Каретниковым⁵⁰. В отличие от своих предшественников (А.П. Астраханцева, В.В. Кожевникова), строивших отношения с врачами на основе коллегиальности и сотрудничества, И.И. Есипов единолично решал медицинские вопросы, игнорируя мнение специалистов и общественности⁵¹. Его натянутые отношения с медиками имели и политическую подоплёку (И.И. Есипов был черносотенцем⁵²). 23 декабря 1905 г. на квартире врача 5-го медицинского участка Е.М. Агровской

состоялось тайное собрание врачей, после чего И.И. Есипов потребовал от неё предоставить копию принятого постановления. Е.М. Агровская восприняла это как вмешательство в частную жизнь⁵³. 17 января 1906 г. это и другие действия И.И. Есипова против медработников привели к столкновению на врачебном совете. В случае обострения ситуации врачи решили подать в коллективную отставку. Для Кушникова, сроднившегося с Чувашским краем, это решение далось тяжело: «Я уже привык к чувашам, – писал он в письме, – и я, в душе, решил было умереть у этих тёмных, несчастных людей»⁵⁴.

30 января 1906 г., после возвращения И.И. Есипова из Казани, Кушников получил уведомление управы, в котором ему предлагалось в двухнедельный срок подать заявление об отставке за занятие политической деятельностью в ущерб врачебной, с угрозой, что в ином случае он будет уволен без прошения. 8 февраля, возмущённый «фиктивностью мотива», не считая возможным продолжать службу при хамском отношении к себе, Кушников написал заявление о немедленной отставке. 23 февраля управа решила уволить его с 1 марта, передав Исмелевский участок во временное заведование марпосадскому врачу П.С. Петрову⁵⁵. Известно, что И.И. Есипов планировал изгнание со службы ряда прогрессивных медиков⁵⁶.

Отставка Кушникова поразила весь уезд. Его враги ликовали, друзья же негодовали, понимая, что таким образом власти отстраняют от выборов неугодного кандидата⁵⁷. Ветеринарный врач А.Н. Бочаров писал сыну: «Как это понравится? Человек, желавший внести свет и умиротворение, лучший земский работник, прослуживший более 25 лет, изгоняется одним росчерком пера г. Есипова... Если ты не угоден всяким господам, захватившим положение, ложись и умирай»⁵⁸. Но доктор и его сторонники не собирались сдаваться. Ещё 24 января 1906 г. Кушников подробно описал свою травлю в письме к К.В. Лаврскому. В конверт он вложил копию жалобы П.М. Юрсова и заявления своих друзей к предводителю дворянства Чебоксарского уезда Л.В. Эннатскому, высказав просьбу поместить статью в свою защиту⁵⁹. Вскоре в газете «Волжский вестник» появилась анонимная статья, в которой утверждалось, что увольнение Кушникова, проведённое руками Есипова, носило политическую подоплёку и основывалось на ложном доносе⁶⁰. По содержанию она перекликается с письмом Кушникова, что даёт основание считать её автором К.В. Лаврского. 13 февраля Кушников обратился с жалобой на действия И.И. Есипова в ревизионную комиссию уездного земства. Тогда же по инициативе врачей П.С. Петрова и А.Н. Бочарова от имени интеллигенции Чебоксар и Мариинского Посада было составлено ходатайство в управу об оставлении Кушникова на земской службе⁶¹. В нём указывалось, что по отношению к заслуженному врачу была допущена несправедливость и содержалась просьба не увольнять Кушникова, а при невозможности оставить его на прежнем месте, перевести в с. Беловолжское, которое не имело постоянного врача после призыва в 1904 г. Г.А. Соколовского на русско-японскую войну. Прощение подписали 47 чел., в том числе купцы Иевлевы, П.Е. Ефремов с сыновьями Сергеем и Николаем, Ф.М.

Дряблов, А.П. Игумнов, священник П.Василевский, учителя К.А. Ветошкин и А.К. Ямбиков, помощник акцизного надзирателя В.А. Габриэль и др. 25 февраля, «снизойдя» к ходатайству, управа предложила Кушникову возглавить Беловолжский участок. Желая уязвить врача, она выразила притворное удивление тем фактом, что из участка, где он проработал врачом много лет, не поступило ни одного ходатайства в его защиту⁶². Это было несправедливо, поскольку ещё в 1905 г. население 3-го врачебного участка обратилось в управу с письменным обращением не переводить Кушникова на другое место⁶³. 1 марта, откликаясь на многочисленные просьбы своих пациентов, Кушников решил пожертвовать самолюбием и принять предложение управы. 21 марта он сдал больницу П.С. Петрову и переехал в с. Беловолжское, но, по соглашению с управой, первое время по приёмным дням приезжал в д. Исмели⁶⁴.

Расправа над Кушниковым не прошла без последствий: не желая оказаться в столь же унижительном положении, врач Е.М. Агровская уволилась со службы⁶⁵. Врачи по-прежнему считали Кушникова своим лидером и в 1906 г. выбрали его представителем врачебного совета для участия в работе земского собрания при обсуждении медицинских вопросов⁶⁶. Здесь нелишне будет отметить, что гласные встали на защиту Кушникова, выразив ему сочувствие в связи с допущенной несправедливостью. Обсудив доклад ревизионной комиссии, земское собрание осудило действия управы по игнорированию мнения специалистов и потребовало от неё впредь гласно обсуждать медицинские вопросы на врачебном совете, соблюдая его уставные права. Учитывая, что перевод Кушникова состоялся помимо его воли, оно предоставило ему право выбора места работы между Беловолжским и Исмелями⁶⁷.

Кушников остался в Беловолжском. Здесь он заведовал больницей на 20 кроватей, открытой в 1906 г. при его участии, и фельдшерским пунктом в с. Карачево⁶⁸. При больнице имелась амбулатория с аптекой, флигель для квартир фельдшера и фельдшерицы, кухня, баня с прачечной и др.⁶⁹ Кушникову был сохранён прежний оклад – 1800 руб. в год, но без предоставления служебной квартиры⁷⁰. По обыкновению, он немедленно включился в работу: по его предложению в фельдшерском пункте появилась более просторная комната для приёма больных⁷¹, были выделены средства на приобретение недостающих медицинских инструментов⁷². Участок был большим (54 селения, более 30 тыс. жителей) и сложным (р. Волга служила каналом для проникновения эпидемий). Нередко приём больных затягивался до 13 часов. Массу времени отнимали частые вызовы к тяжёлым больным вкуче с «невообразимо дурными» дорогами⁷³.

...Политическая борьба уносила много душевных сил, рождая чувство усталости и разочарования: «Врачом 31 год, никому не делал зла и во всех случаях тороплюсь к людям на помощь, а вижу только врагов. Кругом (не беднота) какие-то звери, способные только кусать и гадить. Гадят гадко, противно; просто противно вступать в борьбу. Да [и] вообще, опускаются

руки и не хочется браться за дело. Сегодня не спал всю ночь. Всю ночь думал. Один вывод: нужно умирать, ибо страшусь возмутиться против Бога. Нет правды, нет»; «На душе какая-то слякоть от уездной чебоксарской грязи. Чёрная сотня и у нас... действует»⁷⁴. Духовные силы Кушников черпал в семье. Набираться мужества помогали советы и поддержка друзей, сочувствие коллег. В январе 1907 г. П.Д. Баллод звал друга в Сибирь: «Тебе самое лучшее было бы приехать сюда – здесь ваш брат эскулап зарабатывает очень хорошо; и ты, при твоём внимательном отношении к больным, был бы очень популярен. Рискни ... Ведь при теперешнем положении дел ты не можешь чувствовать себя хорошо»⁷⁵.

Административный контроль лишал свободы действий. В 1906 г., имея в виду надвигающийся голод, Кушников просил управу не мешать работе медиков: «Уже не во имя каких-либо принципов, а пред наступившей бедой я считаю долгом обратиться с просьбой ко всем, у кого в руках право и власть, дать медицинскому персоналу возможность стоять на той же высоте, на какой он стоял в постигавшие уже нас голодовки. Дайте нам возможность обсуждать предстоящее дело и вести его открыто пред глазами возбуждённого населения. Мы просим: разрешите нам чаще собирать врачебный совет и сообща вырабатывать свои программы, предоставляя управе их осуществлять или отрицать»⁷⁶.

Гонения не могли заставить Кушникова капитулировать. По свидетельству друзей, он был настроен на борьбу – «сочувствовал и радовался каждому рев[олюционному] движению»⁷⁷. Возможно, доктор выполнял поручения депутата I Госдумы К.В. Лаврского, с которым состоял в переписке. Так, в июне 1906 г. чебоксарский исправник Афанасьев сообщал, что среди крестьян в окрестностях Козловской пристани велись разговоры о составлении приговоров о наделении землёй, находящейся во владении казны, ведомств и частных лиц, для отсылки в Государственную Думу. По информации исправника, подстрекателями крестьян были Кушников с живущим при нём сыном, студентом-медиком Сергеем (современники писали, что все дети Кушникова разделяли революционные идеи⁷⁸), хотя «оба они отрицают своё участие в этой деятельности». За Кушниковыми было установлено наблюдение, однако установить факт составления приговоров не удалось⁷⁹. В донесении начальника Казанского губернского жандармского управления, датированного сентябрём 1906 г., сообщалось, что за чебоксарским лесничим В.Ф. Громовым, врачами Кушниковым и К.А. Покровским велось «тщательное негласное наблюдение». По партийным взглядам они были отнесены к левому крылу партии кадетов, а их действия названы крайне осторожными⁸⁰.

Продолжалось сотрудничество Кушникова с чувашскими эсерами. З.В. Сперанский писал, что после разгона I Госдумы К.В. Лаврский и Кушников снабжали членов революционного кружка пачками агитационной литературы, в том числе «Выборгским воззванием»⁸¹. Также и С. Иванов вспоминал, что в этот период Кушников часто вызывал его к себе и переда-

вал для распространения множество книг и брошюр, «чтобы не попасться во время обысков»⁸². В.В. Тюмеров писал о совместной работе Т.Н. Николаева с Кушниковым в 1906 г.⁸³. В том же году автор газетной корреспонденции по итогам поездки по Чебоксарскому уезду отмечал, что наряду с Т.Н. Николаевым среди авторитетных революционеров «чуваши с любовью и уважением упоминают имена врача Ку[шника]ва и многих учителей»⁸⁴. Многие соратники врача считали его своим учителем по революционной борьбе⁸⁵.

Преследования оказали Кушникову услугу в предвыборной кампании – на революционной волне избиратели всей страны отдавали голоса за представителей крестьянства и либеральной интеллигенции⁸⁶. 20 марта 1906 г. второй Чебоксарский городской избирательный съезд в г. Мариинском Посаде избрал губернскими выборщиками Кушникова (170 голосов) и крестьянина-торговца К.А. Романова (190 голосов)⁸⁷. Кушников считался серьёзным кандидатом на избрание в Госдуму⁸⁸. Известно, что на предвыборном совещании казанских кадетов кандидатами в Думу были выдвинуты адвокат из Чебоксарского уезда К.В. Лаврский и профессор Казанского университета А.В. Васильев, а резервными к ним – Кушников и ядринский купец-заводовладелец З.М. Таланцев. Аналогичное совещание провели и чувашские выборщики, которые в случае неудачи на выборах своего кандидата Я.А. Абрамова решили голосовать за симпатизировавших чувашам Кушникова или З.М. Таланцева⁸⁹. Кушников с Таланцевым пали жертвой партийного торга: чтобы заручиться поддержкой выборщиков-татар, кадеты сняли их кандидатуры в пользу мусульманских кандидатов⁹⁰. По свидетельству современника, это произошло с согласия Кушникова⁹¹.

Выборную кампанию во II Госдуму (конец 1906–начало 1907 г.), Кушников встретил на пике популярности. В этот период он состоял в переписке с Т.Н. Николаевым, К.В. Лаврским, купцами Г.Г. Волчковым (д. Козловка), Н.П. Ефремовым (г. Чебоксары; в будущем – депутат III Госдумы, кадет), податным инспектором Чебоксарского уезда А.Н. Бочаровым, врачами П.С. Петровым (г. Мариинский Посад) и Н.С. Петровым (г. Чебоксары), чебоксарским лесничим В.Ф. Громовым, священником с. Кошки А.Г. Карчевским и диаконом с. Байгулова В.Е. Розовым⁹². Документы полиции красноречиво свидетельствуют, какую опасность представлял Кушников для властей. В декабре 1906 г. чебоксарский исправник Колибрин рапортовал о принятых мерах по нейтрализации левых партий, в том числе о вербовке агентов из числа священников, согласившихся противодействовать негодным кандидатам «до и во время выборов ... как непосредственно, так и путём влияния на выборщиков». По его сообщению, «в районе действия наиболее вредного врача Кушникова», вместе со священником А.Г. Карчевским обязались выступить «убеждённый противник» врача священник с. Солдыбаева Е.В. Вишневский, хорошо зарекомендовавший себя в качестве агента в 1906 г., и бывший член земской управы, крестьянин с. Тюрлемы А.И. Кореньков (ранее он поддерживал доктора). Исправник предпринял и

Дмитрий Алексеевич Кушников — депутат II Государственной Думы.
Санкт-Петербург. 1907 г.

Д.А. Кушников с сыновьями в д. Аккозино. 1900 г.
Слева направо: Д.А. Кушников, Пётр, Сергей (на полу), Александр (стоит), Владимир.

другие шаги по нейтрализации помощников Кушниковых по выборам 1906 г. Он обещал, что при возобновлении Кушниковым и К.А. Покровским предвыборной деятельности, на неё «будет наложено положительное запрещение»⁹³.

21 января 1907 г. на съезде городских избирателей Мариинского Посада Кушников был избран губернским выборщиком⁹⁴. Вскоре над ним был установлен гласный полицейский надзор⁹⁵. Пытаясь оказать противодействие Кушникову, И.И. Есипов вступил в переписку с казанским губернатором⁹⁶. Желая снять неудобного кандидата с дистанции, в начале 1907 г. чебоксарский исправник Колибрин возбудил дело о привлечении врача к судебной ответственности за «непубличное распространение суждений», возбуждающих к неповиновению закону и властям⁹⁷, что не дало результатов. По утверждению сына, перед поездкой в Казань на выборы его отца хотели арестовать, но крестьяне выгнали урядников из деревни⁹⁸.

6 февраля 1907 г. большинством голосов (95 – «за», 36 – «против») Кушников был избран депутатом II Государственной Думы. Как и при выборах в I Госдуму⁹⁹, накануне открытия губернского съезда выборщиков состоялось предвыборное совещание партийных и национальных групп (мусульман, чувашей, трудовиков, кадетов), на котором был согласован общий список кандидатов (все они стали депутатами). Он включает девять фамилий; имя Кушников (кандидата от кадетов) стоит третьим по порядку¹⁰⁰. Кроме него, посланцами Чувашского края в парламенте России стали промышленник З.М. Таланцев и крестьянин д. Старые Урмары Цивильского уезда А.Ф. Фёдоров. Еще один чувашский депутат – учитель В.А. Анисимов, прошёл от Саратовской губернии. В комментарии полиции на результаты выборов отмечалось, что Кушников был давно известен своей неблагонадёжностью и тайной противоправительственной пропагандой, «что ему по своей службе было очень легко. Он привлечён к дознанию, что, однако, не помешало его избранию»¹⁰¹. Популярность врача полиция объясняла тем, что в качестве уполномоченного Вольного экономического общества он распределял пособия среди нуждающегося населения¹⁰².

В условиях полицейской травли кандидатам от оппозиции приходилось проявлять бдительность и чудеса конспирации. По характеристике губернских властей, Кушников был умным и одарённым человеком, но отличался скрытностью и осторожностью: «Не чужд рисовки и лицемерия. Способен к проявлению угодливости и тонкой лести пред лицами власть имущими». Более резкую характеристику дал чебоксарский исправник: «Человек довольно скрытный, хитрый и двуличный»¹⁰³. Это оценки противников. Друзья Кушниковых отмечали его неутомимость в работе, доброту, неиссякаемую энергию, готовность в трудную минуту поддержать «своей любовью, утешением, советом»¹⁰⁴. По их словам, он «немедленно скромно отходил в сторону, когда прямое дело кончалось, избегая всяких выражений ему благодарности»¹⁰⁵. По отзывам друзей, Кушников был «идеалистом самого высокого достоинства», светлым человеком «без страха и упрёка», «с чис-

тым, ясным сердцем, с неизмеримой добротой», так что даже воспоминание о нём придавало бодрости и сил¹⁰⁶. Судя по письмам и воспоминаниям, Кушников отличался чувствительностью, например, не мог сдержать слёз при тяжёлых воспоминаниях¹⁰⁷.

Местная пресса активно откликнулась на избрание Кушникова в Думу. Чувашская газета «Хыпар» сообщила о его должности и политических взглядах: «Доктор Чебоксарского уезда, левее партии кадетов»¹⁰⁸. Казанский «Волжский листок» поместил биографию депутата¹⁰⁹. Симбирская газета «Волжские вести» писала: «Кушников – врач. Он уже старик, всю жизнь он провёл среди народа, приобрёл безмерную любовь его своими трудами. Он служил в Чебоксарском уезде, но известность его простиралась далеко за пределы этого уезда». Она же сообщила о его принадлежности к трудовикам¹¹⁰. К слову, даже сведения властей о партийности Кушникова не отличались точностью: в документах губернского жандармского управления он назывался эсером и социал-демократом¹¹¹.

С депутатством Кушникова избиратели связывали большие надежды. 8 февраля 1907 г. крестьяне с Беловолжского составили приговор, в котором выразили благодарность губернским выборщикам за доверие, оказанное их кандидату. «В простых и тёплых выражениях» (слова современника) они напутствовали любимого доктора защищать их интересы: «Вам хорошо известно, что у нас ... крестьяне живут очень бедно: земли имеют на одну ревизскую душу одну десятину в 3-х полях, то мы ... не можем жить в таком положении далее, так как у нас население ежегодно увеличивается, а земля остаётся всё та же ... мы Вас ещё всепокорнейше просим ... защищать нас, крестьян и, если возможно, то разъясните высшему над Вами начальству о наших просимых крестьянских нуждах. Дай Бог Вам счастливого пути и доброго здоровья»¹¹². Татарские крестьяне д. Альменево также пожелали Кушникову доброго пути и успехов в депутатских делах, прося не забывать о них¹¹³. Поздравляя друга, Я.А. Ротт писал из Сибири: «Радуюсь за Вас, за оказанную Вам народом честь и высокое доверие. Радуюсь и за Ваших земляков за удачный их выбор. Да поможет Бог Вам совместно с другими избранниками народа вывести Россию на путь свободы, закона, счастья и спокойствия, к которому так страстно стремятся все населяющие Россию народы»¹¹⁴.

6 февраля Кушников телеграммой сообщил земской управе о своём избрании в Думу и попросил разрешения 10 февраля сдать участок фельдшеру. На следующий день он поблагодарил земство за внимание к врачам, выразив уверенность, что оно не откажет ему в трудоустройстве, если случится такая нужда¹¹⁵. Это были пустые надежды: 10 февраля 1907 г. Кушников был уволен с работы в связи с избранием в Госдуму, а на его место принят новый постоянный врач¹¹⁶. В Чебоксарский уезд, которому врач отдал 16 лет подвижнического труда, дорога ему была заказана.

9 февраля 1907 г. Кушников досрочно выехал в Петербург с железнодорожной станции Тюрлема. Дело в том, что крестьяне его участка реши-

ли устроить доктору торжественные проводы. Для того чтобы сорвать их, в с. Беловолжское прибыл исправник со стражниками, угрожая применить оружие. Чтобы избежать трагических последствий, депутат решил ускорить свой отъезд¹¹⁷. На его проводях присутствовало около 30 чел. из числа знакомых и родных, среди которых были и информаторы полиции. Последние запомнили слова из обращения депутата к соратникам: «Ну, братцы, вы меня выбрали в Думу, так я за вас постою»¹¹⁸.

В столице Кушников попал в водоворот политической жизни. В письме к жене отчитывался: «Здоров. Настроение крайне тяжёлое у всех. Целый день в работе. Завожу новые знакомства. Много прекрасных людей. К[онституционные] д[емократы] умницы»¹¹⁹. Необходимо пояснить, что после роспуска I Госдумы кадеты растеряли «весенние» иллюзии и демонстрировали деловой настрой. Их газета «Речь» писала: «Сосредоточенно, угрюмо и хмуро, почти безрадостно, но трезво и рассудительно народ и Дума приступают к работе. Нет веры – есть настойчивая решимость. Нет влюблённости – есть прочная дружба. Нет иллюзий – есть осознание своего долга»¹²⁰. С настроением на черновую работу направлялся в столицу и Кушников – перед своим отъездом он заявил становому приставу: «В газете обо мне не прочтёте – я не намерен говорить, а постараюсь попасть в комиссию»¹²¹.

II Госдума начала работу 20 февраля 1907 г. Верный партийной дисциплине, Кушников записался во фракцию кадетов. Он был избран в две комиссии: распорядительную и для приёма помещений Думы; подписал 12 законопроектов, подготовленных его фракцией (в том числе по земельному вопросу)¹²²; при этом выступил одним из инициаторов «Законодательного предположения об отмене установленных в законе последствий исключения из духовного ведомства, дворянских собраний, сельских и мещанских обществ членов этих обществ», внесённого в Госдуму 2 июня. С думской трибуны не выступал¹²³.

В советское время анализ депутатской деятельности Кушникова подменялся идеологическими ярлыками. В.В. Тюмеров голословно заклеил его как перевёртыша, который заручился доверием народа ради избрания в Госдуму, где показал свою классовую сущность, присоединившись к кадетам¹²⁴. Также и в архивной справке 1925 г. утверждалось, что после вхождения во фракцию кадетов Кушников лишился симпатий прозревшего народа¹²⁵. Современный исследователь Д.М. Усманова пришла к формальному выводу, что как депутат Кушников ничем особенным себя не проявил¹²⁶. Для нас же важен факт тесной связи депутата со своими избирателями в законотворческой деятельности и вне её. Кушников принял участие в судьбе священника с. Бичурина М.С. Спиридонова, за политическую деятельность попавшего в опалу у духовных властей. После инициированного Кушниковым обращения депутатов от Казанской губернии к Казанскому архиепископу наказание со священника было снято¹²⁷. Весной 1907 г. вместе с земляком – депутатом А.Ф. Фёдоровым Кушников обратился к заместителю министра народного просвещения О.П. Герасимову с запросом о

восстановлении на учёбе учеников 1-го класса Симбирской чувашской учительской школы, исключённых из неё за революционные настроения и неповиновение школьной администрации¹²⁸.

Во II Госдуме левые партии (трудовики, эсеры, народные социалисты, социал-демократы) имели 43% депутатских мест. Рождённая в период спада революции, «левая» Госдума была обречена. Пессимистические прогнозы оправдались: 3 июня 1907 г. был опубликован царский Манифест о её роспуске. Кушников покинул Петербург и 9 июня вернулся к семье в Казань, по адресу: ул. Ново-Горшечная, д. Воронкова¹²⁹. Неся на себе незримое клеймо политически неблагонадёжного, врач не мог устроиться на работу ни в городе, ни на селе. Что касается частной практики, то, как писали друзья, «работа за гонорар от больного была совершенно немыслима» для него¹³⁰. Даже в таких условиях Кушников не отошёл от политической борьбы: известно, что летом 1907 г. власти пытались привлечь его к судебной ответственности за распространение революционной литературы, но дело было прекращено за недостатком улик¹³¹. Большая семья доктора бедствовала: П.Д. Кушников вспоминал, что в тот чёрный период белый хлеб к чаю подавали только по воскресеньям¹³². Отчаявшись найти работу, Кушников вновь уехал в Сибирь, где некоторое время работал врачом на приисках¹³³. В 1908 г. он вернулся в Казань и устроился ординатором в одну из университетских клиник, а затем врачом в частную больницу стеариново-мыловаренного, глицеринового и химического завода братьев Крестовниковых¹³⁴. Вскоре на заводе стал работать и его старший сын Владимир¹³⁵.

По своему обыкновению, Кушников энергично взялся за дело, проводя в больнице почти всё своё время. Ему приходилось отстаивать перед заводладельцами интересы рабочих, потерявших трудоспособность. Эта мелкая борьба тяготила доктора, привыкшего к широкому размаху деятельности¹³⁶. Черeda невзгод и лишений сказалась на его могучем здоровье. Последние дни жизни Кушникова были омрачены самоубийством сына Александра, студента 2-го курса Казанского университета¹³⁷. После этого удара судьбы у Кушникова участились приступы стенокардии. 20 декабря 1911 г. во время приёма больных с ним случился очередной приступ грудной жабы. В тяжёлом состоянии врача привезли домой – на квартиру в заводском доме Крестовниковых на Екатерининской улице. Несмотря на усилия лучших врачей, многие из которых приехали без вызова, в 20 часов 30 минут того же дня его не стало; удостоверение о смерти засвидетельствовал казанский профессор А.Н. Казем-Бек¹³⁸. 23 декабря Кушников был похоронен на Арском кладбище г. Казани¹³⁹. Один из редакторов газеты «Камско-Волжская речь» Н.П. Гусев опубликовал некролог, в котором скорбел о невосполнимой утрате: «... Сегодня приходится опускать в могилу тело, в котором до последних дней неустанно билась горячая вера в добро, горел тот священный огонь любви к тёмному невежественному брату, который не могли затушить никакие превратности судьбы русского интеллигентного человека». Он писал, что до последнего вздоха Кушников

сохранил верность идеалам, которые носил в сердце¹⁴⁰. В другом некрологе отмечалось, что смерть похитила «редкостного по чистоте и скромности человека»¹⁴¹.

Современники видели в Д.А. Кушникове образец личности, удивительной по силе, благородству и цельности натуры. Русский интеллигент, он стремился быть полезным Отечеству в разных ипостасях. Кушников подвизнически служил делу народного здравоохранения, оставшись в истории Чувашии видным деятелем земской медицины. В 1905–1907 гг. он активно участвовал в общественно-политической жизни Чувашского края и был избран депутатом II Госдумы. Будучи кадетом, тесно сотрудничал с представителями левых политических сил (трудовиков, эсеров), в том числе молодой чувашской интеллигенции. Он внёс посильный вклад в просвещение чувашского народа. При жизни Кушников пользовался «громадной популярностью» среди местного населения¹⁴¹. Благодарная память о нём жива и поныне.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

¹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 15. Оп. 1. Д. 1380. Л. 483.

² Отчёт Чебоксарской уездной земской управы по земскому хозяйству за 1903 год. С. 40.

³ Постановления XXXVIII очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1902 года. С. 157–159.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп.1. Д. 33. Л. 1–1 об.

⁵ Там же. Ф. 15. Оп.1. Д. 29. Л. 1.

⁶ XXV-летний юбилей земского врача Д.А. Кушникова // Волжский вестник, 1903. 29 августа.

⁷ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 31. Л. 1, 1 об.; д. 32. Л.1 об.–2; д. 34. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 35. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 4. Л. 3 об., 4.

¹⁰ Постановления 42-го очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1906 года. Казань, 1907. С. 220.

¹¹ ГИА ЧР. Оп. 1. Д. 1597. Л. 18, 136.

¹² Рукописный фонд Чувашского национального музея (ЧНМ). ВМ 4039. Папка 3-в. С. 3, 4.

¹³ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 2. Д. 11. Л. 1.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

¹⁵ Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4036. Папка 3-а. Л. 28.

¹⁶ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 4924. Л. 49.

¹⁷ Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4037. Папка 3-г. Л. 231, 232.

¹⁸ НА РТ. Ф.199. Оп. 1. Д. 445. Л. 6.

¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 4924. Л. 50.

²⁰ Там же. Ф. 2452. Оп. 1. Д. 77. Л. 8.

²¹ Там же. Л. 7.

²² Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4036. Папка 3-а. Л. 132.

²³ Письмо в редакцию // Волжский вестник, 1905. 24 декабря.

²⁴ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 4. Л. 4; д. 2. Л. 2.

²⁵ НА РТ. Ф.199. Оп. 2. Д. 366. Л. 172–174; оп.1. Д. 391. Л. 3–3 об., 7 об.

²⁶ Тюмеров В.В. Чăвашсем хушшинче 1905–1907 мѣш сұлсенче пулнă революцисиллĕ пăлхавсем. С. 58–59.

- ²⁷ *Петров Д.П.* 1905-мӗш сул чӑвашсен хушшинче пулӑ ёссене асанни. Шупашкар, 1925. С. 98.
- ²⁸ Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905–1907 гг.: Документы и материалы. Чебоксары, 1956. С. 121, 126.
- ²⁹ Национальные движения в период первой революции в России: Сб. документов из архива бывшего департамента полиции / Сост. *И.Д. Кузнецов*. Чебоксары, 1935. С. 286, 287, 290.
- ³⁰ Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4039. Папка 3-в. С. 17, 19.
- ³¹ Письма в редакцию // *Волжский вестник*, 1905. 24 декабря.
- ³² Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 2200. Л. 132.
- ³³ ГИА ЧР. Ф. 2452. Оп. 1. Д. 77. Л. 7, 8.
- ³⁴ Д.А. Кушников (некролог) // *Камско-Волжская речь*, 1911. 22 декабря.
- ³⁵ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Д. 20. Л. 1 об.–2.
- ³⁷ Постановления ХLI очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1905 года ... С. 32.
- ³⁸ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 20. Л. 1 об.
- ³⁹ Там же. Д. 22. Л. 1 об.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 2452. Оп. 1. Д. 77. Л. 7.
- ⁴¹ Там же. Ф. 525. Оп. 1. Д. 22. Л. 1 об.
- ⁴² НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2200. Л. 133.
- ⁴³ *Никифоров И.Н.* Зарождение чувашской революционно-демократической печати. Чебоксары, 1971. С. 12.
- ⁴⁴ Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4039. Папка 3-в. С. 8–10.
- ⁴⁵ *Соснин Я.П.* Страницы из прошлого. Чебоксары, 1957. С.9.
- ⁴⁶ *Алексеев Г.А., Галкина Н.Д.* Медики Чувашии в общественном движении. Чебоксары, 2003. С. 88.
- ⁴⁷ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 2. Д. 16. Л. 1.
- ⁴⁸ С.Д. Кушников участвовал в революционных событиях в Казани, за что был исключен из Казанского университета. За полгода жизни в с. Беловолжском из жителей Козловки и окрестных деревень он организовал группу из более 10 человек. Члены нелегального кружка занимались чтением революционной литературы, которую С.Д. Кушников привозил из Казани, обсуждали текущие политические события. См.: *Советская Чувашия*, 1997. 24 июля.
- ⁴⁹ Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4039. Папка 3-в. С. 10, 26.
- ⁵⁰ Чебоксарский уезд (Предвыборная тактика) // *Волжский вестник*, 1906. 8 февраля.
- ⁵¹ Постановления 42-го очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1906 года. С. 217.
- ⁵² ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 160. Л. 146.
- ⁵³ Там же. Ф. 525. Оп. 1. Д. 41. Л. 1; Постановления 42-го очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1906 года. С. 218.
- ⁵⁴ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1684. Л. 53, 82–82 об., 83.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 525. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
- ⁵⁷ Чебоксарский уезд (Предвыборная тактика) // *Волжский вестник*, 1906. 8 февраля.
- ⁵⁸ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–1 об.
- ⁵⁹ Там же. Д. 20. Л. 1–1 об.
- ⁶⁰ Чебоксарский уезд (Предвыборная тактика) // *Волжский вестник*, 1906. 8 февраля.
- ⁶¹ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 21. Л. 1; д. 37. Л. 3.
- ⁶² Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1684. Л. 108, 110.
- ⁶³ Постановления 42-го очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1906 года. С. 219.
- ⁶⁴ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1684. Л. 125, 126 об., 144, 180.

- ⁶⁵ Там же. Л. 128.
- ⁶⁶ Постановления 42-го очередного Чебоксарского земского собрания 1906 года. С. 200.
- ⁶⁷ Там же. С. 216, 220, 223.
- ⁶⁸ Отчёт Чебоксарской уездной земской управы по земскому хозяйству за 1906 год. Козьмодемьянск, 1908. С. 84–85; Отчёт Чебоксарской уездной земской управы по земскому хозяйству за 1905 год. Козьмодемьянск, 1907. С. 33.
- ⁶⁹ Отчёт Чебоксарской уездной земской управы по земскому хозяйству за 1904 год. Казань, 1906. С. 31.
- ⁷⁰ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1629. Л. 76 об.
- ⁷¹ Постановления 42-го очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1906 года. С. 216.
- ⁷² ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1733. Л. 135.
- ⁷³ Там же. Д. 1685. Л. 266.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 525. Оп. 1. Д. 20. Л. 1; оп. 2. Д. 11. Л. 1.
- ⁷⁵ Там же. Оп. 2. Д. 17. Л. 1.
- ⁷⁶ Отчёт Чебоксарской уездной земской управы по земскому хозяйству за 1905 год. С. 150–151.
- ⁷⁷ Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4039. Папка 3-в. С. 26.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2200. Л. 105.
- ⁸⁰ Национальные движения в период первой революции (Сборник документов из архива бывшего департамента полиции) / Сост.: *И.Д. Кузнецов*. Чебоксары, 1935. С. 308.
- ⁸¹ Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4036. Папка 3-а. Л. 31.
- ⁸² Там же. ВМ 4039. Папка 3-в. С. 25.
- ⁸³ *Тюмеров В.В.* Указ. соч. С. 20.
- ⁸⁴ Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4039. Папка 3-в. С. 53.
- ⁸⁵ Там же. С. 26.
- ⁸⁶ *Усманова Д.М.* Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. Казань, 2006. С. 15.
- ⁸⁷ ГИА ЧР. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 25, 27.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 525. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.
- ⁸⁹ О выборах депутатов Государственной Думы (на чув. языке) // *Хыпар*, 1906. 30 апреля.
- ⁹⁰ *Усманова Д.М.* Указ. соч. С. 16; Чăвашсен пĕрремĕш хаçачĕ «Хыпар» 1906–2006 (Первая чувашская газета «Хыпар» / Сост.: *А.П. Леонтьев, И.М. Матросов*. На чув. языке). Чебоксары, 2006. С. 175.
- ⁹¹ Д.А. Кушников (некролог) // Камско-Волжская речь, 1911. 22 декабря.
- ⁹² НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 445. Л. 302.
- ⁹³ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2200. Л. 132–133.
- ⁹⁴ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.
- ⁹⁵ Там же. Д. 44. Л. 1; Д.А. Кушников (некролог) // Камско-Волжская речь, 1911. 22 декабря.
- ⁹⁶ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 4. Д. 3. Л. 27.
- ⁹⁷ Там же. Л. 28; По разным данным, дознание было начато 16 (29) января 1907 г. См.: *Алексеев Г.А., Галкина Н.Д.* Указ. соч. С. 95; Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4040. Папка 3-б. Л. не нум.
- ⁹⁸ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
- ⁹⁹ *Гусаров Ю.В.* Первые парламентарии Чуваши (К.В. Лаврский, Я.А. Абрамов) // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья: Сб. статей. Чебоксары, 2008. С. 220.
- ¹⁰⁰ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2200. Л. 135.
- ¹⁰¹ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 445. Л. 293.
- ¹⁰² Там же. Л. 302.
- ¹⁰³ *Усманова Д.М.* Указ. соч. С. 352.
- ¹⁰⁴ История родного края: Учебное пособие. С. 334; ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
- ¹⁰⁵ Д.А. Кушников (некролог) // Камско-Волжская речь, 1911. 22 декабря.

- ¹⁰⁶ Там же; *Гусев Н.П.* Светлой памяти Д.А. Кушникова // Камско-Волжская речь, 1911. 22 декабря.
- ¹⁰⁷ Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4039. Папка 3-в. С. 5.
- ¹⁰⁸ Хусан кепёрнинчен Думана кайма ак сак сынсене суйланă (Депутаты Государственной Думы, избранные от Казанской губернии). Хыпар, 1907. 11 февраля.
- ¹⁰⁹ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.
- ¹¹⁰ Члены Государственной думы от чуваш // Волжские вести, 1907. 5 мая.
- ¹¹¹ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 445. Л. 6, 292.
- ¹¹² ГИА ЧР. Ф. 525. Оп.1. Д. 39. Л. 1–1 об.
- ¹¹³ Там же. Д. 40. Л. 1.
- ¹¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 15. Л. 1.
- ¹¹⁵ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1686. Л. 62, 71.
- ¹¹⁶ Постановления Чебоксарских уездных земских собраний: чрезвычайного 8 мая 1908 года и 44-го очередного. Козьмодемьянск, 1909. С. 94–95.
- ¹¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.
- ¹¹⁸ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 445. Л. 302.
- ¹¹⁹ «Целый день в работе... много прекрасных людей» // Чăваш ен, 1993–1994. 25 декабря–1 января.
- ¹²⁰ Цит. по: *Усманова Д.М.* Указ. соч. С. 26.
- ¹²¹ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 445. Л. 302.
- ¹²² *Усманова Д.М.* Указ. соч. С. 87.
- ¹²³ Государственная Дума России: Энциклопедия. Т. 1. С. 329.
- ¹²⁴ *Петров Д.П.* Указ. соч., С. 98; *Тюмеров В.В.* Указ. соч. С. 59.
- ¹²⁵ Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4040. Папка 3-б. Л. не нум.
- ¹²⁶ *Усманова Д.М.* Указ. соч. С. 352.
- ¹²⁷ Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4036. Папка 3 -а. Л.99.
- ¹²⁸ *Гусаров Ю.В.* Общественно-политические деятели Чувашии начала XX века А.Ф. и П.А. Фёдоровы // Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век. Чебоксары, 2007. С. 14.
- ¹²⁹ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д.6. Л. 11.
- ¹³⁰ Д.А. Кушников (некролог) // Камско-Волжская речь, 1911. 22 декабря.
- ¹³¹ *Усманова Д.М.* Указ. соч. С. 352.
- ¹³² ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
- ¹³³ Д.А. Кушников (некролог) // Камско-Волжская речь, 1911. 22 декабря.
- ¹³⁴ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; Казанский университет: Биобиблиографический словарь. Т. 1. С. 285.
- ¹³⁵ НА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 8366. Л. 1; д. 8434. Л. 39.
- ¹³⁶ Д.А. Кушников (некролог) // Камско-Волжская речь, 1911. 22 декабря.
- ¹³⁷ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; НА РТ. Ф. 977. Оп. Личные дела. Д. 39486. Л. 16,17.
- ¹³⁸ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.
- ¹³⁹ Там же. Д. 2. Л. 2.
- ¹⁴⁰ *Гусев Н.П.* Светлой памяти Д.А. Кушникова // Камско-Волжская речь, 1911. 22 декабря.
- ¹⁴¹ Д.А. Кушников (некролог) // Камско-Волжская речь, 1911. 22 декабря.
- ¹⁴² Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4040. Папка 3-б. Л. не нум.

U.V. G u s a r o v, N.V. G e r a s i m o v a. Dmitriy Alekseevich Kushnikov.

Dmitriy Alekseevich Kushnikov (1850–1911) was an outstanding social and political figure in Chuvashiya early in the XX century. On graduating from Kazan university (1875) he worked as a doctor at the gold mines in Eastern Siberia, as well as in Kazan, Sviyazhskiy and Cheboksarskiy uyezds of Kazan province. In 1905–1907 participated in social and political life in Chuvash country. In 1907 he was elected as a deputy to the second State Duma from Kazan province and entered into the group of Constitutional Democrats. He made an important contribution to the development of applied medicine in Chuvash country.

ЧГВ, 2009 г., № 4

© В.Д. Дмитриев. Рец. на: И.Д. Кузнецов. **Очерки по истории чувашского крестьянства. Часть первая. Чувашские коштаны до двадцатого века.** Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. 343 с.

Источниковедческой базой книги послужили архивные документы XVII–XVIII вв., извлечённые из Центрального государственного архива древних актов СССР ещё в начале 1930-х годов, источники XIX–начала XX вв., обнаруженные в Центральном государственном архиве Чувашской АССР, а также ряд опубликованных источников, мемуары, описания путешествий и т.п.

Автор до ареста его в октябре 1937 г. успел опубликовать в 1934 г. в № 2 (6) журнала «Социалистическое строительство ЧАССР» статью «О куштанстве и куштанах» (С.19–32). Возвратившись из ссылки в Чебоксары в 1955 г., И.Д. Кузнецов в спешном режиме работы написал рецензируемую книгу и, будучи директором Чувашского книжного издательства, выпустил её в свет. Хотя первая часть книги названа «Чувашские коштаны до двадцатого века», но освещение вопроса о коштанстве в ней занимает незначительную часть объёма. Преобладающая часть текста посвящена общим вопросам истории чувашского народа.

Во «Введении» автор видит политическую актуальность исследования коштанства «в прямой и непосредственной связи с практическими задачами ликвидации пережитков капитализма в деревне» и приводит высказывание В.И. Ленина о том, что для строительства бесклассового общества мелких товаропроизводителей «нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой» (С. 7).

По мнению автора, в чувашской историографии долгое время, даже в советской период, по крайней мере до 1930-х годов, «распространялся такой взгляд, что чувашский народ вообще не имел никакого классового расслоения, поэтому-де вообще нелепо говорить о классовой борьбе внутри чувашского народа. Чувашский народ представлялся как бесклассовый *хура халăх*... И, естественно, история чувашского народа освещалась как история борьбы против русских вообще... За последние десятилетия выросли кадры историков Чувашии, – пишет автор. – Однако, надо заметить, работа их ещё не имеет достаточной глубины в смысле

Василий Дмитриевич Д и м и т р и е в – доктор исторических наук, профессор кафедры архивоведения и документоведения Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

окончательной выкорчевки всякого рода буржуазных, националистических измышлений» (С. 9–10). Такова личная позиция автора.

Рассматривая содержание глав (их семь) книги, мы вначале попытаемся остановиться на взглядах автора по общим вопросам истории чувашского народа.

В главе I – «Азиатский деспотизм до монголо-татарского нашествия» – автор, касаясь вопроса происхождения этноса, отмечает, что многие этнические параметры чувашской народности сформировались ещё на азиатской прародине её предков. И.Д. Кузнецов рассматривает историю Волжской Болгарии под призмой положения К. Маркса об азиатском способе производства. В последние два десятилетия некоторые археологи (А.П. Смирнов и др.) и историки стали рассматривать общественные отношения Волжской Болгарии в прямой аналогии с историей Киевской Руси, начали утверждать, что в Волжской Болгарии в X–начале XIII в. были князья-землевладельцы, которые якобы размещались в княжеских замках и имели вокруг замка по несколько селений своих крепостных крестьян. Автор рассматриваемой книги считает, что для создания таких построений нет основания, ибо Волжская Болгария была страной азиатского деспотизма, державшаяся на том, что суверенный землевладелец (эльтебер), он же деспот, со свитой своих наместников подчинял массу производителей как *хура халӑх* (чернь, чёрный люд), собирая с них подати и привлекая их к повинностям (строительной, военной и т.п.).

Во II главе – «Чувашское крестьянство под золотоордынским гнѐтом» – автор обращает внимание на факт раскола болгарского населения на мусульман и язычников. Этот раскол, по его утверждению, впоследствии привёл к формированию двух разных проболгарских народов: омусульманившаяся часть сроднилась и слилась с монголо-кыпчаками, восприняла даже их язык, выступила в последующей истории как казанские татары, ставя языческую часть болгарского населения – чувашей – в подчинѐнное положение наравне с мордвой, мари, удмуртами и др. Исторические факты не совсем согласуются с этим утверждением автора¹.

В книге подчѐркивается, что жизнь чувашского народа в монголо-татарский период существенно изменилась прежде всего территориально, в дислокации населения. Чуваши подались ближе к русским и сосредоточились в Волго-Сурье.

Монголо-татарское иго оценивается И.Д. Кузнецовым как самый мрачный период в истории чувашей. В книге показывается установление колониальной администрации, режима систематического террора, невыносимых поборов с населения, поставленного на грань порабощения. Азиатские формы деспотического феодализма сохранились. В первой половине XV в. на базе распада Золотой Орды возникло Казанское ханство, в котором господствующее положение занимали татарские феодалы, а также потомки прежней, болгарской, омусульманившейся аристократии, слившейся с татарами, усвоившей новый (в основном кипчакский) язык, перенявшей от Золотой Орды все методы и способы военно-феодальной эксплуатации широких масс производителей, которая была больше похожа на рабство. В книге даѐтся социально-экономическая характеристика Казанского ханства. В отличие от многих историков, автор в этой и последующих главах обращает большое внимание на развитие товарно-денежных отношений и роль ростовщического капитала в общественных отношениях.

III глава – «Присоединение Чувашии к Руси». Вначале показываются условия, подготовившие добровольный переход чувашей в подданство Русского государства, участие чувашей в походе на Казань. Перечисляются существенные изменения, происшедшие в жизни

---

¹Примечание автора рецензии к её публикации: Оседание золотоордынских татар-кочевников началось лишь в конце XIV в. на территории Великого княжества Литовского, где образовалось татарское княжество. В Среднем Поволжье оседание татар началось после образования Казанского ханства. Между кочевниками и оседлым населением нигде, никогда ассимиляции не происходило. Ассимиляция одного оседлого этноса происходила только с другим оседлым этносом, одного кочевого этноса – с другим кочевым этносом. В XV–XVII вв. оседлые татары ассимилировали почти 40% чувашей Казанского ханства и Казанского уезда (на левобережье Волги). Этногенез татарского народа произошёл в XIII–начале XV вв. путѐм объединения численно преобладающих кочевых западных кыпчаков (половцев), прибывших в южные степи Восточной Европы из Азии в середине XI в. с родственными с ними по языку и культуре татарами, вторгшимися в Восточную Европу в 1236 г. в составе армии хана Бату. Этногенез единого мощного татарского народа не имел никакого отношения к волжским болгарам. Ассимиляция болгаро-чувашей казанскими татарами произошла после завершения формирования великой и славной татарской народности (В.Д., 2009).

чувацкого народа с присоединением к Русскому государству: крестьянство получило на время заметное облегчение ясачных тягот; была проведена колонизация края путём испомещения воевод и других служилых людей, а также и монастырей, путём постройки новых городов-крепостей, которые нужны были не только для подчинения местного населения, но и для защиты от набегов степных кочевников; Чувашский край быстро втягивался в орбиту русской и международной торговли и стал одним из важных источников экспортных товаров; ясак взимался в преобладающей доле деньгами, были введены новые денежные поборы – всё это способствовало внедрению рыночных товарно-денежных отношений в чувашскую деревню; отношения между царским правительством, классом русских крепостников и массой чувашского крестьянства установились не в форме русского феодализма и крепостничества, а в азиатской форме, в ясачной форме, то есть в форме непосредственного подчинения чувашей царской короне, а не в форме подчинения крестьян частным помещикам. Соборное уложение 1649 г. хотя и распространило закрепощение к земле и на чувашских крестьян, но оно было осуществлено не за отдельными помещиками, а за классом помещиков в целом.

Опираясь на многочисленные документы, автор показывает экспроприацию значительной части чувашских земель в Свияжском и Казанском уездах русскими светскими и духовными феодалами, аргументирует военно-феодальный характер вновь построенных городов на территории Чувашии, освещает подати и повинности ясачных людей, административное устройство и методы управления.

Показывается развитие торговли в Чувашии, втягивание её в систему складывавшегося всероссийского рынка и международной торговли. В условиях крепостничества эти процессы сопровождалась расширением ростовщичества.

Указывается, что в чувашском народе, хотя численно немного, были те же классовые прослойки, что и в русском народе. После присоединения к Русскому государству оставались чувашские князья, мурзы и тарханы, появлялись служилые новокрещены и служилые чувашки. Вся эта, с позволения сказать, официальная феодальная и патриархально-феодальная знать чувашей сохранялась до исхода первой четверти XVIII в. В книге прослеживается роль, место и судьбы этой знати.

В IV главе, хотя она и называется «Развитие коштакта в XVII веке», основное место занимает ряд вопросов социально-экономической истории, дополняющих и значительно расширяющих положения, обоснованные в предыдущей главе. Интересны данные о произволе русских помещиков, приказных служителей и духовенства среди чувашских крестьян, факты борьбы чувашей против этого произвола. На документальной базе показываются формы и методы взимания податей в XVII в. Перевод многих царских поборов на деньги способствовал быстрому развитию товарно-денежных отношений. Недостаток денежных средств у крестьян в условиях преобладания натурального хозяйства приводил к процветанию ростовщичества и кабальных отношений, которые показываются с использованием огромного количества источников. Много было ростовщиков из богатых чувашских крестьян, которые известны были как осламчей. Ростовщичеством широко занимались русские купцы, чиновники и иногда тарханы и помещики.

Феодально-крепостнический гнёт и торгово-ростовщическая эксплуатация вызывали имущественную дифференциацию чувашского крестьянства, что хорошо проиллюстрировано автором на численности крестьянских дворов, платящих различные доли целого ясака (целый, 3/4, 1/2, 1/4 ясака). Под гнётом податей и ростовщиков крестьяне всё чаще и чаще убегали из общины с семьями или без семей, бросали землю, стараясь прокормиться в качестве странствующих работников.

Глава V – «Коштакт в XVIII веке» – написана, как и IV глава, с привлечением широкого круга источников. В ней освещаются такие вопросы истории чувашского народа, как национально-колониальная политика царизма в отношении чувашей, подати и повинности чувашского крестьянства, произвол дворянско-чиновничьей бюрократии среди чувашей, христианизация чувашей, ростовщичество и кабальные отношения, бегство и отход крестьян (в частности, бурлачество), правительственная ревизия во главе с подполковником А.И. Свечиным в Чувашии 60-х годов, материалы Комиссии об уложении 1767 г. и т.п. – исторические явления, характеризующие жизнь чувашского народа в XVIII в.

В главах VI – «Коштанство в XIX веке» и VII – «Чувашия на пути промышленного капитализма и перерастание коштанства в буржуазию» рассматривается ряд общих вопросов истории Чувашии XIX в., однако они, в отличие от III, IV и V глав, даются отрывочно. Интерес представляют, например, следующие вопросы: сенаторская ревизия Казанской губернии 1818–1819 гг., рапорты полковников Маслова и Булыгина о положении чувашских крестьян, волнения чувашского крестьянства 1842 г., особенности проведения реформ 60–70-х годов XIX в. в Чувашии, социальное расслоение, затем и разложение чувашского крестьянства, развитие торгово-промышленной буржуазии в Чувашии и т.п.

На фоне исследования общей истории Чувашии автор изучает развитие коштанства, как специфического социального явления, характерного для Среднего Поволжья. Эта проблема поставлена и решается автором с двумя целями: а) с научно-познавательной целью – для опровержения утверждения чувашских буржуазных националистов 20-х годов XX в. о том, что чувашская народность представляет собой однородную массу, сплошной «хура халӑх» (чёрный люд); б) с практически-политической целью – содействовать борьбе с пережитками коштанства в ходе «коммунистического строительства».

По утверждению автора, в Волжской Болгарии, где товарно-денежные отношения на селе были развиты слабо, возникли и существовали *куштеки* – предшественники коштанов. Зарождение коштанов автор относит к периоду татаро-монгольского ига, считая их продуктом товарно-денежных отношений и мелкособственнической крестьянской среды. К условиям, благоприятствовавшим процветанию коштанства, И.Д. Кузнецов относит азиатские деспотические формы феодализма и подчёркивает, что среди частновладельческих крестьян коштанов не было. В книге приводится значительное число документов, характеризующих коштанство XVII–XIX вв. Однако следует сказать, проблема коштанства несколько преувеличена и в число коштанов отнесены все крестьяне-богатеи, все крестьяне-заимодавцы (ростовщики), все крестьяне, державшие кабальных или наёмных работников. По-видимому, известные среди чувашского крестьянства *сёрме пуяны*, *пуяны* и осламчеи отличались от коштанов. *Сёрме пуянов* и *пуянов* можно было причислить к официально не признанной патриархально-феодалной знати чувашей.

В своей кандидатской диссертации «Социально-экономическое развитие Чувашии в первой половине XVIII века», проанализировав фактический материал, я ещё в 1955 г. убедился, что причину зарождения и бытования коштанства можно было бы видеть не обязательно в товарно-денежных отношениях, а в так называемом строе «государственного феодализма» и условиях национально-колониального угнетения. Особенности управления ясачными, государственными крестьянами нерусских народностей Среднего Поволжья могли послужить благоприятной почвой для возникновения и развития коштанства. Коштанство зародилось и бытовало в таких условиях, когда чувашские (равно мордовские, марийские, удмуртские и др.) крестьяне, будучи не частновладельческими, а ясачными, государственными, как по общественным, так и по личным делам должны были относиться непосредственно с местной администрацией, иногда и с центральными органами управления, а в подавляющем большинстве своём они не знали русского языка, законов и порядков, были забыты и темны. А отдельные крестьяне, в какой-то степени усвоившие и русский язык, выдвигались в качестве ходатаев перед властями по мирским и личным делам крестьян, получая вознаграждение от мира и отдельных крестьян. Благодаря своему положению, они прибрали в свои руки большинство крестьян околотка и деревни. На мирских сходах, где каждый крестьянин имел свой голос, вопросы обычно решались по воле коштанов, всегда выступавших под флагом «*халӑхӑн*», то есть «ради народа» (мира, общины), и соблюдения древних обычаев и традиций. Коштаны вмешивались во все дела внутри общины, между общинами или между общиной и местной администрацией. При переделах общинных земель, раскладке податей, назначении даточных воинов «с земли» (XVI–начало XVIII вв.) или рекрутов (XVIII–XIX вв.), работников по работной повинности первое слово принадлежало коштанам. Они возглавляли подачу жалоб, ведение тяжб между общинами и другие мероприятия. Поскольку всё это приносило им немалые доходы, коштаны стремились искусственно провоцировать тяжбы и подачу челобитных. Часто общаясь с представителями местной администрации, многие коштаны станови-

лись доносчиками, платными агентами воевод и других приказных служителей, тайно ин-формировали их обо всём, что происходит в деревне, и содействовали им в злоупотреблениях. Недаром среди народа они слыли ябедниками. Из коштанов часто «выбирались» волостные сотники и другие сельские должностные лица. Пользуясь своим влиянием и ролью в общине, коштаны превращались в алчных людей, допускавших ради своего обогащения насилие над рядовыми общинниками. Они часто отмежевывали себе общинные земли, насильно отбирали имущество крестьян, проводили незаконные сборы денег и др. Массы крестьян питали к ним ненависть. В своих челобитных чувашские крестьяне коштанов характеризовали как кляузников и мироедов, а словом «коштанство» выражали совокупность мерзких действий подобного рода людей. В крепостническую эпоху коштаны пополняли ряды патриархально-фео-дальной знати чувашей.

Условия развитого промышленного капитализма, как правильно подчёркивает И.Д. Кузнецов, суживали и в конце-концов должны были свести на нет базу старого, крепостнического коштанства. С развитием капитализма понятие коштанов ассоциируется в значительной мере с понятием капиталистических предпринимателей. «Новые» коштаны, действительно, перерастали в торгово-промышленную буржуазию.

В числе недостатков книги можно отметить следующие неточности: 1) С. 14 и др.: Не указан источник болгарского времени, упоминающий *куштеков*. В Волжской Болгарии среди болгаро-чувашей коштанов вообще не могло быть, так как она была независимым государством; 2) С. 20: В названии деревни «Эль-пусь», «Эль» происходит от названия речки Эль, а «пусь» означает «исток», «начало». «Эль-пусь» – деревня, расположенная в верховьях речки Эль. В названиях чувашских деревень «эль» обозначает «деревню» (то есть «ял»). Но в старину «эль» означал общину, народ, страну; 3) С. 28: Даруга, даругачи – монгольское слово, обозначает: наместник и подчинённая ему территория; 4) На с. 47 – 49: И.Д. Кузнецов указывает, что в городах Казань, Свияжск, Чебоксары, Козьмодемьянск, Ядрин, Цивильск, Кокшайск, Курмыш, Алатырь служилый контингент состоял из дворян, детей боярских, литвы и черкас, стрельцов пеших и конных, казаков, служилых новокрещенов, татарских князей и мурз, служилых тарханов, татар, чувашей и мордвы, а также «с земли чувашаи и черемисы» и мордовских крестьян, «взятых на службу с трёх иноверческих дворов по человеку», что набираемые от ясачных людей служилые люди «несли службу местной охраны», что только в городах Свияжск, Цивильск, Чебоксары, Ядрин, Козьмодемьянск, Кокшайск, Курмыш «было ещё свыше четырёх тысяч (4091) человек охранников, взятых из самих ясачных крестьян». По И.Д. Кузнецову получается, что в 9 названных выше городах, включая Казань и Алатырь, служило в 1637 г. 14546 чел., из них 1035 чел. дворян и детей боярских, 1343 чел. служилых князей, мурз и татар, чувашских тарханов, 4386 чел. стрельцов, казаков, литовцев и черкас, 7800 чел. ясачных людей (татар, чуваш, марийцев, мордвы). В действительности 7800 чел. ясачных людей никогда не несли «службы местной охраны». Как было в Казанском ханстве, так и в Русском государстве до 1705 г., до введения рекрутской повинности, они во время войн мобилизовались в армию «конно и оружно», сопровождалась до места службы под охраной дворян, казаков и стрельцов, в полках дворянского ополчения становились в передовые ряды и массами погибали в сражениях. В уездах они сами находились под взором «местной охраны». На службы их брали не с «трёх иноверческих дворов», как пишет автор, а с трёх ясаков – с шести фактических дворов ясачных людей (один ясак платили в среднем два двора). На каж-дые три иноверческих двора, вопреки «утверждению» автора, никогда не содержались в горо-дах края два вооружённых человека; 5) С. 50, 57: Не совсем точно указана сумма сборов с одного ясака в XVII в. В продолжение всего XVII в. с одного целого ясака собирали 10 алтын (30 коп.) ясачных денег, 1 четверть ржи и 1 четверть овса, около 70 коп. всех остальных де-нежных сборов (полоняничных, ямских, бревенных, перевозных, недельных, ездовых и т.п.). В переводе натуральных сборов на деньги с 1 целого ясака собирали примерно 1 руб. 50 коп. (см. С. 85). В первой четверти XVIII в. общая сумма сборов с одного ясака дошла до 7 руб.; 6) С. 59: Не указана дата наказа царя кокшайскому воеводе; 7) С. 162: В числе лашманов до по-следней четверти XVIII в. состояли лишь бывшие служилые татары, служилые чувашаи и слу-жилые мордвыны Казанской, Нижегородской и Воронежской губерний. Приписанных к

лашманной повинности служилых чувашей было всего около 4 тыс. душ муж. пола. В начале XIX в. к несению этой повинности были приписаны и бывшие ясачные чуваше; 8) С. 174: Хлебный сбор по два четверика с души был введён в 1737 г. и существовал до 1742 г.; 9) Термины: торгово-капиталистические элементы в отношении XII в. (С. 34), тимур-тамерлановские порядки в отношении Зологой Орды в исторической литературе последнего времени не употребляются. Эти неточности, как и объяснения автором сущности коштанства, должны быть учтены читателями при чтении книги.

Примечание редколлеги: Кандидатом исторических наук В.Д. Дмитриевым публикуемая рецензия была написана в марте 1958 г. С ней он выступил на заседании Учёного совета Института истории СССР АН СССР как второй официальный оппонент по защите И.Д. Кузнецовым кандидатской диссертации по рецензируемой книге. Данный отзыв нигде не публиковался и известен лишь узкому кругу исследователей. Учитывая, что книгой И.Д. Кузнецова до сих пор широко пользуются краеведы, научные работники, преподаватели вузов, учителя школ, студенты и учащиеся, редколлегия научного журнала нашла возможным публикацию рецензии В.Д. Дмитриева. Она сохранилась в личном архиве профессора. Из её содержания следует, что в 1950-х годах XX в. рецензирование было объективным.

ЧГВ, 2009 г., № 4

© Г.А. Дегтярёв. Рец. на: **В.И. Сергеев. Ынна палъртакан сӓмахсен чӓвашла-вырӓсла йнлантару словарь / Чувашско-русский толковый словарь названий лиц.** Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 232 с.

Чӓваш чӓлхеси А.П. Долгова иртнӓ ёмӓрӓн 90-мӓш сӓлӓсен вӓсӓнче «Ынна палъртакан япала ячӓсене словарьте йнлантарасси» ятлӓ тӓпчев ӓсӓ пичетленӓчӓ¹. Нумаях пулмасть кун пек сӓмахсен ятарлӓ словарь тухрӓ. Унӓн авторӓ В.И. Сергеев профессор – чӓваш чӓлхе пӓлӓвӓнче тахсапах палърнӓ сумлӓ тӓпчевсӓ. Вӓл грамматикара та, лексикологире те йнӓслӓ ӓслет, лексикографире те сӓнӓ сын мар: пысӓк калӓпӓшлӓ чӓвашла-вырӓсла словаре хатӓрлеме хутшӓнчӓ², тӓрлӓ йышши лексикографи тӓпчевсӓсем пичетлерӓ³. Савӓнпа эфир В.И. Сергеевӓн сӓнӓ словарьне пысӓк шанӓспа алла илтӓмӓр, унпа интересленсе паллашрӓмӓр.

Авторӓ палъртнӓ тӓрӓх, словаре икӓ пин сӓмах кӓнӓ. Паллах, савӓн чухлӓ сӓмаха пухса йӓркене кӓртесси сӓмӓл ӓс мар. Сӓлтӓвӓ сӓкӓ-и е урӓххи-и, анчах словарьте суйлавлӓх принципне сирӓп тытса пыманни тӓрех сисӓнет: унта вырӓссен сайра усӓ куракан сӓмахӓсене, ют сӓрсен тӓлӓнтермӓпӓсене (экзотизм-сене) кӓртсе тултӓрнӓ: «*бык*», *коммодор*, *коммонер*, *королек*, *махарани*, *мачетеро*, *мустангер*, *наварх*, *одалиски*, *рапсод*, *сераскер*, *сердар*, *скоростник*, *солиситор*, *субретка*, *суфражистка* т.ыт.те, т.ыт.те. Ирӓксӓрех ыйту суралать: хӓш чӓлхе словарь кут?

Тӓлӓнмелле: темле халӓх сыннин ячӓ те пур сӓмах кӓнекинче, анчах хамӓрӓн несӓлсене палъртакан *пӓлхар* тата *сӓвар* (*сувар*) сук. *Улӓп* сӓмаха вырӓн паман, *циклопа* хапӓл тунӓ. Тӓван чӓлхене сӓпӓлекен усӓсӓр ятсем тек-текх куса тӓрӓнасӓсӓ: *барин*, *барыня*, *белогвардсец*, *вожатый*, *жрец*, *знаменосец*, *красноармеец*, *мегера*, *нучка*, *паяц*, *сноб*, *счӓтчик*, *фигляр*... Вӓсем чӓвашла урӓхла пулнине аса илеймен пулас пирӓн автор.

Геннадий Анатольевич Дегтярёв – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Хәш-пәр әнлавсен ырысла ячәсене вәл пәр тиркевсәр кәртнә: *заместитель, коллега, краевед, крановщик* тата *крановщица, ленинец, лунатик, мельник, номад, организатор, пожарник, помощник, советник, судостроитель, художник* т.ыт.те, савсен чәвашла вариантсене вара – *сум, ёгеш, таврапелүсә, краңсә, лениңсә, уйәх сәшнә (уйәх сәшнә сын), армансә, йүркән, йёркелүсә, пушарник (пушарсә), пуләшүсә, канашсә, караңсә, үнерсә* текеннисене – словарь тулашне хәварнә. Тәван чәлхен ёмәрхи пуянләхне тата унән хальхи аталанәвне асәрхаманни мар-и сакә?

В.И. Сергеев хатәрленә «Сынна паләртәкан сәмахсен чәвашла-ырысла әнлантару словарь» хәй еврәлхне уйрәлса тәрәт, тәрлә енчен кәсәклә. Вәл пәр вәхәтрах – кусару словарь те, әнлантару словарь те. Этимологи словарьн тата сәмах пуләвә словарьн паллисем те пур унән. Словарь пусламәшәнчи хәш-пәр сәмах сүмне тәсләхсем хушса панә (шел, тәсләхсене словарьте курсивпа уйәрман, вәсем тәп текстпа пәрлешсе каясә): *аккомпаниатор пул, аккордеонистсен турә, цирк акробачә, комеди актерә, акушер пуләшәвә...* Тәсләхсен йәшәнче сәмах майлашәвәсем сәс мар, предложенисем те пур: *Расул Гамзатов поэт – авар. Адресат паллә мар.* Каярах вара автор тәсләхсем ширки пачах «манса кайнә» – пәр принципа тәтса пырайман. Словарьте кун еврәлә тирпейсәрләхе сине-синех асәрхатән.

«Умән каланине» ёненес пулсан, «словаре пайәр ятсене кәртмен» (4 с.) имәш. Анчах унта «Итали комедийән персонажә» *Арлекин*, «авалхи грексен мифологийәнчи хитре сән-питлә яш ача» *Нарцисс*, «авалхи грексен мифологийәнчи тәләнмелле юрәсә» *Орфей*, «авалхи грексен мифологийәнчи герой» *Персей* тата ытисем пур. Сапла вара автор хәй паләртнә принципа кунта та пәснә. Пайәр мар ята куәнә, пәчәк сас палирен пусланса сәраңакан сәмахсем пулмаллачә ёнтә вәсен ыранәнче. Тәсләхрен: *нарцисс* «хәйне пәхса киленкен сын», *орфей* «иләртүллә сәслә юрәсә» т.ыт.те.

Вулакансем патне словарь XXI ёмәрте ситрә. Анчах унән тәп пайне тахсанах хатәрленә-ши – совет тапхәрәнчи пәр енлә хаклавсем әнлантарусенче часах тәл пуласә:

авангардист – «XX ёмәрти буржуалла искусствәри формалистла юхам представителә»;

басмач – «... бандит-контрреволюционер»;

богослов – «приверженец схоластического церковного учения о божестве и о догматах религии»;

дворян – «... эксплуататор классен представителә»;

меньшевик – «марксизма хирәсле пыракан оппортунистсен партийән членә»;

националист – «буржуалла идеологи представителә» т.ыт.те.

Автор хәш-пәр сәмахсене әнлантарнә чухне тата вәсен сүмне ятарлә паллә («кивелнә сәмах») лартнә чухне иртнә ёмәр вәсәнчи ушпәнусене шута илменни сисәнет:

әрәмсә – *уст.* асамсә, тухату вәрттәнләхәсене пәлекен;

губернер – улпут ачисене пәхса, вәрентсе пурәннә арсын;

кадет – революционерчи Раçсәйре: сәр шкуләнче вәренкен;

каләва – революционерчи Раçсәйре: администраци пусләхә;

миравай – *уст.* вак-төвек ёссене пәхакан судья;

мисс – Англия Америкәра хәрсене хисәшесе чәнни;

префект – хәш-пәр сәршывсенче: хулари полици пусләхә;

усламсә – *уст.* уйрәммән, хәй тәллән суту-илү тәвакан.

Арәмсә, миравай, усламсә хысәән «уст.» паллә лартни паянхи куншән киләшүллә мар, вәсем иртнә ёмәрән 90-мәш сүләсенче кулленхи пушлөвә таврәнчәс. *Губернер, кадет, кәләва* әнлавсем те «революционерчи Раçсәйшән» сәс мар, совет

тапхӑрӗ хыҫҫӑнхи Раҫсейшӗн те курӑмлӑ (тӗслӗхрен, *губернер* «шкул ҫулне ҫитмен ачасене киле пырса вӗрентекен ҫынна» пӗлтерет). *Префект* текен ята халӗ ӗнтӗ «хӑш-пӗр ҫӗршывсенче» шырамалла мар, Мускаврах пур, вӑл – «администраци округӗн пуҫлӑхӗ». *Мисс* сӑмах та пирӗн ӑс-тӑнра текех «Англипе Америкӑри хӗрсемпе» кӑна ҫыхӑнмасть, вӑл – «килемлӗх е ӑсталӑх конкурсӗнче мала тухнӑ пики». Кун йышши сӑмахсен хальхи вӑхӑтри пӗлтерӗшӗсене «Чӑваш чӗлхин ҫӗнӗлӗх словарне»⁴ пӑхса уҫӑмлатма пулат.

«Ҫынна (!) палӑртакан сӑмахсен словарне» урӑх йышши пӗлтерӗшсене те кӗрте-кӗрте яни тӗлӗнтерет:

арпа-тӗрпе – «мякина, отходы молотбы»;

дворник – «автомобиль кантӑкне тасатакан хатӗр»;

касмӑк – «кадка, калушка»;

сопрано – «хӗрӑм юрӑҫӑн чи ҫинҫе сасси».

Орангутан(г), «этем евӗрлӗ» пулсан та, упӑте кӑна. Аптрамалла: ҫынна палӑртман сӑмаха словаре (тӗрӗ пӗлтерӗшпех!) кӗртнӗ, *этем* валли вара темшӗн вырӑн тупайман. В.И. Сергеев ҫырӑ тӑрӑх, *автозаправщик* тени «человек, управляющий автомобилем бензином (горючим)» пулат иккен, вырӑс чӗлхин сумлӑ словарӗсем урӑхла ӗнентерӗҫ: «специализированный автомобиль с цистерной и плангом для автозаправки»⁵. Юрӗ-ҫке: ку темех мар тейӗпӗр. Автор хӑш-пӗр сӑмахӑн пӗлтерӗшӗсене мӗнле уҫса панине сӑнӑр-ха (пӗр пӗлтерӗшне икӗ чӗлхепе ӑнлантарать, теприне – вырӑсла кӑна):

канибал – 1. Тискер ҫын, ҫынҫиен. Людоед-дикарь. 2. Варварски жестокий человек.

тилҫе – 1. Проказа (болезнь); *перен.* поганец, дрянь. 2. Назв. злого духа. 3. Ирӗр, йӗрӗмелле ҫын. Мерзкий, поганый человек.

Хаклава вӗҫлесе сӑмаха тӑрланӑ май, хӑнӑхнӑ йӑлапа ҫапла хуҫса хуҫас килет: «Эпир асӑрханӑ йӑнӑшсемпе кӑлтӑксем паха ӗҫӗн пӗлтерӗшне – уҫлӑхпа кирлӗлӗхне – чакармаҫҫӗ», анчах ку хутӗнче капла калама сӑлтавӗ ҫителӗкӗсӗр. Словарь авторӗн шуӑшӗ-тӗлпӗвӗ ырӑ пулнӑ, анчах вӗсене ӑнӑҫлӑ пурнӑҫлайман. Кун пек сӑмах кӗнеки В.И.Сергеев профессора хӑйне те, хальхи чӑваш лексикографине те ҫыс кӑмест. Эпир унран, тӗрлӗ енлӗ пултарулаӑхне кура, тӗшлӗрех хатӗрленӗ тӗпчевсем кӗтетпӗр.

Литература

¹ Долгова А.П. Ҫынна палӑртакан япала ячӗсене словарьте ӑнлантарасси // Чӑваш чӗлхе пӗлӗвӗ / Вопросы чувашского языкознания. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1999. С. 94–123.

² Чӑвашла-вырӑсла словарь / Чувашско-русский словарь. Под ред. М.И. Скворцова. М.: Рус.яз., 1982. 712 с. [С. 97–100; 288–325; 521–524; 553–575].

³ Сергеев В.И. Словарь тӑвас ӗҫ // Хальхи чӑваш чӗлхин лексикологийӗ. Шупашкар: Чӑваш АССР Министрӗн Совеҫӗ ҫумӗнчи наука тӗпчев институтӗ, 1978. С. 186–198; Сергеев В.И. Чувашско-тунгусо-маньчжурские лексико-семантические параллели. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. 264 с.

⁴ Дегтярӗв Г.А. Чӑваш чӗлхин ҫӗнӗлӗх словарӗ: Икӗ томлӑ. I том. Шупашкар: Чӑваш патшалӑх гуманитар. ӑслӑлӑхӗсен ин-чӗ, 2003. 228 с.

⁵ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. С. 26.

Ваттисен сáмахёсем – «Чáваш халáх пултарула́хё» я́рмпа пичетленекен черетлэ тáваттáмёш кáларáм. Áна философи áслáлáхёсен кандидачэ *О.Н. Терентьева* пухса хатёрленё. Áслáлáх тёлшёнчен кёнекене филологи áслáлáхёсен докторё *В.Г. Родионов* редакциленё.

Кёнекен күртём пайёнче *О.Н. Терентьева* халáхáн сáнарлá шухáшлавён тёрлэ аспекте тишкерсе áна кёскен, сáв вáхáтрах пур енлэн тулли áнлантарнá. Чáн малтанах паянхи куна ситиччен ваттисен сáмахёсене пухнин тата тёпчинин историне пáхса тухнá. Тёпчевсё ваттисен сáмахёсене кáштах та пулсан пухса пичетленё тата тёпченё кашни ёсе сиктерсе хáвармасáр тытса пáхса вёсене тишкеру́сё ку́сёпе хакланá. *Н.И. Ашмарин, В.П. Галошев, Д. Месарош, Н.В. Никольский, Н.Р. Романов* т. ыт. фольклорсáсемпе этнографсем, чёлхесёсемпе философсем пухса хатёрленё кёнекесемпе ятарлá тишкеру́сёсен хáйне евёрлэхне палáртнá. Ваттисен сáмахёсен историографийё, пёр енчен, пурнáсланá, пур енлэ ёсен калáпáшне, áслáлáхра тунá ситёнусене курма, тепёр енчен фольклористика́ра сителёклэ тимлэх уйáрман ыйтусене те ку́с умне кáларса тáратать. Вёсенчен пёри «чáваш фольклористикинче ваттисен сáмахёсен поэтикинэ тёпченё ёсsem сахал» пулнá тесе палáртать тёпчевсё (8 с.). Чáн сáмахáн суйи сук. Поэтика тенёрен, *О.Н. Терентьева* паремисен хáйне евёрлэхне сáнанá май ум сáмахра ваттисен сáмахёсен лару-тáрула́хё, вёсен сáнарлáхё, кёскелэхё, сёмёлэхё, сáвáн пекех вёренту́пе воспитани ёсёнчи пёлтерёшлэхё пирки сырни те каларáшсемпе усá кураканшáн паха пулмалла. Мёншён тесен áна ваттисен сáмахёсемпе кáсáкланакан мён пур чáваш халáхё валли хатёрленё-ске. Сак күртёмри текста ваттисен сáмахёсен сáра усси пек те йышáнма май пур. Ум сáмахне вула – кёнекери ваттисен сáмахёсене вуласа тёлён, е малтан ваттисен сáмахёсене вула – кулленхи каласура усá курма ас туса юл, сырса ил, вёрен, унáн сáнарлáхёпе вёренту́ витемлэхне тишкер, пёлёве тарáнлат.

Материала тёpren илсен Чáваш патшалáх гуманитари áслáлáхёсен институтён áслáлáх архивёнче управанакан ал сырусенчен, тёрлэ сулсенче маларах пичетленнё литурату́раран сырса илсе йёркеленё. *О.Н. Терентьева* хáй 2001–2007 сс. халáхран пухнá 255 текста кёртни те тома чылай пуянлатать. Кёнекере пурё 14102 ваттисен сáмахё. Вёсемпе усá курма меллэ те ансат, мёншён тесен текстсене тема тáрáх ушкáнланá. Томра сáкáн пек пысáк пайсем: тёнче тытáмё; пуламсен сýхáнáвё; сын, халáх; ёс-хёл; кил-йыш; самана. Кашни пысáк пайё хáй хире-хирёсле вак темáсенчен тáрать. Кунашкал йёркеленё кёнекесем ытти халáхсен 50–60-мёш сулсенчех кун суги курнá. Чáваш фольклористикинче ку пёрремёш ёс. *Ольга Терентьева Г.Л. Пермяков* ёсёсене тёпе хурса сáк мелпе ушкáнлани питех те тухáслá пулса тухрё. Пухса хатёрлекенён сáмахёсемпе те килёшмелле: «Сапла ушкáнлани тёрёсрех, мёншён тесен пурнáс хáй хирёс тáрусенчен, шухáшлав хире-хирёсле áнлавсенчен тáрать... чáваш халáхён тёнчекурáмне, пурнáсне пёр пётёмёшле тата тарáнрах áнланма пулáшать» (15 с.). Йывáс-курáксен, чёрчунсен, кайáк-кёшёксен, хурт-ка́пшанкáсен, сёрти-шыври чёрчунсен ячёсемсёр пусне ытти темáсене вёсех тёпчевсё хире-хирёсле йёркеленё. Чáвашáн авалтан килекен ырапа усал тёнё яр уссáн кура́нса тáрать сёнёлле ушкáнланá сáк ваттисен сáмахёсен пуххинче.

Ваттисен сáмахёсенче тёл пулакан мифологи сáнарёсен ячёсене, архаизмпа диалект сáмахёсене áнлантарса панин пёлтерёшэ те пысáк. Сáкá ваттисен сáмахёсен сём авалхи пулáмне, унáн истори тымарёсене курса áнланма, сáмахлáх культурина áша хывма пулáшать. Библиографи тытáмё пуян. Унта паянхи кунччен ха́сат-журналсенче пичетленё ваттисен сáмахёсен текстёсен, ятарласа тёпченё уйрáм статьясен ячёсене кáтартнá. Ваттисен сáмахёсемпе кáсáкланакан кирек кам та сáк кáтартмáшсемпе усá курса хáйён тавракурáмне, пёлёвне

Петр Николаевич Метин – филологи áслáлáхёсен докторё, *И.Я. Яковлев* ячёллэ Чáваш патшалáх педагогика университетён профессорё.

анлӑлатма пултарать. Маларахри томсемпе танлаштарсан ҫак кӑнеке акӑлчанла аннотаци, вырӑсла тупмалли тата тӑп сӑмахсен кӑтартмӑшӑ пуррипе уйрӑлса тӑрать.

Ваттисен сӑмахӑсемпе усӑ курнӑ чухне вулакан умне иккӗлентерекен ыйтусем сиксе тухма пултарасӑҫӑ. Кӑнекери пур текст та чӑвашӑнах-и? Ытти халӑхсенчен илнисем тӑл пуласӑҫӑ-и? Ёмӑрсем хушин чӑвашсем тӑрлӑ халӑхсемпе хутшӑнса пурӑннӑ. Юлашки ёмӑрсенче Агӑл тӑрӑхӑнче пурӑннӑ чухне ытларах вырӑссемпе, тутарсемпе, ҫармӑссемпе, пушкӑртсемпе хутшӑннӑ. Ҫав ҫыхӑнусем ваттисен сӑмахӑсенче те палӑрасӑҫӑ. Вырӑссенчен йышӑннӑ ваттисен сӑмахӑсем те тӑл пуласӑҫӑ кӑнекере. Кун пирки автор хӑй те ум сӑмахра палӑртса хӑварнӑ. Маларахри текстсем хӑйсен тытӑмӑнченех паллӑ. Н.И. Ашмарин, Д. Месарош, Н.В. Никольский ҫырнисенчен илнисене маларахрисен шутне кӑртме пулат. О.Н. Терентьева хӑй пухнисен хушшинче те чӑвашӑн анлӑ сарӑлнӑ илемлӑ тӑслӑхӑсем, вӑсенчен чылайӑшӑ пӑрремӑш хуг пичетленесӑҫӑ. И.А. Патмарӑн тата И.И. Одюковӑн Совет ҫарӑ, патша, Ленин, колхоз, фашист, пирки каланӑ тӑслӑхӑсем анлӑ сарӑлни иккӗлентерет. Н.В. Васильев-Ыдарайӑн Чӑваш патшалӑх гуманитарнӑ ӑслӑлӑхӑсен институтӑн ӑслӑлӑх архивӑнче управакан алҫырӑвӑсенчен илнӑ ваттисен сӑмахӑсем хушшинче те кун йышшисем пур. Вӑсенчен хӑшӑ-пӑрисене, хӑйсем шутласарах кӑларнисене, тен, кӑнекене кӑртмесен те пулатӑҫ пулӑ. Анчах ку ёҫре тӑпчевӑҫӑ пурне те тенӑ пекех шута илме тӑллев лартни сисӑнет.

Ман шутпа, «Ваттисен сӑмахӑсем» кӑнеке пухса хатӑрлекен О.Н. Терентьева ӑсчах, унӑн ӑслӑлӑх редакторӑ В.Г. Родионов профессор хӑйсен ёҫне юратса, чуна парса ёҫлени куҫ умӑнчех. Вӑсен чӑваш халӑхӑшӑн тунӑ сумлӑ ёҫӑ пыҫӑк хака тивӑҫлӑ.

ЧГВ, 2009 г., № 4

© Д.В. Басманцев. Рец. на: **Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков: документы и материалы по истории города** / Мар. гос. ун-т; сост., предисл. и коммент. А.Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2008. 616 с. (История и культура народов Марий Эл в документальных памятниках).

Прошлое со всей полнотой воспринимается и осознается нами в непосредственном знакомстве с историческими источниками. К 425-летию города Козьмодемьянска увидел свет новый документальный сборник «Козьмодемьянск в конце XVI–начале XX веков: документы и материалы по истории города». Его автором-составителем выступил видный марийский историк А.Г. Иванов. Вышедший труд стал очередным изданием из ставшей уже известной серии «История и культура народов Марий Эл в документальных памятниках». Он призван сделать доступным для широкой аудитории любителей музыки Клио материалы по истории города Козьмодемьянска — центра уезда, основное население которого составляли чуваш и марийцы.

В Предисловии сборника документов составителем дан историографический обзор имеющейся по теме литературы. Названная важная научная составляющая издания дает подробную картину об имеющейся по истории города литературе. Хронологические рамки труда охватывают отрезок времени со дня основания поселения до начала XX в. Востребованность данной работы очевидна. Несмотря на обширность введенных в предыдущее время в научный оборот источников, сохраняется, как справедливо утверждает составитель, необходимость в издании «коллекции важнейших документов и материалов, позволяющих в известной мере проследить основные вехи дореволюционной истории города Козьмодемьянска» (С. 6).

В сборник вошли 355 документов, как ранее опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот. Они извлечены из 31 фонда архивов Йошкар-Олы, Москвы и Санкт-Петербурга. Документальные материалы выстроены в одном композиционном русле по

Дмитрий Викторович Б а с м а н ц е в – младший научный сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук.

хронологическому принципу и разбиты на три раздела. В каждом из них представлены источники о хозяйственно-бытовом, социально-экономическом, культурном и политическом сферах жизни города. Сборник документов отличает хорошо продуманная организация привлеченных исторических источников. Его содержание образует стройную информационную систему, проливающую свет практически на все стороны многосложного бытия города в исторической ретроспективе. В первый раздел сборника документов включены исторические источники, охватывающие отрезок времени с конца XVI по XVII вв. Акт рождения города отражен информацией, извлеченной из разрядных книг. В их свете Козьмодемьянск предстает поселением, основанным в 1583 г. в качестве русского военного «острога» (док. 1). В составленной 14 мая 1594 г. выписи «отдельных книг писца Посника Григорьева сына Колбецкого» о земельных владениях военно-опорного пункта он в 1589 г. впервые квалифицируется как городское поселение: «... ямским охотником пашенные земли около Кузьмодемьянского города мяккие и в деревнях и в полянках сто семьдесят две чети бес полуосмины» (док. 2).

Последующая история Козьмодемьянска отражена широким пластом исторических источников. Несущую конструкцию первого раздела сборника образуют делопроизводственные документы, связанные с регулированием земельных отношений жителей города и монастырей (док. 5, 9, 18, 21, 24, 35–43, 47). В фискальных целях органы власти периодически проводили проверки и переписи жителей города, их объектов собственности. Из сведений дозорных, переписных, писцовых книг, а также частноправовых актов предстает планировка города, его «посад» и «слободы», принадлежавшие к разным социальным группам городские обыватели, хозяйственно-бытовая жизнь поселения (док. 8, 12, 23, 34, 39, 40, 45 и др.). В частности, Козьмодемьянск XVI–XVII вв. выступает как один из центров ямской гоньбы и как город служилых людей. Из документов явствует, что его служилые люди участвовали в походах и несли службу «в рейтарех» в Уфе, Царицыне, на Дону, Севске и прочих местах (док. 4, 10, 22, 25).

Во второй раздел сборника включен документальный материал, освещающий жизнь Козьмодемьянска с конца XVII по XVIII вв. Он дает широкую панораму жизни средневекового города. Особенно детально здесь отражено хозяйственно-экономическое бытие поселения. Вызывают интерес также источники, показывающие нити социальных взаимоотношений ямщиков и посадских людей, бурмистра с земскими старостами, заимодавца и кабального человека, марийского и чувашского населения с местной властью, продавца и покупателя недвижимости (док. 59, 62, 64, 65, 69, 70, 71, 118, 119 и др.). В городе проживали бобыли – выходцы из городов Ядрина, Чебоксар, Нижнего Новгорода, Ярославля, Углича и из Муромской, Галицкой, Балахонской, Суздальской и др. уездов России (док. 95). Важную роль в жизни города играли купцы. Конкуренцию им в торговле составляли местные обыватели – мещане, крестьяне, приезжие разночинцы (док. 130, 152). Источниками пополнения семейного бюджета жителей Козьмодемьянска были также земледелие и огородничество, различные виды промыслов, наем на «шкаковое дело». На это в сборнике указывают различные частноправовые акты, наблюдения путешественников и отчетные документы государственных учреждений. Материалы анкет Шляхетского корпуса и Сената содержат ценные сведения об облике Козьмодемьянска как города, о топографии поселения, численности и социально-этнической структуре его населения, торговых и ремесленно-промысловых занятиях обывателей, возделываемых ими сельскохозяйственных культурах и получаемой урожайности (док. 127, 129). Активная внешняя политика, которую проводила Россия на протяжении XVIII в., требовала привлечения больших материальных и человеческих ресурсов. Ее бремя отчасти ложились и на плечи жителей Козьмодемьянска. Они поставляли в казну лес, сельскохозяйственную продукцию, промысловые изделия (док. 96, 102, 121, 122 и др.), несли различные повинности (док. 67, 110, 151). Служилые люди Козьмодемьянска приняли участие в Чигиринском, Азовском, Шведском походах (док. 58, 100, 101).

Третий раздел сборника документов наиболее объемный и информационно насыщенный. Козьмодемьянск на протяжении XIX–начала XX в. продолжал поступательно развиваться. Его роль в экономике округа повысилась. В городе была учреждена «лесная ярмарка» (док. 199, 280–282), получают развитие «судопромышленность» и паромоводство (док. 220–

222, 225–229). Включенные в сборник материалы дают возможность наблюдать перемены в инфраструктуре, этническом и конфессиональном составе населения, повседневном быту обывателей Козьмодемьянска. В городе появились социально необходимые объекты – дошкольные и учебные заведения, больницы, ветеринарная и противопожарная службы, телеграфная и электрическая станции, новые скверы и бульвары, «импровизированный театр». Социально-политическая жизнь города представлена документальным материалом, исходящим из органов государственной власти разных уровней (док. 336–355 и др.).

Сборник завершают Комментарии, Список устаревших слов и Перечень опубликованных документов. Комментарии составлены к большинству документов. Они существенно расширяют информационное поле сборника. Сборник выиграл бы, если бы составитель дал к нему археографическое Предисловие, Географический и Предметно-тематический указатели. В завершение остается лишь констатировать, что рецензируемый сборник является серьезным вкладом в краеведение и историографию средневолжского региона. Он отвечает всем требованиям, предъявляемым к подобного рода изданиям.

ЧГВ, 2009 г. № 4

© **Е.В. Федотова**. Рец. на: **Т.Г. Пантелеева. Поэтика удмуртского рассказа: Монография**. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. 156 с., ил.

В среде литературоведов Волго-Уралья Т.Г. Пантелеева известна основательными исследованиями по истории становления и развития удмуртского рассказа. По данной теме она выполнила три десятка публикаций. Рецензируемая монография является обобщающим итогом ее исследований по названной проблематике.

Автором впервые собран и обобщен материал по жанру рассказа в удмуртской литературе с момента его зарождения до конца XX столетия. В первой главе «К возникновению и развитию рассказа в удмуртской литературе» исследователь обстоятельно анализирует проблему жанра рассказа в удмуртской критике и литературоведении, акцентирует внимание на фольклорных и народно-речевых корнях удмуртского рассказа. Она справедливо подчеркивает, что национальный фольклор был и остается одним из важнейших художественных источников вдохновения удмуртских прозаиков: истоки рассказа кроются в легендах, мифах и преданиях о богатырях, об алангасарах и мифологических существах; в иронических рассказах о Лёпшо Педунь, Алдаре; шутках. Большое внимание ею уделяется описанию бытования устного повествования, творчеству писателей Аркадия Клабукова, Петра Ускова, И.В. Яковлева. Автор убедительно доказывает, что жанр рассказа в удмуртской литературе генетически восходит к устному рассказу: мифологическому (о вумуртах, палэсмуртах, нюлэсмуртах), мистическому («небылицы» о кладах и кладонскателях), философскому, нравоучительному, приключенческому, социально-бытовому; а также к зарисовкам, сказкам, быличкам, легендам, анекдоту, притчам и др. В исследовании подчеркивается, что традиции удмуртского фольклора и писателей-юмористов 1920–30-х годов продолжили очеркист и рассказчик В. Ширококов, поэт А. Уваров, а на сцене – артисты А. Ушаков, А. Баймурзин, в интернете – Ф. Миннигараев (Лёпшо Педунь). Отрадно отметить, что объект исследования в труде расширяется также радиопередачами. Автор отмечает, что с 1993 г. по радио еженедельно выступает современный Лёпшо Педунь – журналист Владимир Михайлов. Его передача носит название «Ладилэн азбараз» (В подворье Лади). В ней, кроме автора программы, частыми гостями бывают современные сатирики и юмористы, выступающие под масками Лёпшо Пе-

---

Елена Владимировна Федотова – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук.

дуня, Алдар агая, Абдрам Абдрамовича Абдрамова, Старика Шамардана, Валя кенак (Валиневесты) и др.

Освещающая становление удмуртского рассказа в литературе начала XX в., Т.Г. Пантелеева анализирует творчество И. Михеева – автора «Первой книги для чтения на вотском языке» (1907). Примечательно, что исследователь впервые в удмуртском литературоведении осуществляет комплексный анализ жанра рассказа применительно к данной «Книге для чтения...». Рассматривает ее как сборник, цикл рассказов со сквозным сюжетом и единым героем, как единый текст. Автор монографии утверждает, что жанр малой прозы (рассказы, притчи, новеллы, былички, анекдоты) как профессиональная, самостоятельная художественная письменная форма зародился в удмуртской литературе в начале XX в. Родоначальниками малой прозы считает И.С. Михеева (1876–1937) и И.В. Яковлева (1881–1931), а также Г. Верещагина. Автор не обделяет вниманием историю и время становления жанра рассказа у соседних народов, проживающих между Волгой и Уралом.

Т.Г. Пантелеева подробно анализирует произведения К. Герда, который первым в 1920 г. начинает издавать журнал для детей «Муш» (Пчелка). В журнале печатались небольшие по объему рассказы, стихи, загадки. Каждый рассказ сопровождался иллюстрацией, чем Герд как редактор журнала продолжил традиции своих предшественников – просветителей И.С. Михеева и И.В. Яковлева. Автором отмечается жанровое разнообразие журнала: рассказ-судьба, рассказ-сказка, анимистические рассказы, посвященные животным и птицам, а также рассказы познавательного и энциклопедического характера. Она также уделяет пристальное внимание мастеру «короткого рассказа» – Акилине Григорьевне Векшиной, известной в истории удмуртской литературы под псевдонимом Ашальчи Оки. Исследователь отмечает, что она внесла в развитие жанра рассказа «женскую струю». Ее рассказы свободны от характерных для того периода громких лозунгов, плакатности, вульгарных выражений, нарочитых эротических сцен. Повествование писательницы окрашено интонацией любящей, понимающей и мудрой женщины, матери. Со своим читателем Ашальчи Оки говорит то нежно, то с иронией, то назидательно. В основе раздумий писательницы лежит идея счастья человека и возможности его достижения».

Проблематике жанра рассказа в 1920–30-х годах автором уделено особое внимание. Ею анализируются произведения авторов: К. Митрея, Г. Медведева, М. Коновалова, М. Петрова и др. Раскрывая своеобразие рассказов молодых писателей, она утверждает, что они писали действительность с «натуры» (фиксирующий реализм). Поэтому в их произведениях преобладает описание драматических, трагических событий из жизни общества. Она указывает, что в этот период появились поистине талантливо написанные произведения – К. Митрея: «Изурочили сына», «Березовый сок»; Г. Медведева: «Боль сердца», М. Петрова: «Старая мельница», «На той стороне реки». В них несущей основой сюжета является фольклор. Для раскрытия внутреннего мира героя, создания его портретной характеристики молодыми авторами активно привлекаются символические образы – Ночи, Ветра, Солнца, Рассвета и пр.

Освещающая малую прозу военных лет, Т.Г. Пантелеева показывает кризисную ситуацию в национальной культуре. Были расстреляны или сосланы в ссылки и лагеря лучшие представители удмуртской интеллигенции, поистине цвет нации — Кузубай Герд, Кедр Митрей, Трофим Борисов, Григорий Медведев, Михаил Коновалов и мн. др. Но, тем не менее, литературная жизнь продолжалась. Автор подробно анализирует произведения военных лет, повествующие о поруганной Родине, трагедии людей: «Первые дни» М.А. Можгина, «Два товарища» А. Клабукова, «Партизаны», «Наталья Вдовиченко» И. Гаврилова, «Матери», «Зоя Федорова» В. Садовникова. Исследователь считает, что рассказы военного времени по своей стилистике публицистичны и близки к документальному очерку. Стимулирующую роль в развитии малых форм прозы сыграл альманах «Кизили» («Звезда», 1947–1954). В первом его номере появились рассказы М. Петрова «Песня», «Разведчики», по своей поэтике близкие к народным героическим преданиям. По мнению автора, в эти годы Михаил Петров проявил себя как сложившийся, зрелый писатель, организатор литературной и издательской работы, которому не безразлична судьба национальной культуры. С его именем связывается и выход жанра удмуртского рассказа из творческого застоя.

Несмотря на утверждения венгерского ученого П. Домокоша, что национальные писатели «создали немного ценного, фольклорная основа (сказки, легенды) не оказалась достаточно сильным фундаментом (по крайней мере, по композиции и стилю) для создания современных, имеющих философское содержание, новелл. Поэтому большинство удмуртских рассказов пресные, бессильные, мало говорящие», автор монографии считает, что «за короткий исторический срок удмуртский рассказ прошел трудный путь от зарождения до обретения зрелости, заявив о себе как об одном из действующих жанров национальной литературы». Т.Г. Пантелеева аргументировано выделяет основные тенденции возникновения и развития жанра рассказа в удмуртской литературе: 1. В период зарождения удмуртский рассказ развивается в двух направлениях: просветительском и этнографическом. 2. Дальнейшее развитие удмуртского рассказа характеризуется: обращенностью к классической русской традиции; дидактическим характером; использованием разных жанровых форм: рассказа-картинки, рассказа-очерка, рассказа-сна, рассказа-былички, рассказа-притчи; стремлением к углубленному психологизму.

Во второй главе «Типология удмуртского рассказа 1950–90-х гг.» характеризуются наиболее распространенные в удмуртской литературе разновидности малой прозы. Здесь прослеживается творчество Г.Д. Красильникова в области малой прозы, подчеркивается, что его произведения отличаются углубленным постижением действительности, обращением к актуальным проблемам дня, злободневным темам, а также обновлением художественно-образительных средств. Автор монографии отмечает, что творчество Г. Красильникова стало весомым вкладом в эволюцию жанра рассказа в удмуртской литературе, которая приобрела качественно новые черты. С именем писателя связывают развитие не только жанра рассказа, но и всей современной ему и последующей удмуртской литературы.

Рассматривая жанровые разновидности малой прозы, исследователь анализирует очерковые рассказы Семена Самсонова («Деревенька наша Тыло», «Пусть течет река», «Это было в Можвае», «День рождения»), рассказы-миниатюры В. Широбокова («Родина», «Дорога», «Шепчутся березы»), Егора Загребина («Лосиные глаза», «Белый заяц», «Танец», «Грозды рябины»); сборник эссе «Благодарение» ученого-этнографа В.Е. Владыкина. Сборник «Благодарение» включает десять эссе, посвященных известным удмуртским писателям, причем на двух языках – удмуртском и русском. Творчество В. Широбокова, отличающееся притягательной лиричностью, автор монографии считает близким творению народного поэта Чувашии Я. Ухсай, создателя «Слова о земле чувашской».

Поместив в фокус анализа особенности развития удмуртского рассказа на рубеже XX–XXI вв., автор подробно рассматривает творчество С. Матвеева («Дурачок, или Недоросль», «От имени рыбы», «Стадо», «Огненный ребенок»), Л. Нянькиной («Мой любимый папа Карло», «Макси», «Лара»), В. Ар-Серги («Кристя», «Пашка Педор – транзит»), Р. Игнатьевой («В подвале», «Грешницы», «Стыд»), произведения которых определяются автором как неосоциальный рассказ. Она подчеркивает, что в малой прозе современных удмуртских писателей нашли отражение разные художественные направления, стили и методы, которые нередко пересекаются между собой, влияют друг на друга. Это, по ее мнению, свидетельствует о напряженном и глубоко творческом поиске. Нельзя не заметить, что зрелый период удмуртского рассказа автор исследует с особым интересом. На наш взгляд, это воодушевляющее связано с тем, что удмуртский рассказ состоялся как жанр, а автор – как кропотливый исследователь. Т.Г. Пантелеева охватила большой хронологический рубеж – с конца XIX в. по настоящее время. И поместить весь объем исследований в 156 стр. – это далеко не просто.

Завершает монографию небольшое заключение, где подведены итоги исследования. Автор монографии приходит к выводу, что жанр рассказа как самостоятельное явление в удмуртской литературе имеет длительную традицию. В своей основе малая проза опирается на богатство устного повествования в фольклоре и в своем развитии испытывает на себе ее постоянное влияние. Она отмечает также другой важный источник формирования жанра малой прозы – просветительство, с его идейно-нравственной, воспитательной, христианско-миссионерской проблематикой. Исследователь считает, что в эпоху становления и утверждения жанровых форм национальной литературы особую роль приобретает фактор заимствования

из русской, а через нее — мировой классики не только идей и сюжетов, но и самих жанров, что открывает возможности обогащения и связи литератур и культур.

Автор подчеркивает, что малая форма удмуртской прозы за один век проделала сложный путь развития. Не разорвав нитей преемственности с другими формами и жанрами национальной литературы (повестью, романом, лирикой), она накопила собственный художественный опыт, тематически обогатилась, расширила жанровые границы. Сегодня жанр удмуртского рассказа вступает в период творческого обновления, а в его исследовании намечаются выходы к углубленному осмыслению потенций развития поэтики в контексте отечественной и мировой литературы.

Исследование отличает введение в научный оборот нового материала. Книга примечательна и тем, что снабжена портретами известных деятелей культуры России: Вениамина Пуцек-Григоровича, Н.И. Ильминского, Г.Е. Верещагина. Представлены фотографии обложки и страниц (С. 9, 45, 49) «Первой книги для чтения на вотском языке» И.С. Михеева (Казань, 1907), где отчетливо видны даже рисунки самого автора. Глядя на фотоснимки этой книги, читатель может удостовериться, насколько высок был уровень для своего времени «Первой книги для чтения на вотском языке». Отрадно отметить, что современная гуманитарная наука пополнилась еще одним основательным трудом.

Хотелось бы отметить такой момент. Во Введении монографии говорится: «Очевидно, что удмуртский рассказ так же, как роман и повесть, имеет свою богатую историю и располагает классикой, которую составляют произведения, включенные в буквари 1875, 1882 и 1892 годов издания, а также переводные жития святых, «Разказы изъ Священной исторіи ветхаго и новаго завета [посвященной исторіи епископа Агафодора (На вотском языке, 1907)]», «Разказы изъ священной исторіи ветхаго завета (На вотском языке. С рисунками И.С. Михеева, 1912)», «Преподобный Трифон – Вятский чудотворец» (1912)» (С. 3). Но Т.Г. Пантелеевой не представлена анализ возникновения жанра рассказа в удмуртской литературе на вышеуказанных примерах, хотя в Заключение подчеркивается, что просветительство с его христианско-миссионерской проблематикой явилось важным источником формирования жанра малой прозы (С. 123).

ЧГВ, 2009 г., № 4

© **Н.В. Дергунова**. Рец. на: **Иванова Н.М. Молодежь Чувашской Республики на рубеже XX – XXI веков: социокультурный облик и тенденции развития**. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2008. 98 с., прил.

Каждый из исторически сложившихся регионов России, в том числе и Чувашия, – это своеобразный жизненный мир, характеризующийся своей социокультурной природой. Территориальные социальные общности субъектов России при многих общих чертах отличаются существенными признаками национального и социального состава населения, качеством и укладом жизни, культурными традициями. Изучение регионального социума, специфики его жизнедеятельности позволяет, с одной стороны, уточнить общие тенденции развития социума в целом, с другой – определить цели и направления региональной политики. Востребована молодежная проблематика. Актуальность изучения динамики социокультурного облика молодежи в постсоветский период определяется необходимостью осмысления наиболее значимых изменений в молодежной среде, поиска путей преодоления существующих негативных явлений и тенденций.

Нина Владимировна Дергунова – заведующий кафедрой социологии и политологии Ульяновского государственного университета, доктор политических наук.

В монографии Н.М. Ивановой предпринята анализ динамики социокультурного облика и тенденций развития молодежи Чувашии на рубеже XX–XXI вв. Подход автора к исследованию поставленной проблемы опирается на многоплановый анализ научной литературы, ею изучен широкий круг монографий, научных статей, диссертационных исследований. Автор обстоятельно рассматривает основные дефиниции, используемые в монографии: «молодежь», «социокультурный облик молодежи» и др.

В первой главе Н.М. Иванова осуществила сравнительный анализ подходов к исследованию проблем молодежи в советской и современной российской науке: социально-классовый, социально-психологический, социально-демографический и социокультурный и др. В постсоветский период, справедливо отмечает автор, произошла смена парадигмы в теории молодежи. Н.М. Иванова акцентирует внимание на изменении идеологических установок, отходе от социально-классового подхода и попытках выработки современного. Анализ взглядов одного из ведущих социологов Е.Л. Омельченко, с которым согласна Н.М. Иванова, – приводит к выводу, что в настоящее время нет адекватных теоретико-методологических подходов к анализу молодежных практик и идентичностей.

Существенное значение имеет поднимаемый в монографии вопрос о том, является ли современная молодежь целостной социальной общностью. Автор приводит доводы о неоднородности данной социально-демографической группы по многим критериям: образование, профессия, культурный, национальный, социально-политический статус и выступает за интегративное определение молодежи. Отдельно Н.М. Ивановой рассмотрены работы исследователей республики (С. 21–29) и подходы ряда ученых, занимающихся изучением молодежи в региональном аспекте (С. 17). В частности, автор выделяет концепцию регионального молодежного субсоциума С.В. Полутина (С. 18).

Практическая часть монографии обобщает результаты нескольких региональных и сравнительных межрегиональных исследований по молодежи. В научный оборот вводится ряд ранее не опубликованных материалов. Особый интерес представляет анализ результатов социологического исследования «Социокультурный портрет Чувашской Республики» 2006 г., проведенного на основе методики, разработанной Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН под руководством Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой. Положительной стороной монографии также является привлечение большого массива источников – данных статистики, переписей населения, информационно-аналитических материалов и др.

В соответствии с использованной методикой социокультурного портрета, в данном случае относительно объекта изучения, в монографии содержится общая характеристика молодежи Чувашии. Во второй главе автор дает анализ динамики основных компонентов, которые в совокупности призваны составить облик молодого поколения. Демографический портрет составляют показатели количественного роста, половозрастная и поселенческая структура, этнический состав, особенности этнокультурного развития. К социокультурному облику автор также относит уровень образования и структуру занятости. Молодежь Чувашии составляет четверть занятого населения, однако автор отмечает уменьшение удельного веса занятых в целом во всех возрастных группах и особенно (почти в три раза) в возрастных группах 15–19 и 20–24 лет (С. 56). Доля занятой молодежи выше в новых отраслях, требующих более образованных и квалифицированных кадров. Снизилась доля молодежи в отраслях промышленной сферы. Половина молодых людей не работает по полученной в учебных заведениях специальности (С. 60–62).

Третья глава посвящена изучению роли и места молодежи в общественно-политической сфере. Автор приводит результаты социологического исследования молодежных организаций Чувашской Республики, а также исследований по вопросам социально-политической активности молодежи. Правомерен анализ трансформации ценностных ориентаций молодежи. Отмечена и подтверждена результатами исследований иерархия ценностных ориентаций: реализация таланта и способностей, свобода и независимость, достаток и богатство, карьера и семейное счастье. Предрасположенность к религии преобладает над установкой на атеизм (С. 72–73). Авторитет власти в глазах молодежи невелик, но от государства она ожидает обеспе-

чения социальных гарантий в сфере образования, трудоустройства, приобретения жилья. Молодежь Чувашии продемонстрировала низкий уровень доверия общественно-политическим институтам: политическим партиям, представительным и исполнительным органам власти. Выделяется в положительном плане только должность Президента России. Незначительная часть молодежи проявляет определенную социальную активность, участвует в деятельности общественных организаций.

За пределами анализа остались отдельные аспекты жизнедеятельности молодежи региона, в частности, электоральная активность молодежи, асоциальное поведение, преступность в молодежной среде. Научная новизна исследования состоит в том, что это первое комплексное изучение динамики социокультурного облика современной молодежи Чувашии. Работу автора отличает стремление к сравнению облика российской молодежи на республиканском и федеральном уровнях, по субъектам Приволжского федерального округа. В Заключении автор обобщает основные тенденции развития молодежи Чувашии на современном этапе, дает практические рекомендации.

Вся монография в целом и её научный аппарат (источники, литература, Приложения) свидетельствуют о большом профессионализме автора. Привлеченная литература охватывает как зарубежные, так и российские издания. Автором проведена большая теоретическая и прикладная работа, результатом которой и стала данная монография. Она, на наш взгляд, несомненно является достойным вкладом в развитие российской социологической науки.

ЧГВ, 2009 г., № 4

© **Е.В. Касимов.** Рец. на: **Н.А. Мельников. 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания)** / Вступительная статья, подготовка текста, биографический словарь и комментарии *А.Г. Акишкова.* Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2008. 344 с.

В истории Российской империи второй половины XIX–начала XX в. заметную роль сыграли земские учреждения, которые ведали народным образованием, здравоохранением, строительством дорог, содействовали развитию крестьянского хозяйства и кустарных промыслов и др. Невозможно даже представить жизнь российской провинции без земских школ, больниц, аптек, складов сельскохозяйственных машин. Заслуженным авторитетом пользовалась земская интеллигенция, к которой, в частности, принадлежали А.П. Чехов, В.И. Вернадский. Залогом успешной деятельности земств стал повседневный бескорыстный труд многих людей. Одним из таких замечательных земских деятелей являлся Николай Александрович Мельников (1872–1951) – гласный Козьмодемьянского уездного и Казанского губернского земских собраний в 1898–1917 гг., председатель Козьмодемьянской уездной (1901–1904) и Казанской губернской (1909–1916) земских управ. Его воспоминания «19 лет на земской службе», впервые полностью опубликованные в рецензируемом издании, посвящены, как видно из названия, прежде всего земской деятельности самого Н.А. Мельникова и, следовательно, деятельности Казанского земства. В то же время в воспоминаниях нашли отражение многие исторические события рубежа XIX–XX вв., свидетелем или участником которых являлся Н.А. Мельников.

Рецензируемое издание открывается вступительной статьёй, в котором А.Г. Акишкову в лаконичной форме удалось представить вехи яркого жизненного пути Н.А. Мельникова, охарактеризовать его политические взгляды и планы восстановления земского самоуправления в постсоветской России, а также дать внешнюю источниковедческую критику мемуаров. Однако необходимо отметить, что в вводной статье совершенно обойденным ока-

---

Евгений Витальевич К а с и м о в – кандидат исторических наук, докторант кафедры региональной истории ЧГПУ им. И.Я. Яковлева.

зался национальный вопрос: Казанская губерния в начале XX в. являлась многонациональным краем, где проживали русские, татары, чувашы, марийцы и другие этносы. Не получили в ней, к сожалению, отражение и характеристика взглядов мемуариста о сословном делении российского общества. Между тем по данным вопросам Н.А. Мельников имел вполне определенное мнение, которое можно назвать позицией русского земского интеллигента, пренебрежительно относившегося к национальной культуре, не особо желавшего вникнуть в суть социально-экономической действительности и представлявшего крестьянство как серую безликую массу. Например, в 1903 г. в «Казанской газете» Н.А. Мельников позволил себе следующий выпад против «иногородцев»: «Книжки на чувашском языке развивают только сепаратизм и самомнение, крайне несимпатичное и даже вредное... Чувашской культуры не бывало и не будет!»¹.

Сами воспоминания Н.А. Мельникова, написанные в 1937–1940 гг., состоят из семи разделов, где получили отражение два десятилетия насыщенной жизни мемуариста. В воспоминаниях охарактеризована повседневная работа Козьмодемьянской уездной и Казанской губернской земских управ: какие вопросы были наиболее насущными? какие трудности приходилось преодолевать при их решении? как строилась работа исполнительных и распорядительных органов земств? и др. Н.А. Мельниковым даны яркие оценки и характеристики крупнейшим государственным деятелям России начала XX в. – П.А. Столыпину, А.И. Гучкову, М.В. Родзянко, Н.А. Хомякову, А.В. Кривошеину, а также своеобразные психологические зарисовки земских деятелей Казанской губернии, казанских губернаторов, председателей земских управ других губерний Российской империи.

Воспоминания Н.А. Мельникова сопровождаются Приложением с фотографиями мемуариста, Комментариями, Биографическим словариком, Указателями имен и географических названий. В комментариях, подготовленных составителем, указаны ошибки и неточности в изложении Н.А. Мельникова, сделаны дополнения по освещаемым в тексте событиям.

Вместе с тем, на наш взгляд, научно-справочный аппарат книги желательно было расширить, от чего работа только бы выиграла. Так, в биографический словарь включены почти исключительно фамилии общественных деятелей Казанской губернии. Вне его рамок остались фигуры всероссийского уровня, которые не все хорошо известны широкому кругу читателей. Среди подобных политических и общественных деятелей, часто упоминаемых в тексте, можно назвать В.Н. Коковцева, А.В. Кривошеина, Н.К. Мекка, Н.А. Хомякова, Д.Н. Шипова и некоторых других.

Составитель занял принципиальную позицию, не расшифровывая в комментариях устаревшие и редко употребляемые понятия и термины. Однако для облегчения восприятия содержания текста все же следовало объяснить, что, к примеру, означают слова «азям» (С. 44), «силштриновая» шинель (С. 45), «бювар» (С. 98), «фетировали» (С. 133) и т.д.

Не совсем подходящим выглядит дословный перевод А.Г. Акшиковым латинского выражения «*sine qua non*» как «без чего нет» (С. 312), поскольку даже без добавления слова «*conditio*» данное выражение устойчиво переводится как «обязательное, неперемное условие; то, без чего нельзя обойтись». Выражение «*enfant terrible*» переведено составителем с французского языка как «сорванец» (С. 308), тогда как, очевидно, данное словосочетание употреблено в отношении кадета В.А. Маклакова в переносном значении, означающем «человек, ведущий себя не так, как все; член группы, партии, выступающий против общего мнения».

В целом издание выполнено на высоком научном уровне. Воспоминания Н.А. Мельникова, насыщенные большим фактическим материалом, написанные прекрасным литературным языком, безусловно, будут интересны всем, кто интересуется историей России и ее регионов.

---

¹ Цит. по: Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. С. 131.

Т нчери пур хал хсенни пекех, ч ваш хал х пурн с нче с навсемпе  нен сем, т л ксемпе в сен п лтер ш сем пит  пыс к выр н йыш нса т ра с . В сем хал х шух шлав пе, тавракур м пе, аталан в пе  ак  р  ине «эпир» киличченех, ур хла каласан, п ч к пепке сураличченхи тапх ртан пусласа м н кунтан кайичченхипе – т ррем нех  ых нн .  ын кулленхи пурн с н т рл  лар в -тар в нче хайне м нле тыт-каласси ытларах чухне ун н традицилле культуринчен, ашш -ам ш н  спару л х нчен, ватисен сап рл х нчен килет.  ав нпа та в сене куллен п лсе т расси, ку ыйтусене т пчесси яланах актуал  пулн , уйр мах хальхи в х тра, т рл  йышши «астрологипе фень-шуй» й ркисем в й илсе пын  тапх рта.

Ч ваш патшал х гуманитари  сл л х сен институт  пухса хат рлен  нумай томл  «Ч ваш хал х пултару л х » яр ман VI том  кун  ути кур . Унта с навсемпе  нен сем, т л к п лтер ш сем к н .  на филологи  сл л х сен кандида  Е.В. Федотова пухса хат рлен . В лах ум с мах пе  нлантар в сене  ыракан  тата  сл л х редактор . Ку – п ррем ш  нл   . Халиччен с навсемпе  нен сене, т л к п лтер ш сене ятарласа п р  рре пустарса уйр м к некен пичетлесе к ларни пулманч . К некене пур  7579 текст к н : 5597 с навпа  нен  тата 1982 т л к п лтер ш .  ак тома хат рлен  чухне т сл хсене В.К. Магницкий, Н.И. Ашмарин, А.В. Смоленский, С.М. Михайлов, Д. Месарош, Г.Т. Тимофеев (1972  улхи к лар м), И.С. Тукташ тата «ч вашл х усл х нче» ч ннипех пал рн  ытти т пчев  к некисенчен, Н.И. Егоров т пчев  архив нчен, пуринчен нумайрах Ч ваш патшал х гуманитари  сл л х сен институт н  сл л х архив нче управанакан ал  ырусенчен илн . В сене пал  т пчев  Н.В. Никольский корреспондент сем т рл   рте пур нанакан ч вашсенчен пухса  ыrsa ян .  ав н пекех 2001  . Шупашкарпа Хусан хушшинче Аг л т р х вырна н  ялсенче пустарн  материалсем, 2002  . «Аг лси федерал  округ н ч ваш сем» проектпа, 2006  . Тюмень обла с нчи ч вашсен «Т ван» ассоциаций н президент  В.Н. Логинов йыхравланипе унти ч ваш ялсенче иртер  экспедицисенче, 2008  . Ра сей гуманитари наука фонд пе Ч ваш Республикасини Правительстви ырлан  «Тугарстан Республикинчи Нурлат район нчи ч вашсен фольклор » 08-04-22760 е/В номерл  т пчев проект пе ирттерн  экспедицире Е.В. Федотова пухн  текстсем к н . Пухса й ркелекен  ссе  ит нн   емьере, ялта, к рш  ялсенче, ват  ынсенчен илтн , паянхи кун хал х хушшинче с мах в с н   рекен, халиччен хут  ине  ыранман, диаспор ри ч вашсенче к на управса юлн  т сл хсем те пичетленн . В сене пухса хат рлекен вун  сул хушши  ршы-в н т рл  к тес сенче пур нанакан ч вашсенчен п рер п р н пустарн .

К лар м ик  пыс к пайран т рать: с навсемпе  нен сем тата т л ксем. Фольклор текс сене алфавит й ркипе вырна тарса тухн . Ик  пай нче те алфавит список  *ав н* с махран пусланать. Материала май пур таран туллин к ртме тимлен . С навсемпе  нен сен, т л к-сен п лтер ш сен вариант сене те илсе пан . Кашни текст хы с н паспортне:  ста управни, х сан,  ста, камран, кам  ыrsa илнине – к тартн . Диалект уйр мл х сене, выр нти с махсене  апипех  ыхласа х варн . Сайра т л пулакан, кивелн , уйр м выр нсенче к на у  куракан с махсене номерсемпе пал ртн , в сене к некен ятарл  пай нче  нлантарн .

 акна а нни те выр нл  пулмалла: В.К. Магницкий (50 текст), А.В. Смоленский (130 текст), С.М. Михайлов (13 текст), В.П. Вишнеvский (15 текст) к некисенче, В.Д. Дмитриев, А.К. Салмин, О. Сенковский, Г.Р. Столярова, П.П. Фокин  с сенче выр сла пичетленсе тухн  текстсене ч вашла (пур  235 текст) Е.В. Федотова ку арн . К неке в сне с навсемпе  нен сен, т л к п лтер ш сен, чарусен (табу) текс сене  ста пичетленин, м нле к некесенче т пчинин библиографине кашни жанрпа уйр м пан . К лар мра йыш нн  к скет сене те пал ртса х варн . Т п с махсен к тартм ш  пур. В л кирл  текста х в ртрах тупма май парать.

Леонид Порфирьевич Петров – филологи  сл л х сен кандида , доцент, Ч ваш патшал х гуманитари  сл л х сен институт н  сл л х  ыруси.

Ум сáмахёнче Е.В. Федотова сáнавсемпе ёненусене пухни тата тёпченин историне, ушкáнлас ййтáвне сугатнá; асáнна жанр уйрáмлáхсесем пирки, вёсен кулленхи пурнáсри вырáнё шинчен сырнá. Чáвашáн мифологийё, философийё, авалтан пыракан чáваш тёнё халáх сáмахлáхёнчи ытти жанрсемпе танлаштарсан уйрáмах сáнавсемпе ёненусенче туллин ўкерённё. Сакна тёпчевсё ум сáмахра пётёмёшле сугатса пама тáрáшнá. Савáн пекех чáвашсен тёлёк пёлтерёшёсене пустарнипе тёпченин историне, чáваш сыннин пурнáсёнчи тёлёк пёлтерёшне тишкерсе тухнá. Е.В. Федотова палáртнá тáрáх, чáвашсен тёлёк пёлтерёшёсем ытти халáх-сеннипе тўр килмессё. Акá, пёр-икё тёслёх: чáвашсен хура сёр, тáпра курни, сёр сухалани сын вилессе пёлтерет. Вырáссен: «Рыть во сне землю – знак прибыли; пахать или вскапывать землю предвещает высокий урожай на вашем садовом или приусадебном участке» (Энци. снов., 1994. С. 73). Чáвашсен — «юн курсан – тáвана куасса». Вырáссенех вара пачах урáхла: «Если вам приснилась кровь, вытекающая из какой-либо, пусть даже пустячной раны, то такой сон предвещает сильный испуг, нервный стресс, бессонницу, головную боль» (Энци. снов., 1994. С. 131). Нимёс психологё тата психиатрё Александр Оксман хатёрленё тёлёксен пёлтерёшёсен кёнекинче *сёр, юн курни* тата вёсем мёне пёлтерни пачах та сук.

Кёнеке вулакана тáван халáхáмáр пиншер сұл пухнá пёлёвне (сáнталáк сáнавёсем, кулленхи пурнáсри тата йáла-йёркепе сыхáнна ёненусем), пиншер сұл хывáнна генетикаллá астáвáмне (тёлёксем) усса парагь. Текстсене тишкерсе пáхсан вёсем тёрлё вáхáтра пулса кайни те курáнса каять. Кашни текст – хайне уйрáм палáк. Áна пур енлён тишкерсе унáн пёлтерёшне усса параси – малашнехи, тен, ситес áрусен тумалли ёс.

Хаклава тáратнá халáх пултарулáхён ярáмёнчи асáнна кёнеке, пирён шутпа, малалахи тёпчевсен сирёп никёс пулса тáмалла. Эппин, чáваш фольклористики текстсене пухса кáларас енёпе тепёр пысáк ёспе пуянланине сирáплетсех калама пултаратпáр.

ЧГВ, 2009 г., № 4

© П.С. Кабытов. Рец. на: В.В. Орлов. **Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX века.** М.: Изд-во РГАЗУ, 2009. 396 с.

Россия переживает сложный этап своего развития. Переход от директивно-плановой экономики к рыночным отношениям происходит в условиях глобального финансово-экономического кризиса, охватившего все жизненно важные сферы общества: экономику, политику, культуру, сферу социальных и межнациональных отношений. Трудности выхода российского общества из кризиса обуславливаются как отсутствием у правительства обоснованной стратегии и тактики действий, так и пренебрежением исторического опыта, в том числе и опыта осуществления национальной и социально-экономической политики в первое послереволюционное десятилетие, когда шли процессы формирования фундаментальных основ советской системы.

Не случайно 20-е годы XX столетия, прошедшие под знаком «военного коммунизма» и нэпа, находятся в эпицентре научных дискуссий. Это время, когда власть вынуждена была считаться со сложной социокультурной тканью общества, с наследием дореволюционной России, вступившим в непримиримое противоречие с целями и задачами форсированного социалистического строительства. Анализ исторических событий тех лет способствует углублению представлений о вечных для страны вопросах. Действительно, в чем причина разительного несоответствия между богатейшими природно-экономическими возможностями страны и низкими условиями жизни населения? Обречен ли российский народ на извечную бедность? Почему другие страны, прошедшие через волну реформ и трансформаций, живут значительно лучше, чем раньше? Почему России не везет с реформами? В чем причины нашей

Петр Серафимович Кабытов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российской истории Самарского государственного университета.

стадиальной отсталости? И, наконец, кто виноват? И что делать? Прошлое в определенной мере позволяет понять современные трудности перехода к рыночной экономике.

Именно с этих позиций следует оценивать монографию В.В. Орлова, где воссоздается история этнополитического и социально-экономического развития Чувашии в 20-е годы XX в., когда советская власть вынуждена была перейти от тотального огосударствления к новой экономической политике, а в конце десятилетия вновь вернулась к применению базовых элементов «военного коммунизма», что проявилось в становлении административно-командной системы. Актуальность изучения комплекса проблем, связанных с реализацией национальной и социально-экономической политики Советского государства в регионе, не вызывает сомнений. Проблемы, ставшие предметом его анализа, отличаются сложностью и дискуSSIONностью, поскольку несут на себе груз идеологических догм и политических пристрастий. Их изучение на основе значительно расширившейся источниковой базы при отсутствии концептуальных и методологических ограничений дает возможность воссоздать реальную ситуацию в стране и регионе, выявить определявшие ее факторы, развеять мифы о грандиозных результатах ленинско-сталинской национальной и социально-экономической политики, помогает уяснить причины краха советской модели организации общества.

Необходимо отметить, что В.В. Орлов не избегает сложных тем, сосредоточивая внимание на слабо изученных вопросах, таких, например, как кризис власти, отрицательное влияние территориальных споров, «зверское» отношение руководства автономии к восставшим крестьянам, голод, люмпенизация и маргинализация населения, рост безработицы и социальных болезней. Тщательный анализ указанных аспектов темы усиливает новизну монографии, где впервые проведен глубокий анализ формирования национальной политической элиты, негативных последствий выбора аграрной стратегии развития автономной республики, становления механизма централизованного управления и директивного планирования.

В первой главе «Теоретические основы исследования» рассматриваются базовые методологические принципы к научному освещению темы, степень изученности проблемы, источниковая основа монографии. Методологический «вакуум», связанный с отказом от всеобщности марксистской парадигмы, поставил перед историками задачу преодоления субъективизма в исторических исследованиях, выработки адекватной методологии познания новой картины мира, а также признания диалога и множественности путей достижения истины, что является необходимым условием приращения знаний. Бесплодные споры о приемлемости или неприемлемости того или иного метода или подхода, зачастую выводящие проблему в сферу общесоциологических концепций и историкофилософских рассуждений, несомненно, ограничивали видение исторического процесса во всей его целостности и неповторимости. Примечательно, что автор уделяет должное внимание особенностям использования в работе формационной, цивилизационной и модернизационной макротеорий в рамках сотрудничества (синергетики) различных школ и методов, а также анализу категориально-понятийного аппарата, что выглядит вполне достойным, убедительным и аргументированным. Концептуальный подход В.В. Орлова к исследуемой проблеме отличается взвешенностью и выдержанностью, отсутствием крайностей, стремлением к объективности. Рассматриваемая проблема анализируется в книге всесторонне и последовательно, с точки зрения влияния на ее решение объективных и субъективных факторов.

Автором дан обстоятельный анализ отечественной и зарубежной научной литературы, что позволило ему выйти на ее поэтапную сравнительную характеристику. Состояние историографии свидетельствует о неизученности истории этнополитического и социально-экономического развития Чувашии в указанный период как самостоятельной научной проблемы, что объясняется отсутствием условий для научного анализа в советское время, узостью источниковой базы, слабостью разработки общеметодологических проблем, малочисленностью кадров историков, а также бесперспективностью попыток создания теоретических «моделей» советской истории без опоры на широкомасштабные и разносторонние конкретно-исторические исследования. Совершенно не изученными оказались такие актуальные вопросы, как формирование национальной политической элиты, взаимоотношения центральных и местных органов управления в разрешении кризиса власти, а также продовольственного, демографичес-

кого и экономического кризисов в автономии, финансировании программ ее социально-экономического развития, разрешении этнотерриториальных споров и конфликтов. К числу малоизученных проблем относятся также характер и особенности крестьянского восстания, причины отставания Чувашии от общих темпов восстановления народного хозяйства страны.

Исследователь ввёл в научный оборот многочисленные документы. Их классификация и методика анализа не вызывают сомнений. Главное место среди них занимают неопубликованные рассекреченные документы, извлеченные из центральных и местных архивов. Комплексный и объективный анализ происходивших событий на базе огромного архивного и статистического материала позволил автору по-новому осмыслить ход и результаты кардинальных социалистических реформ, раскрыть причины промахов и ошибок центральной и местной властей. Источниковая основа монографии является достоверной и репрезентативной, позволяющей раскрыть сложный и противоречивый путь этнонационального и социально-экономического развития Чувашии в годы «военного коммунизма» и нэпа.

В главе «Этнополитическое развитие Чувашской автономии: теория и практика осуществления» основное внимание уделяется исследованию стратегии и тактики национальной политики советской власти, особенностям ее реализации в Чувашии. Немало страниц отведено показу формирования чувашской национальной политической элиты после революции 1917 г., призвавшей к власти рабочих и крестьян. Следует заметить, что это довольно новаторский подход, поскольку в отечественной исторической науке еще не сложилась традиция изучения элит. Она по-прежнему довольствуется термином «номенклатура» и схемой ее анализа, предложенным М. Джиласом и М. Восленским. Выявление данных о национальности, происхождении, образовании, профессиональном и революционном опыте, нравственном и моральном облике лиц, занявших ответственные должности в автономии, существенно расширяет базу данных для понимания социокультурного феномена национальной политической элиты, механизмов ее формирования и результатов деятельности, что важно для уяснения генезиса Октябрьской революции. Использование рассекреченных документов позволило автору аргументированно обосновать вывод о том, что кризис власти являлся одной из главных причин нерешенности ключевых для Чувашии проблем, связанных с преодолением малоземелья, мизерностью внутренних источников социально-экономического развития, расширением территории автономии и изменением ее статуса, переселением населения, отставанием в восстановлении промышленности и сельского хозяйства, преодолением массового голода, безработицы, бедности и нищеты населения.

Выбор стратегии социально-экономического развития автономии относится к числу сюжетов, редко встречающихся в исторических произведениях. Тщательная работа с источниками позволила автору осветить такие малоизученные аспекты темы, как дискуссии внутри региональной партийно-государственной элиты по вопросу вхождения в состав крупных экономических районов, их связь с изменением статуса Чувашии, роль Нижегородского края в повышении экономического потенциала автономии. Аргументированностью и взвешенностью оценок отличаются его выводы о нереальности генеральных планов развития промышленности и сельского хозяйства автономии, не имевшие рыночных перспектив и рассчитанные исключительно на инвестиции из Центра; негативных последствий выбора аграрной стратегии развития Чувашии вопреки партийным решениям об индустриализации страны; причинах политического преследования сторонников повышения промышленного потенциала автономии, объявленных властями «буржуазными националистами» и «врагами народа».

Автором дан всесторонний анализ места и роли территориального фактора в становлении Чувашской автономной области, учрежденной в июне 1920 г. исключительно по национальному признаку без должного учета экономической составляющей. Поэтому она не имела достаточных внутренних источников для самостоятельного развития и существования. Для цивилизованного выхода из этой ситуации, а также преодоления острого малоземелья местных крестьян властями был разработан проект «Большая Чувашия», который предусматривал почти трехкратное увеличение территории за счет земель соседних автономий и губерний. Но ни на одной из территорий, объявленных местной властью зоной ее жизненных интересов, чувашаи не составляли большинство населения. Фактически общая площадь автономии вы-

росла лишь на 11,3%, что мало способствовало разрешению проблемы малоземелья крестьян, в ней по-прежнему оказались мизерными внутренние источники поступательного развития.

В связи с многогранностью избранной темы и значительным увеличением числа доступных архивных источников, в третьей главе автор сосредоточил основное внимание на особенностях реализации экономической политики партии в регионе. Анализируя проблемы финансового обеспечения программ социально-экономического развития автономии, он приходит к выводу о том, что формальное равенство бюджетов, заключавшееся в одинаковых процентах отчислений от доходов, при неодинаковом экономическом потенциале, оборачивалось дотационной зависимостью и ростом дефицита местных бюджетов, особенно таких отсталых регионов, как Чувашия. Незначительность самостоятельных доходных источников и глубина финансового кризиса в ней были таковы, что без дотаций из Центра, составлявших почти 3/4 доходной части местного бюджета, не могло быть и речи о решении острых социально-экономических проблем региона даже в минимальном размере. Для местного бюджета Чувашии характерным являлся высокий удельный вес расходов на социально-культурные цели и управление при незначительности затрат на народное хозяйство.

Бесспорный интерес представляют страницы, где дается конкретный анализ аграрной политики партии и ее отрицательное влияние на темпы восстановления сельского хозяйства автономии. В условиях Чувашии национализация земли в сочетании с ее уравнительным распределением не привели к разрешению земельного вопроса. Средняя обеспеченность земель одного крестьянского двора в ней составляла всего лишь 4,4 га, что оказалось почти в 3 раза меньше среднего надела крестьянского хозяйства европейской части страны. Основными индикаторами кризиса сельского хозяйства автономии стали преобладание примитивных орудий производства, зерновая трехпольная система полеводства, острое малоземелье, низкие урожайность, товарность и доходность крестьянской экономики по сравнению с дореволюционным состоянием. Главная причина кризиса отрасли, по мнению автора, заключалась в деструктивной политике коммунистической партии, направленной на вытеснение состоятельных хозяйств, усиление государственного регулирования производства и распределения сельскохозяйственной продукции, неоправданное изъятие капиталов и хозяйственных накоплений из деревни за счет растущих «ножниц цен», эмиссионного налога и кредита. Итогом радикальных перемен, происходивших в аграрном секторе экономики в первое десятилетие советской власти, стал переход Чувашии от края, производящего товарный хлеб, в хлебопотребляющий район страны.

С большим интересом читаются страницы, где автор аналитически рассматривает негативные результаты промышленной политики Советского государства, призванной разрешить ключевые противоречия общества. Отечественные ученые-экономисты, а также часть «красных директоров» автономии во главе с опальным Д.С. Эльменем правомерно видели в индустриализации важнейшее средство модернизации страны и ее регионов, в том числе и аграрной сферы. На базе вновь открывшихся документов автор доказал, что незавершенность восстановительного этапа в количественном и качественном отношении ставила объективные пределы индустриальному рывку. Вполне аргументирован его вывод о том, что программа капитальных вложений в промышленность автономии во второй половине 1920-х годов строилась на увеличении государственных расходов без привязки к требованиям рынка, а ее реализация вела к нарастанию диспропорций между промышленностью и сельским хозяйством, закладывая будущие противоречия и предпосылки для последовательного огосударствления и централизованного планирования.

В завершающей главе монографии дан обстоятельный анализ реализации социальной политики Советского государства в Чувашии, направленной на уничтожение богатых и «фаворитизацию» бедноты согласно доктринальным установкам большевистской партии. Опора на современные документальные публикации позволила автору раскрыть особенности трансформации социальной структуры населения в автономии, где доминировали бедные слои в противовес процессу осереднячивания в стране, выяснить причины восстания чувашских крестьян в январе 1921 г., последствия голодного бедствия, страх которого преследовал крестьян автономии в течение всего первого десятилетия советской власти. Исследователь

прав, утверждая об обреченности ставки большевиков на бедняков, которые зачастую из-за боязни лишения всевозможных льгот от советской власти не имели стимулов для восстановления хозяйства. В то же время они, не боясь репрессий со стороны властей, стали массово заниматься изготовлением самогона, в том числе и в целях реализации в городах, на пристанях и железнодорожных станциях. При поголовном пьянстве населения, включая ответственных партийных и советских работников и сотрудников правоохранительных органов, трудно было ожидать позитивных перемен в социально-экономическом развитии автономии. Неудивительно, что в конце 1920-х годов Чувашия оставалась одной из самых отсталых автономий РСФСР, что подтверждается материалами работы федеральной правительственной комиссии летом 1928 г., а также соответствующими постановлениями Политбюро и Совнаркома РСФСР.

Вместе с тем выполненная работа В.В. Орлова не лишена недостатков и упущений. Прежде всего напрашиваются отдельные разделы, посвященные изучению охраны здоровья населения и преодолению безработицы. Для Чувашской автономии – это крупные и весьма острые социальные проблемы. Автор лишь вскользь затрагивает эти сюжеты, причем без должного раскрытия. Следовало бы также полнее исследовать причины противодействия властей Самарской и Симбирской губерний планам руководства Чувашии по расширению ее территории. Пока же автор ограничился констатацией этого факта без необходимого анализа. Судя по тексту книги, в 1920-е годы Чувашия была одной из самых проблемных регионов страны. Пути и способы преодоления «чувашского тупика», кстати, термина, введенного федеральными властями, не единожды рассматривались на заседаниях Политбюро, ВЦИК и Совнаркома РСФСР, на месте проработали десятки правительственных и партийных комиссий. Информацию о результатах их работы предпочтительнее подавать в концентрированном виде и, возможно, отдельным параграфом. Пока же эти сведения разбросаны по всем разделам монографии, что мало способствует цельному восприятию этих сюжетов. Вся новая и полезная информация представлена в более чем 50 таблицах и в солидном Приложении. Но в книге недостаточно ссылок на использование информации из Приложений.

Рецензируемая монография, которая посвящена актуальной теме, в целом носит завершённый характер, имеет глубокое содержание и оригинальную авторскую позицию. Солидный фактический материал, в большинстве своём впервые введённый в научный оборот, позволяет объективно проанализировать этнополитическое и социально-экономическое развитие Чувашии в 1920-е годы, а также опровергнуть многие положения советской и перестроечной историографии, не имевшие до того прочного источникового фундамента и документального обеспечения.

ДИМИТРИЕВ ВАСИЛИЙ ДИМИТРИЕВИЧ

(К 85-летию со дня рождения)

11 января 2009 г. исполнилось 85 лет видному российскому историку, исследователю и педагогу Василию Димитриевичу Димитриеву. Он родился в д. Новое Сюрбеево Цивильского уезда (ныне одноименного района) Чувашской автономной области в крестьянской семье. После окончания сельской школы в 1940 г. поступил на исторический факультет Чувашского государственного педагогического института, где проучился до августа 1942 г. Весной 1942 г. был избран секретарем комитета ВЛКСМ института, и ему пришлось уделять много внимания организации оборонно-массовой работы. После призыва в Красную Армию В.Д. Димитриев окончил 1-е Ростовское артиллерийское училище (в г. Нязепетровск Челябинской области) и в звании младшего лейтенанта был назначен командиром взвода управления, затем огневого взвода 33-й Черкасской истребительно-противотанковой артиллерийской бригады и воевал на П-м Украинском и I-м Прибалтийском фронтах, участвовал в освобождении от фашистов Украины, Литвы и Латвии. В октябре 1944 г. был ранен и после излечения направлен на III Белорусский фронт, где воевал в качестве командира огневого взвода в 1-й гвардейской Смоленской Краснознаменной, ордена Кутузова истребительно-противотанковой артиллерийской бригады, в составе которой участвовал в боях за Восточную Пруссию до мая 1945 г. На фронте был награжден орденом Красной Звезды, медалью «За взятие Кёнигсберга». В 1985 г. бывшему воину был вручен орден Отечественной войны 1-й степени, он награжден многими юбилейными медалями.

Демобилизовавшись из армии, в 1946–1948 гг. продолжил учебу в Чебоксарах, был сталинским стипендиатом. Будучи студентом, написал свою первую научную работу «Очерк дореволюционной истории города Чебоксары», которая увидела свет в рукописном журнале «Историк», а затем в переработанном виде была опубликована в 1959 г. в виде брошюры «Дореволюционное прошлое города Чебоксары». В.Д. Димитриева, окончившего институт с отличием, направили в Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР (ЧНИИ ЯЛИ), где он начал трудиться младшим научным сотрудником отдела истории. Ему было поручено изучать историю Чувашии в первые годы Советской власти. За три года работы он опубликовал три статьи и брошюру, посвященные преодолению в республике голода 1921–1922 гг., социально-экономическому развитию Чувашии в годы первой пятилетки и др. В ноябре 1951 г. подающий надежды молодой научный сотрудник был направлен в аспирантуру Московского государственного университета (МГУ). В связи с отсутствием в Чувашии специалистов по средневековой эпохе

молодой аспирант начал заниматься историей края первой половины XVIII в. По семейным обстоятельствам ему пришлось прервать учебу и вернуться в Чебоксары, где он полтора года проработал преподавателем в пединституте. В сентябре 1954 г. он вновь в аспирантуре на кафедре истории СССР периода феодализма МГУ, на которой тогда работали такие именитые историки, как Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, А.М. Сахаров, Г.А. Новицкий, П.П. Елифанов и др. Здесь он прошел большую школу методологии и методики исторических исследований. Его кандидатская диссертация «Социально-экономическое развитие Чувашии в первой половине XVIII века», написанная под руководством П.П. Елифанова, была одобрена маститыми учеными и успешно защищена в мае 1955 г. Через 13 лет, в 1968 г. В.Д. Дмитриев защищает в Ленинградском государственном университете докторскую диссертацию на тему «История Чувашии эпохи феодализма». Своими учителями он считает академика М.Н. Тихомирова, профессоров Н.В. Никольского, П.П. Елифанова, В.В. Мавродина, А.А. Зимина, Н.И. Павленко и С.О. Шмидта.

По возвращении в столицу Чувашии молодой ученый приступил к работе в родном вузе, но уже в сентябре 1955 г. был назначен заместителем директора – научным секретарем ЧНИИ ЯЛИ. В этом научно-исследовательском институте В.Д. Дмитриев проработал до осени 1988 г., в том числе в 1968–1988 гг. – директором. Находясь на административной должности, он чрезвычайно много сделал для расширения штата института, укрепления его материальной базы, в том числе строительства нового здания, создания и наполнения научного архива, подготовки квалифицированных кадров историков, лингвистов, искусствоведов, литературоведов, а с 1956 г. и экономистов, затем социологов, археологов. В 1967–1988 гг. он по совместительству работал профессором кафедры истории СССР в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова, где, как единственный квалифицированный специалист, преподавал русскую палеографию, историческую хронологию, русскую метрологию и нумизматику, сфрагистику и геральдику, археографию, историческую географию, архивоведение, мемуариистику, теорию и методологию истории, а также источниковедение отечественной истории.

С ноября 1988 г. по август 2000 г. он последовательно работал заведующим кафедрами истории СССР, отечественной истории, средневековой и новой истории Отечества, с сентября 2000 г. по август 2007 г. – заведующим кафедрой источниковедения и архивоведения Чувашского государственного университета. С сентября 2007 г. В.Д. Дмитриев трудится профессором кафедры источниковедения и архивоведения (архивоведения и документоведения). Своим учителем его считают не только 10 докторов и 40 кандидатов наук, в подготовке которых он участвовал, но и тысячи выпускников дневного и заочного отделений университета – слушатели его лекций и участники семинарских занятий. Легенды о его требовательности, скрупулезности, педантичности давно стали фактом жизни историко-географического (историко-филологического, исторического) факультета. Он очень много делал и делает для привития студентам критического и объективного взгляда на источники, стремится раскрыть молодым людям всю сложность познания исторического прошлого, учит их быть свободными от конъюнктурных соображений не только в науке, но и в жизни.

Научную деятельность В.Д. Дмитриев долгое время совмещал с научно-организационной и общественной работой: в течение 20 лет – член Чувашского обкома КПСС; 6 лет – депутат Чебоксарского городского Совета; 15 лет – депутат Верховного Совета Чувашской АССР и председатель его Постоянной комиссии по народному образованию, науке и культуре; 21 год – ответственный секретарь Чувашского отделения Общества советско-венгерской дружбы; 40 лет – член Чувашского республиканского комитета защиты мира; 14 лет – член Советского комитета солидарности стран Азии и Африки и др. Чрезвычайная работоспособность, талант и умение концентрировать свои усилия позволили ему преуспеть и на исследовательском, и на общественном поприще.

Приступив к научно-исследовательской работе в 1948 г., В.Д. Дмитриев к настоящему времени опубликовал 24 написанных или подготовленных им книг, 15 брошюр, 288 научных статей. Ученый является активным членом Союза журналистов России, он автор 365 газетных статей. С 1952 г. ведущая проблематика в исследованиях В.Д. Дмитриева – история

чувашского народа и края, отчасти народов Среднего Поволжья с древних времен до XIX в. Выявив огромный пласт архивных документов, исследователь создал ряд фундаментальных трудов, вошедших в золотой фонд отечественной науки. Его заслуги признаны не только отечественными, но и зарубежными коллегами. Швейцарский историк А. Каппелер в середине 1980-х годов, оценивая монографию В.Д. Дмитриева «История Чувашии XVIII века», изданную в 1959 г., писал, что «по тщательной оценке исключительно богатого материала» эта книга «является научным стандартом, которой наука других республик до сих пор не может противопоставить ничего подобного». Он считает его выдающейся фигурой среди историков Среднего Поволжья. В исследованиях В.Д. Дмитриева разработана цельная концепция истории чувашского народа и края до середины XIX в., которая изложена в первом томе «Истории Чувашской АССР» (1966, 1983). При этом следует особо отметить, что он является ученым того типа, который не замыкается в рамках изучения местной истории как таковой. Он видит связь истории чувашского народа с общим процессом исторического развития, и этим подходом пронизаны все его труды. Для всех работ исследователя характерно, во-первых, строгое источниковедческое обоснование тех или иных исторических фактов, отделение достоверного от недостоверного; во-вторых, изучение динамики исторического развития (отсюда по-районное и строгое хронологическое исследование социально-экономических явлений); в третьих, установление общего и специфического в истории Чувашии и России в целом.

Цикл работ ученого посвящен проблеме этногенеза чувашей. Он выделил в этом процессе четыре этапа, в том числе: центральноазиатский, северокавказский, волжско-камский и казанский. По его мнению, в X–начале XIII в. в Волжской Болгарии сформировалась болгарская (древнечувашская) народность, которая находилась в составе Золотой Орды до середины XIV в. В Казанский период произошло опустошение Болгарской земли и уничтожение подавляющей части болгар; оставшиеся в живых «худые (бедные) болгары» – беженцы в Приказанье, Заказанье и на территории центральной и северной части современной Чувашии, вобрав в себя часть марийцев, трансформировались в XV–XVI вв. в современную чувашскую народность.

В отличие от некоторых исследователей, рассматривающих феодальные отношения в Волжской Болгарии X–начала XIII в. как отношения классического типа с частным землевладением и крепостным крестьянством, В.Д. Дмитриев считает, что для этого государства были характерны раннефеодальные отношения восточного типа, которые переплетались с пережитками родового строя и элементами рабовладения. В опубликованной в 1996 г. фундаментальной работе «Опустошение Болгарской земли в конце XIV–начале XV веков» В.Д. Дмитриев на огромном фактическом материале показал, что в это время Болгарская земля, занимавшая территорию нынешних Самарской, Ульяновской, Пензенской областей, закамской и юго-восточной частей Татарстана и юго-восточной части Чувашии, была опустошена войсками золотоордынских ханов, ордынских эмиров, русских князей, походами Тамерлана 1391 и 1395 гг., набегами новгородских ушкуйников; 32 ее города и около 1200 селений были уничтожены. Большая часть болгаро-чувашей, почти вся светская и духовная элита перебиты, оставшиеся в живых болгаро-чуваши убежали в Приказанье и Заказанье, где образовалась Чувашская даруга (область), а также в центральные и северные районы нынешней Чувашии. В Казанском ханстве в XVI–первой половине XVIII вв. значительная часть левобережных чувашей Казанского уезда была отатарена.

Изучению проблем мирного присоединения Чувашии к Российскому государству в июне–июле 1551 г. В.Д. Дмитриев посвятил ряд статей и книги «Навеки с русским народом» (1976) и «Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству» (2001). В них автор убедительно раскрывает причины и процесс вхождения чувашского народа в состав России, доказывая, что присоединение Горной стороны русским правительством с юридической точки зрения было безупречным.

В.Д. Дмитриевым глубоко исследован ряд спорных вопросов истории Чувашии и Среднего Поволжья второй половины XVI–XVIII вв. Он доказал, что в русских источниках территория восточнее Суры считалась землей горных черемис даже после занятия ее чувашами во второй половине XIV–начале XV в. В источниках чуваши ошибочно назывались

«горными черемисами». В трудах В.Д. Дмитриева раскрыты экономика, общественные отношения, социальные движения в Чувашском крае во второй половине XVI–XVII вв.: политика царского правительства в Чувашии и Среднем Поволжье в целом, система управления, положительные результаты хозяйственной деятельности чувашских крестьян в условиях прекратившихся разорительных войн и грабительских нападений кочевых орд, расширение заселяемой чувашами территории, рост земледельческой культуры, возникновение и рост городов, помещичья-монастырская и вольная колонизации, положение социальных групп местного и пришлого населения и др. Им сделан вывод, что общественные и политические отношения во второй половине XVI–XVII вв. на бывшей территории Казанского ханства представляли собой сложный синтез общественно-политического уклада ханского времени с развитыми феодальными отношениями Российского государства. В.Д. Дмитриев впервые обстоятельно разработал проблемы национально-колониальной политики и системы управления в Среднем Поволжье (Казанской земли – на бывшей территории Казанского ханства) указанного времени.

Им тщательно разработана проблема ясачного обложения и ясачного землевладения в Среднем Поволжье (Казанской земле), показана ошибочность представлений о том, что ясак в Среднем Поволжье – дань, взимаемая с нерусских народов пушминой. Он раскрыл сущность ясака как фиксированной ренты-налога, собираемой деньгами и хлебом с определенной площади пашни и других угодий, функционирование ясака как единицы обложения, практику взимания других податей с ясака, деление целого ясака на доли, порядок взимания ясачных сборов и т.д.

На большом фактическом материале им впервые разработаны вопросы о повторном заселении чувашами во второй половине XVI–XVII вв. южной и юго-восточной Чувашии и Симбирского уезда, превратившихся в середине XIV–начале XV в. в «дикое поле», кочевья ногайских орд, о расселении чувашей в Среднем Поволжье и Приуралье в XVII–XVIII вв.

В.Д. Дмитриев доказал ошибочность распространенного мнения об искусственном создании сложных общин в Среднем Поволжье царскими чиновниками, с одной стороны, и о происхождении их непосредственно от родовых общин, с другой. Опираясь на значительный материал, он обосновал положение о происхождении сложных общин в XVI–XVIII вв. вследствие того, что на закрепленной за ясачной общиной территории возникали выделившиеся от материнских селений выселки, которые из-за консервативности системы управления в стране и живучести родовых пережитков у поволжских народов не превращались в самостоятельные сельские общины.

Большое внимание уделено В.Д. Дмитриевым вопросам возникновения городов края, в том числе обоснованию даты происхождения Чебоксар. Он правомерно считает, что столица Чувашии возникла в XIII в. как болгаро-суварский город Веда-Суар – Шупашкар – Чебоксары и просуществовала до 1555 г., когда на этом месте была воздвигнута русская крепость. Им также исследована история возникновения других городов края во второй половине XVI в. и их развитие в XVII–XVIII вв.

В исследованиях, посвященных XVIII в. (уже упоминавшаяся монография, изданная в 1959 г., ряд статей и документальных публикаций), охвачен практически весь комплекс вопросов истории народов Чувашского края: территория, состав и динамика населения, структура и эволюция землевладения, сельскохозяйственное производство, помещичье и монастырское хозяйство, эксплуатация и положение русских владельческих крестьян края, хозяйственное положение, подати и повинности чувашских государственных крестьян, ремесло и промыслы, первые мануфактуры, развитие торговли и экономические связи Чувашии с другими регионами России и др.

В трудах по истории Чувашии конца XVIII–XIX вв. исследователь показал хозяйственное и социально-экономическое развитие края, кризис крепостнических отношений, перевод значительной части чувашских государственных крестьян в удел, что привело к восстанию 1842 г. Значительное внимание уделено В.Д. Дмитриевым изучению просвещения чувашского народа, жизни и деятельности выдающегося чувашского просветителя И.Я. Яковлева, значению его наследия.

В.Д. Димитриев, пожалуй, первым из историков национальных республик России обратился к исследованию исторических преданий чувашей. На основе анализа этого уникального источника он проследил их жизнь в древнее и болгарское время, в период Золотой Орды и Казанского ханства, проанализировал мирное вхождение чувашей в состав России, возникновение новых чувашских поселений в XVI–XVIII вв., расселение чувашей в Среднем Поволжье и Приуралье, народные движения 1670 г. и 1773–1775 гг., положение чувашского народа в первой половине XIX в. Сопоставляя содержание преданий с историческими документами, ученый большое внимание уделил выявлению уровня достоверности преданий.

Ряд его работ посвящен анализу вопросов этнографии и истории культуры чувашей: старинному чувашскому лунно-солнечному календарю, метрологии, религии и семейным отношениям сувар VII в., этапам христианизации чувашей с середины XVI в. до 1861 г., чувашской песне конца XVII в., численности чувашей в России в XVII–XIX вв., взаимоотношениям чувашей и русских, влиянию русской культуры на чувашскую в конце XIX–начале XX в. Им изданы книги и статьи о жизни и научной деятельности историков и этнографов Н.Я. Бичурина, С.М. Михайлова, Н.В. Никольского, М.П. Петрова (Тинехпи), И.Д. Кузнецова, археолога В.Ф. Каховского и др.

Как археографу ему принадлежит несколько публикаций выдающегося значения. Он выявил и опубликовал уникальные акты времен Казанского ханства, документы по истории народов Среднего Поволжья XVI–XVII вв., ценнейшую уставную грамоту Ивана IV 1574 г., определявшую порядок воеводского управления населением Казанской земли и его повинности, царские указы казанским, чебоксарскому и царевokokшайскому воеводам, документы о заселении юго-восточной Чувашии XVII в., Ядринской приказной избы и др. В.Д. Димитриев и сегодня продолжает активно трудиться как исследователь: усердно работает над монографией «История чувашского народа и края XIV–XVII веков».

Исследования В.Д. Димитриева стали заметным подспорьем для историков соседних регионов Среднего Поволжья. Он оказал огромную помощь в становлении известных ученых региона, докторов исторических наук Г.Н. Айплатова и А.Г. Иванова (Республика Марий Эл), М.В. Гришкиной (Удмуртия), Н.В. Заварюхина (Мордовия), И.Г. Акманова (Башкирия) и др.

За успехи в своей многогранной трудовой деятельности он награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы, «За заслуги перед Чувашской Республикой», а также «За жизнь на Земле» международной организации «Добрые люди Мира», многими медалями, в том числе золотой медалью митрополита Макария (Булгакова). Ему присвоены почетные звания заслуженного деятеля науки Чувашской АССР и РСФСР. Он является почетным работником высшего образования России, почетным профессором Чувашского государственного университета, удостоен почетных грамот Президиума Верховного Совета РСФСР, Президиума Верховного Совета Чувашской АССР (трижды), Государственного Совета Чувашской Республики. В.Д. Димитриев – дважды лауреат Государственной премии Чувашской Республики в области науки и техники, лауреат республиканских журналистских премий им. С.В. Эльгера и Н.В. Никольского, дважды лауреат премии Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Основные научные труды

К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1956. Вып. 14. С. 173–218.

О ясачном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории, 1956. № 2. С. 107–115.

К вопросу о ясаке в Среднем Поволжье // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. 16. С. 278–293.

О личном архиве И.Я. Яковлева // Советская педагогика, 1958. № 9. С. 93–100.

О происхождении чувашского народа // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958. Вып. 1. С. 50–61.

Чувашия в первой половине XVIII века // Там же. С. 222–302.

История Чувашии XVIII века (до Крестьянской войны 1773–1775 гг.). Чебоксары, 1959. 532 с.

Два описания чувашей и чувашские словари второй четверти XVIII века // Вопросы археологии и истории Чувашии. Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. 19. С. 270–302.

Новые материалы о Н.Я. Бичурине, выявленные в архивах Чебоксар и Казани // Там же. С. 320–342.

Параллели в верованиях древних суваров и чувашей // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1962. Вып. 21. С. 226–236. В соавторстве.

Документы по истории города Чебоксар XVII–XVIII веков // Там же. С. 282–318.

Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI–начала XVII веков // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 22. С. 106–136.

К вопросу о сложных общинах в Чувашии // Вопросы экономики и истории Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 23. С. 196–228.

О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI–начала XVIII веков // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. 27. С. 118–132.

Из истории городов Чувашии второй половины XVI–начала XVII веков // Вопросы истории Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1965. Вып. 29. С. 135–183.

История Чувашской АССР. Чебоксары, 1966. Т. 1. Гл. I–IX. С. 5–151. В соавторстве.

Чувашия в конце XVIII–начале XIX веков (по материалам Генерального межевания) // Исторический сборник. Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1966. Вып. 31. С. 64–137.

Разбор князя Ф.Ф. Бельского в Чебоксарах в 1679–1680 годах (о дворянах и детях боярских, чувашских тарханах, приказных и гулящих людях) // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1967. Вып. 36. С. 46–101.

Документ о земельных отношениях ясачных чувашей // История и культура Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. Вып. 1. С. 428–436.

«Царские» наказания казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 284–419.

Навеки с русским народом. Чебоксары, 1976. 80 с.

Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI в.–1861 г.) // Проблема религиозного синкретизма и развития атеизма в Чувашской АССР. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1978. С. 81–119.

Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во второй половине XVI–начале XVII веков // Вопросы аграрной истории Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 3–19.

Чувашский календарь и метрология. Чебоксары, 1982. 36 с.

О социально-экономическом строе и управлении в Казанской земле // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 98–107.

О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чувашы. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 23–57.

Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986. 456 с.

Сведения о чувашских землях, селениях и крестьянах в Свяжских писцовых книгах 1565–1567 годов // Исследования по истории дореволюционной Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 3–16.

Охадер Томеев – чувашский общественно-политический деятель второй четверти XVIII века // Исследования по истории Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 18–30.

О трудах швейцарского историка А. Каппелера по истории народов Среднего Поволжья с древних времен до середины XIX века // Из истории дореволюционной Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары. С. 3–34.

Н.В. Никольский – чувашский ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары, 1993. 72 с.

Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары, 1993. 446 с.

С.Ф. Сайкин – воин, ученый, педагог, общественный деятель. Чебоксары, 1994. 56 с.

История и национальные проблемы чувашского народа // Вестник Чувашской национальной академии, 1994. № 2. С. 26–33.

Выписка

ЧУВАШ РЕСПУБЛИКИН ПРЕЗИДЕНЧЕН
УКАЗЪ
УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

О награждении государственными наградами
Чувашской Республики

За выдающийся вклад в развитие исторической науки, многолетнюю плодотворную работу по подготовке квалифицированных специалистов награждать

ОРДЕНОМ
«ЗА ЗАСЛУГИ ПЕРЕД ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ»

Димитрисва Василия Димитриевича – доктора исторических наук, профессора федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова».

Президент
Чувашской Республики И. Федоров

г. Чебоксары
1 ноября 2008 года
№ 110

- К 1100-летию чувашской государственности // Лик Чувашии, 1995. № 2. С. 115–121.
- Опустошение Болгарской земли в конце XIV–начале XV веков // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 1996. № 2. С. 45–76.
- К вопросу о лесовой повинности и лесовых (бревенных) деньгах в Казанском крае во второй половине XVII века // Вестник Чувашского университета, 1997. № 2. С. 11–21.
- В.И. Ильдеменов – ученый, экономист, педагог, общественный деятель. Чебоксары, 1998. 46 с. В соавторстве.
- Антимосковское движение в Казанской земле в 1552–1557 годах и отношение к нему ее Горной стороны // Народная школа, 1999. № 6. С. 111–123.
- Историография и источниковая база истории чувашского народа в составе Казанского ханства // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 1999. № 2. С. 3–26.
- В годы Великой Отечественной войны и службы в армии: Воспоминания. Чебоксары, 2000. 154 с.
- Чуваши: этническая история и традиционная культура. М., 2000. 96 с. В соавторстве.
- Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001. 120 с.
- Историческая судьба и современные национальные проблемы чувашского народа. Чебоксары, 2001. 160 с. (На чувашск. яз.).
- Востоковед Н.Я. Бичурин и Чувашия. Чебоксары, 2002. 60 с.
- Просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев. Сб. статей. Чебоксары, 2002. 140 с.
- Политика Московского правительства в Чувашском крае в XVII веке (по наказам воеводам) // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 2002. № 4. С. 20–43.
- Порецкая вотчина Алатырского уезда в XVII–начале XVIII веков // Вестник Чувашского университета, 2002. № 1. С. 20–43.
- Л.П. Кураков – ученый, организатор высшего образования и науки, государственный деятель. Чебоксары, 2003. 156 с.
- М.П. Петров (Тинехпи) – деятель просвещения и культуры, этнограф и историк: Учебное пособие. Чебоксары, 2003. 56 с.
- О чувашском ученом и писателе середины XIX века С.М. Михайлове и его сочинениях о чувашах, марийцах и русских Волжско-Сурского края. Учебное пособие. Чебоксары, 2003. 218 с.
- Чебоксары. Очерки по истории города конца XIII–XVII веков. Чебоксары, 2003. 178 с.
- Основные вехи истории чувашского народа и края X–XVII веков // Волжские земли в истории и культуре России. М., 2003. С. 22–32.
- Порецкая вотчина Алатырского уезда в XVII–начале XVIII веков // Вестник Чувашского университета, 2003. № 1. С. 3–39.
- Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. Сб. статей. Чебоксары, 2004. 312 с.
- Посадские люди города Свияжска, Карлинская слобода полковых казаков, помещики и крепостные крестьяне чувашской части Свияжского уезда по переписным книгам 1646 года // Вестник Чувашского университета, 2005. № 1. С. 19–45.
- Землевладение служилых чувашей Свияжского уезда в середине XVII века // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: Материалы VIII Международной региональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19–21 мая 2005 г.). М., 2005. С. 53–71.
- О попытке создания «Чувашского краеведческого словаря» // Чувашский гуманитарный вестник, 2007/2008. № 3. С. 45–52.

И.И.Бойко, С.М.Каштанов.

ЕГОРОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет Николаю Ивановичу Егорову – видному ученому, известному тюркологу-компаративисту, этимологу, доктору филологических наук, профессору кафедры народно-художественного творчества и социально-культурной деятельности Чувашского государственного института культуры и искусств, почетному профессору Кокшетауского государственного университета им. Ш. Улиханова Министерства образования и науки Республики Казахстан, ведущему научному сотруднику отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН).

Н.И. Егоров родился 20 февраля 1949 г. в д. Старое Янситово Урмарского района Чувашской АССР. После окончания Сине-Кинчерской восьмилетней школы в 1964 г. поступил в Казанское фармацевтическое училище. В 1972 г. Н.И. Егоров продолжил обучение в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова (ЧГУ), где под руководством известных профессоров М.Р. Федотова, И.А. Андреева, Н.П. Петрова и др. изучал общее и сравнительное языкознание, тюркологию, сравнительную грамматику тюркских языков, древнетюркский язык, чувашский язык и его историю и др. научные дисциплины. Научные пробы пытливого студента в области исследования чувашского фольклора поддержали доценты И.И. Одюков и В.Я. Канюков, интересы в области языкознания – профессора И.А. Андреев, Н.П. Петров, Л.П. Сергеев, доценты И.П. Павлов, А.С. Канюкова и Е.Ф. Васильева.

Особую роль в становлении личности Николая Ивановича сыграл профессор М.Р. Федотов. В 1977 г. в «Реферативном журнале. Серия 6. Языкознание» появилась первая публикация Н.И. Егорова, посвященная учебнику М.Р. Федотова «Введение в тюркологию».

Сразу же после окончания ЧГУ начинающего исследователя пригласили на работу в Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук). Н.И. Егоров в 1977–1992 гг. работал научным сотрудником отдела языка института; в 1992–1993 гг. – директором Чувашского краеведческого музея; в 1993–2004 гг. – профессором Чувашского государственного университета (в 1995–2004 гг. – заведующим кафедрой тюртологии); с 2004 г. работает ведущим научным сотрудником отдела языкознания ЧГИГН.

В годы работы в Чувашском научно-исследовательском институте (1977–1992 гг.) этимология и история чувашского языка становятся в научных поисках Николая Ивановича стержневыми дисциплинами исследований. Он с головой уходит в работу по составлению многотомного «Историко-этимологического словаря чувашского языка», принимает самое активное участие в составлении инструкции, словника, пробных статей. Стал одним из организаторов научно-практической конференции «Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка» (Чебоксары, 1979). В 1980-х годах выходит серия статей молодого ученого, посвященная принципам построения, целям и задачам этимологических словарей отдельных тюркских языков и их характерных особенностей, в которых апробируется разработанная Н.И. Егоровым методика работы над словарем.

В филологическую науку Н.И. Егоров вошел серией пионерных работ, посвященных сравнительно-историческому и этимологическому изучению чувашских терминов родства и свойства, осуществив тем самым подход к языковому материалу как историческому источнику, который способен раскрыть элементы социального строя и жизни далеких предков чувашей и, шире, тюркских, монгольских и др. народов, традиционно объединяемых в алтайскую общность.

В 1977 г. кафедра чувашского языка ЧГУ им. И.Н. Ульянова приглашает Н.И. Егорова на работу по совместительству и поручает чтение сложных тюркологических дисциплин: «История чувашского языка», «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», «Введение в тюркологию» и др. Помимо этого, он разработал и читал студентам ряд спецкурсов: «Основы этимологического анализа», «Введение в чувашскую ономастику», «Введение в алтаистику» и др. Однако важнейшей для Н.И. Егорова была работа над этимологическим

словарем. Перед ним стоял целый ряд теоретических проблем, связанных с реконструкцией праформ, периодизацией истории болгаро-чувашского языка, хронологизацией внутриязыковых явлений и внешних контактов.

Ряд статей Н.И. Егорова посвящен критическому осмыслению алтайской теории и выяснению истинного места, занимаемого болгаро-чувашским языком среди тюркских и монгольских языков. Серию статей ученый посвятил доказательству исторической огуро-оногуро-болгаро-чувашской преемственности, которые позже послужили базой для научной периодизации истории чувашского языка.

В последующем область научных интересов Н.И. Егорова от этимологической обработки отдельных значительных областей нарицательной лексики расширяется и переходит в сферу чувашской ономастики. Он собирает материал по топонимии, антропонимии, этнонимии и астрономии тюркских и финно-угорских народов, тщательно изучает их историю и этимологию. В его собрании находятся десятки тысяч единиц ономастической лексики.

Примером удачного сочетания в этимологических исследованиях собственно языковых данных с экстралингвистическими — историко-культурологическими, этнографическими, фольклорными фактами является серия статей Н.И. Егорова, посвященная исследованию истории темпоральной лексики чувашского языка и традиционного календаря, ряд оригинальных проблемных работ по фольклору и этнографии, истории чувашского народа, целую серию диафильмов по традиционной культуре.

Благодаря исследованиям Н.И. Егорова на карте Среднего Поволжья открыты следы индоевропейского языка индоарийского характера (гидронимы Сура, Алатырь, Вятка, Кама, Ока, Парат, Самара, Свяга, Сорма, Унга, Юнга и др.), условно названного О.Н. Трубачевым синдомеотским. Это обогатило новыми материалами не только историю индоарийских языков, но и в первую очередь этническую историю региона в древности.

Последовательная смена индоевропейских, финно-угорских, тюркских и др. этносов и их сосуществование в отдельные временные отрезки породили чрезвычайную лингвогенетическую пестроту гидронимии на обширной территории Чувашского Поволжья, где ученым обнаружены индоарийские, иранские (скифо-сарматские), финно-угорские (марийские, мордовские), тюркские (болгаро-чувашские, среднекыпчакские, татарские, мишарские), восточнославянские, а также опосредованные тюркскими языками среднемонгольские, персидские, арабские и др. следы, в топонимике перекрытые мощным чувашским пластом.

В 1992 г. Институт языкознания АН Казахской ССР представил чувашского тюрколога-компаративиста к публичной защите научного доклада по совокупности опубликованных работ на соискание ученой степени доктора филологических наук. В конце марта 1992 г. состоялась защита: специализированный совет Казахского государственного педагогического университета им. Абая вынес единогласное решение о присвоении ученой степени доктора филологических наук научному сотруднику Чувашского научно-исследовательского института Н.И. Егорову. В ноябре 1992 г. Высшая аттестационная комиссия при Совете Министров СССР утвердила решение спецсовета Казахского государственного педагогического университета им. Абая и выписал Н.И. Егорову Диплом доктора филологических наук.

В 1993 г. ученого приглашают на работу в ЧГУ им. И.Н. Ульянова, где он организывает сначала кафедру культурологии, а в 1995 г. принимает активное участие в открытии в университете кафедры тюркологии.

Из многочисленных публикаций Н.И. Егорова предстает глобальная общетюркологическая и, шире, евразийская проблематика лингвистического, исторического, этнологического и культурологического содержания, составляющая содержание готовящегося к изданию многотомного труда «Историческое развитие лексики болгаро-чувашского языка». Этот грандиозный по своим масштабам, широте охвата и репрезентативного эмпирического материала практически всех языковых семей Евразийского континента, хронологической глубине (с III тысячелетия до н.э. и до наших дней) и топологической широте труд через компаративную обработку лексического материала призван осветить жизнь исторических предков чувашей, а также генуинных и исторически контактировавших народов континента на всем доступном обозрении с вершин современной компаративистики пространственно-временном континууме.

Н.И. Егоров тесно сотрудничает со многими учреждениями культуры. Практически все республиканские фольклорные фестивали проходят по его сценариям. Часто он выступает и в качестве режиссера массовых праздников всечувашского и всероссийского значения. По его сценарию и при прямом непосредственном участии сняты несколько короткометражных научно-популярных кинофильмов, которые часто демонстрируются не только по местному, но и по центральному телевидению. Юбиляр является автором текстов более десятка песен, получивших признание в народе.

Перу Н.И. Егорова принадлежат портретные очерки об ученых. Яркие очерки творческой биографии Н.И. Золотницкого, М.Р. Федотова, Л.П. Сергеева, И.П. Павлова, В.Г. Егорова, М.И. Скворцова, Е.С. Сидоровой, И.А. Патмара и др., представляют большой интерес как взгляд на историю чувашской гуманитарной науки глазами крупного ученого-филолога.

Под редакцией Н.И. Егорова в разное время был опубликован ряд сборников, словарей, учебников. Он является членом редколлегии научного журнала «Türkbilig: Türkologijî araştırmaları» (Анкара, Хаджеттепе), «Вестника Тракийского университета» (Эдирне, Турция), пятидесятилетнего свода чувашского фольклора и др.

В последние годы Н.И. Егоров ведет большую научно-организационную работу не только в масштабах Чувашской Республики. Он является членом президиума Всемирной ассоциации тюркологов (Туркестан, Республика Казахстан), членом бюро Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук Российской Академии наук, почетным членом президиума Международного научно-исследовательского центра тюркологии и алтаистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан).

Вклад Н.И. Егорова в тюркологическую науку достойно оценен. Он удостоен почетного звания заслуженный деятель науки Чувашской Республики (1999), награжден нагрудными знаками «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан» (2008) и «Почетный работник образования Республики Казахстан» (2009).

Основные научные труды

Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. I. Мать (Родительница) // Вопросы лексикологии и фразеологии чувашского языка. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1979. С. 41–68.

Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. II. Отец (Родитель) // Исследование по этимологии чувашского языка. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 3–46.
Чувашский саламалик // Чувашский фольклор: Специфика жанров. Чебоксары, 1982. С. 106–129.

Историческое развитие общетюркского *a* первого слога в болгаро-чувашском языке // Вопросы фонетики, грамматики и фразеологии чувашского языка. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 35–63.

Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. II. Отец (Родитель) // Исследования по исторической лексикологии чувашского языка. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 3–26.

По следам золоторогого оленя // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань, 1983. С. 128–133.

Булгаро-чувашско-кыпчакские этноязыковые отношения в XIII–XVI веках // Булгары и чувашы. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 90–102.

Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. III. Старший брат // Этимологические исследования по чувашскому языку. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 3–32.

Булгаро-монгольские языковые взаимоотношения и алтайская теория // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т. 1. История. Литературоведение. М., 1985. С. 182–198.

Чувашская диалектология и этимология // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 55–66.

Булгаро-чувашско-монгольские параллели и алтайская теория // Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе: Материалы конференции. Чебоксары, 1986. С. 52–74.

Взаимовлияние диалектных терминов родства тюркских языков Поволжья и Урала // Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков. Уфа, 1986. С. 145–149.

Женские личные имена низовых чувашей-язычников // Культура и быт низовых чувашей. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 88–104.

Историческое развитие общетюркского *a* первого слога в булгаро-чувашском языке. III // Вопросы чувашской фонетики и морфологии, истории чувашского языка. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 3–16.

К вопросу о месте и времени древних булгаро-угорских контактов // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986 (на обл. 1987). С. 49–57.

Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. IV. Старшая сестра // Чувашский язык: Проблемы исторической лексикологии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 3–26.

О целях «Историко-этимологического словаря чувашского языка» и задачах по его подготовке // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка. Чебоксары, 1986. С. 8–22.

Материалы к вопросу о татарских лексических заимствованиях в чувашском языке // Чувашский язык: Проблемы исторической лексикологии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 65–85. В соавторстве.

Женские имена низовых чувашей-язычников. II // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 54–71.

К этимологии чувашских орнитонимов IV // Чувашский язык: История и этимология. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 83–104. В соавторстве.

Оногуры, савиры, болгары и их взаимоотношения в I-й половине тысячелетия н.э. // Чувашский язык: История и этимология. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 16–31.

Взаимовлияние диалектных систем терминов родства тюркских языков Поволжья и Урала // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье. Чебоксары, 1988. № 12. С. 58–67.

Диалектологическая практика: Методические указания по сбору лексического материала. ЧГУ. Чебоксары, 1988. 20 с. В соавторстве.

Оногуры, савиры, болгары, угры и их взаимоотношения в I-й половине тысячелетия н.э. Продолжение // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 3–18.

Чăваш чĕлхин историйĕ [История чувашского языка]. Методика кăтартăвĕсем. Шупашкар, 1988. 31 с.

Историческое развитие чувашской лексики // Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1990. Т. 1. С. 128–145.

Чувашские праздники и обряды (Чăваш уявĕсемпе мешехисем). Методическое пособие к комплексу цветных диапозитивов. Чебоксары, 1991. 63 с.

Перестройка и ближайшие перспективы развития чувашского языка // Тăван чĕлхе икчĕлхелĕх тапхăрĕнче. ЧНИИ стăтйисен пуххи. Шупашкар, 1991. С. 33–56.

Проблемы генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка и теория булгаро-чувашской этноязыковой преемственности // Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. Алма-Ата, 1992. 82 с.

Праздники и календарные обряды // Культура Чувашского края. Чебоксары, 1994. Ч. 1. С. 175–229.

Чувашская мифология // Культура Чувашского края. Чебоксары, 1994. Ч. 1. С. 109–146.

«Время собирать камни...» // Чăваш филологийĕпе культура институтĕн кадрĕсем хатĕрлес ёсри вырăнĕ тата пĕлтерĕшĕ. Шупашкар, 1996. С. 38–41.

Этимологический словарь чувашского языка // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 1997. № 1. С. 148–167.

Медиатор между прошлым и будущим (К 80-летию академика М.Р. Федотова) // Исследователь чувашской культуры и истории. Уфа, 1998. С. 73–102.

Оградим науку от лженаучных гипотез и концепций // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 1998. № 1. С. 133–137.

Традиционный зимний праздник *сурхури*: этимология названия и уточнение его исторического места в народном обрядовом календаре // Чăваш филологийĕпе культуры. Ăслăлах конференцийĕн материалĕсем. Шупашкар, 1998. С. 19–21.

Академик М.Р. Федотов: Краткий очерк научно-педагогической деятельности // Историко-этимологическое изучение чувашского и алтайских языков. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию академика М.Р. Федотова. 20 января 1999 г. Чебоксары, 1999. С. 4–13.

Булгаро-чувашский язык в Евразийском геополитическом пространстве в последние два тысячелетия своей истории // Историко-этимологическое изучение чувашского и алтайских языков. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию академика М.Р. Федотова. 20 января 1999 г. Чебоксары, 1999. С. 13–27.

Булгаро-чувашский язык в Евразийском геополитическом пространстве в последние два тысячелетия своей истории. Чебоксары, 1999. 32 с.

Корифей чувашской тюркологии М.Р. Федотов. Чебоксары, 1999. 112 с.

Миры Михаила Романовича Федотова: К 80-летию академика НАНИ ЧР // Корифей чувашской тюркологии Чебоксары, 1999. С. 41–79.

Научные труды академика М.Р. Федотова // Корифей чувашской тюркологии. Чебоксары, 1999. С. 91–112.

Топонимика Мариинско-Посадского района // *Иванов И.И., Тафаев Г.И.* Малая родина. Чебоксары, 1999. Ч. III. Чебоксары, 1999. С. 27–66.

Чăваш ятне, чăваш чысне тăвалла туртатъ (М.Р. Федотов академикăн пурнăçĕпе ёçĕхĕлĕсем) // Корифей чувашской тюркологии. Чебоксары, 1999. С. 10–26.

Очарованная мудростью народной // Фольклор тĕпчевĕшĕ Е.С. Сидорова. Шупашкар. 2000. С. 13–23.

Древнейшие индоевропейские (индоиранские и восточноиранские) лексические заимствования в пратюркском и проблемы ранних этапов этнолингвогенеза огуров (протобулгар) // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 2000. № 3. 2001. № 1. 2001. С. 185–204. В соавторстве.

Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период (Сост., коммент., биогр. справки). Чебоксары, 2001. 255 с.

Древнейшие индоевропейские (индоиранские и восточноиранские) лексические заимствования в пратюркском и проблемы ранних этапов этнолингвогенеза огуров (протобулгар) // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 2002. № 4. С. 140–154. В соавторстве.

Древнейшие иранские языковые заимствования пратюркской эпохи в чувашском языке // Урхи Наумĕ. Чăваш чĕлхеси Наум Андреевич Андреев 110 сул тулгарнă май. Статьясен пуххи. ЧПГĂИ. Шупашкар, 2002. С. 29–44.

Чувашский космос // *Никитин А.С.* Мир чувашский. Чебоксары, 2003. С. 13–38.

Заговорят ли абашевцы?.. (К этимологии гидронима *Сура* и проблеме этноязыковой принадлежности создателей абашевской культуры) // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 2003. № 4. С. 93–114.

Приемы и методы компаративного изучения этнокультурной лексики (на примере чувашской лингвокультуры *сарă* «женский поясной убор») // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века. Чебоксары, 2005. С. 140–167.

Исследователь истории тюркских, уральских и алтайских языков // Ученые (Библиотека Президента Чувашской Республики. Т. IV). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. С. 314–328.

Проблемы хронотопологической стратификации чувашско-монгольских лексических параллелей и их историческая интерпретация // Чувашский гуманитарный вестник, 2006. № 1. С. 144–163.

Просветитель народов Поволжья (Н.И. Золотницкий) // Ученые (Библиотека Президента Чувашской Республики. Т. IV). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. С. 163–174.

Этимология гидронима *Сура* (К проблеме этноязыковой принадлежности населения абашевской культуры) // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары, 2006. С. 132–167.

Изысканные дары академика Л.П. Сергеева чувашскому языку // *Сергеев Л.П.* Чувашский язык: диалектологический аспект. Избранные статьи. В 2-х тт. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. Т. 1. С. 3–35.

А.В. Кузнецов.

СЕРГЕЕВ ЛЕОНИД ПАВЛОВИЧ

(К 80-летию со дня рождения)

Исполнилось 80 лет со дня рождения видного чувашского языковеда, заслуженного деятеля науки Чувашской Республики и Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора, заведующего чувашской диалектологической лабораторией Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева Леонида Павловича Сергеева.

Л.П. Сергеев родился 3 июня 1929 г. в семье сельского учителя в д. Сюрла-Три Моргаушского района Чувашской АССР. Окончив среднюю школу, пытливым юноша поступил на чувашское отделение филологического факультета Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. Выбор будущей профессии был не случайным. Интерес к филологии и педагогическому труду ему был привит самым близким человеком – отцом. Павел Сергеевич был прекрасным педагогом и пользовался огромным уважением в округе. Кстати, его перу принадлежит «Экспериментальный учебник по чувашскому языку», изданный в соавторстве с Т. Малышевым в 1930 г. Как справедливо подчеркивает профессор Н.И. Егоров, научно-педагогическое кредо Л.П. Сергеева имеет глубокие генетические корни. В годы учёбы в институте большую роль в становлении студента Леонида Сергеева как языковеда сыграли профессор С.П. Горский и чл.-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР М.Я. Сироткин.

Л.П. Сергеев начал свою педагогическую деятельность, ещё будучи студентом-заочником. С 1948 по 1961 гг. он работал в Моргаушском районе: учителем, завучем, директором школы и заведующим РОНО. После аспирантуры его научная деятельность проходила в Научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН) (в должностях старшего научного сотрудника и заведующего отделом языка), в Чувашской лаборатории НИИ национальных школ Министерства просвещения РСФСР и в Чувашском государственном педагогическом институте им. И.Я. Яковлева.

Ещё в студенческие годы зародился интерес у будущего ученого к диалектным особенностям чувашского языка: он начал записывать разговорные особенности верхового диалекта, в частности, свой местный говор. Постепенно вовлекал в это дело учащихся школы. Соответственно тему научного изыска он выбрал изучение и описание диалектных особенностей урмарского говора. Методом полевых исследований за короткий срок Л.П. Сергеев вместе с супругой Татьяной Николаевной обследовал десятки чувашских населенных пунктов нынешних Козловского и Урмарского районов. В 1965 г. Леонид Павлович в Институте языкознания АН СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Урмарский говор чувашского языка».

Огромный вклад внес Л. П. Сергеев в диалектологию чувашского языка. В период работы в научно-исследовательском институте он приступил к созданию «Диалектологического атласа чувашского языка». В многочисленных экспедициях им был собран богатый мате-

риал, который постоянно анализировался и систематизировался. Постепенно создалось научное описание диалектной системы всего чувашского языка, включающего и многочисленные говоры чувашской диаспоры. Ряд вопросов чувашского языка впервые получили глубокое и всестороннее освещение. В настоящее время «Диалектологический атлас чувашского языка» хранится в архиве ЧГИГН. Создание такого атласа, включающего в себя около четырехсот пятидесяти карт фонетических, грамматических и лексических особенностей, выдвинуло Л.П. Сергеева в число крупных специалистов в области лингвистической географии. Благодаря широте и разнообразию охваченного материала, атлас позволяет представить наиболее полную картину современного состояния чувашских территориальных говоров. Диалектные границы чувашского языка представляют весьма сложное образование. Без данных лингвистической географии невозможно установить точные границы ареального распространения языковых фактов. Только лингвистическая география дает возможность путем сопоставительного изучения диалектной структуры языка правильно и научно обоснованно выделить диалекты и говоры чувашского языка.

Профессор Л. П. Сергеев – один из первых языковедов-тюркологов страны, применивший картографический метод исследования диалектных особенностей языка, а в чувашском языкознании он является основателем лингвистической географии. Пробный том своего «Диалектологического атласа чувашского языка» Леонид Павлович продемонстрировал еще в 1963 г. на IV региональном совещании по диалектологии тюркских языков в г. Фрунзе. Созданный Л.П. Сергеевым уникальный труд явился важным этапом в развитии чувашской диалектологии второй половины XX в. Его данные имеют фундаментальное значение для изучения различных аспектов истории чувашского языка и его носителя – чувашского народа – для решения многих вопросов исторической диалектологии, этнографии, а также способствуют решению прикладных задач. Высокий научный уровень исследований, богатство и разнообразие рассматриваемого материала, глубокий анализ наиболее сложных и спорных проблем чувашской диалектологии позволили автору разработать оригинальное и в то же время стройное учение не только о чувашской диалектологии, но и в целом о тюркской диалектологии.

В 1973 г. Л.П. Сергеев в Азербайджанском государственном университета им. С.М. Кирова успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Диалектная система чувашского языка (диалектологический атлас)». Спустя десятилетия, в 2008 г., постепенно дополняя данную работу новыми материалами, ученый представил свой труд научной общественности в виде отдельной монографии. Эта работа имеет принципиальное методологическое значение для тюркской и общей диалектологии, способствует более детальному раскрытию диалектологических особенностей чувашского языка. В ней параллельно ставятся также вопросы, разрешение которых представляет интерес не только для чувашского языкознания, но и для тюркологии в целом.

Л.П. Сергеев вносит большой вклад в развитие системы школьного образования Чувашской Республики. Много времени и сил уделяет прикладным вопросам языкознания, содержанию национально-регионального компонента образования. Он является автором программ, учебников и учебных пособий по родному языку для школ и вузов республики.

За большие успехи в труде и общественной жизни Л.П. Сергеев дважды награждался почетными грамотами Президиума Верховного Совета Чувашской АССР (1957, 1979), а также почетными грамотами Министерства просвещения РСФСР и Чувашской АССР. За заслуги в научной и педагогической деятельности и активное участие в общественной жизни ему были присвоены почетные звания заслуженного деятеля науки Чувашской Республики (1990) и заслуженного деятеля науки Российской Федерации (2001). Награжден знаками «Отличник народного просвещения», «Отличник просвещения СССР», нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2000), «Медалью ордена им. А.С. Макаренко» (2008).

Л.П. Сергеев продолжает плодотворно трудиться на поприще народного образования. Из года в год печатает все новые и новые научные труды. По вопросам чувашского языкознания им опубликовано более 350 работ, объем которых превышает 600 печатных листов. Это

монографии, учебники, учебные пособия, статьи по чувашской диалектологии, ареальной лингвистике, истории письменности, лексике и лексикологии, фразеологии, морфологии, методике преподавания родного языка, словари, справочники и т.д.

Научно-педагогическая деятельность профессора Л.П. Сергеева является живым наглядным примером истинного служения избранной профессии и преданной любви к народному образованию. Мы, его ученики, коллеги, желаем Л.П. Сергееву крепкого здоровья, счастья, дальнейших творческих успехов.

Основные научные труды

Основные особенности моргаушского говора // Материалы по чувашской диалектологии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. I. С. 145–174.

Некоторые материалы для диалектологического атласа чувашского языка // Материалы по чувашской диалектологии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. II. С. 101–112. К характеристике вокализма козловского говора // Там же. С. 113–132.

Из наблюдений над ибрайкинским говором чувашского языка // Там же. С. 162–179.

Некоторые вопросы лингвистической географии чувашского языка // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1965. Вып. XXVIII С. 130–141.

Изоглосные явления русских лексических проникновений в чувашском языке // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1966. Вып. XXXII. С. 113–130.

К вопросу о лингвистической географии терминов родства и свойства в чувашском языке // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1967. Вып. XXXIV. С. 44–66.

О марийских лексических изоглоссах в чувашском языке // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV. С. 177–185.

Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968. 104 с. + 1 карта.

О состоянии и задачах изучения чувашских диалектов // Материалы по чувашской диалектологии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. III. С. 7–24.

Из наблюдений над говором саратовских и пензенских чувашей // Там же. С. 59–112.

Материалы для диалектологического атласа чувашского языка [Грамматические изоглоссы] // Там же. С. 113–118. 11 карт.

Чăваш чĕлхин вĕрăнти калаçăвĕсем. Шупашкар, 1969. 78 с.

Татарско-башкирские изоглоссы в чувашском языке // Расцвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР: материалы межвузовской научной конференции (Расцвет и сближение социалистических наций в СССР). 3–5 марта 1969 г. Уфа, 1970. Вып. II. С. 249–257.

О диалектологическом атласе чувашского языка // Советская тюркология, 1970. № 5. С. 105–120.

Памяти видного ученого-тюрколога Н. И. Ашмарина // Советская тюркология, 1970. № 6. С. 128–130.

К вопросу о сингармонических вариантах и параллелизмах в чувашском языке // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1970. Вып. 46. С. 20–31.

О памятниках чувашской письменности XVIII века // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1970. Вып. 46. С. 228–263.

Об одной группе императивных междометий // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1970. Вып. 49. С. 165–176.

Термины родства у чувашей // Чуваши. Этнографические исследования. Чебоксары, 1970. Ч. 2. С. 58–64.

Н.И. Ашмарин как диалектолог // Н.И. Ашмарин – основоположник чувашского языкознания. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. С. 163–178.

Словарь чувашских народных говоров. Фонетические диалектизмы // Материалы по чувашской диалектологии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. Вып. 4. С. 45–166.

Буквы Д, Е, Л, Р, Т, У: русско-чувашский словарь / под ред. И.А. Андреева и Н.П. Петрова. М.: Советская энциклопедия: 1971. 893 с.

Лексико-семантические группы заимствований из татарского и башкирского языков в чувашские говоры БАССР // Языковые контакты в Башкирии: тематический сборник. Уфа, 1972. С. 270–274.

О дояковлевском периоде чувашской письменности // 100 лет новой чувашской письменности. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1972. С. 47–76.

Вокализм верхового диалекта // Чувашский язык: литература и фольклор. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1972. Вып. 1. С. 137–206.

Консонантизм верхового диалекта чувашского языка // Чувашский язык: литература и фольклор. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 39–125.

Еще раз о чувашско-марийских изоглоссах // Там же. С. 406–437.

Грамматические особенности верхового диалекта // Чувашский язык: литература и фольклор. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 21–112.

Лексика верхового диалекта чувашского языка // Чувашский язык: литература и фольклор. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. Вып. 4. С. 45–74.

Лексика верхового диалекта чувашского языка // Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 59. С. 12–39.

Кирлĕ словарь // Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 59. С. 242–243.

Лексика верхового диалекта чувашского языка // Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1976. Вып. 66. С. 124–133.

Об одном источнике исторической диалектологии. Из наблюдений над памятниками письменности XVIII века // Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1977. Вып. 74. С. 117–129.

Чăваш чĕлхин паллă тĕпчевши [В.Г. Егоров суралнăранпа 100 сул ситнĕ май] // Актуальные проблемы обучения и воспитания в чувашской школе. Чебоксары, 1980. Вып. III. С. 107–110.

Чăваш фразеологизмĕсен кĕске словарĕ // Актуальные проблемы обучения и воспитания в чувашской школе. Чебоксары, 1980. Вып. III. С. 87–99.

Памятник чувашского языка 1836 года // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. Чебоксары, 1989. С. 78–103. В соавторстве.

Николай Петрович Петров (К 60-летию со дня рождения) // Советская тюркология, 1989. № 3. С. 124–125. В соавторстве.

Мефодий Федорович Чернов (К 60-летию со дня рождения) // Советская тюркология, 1990. № 5. С. 106–108.

Заметки о трансформации словосочетаний в говорах // Вестник Чувашской национальной академии, 1994. № 2. С. 63–67.

Заметки по чувашской исторической диалектологии // Материалы по чувашской диалектологии. Выпуск пятый. Чебоксары, 1997. С. 3–8.

В.Г. Егоров как диалектолог. К 110-летию со дня рождения // Материалы по чувашской диалектологии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1997. Вып. V. С. 175–178.

Заметки по чувашской диалектологии // Известия НАНИ ЧР. 3/2000, 1/2001. Чебоксары, 2001. С. 205–217.

Сĕпрел калаçăвĕ сінчен // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2004. С. 132–150.

Диалектологический словарь чувашского языка. Справочное издание. Шупашкар, 2006. 159 с. В соавторстве.

Диалектная система чувашского языка. Монография. Чебоксары, 2007. 428 с.

Пушкăртстан чăвашĕсен калаçăвĕсем // Чăваш диалектологийĕн ыйтăвĕсем. Сб. статей / ЧГИГН. Шупашкар, 2007. 3–22 с.

Юмаш калаçăвĕн словарь // Чăваш диалектологийĕн ыйтăвĕсем. Сб. статей / ЧГИГН. Шупашкар, 2007. 27–33 с. В соавторстве.

Чăваш Кăпавĕ калаçăвĕ сінчен // Там же. С. 34–38.

Пушкăрт Республикин сурсĕр хĕвел тухăçĕнче пурăнăкан чăвашĕн калаçăвĕ: фонетика уйрăмлăхĕсем // Там же. С. 38–43.

Пушкăрт чăвашĕсен калаçăвĕсенчи тури диалект паллисĕм (хăш-пĕр асăрхаттарусем) // Там же. С. 43–56.

XVIII ёмёр пусламăшёнчи чăваш чĕлхин диалект паллисем (1737–1738 çç. сырулăх палăкĕсем тăрăх) // Там же. С. 57–82.

Тăванлăх терминĕсем // Там же. С. 82–114.

А.Д. Ахвандерова.

САЛМИН АНТОН КИРИЛЛОВИЧ

(К 60-летию со дня рождения)

Антон Кириллович Салмин, доктор исторических наук, известный этнолог, религиовед, родился 20 октября 1949 г. в д. Старое Ахпердино Чкаловского (ныне Батыревского) района Чувашской АССР. В 1986–2004 гг. работал в Чувашском государственном институте гуманитарных наук. В настоящее время – ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург).

Краткий список трудов

Героические традиции чувашского и калмыцкого сказочного эпоса // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. М.: ИМЛИ АН СССР, 1980. С. 229–236.

«Рустамхан» и чувашская сказка // III Всесоюзная тюркологическая конференция. Ташкент: «Фан», 1980. С. 116–117.

Реф.: Чувашский фольклор. Чебоксары, 1982; Исследования по чувашскому фольклору. Чебоксары, 1984 // Demos. Berlin, 1986. №1. С. 68–69.

Чувашские сказки о батырах // Советская тюркология, 1985. № 1. С. 38–44.

Два чувашских термина, обозначающих сказку // Советская тюркология, 1987. № 2. С. 33–37.

Чувашские сказки о паттырах: источники, списки // Советская тюркология, 1988. № 2. С. 115–125.

К реконструкции чувашского эпического текста // Фольклор и этнография. Л.: ИЭ АН СССР, 1990. С. 113–117.

Народная обрядность чувашей / Отв. ред. член-корр. С.А. Арутюнов. Чебоксары: ЧГИГН, 1994. 339 с.

Жертвенные дары у чувашей / Отв. ред. Н.Л. Жуковская. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 149 с.

Religious Rituals of the Chuvash // Anthropology and Archeology of Eurasia. N.Y.: Sharp, 1996. № 3. P. 68–89.

Предводители обрядов у чувашей / Отв. ред. В.Н. Басилов. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. 79 с.

Семантика дома у чувашей / Отв. ред. чл.-корр. РАН С.А. Арутюнов. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 64 с.

Toukhia. Kalfak // Le Transsiborien: Guide du Visiteur. Bruxelles: Solvay, 2005. P. 57.

Состояние российской этнографической науки и научного сообщества (Ответы на вопросы) // Антропологический форум: VI Конгресс этнографов и антропологов России. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 124–127.

Буклет «Ама: чувашский оберег». СПб.: МАЭ РАН, 2005 (в соавт. с Л.С. Лаврентьевой).

---

* Редколлегия научного журнала «Чувашский гуманитарный вестник» сочла возможным уважить просьбу юбиляра не печатать о нем биографическую статью.

Система религии чувашей / Отв. ред. *А.И. Терюков*. СПб.: Наука, 2007. 654 с., вкладыш.

Коллекции МАЭ РАН: Чуваша (опыт каталога) // Сборник МАЭ. Вып. LIV. СПб.: Наука, 2007. С. 109–135. Предисл., подг. к печ. (совм. с *Л.С. Лаврентьевой*).

Ходосов А.А. Качество у чувашей Аликовского района // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 7. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 157–176. Предисловие, подг. к изд. (совм. с *Л.С. Лаврентьевой*).

Праздники, обряды и верования марийцев и удмуртов (Вещи и фотографии из фондов Отдела Европы МАЭ РАН): Каталог // Сборник МАЭ. Вып. LIV. СПб.: Наука, 2007. С. 136–143. Предисл., подг. к печ. (совм. с *Л.С. Лаврентьевой, Н.В. Кондратьевой, Е.Б. Толмачевой*).

Этнология религии как направление в науке // Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 285–291.

Из семейных фотоальбомов // Материалы полевых исследований: Вып. 8. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 173–176.

Термин *folk religion* и его русский эквивалент // Религиоведение. М.: Благовещенск, 2008. № 1. С. 93–98.

Человек и его тело в представлении чувашей // Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 291–295.

Система фольк-религии: введение в проблематику // Религиоведение. М.: Благовещенск, 2009. № 1. С. 102–113.

Л.П. Петров.

МАЛЮТИН СТАНИСЛАВ РОМАНОВИЧ

(К 80-летию со дня рождения)

В 2009 г. исполнилось 80 лет со дня рождения видного ученого, организатора науки и педагога С.Р. Малютина. Он родился 28 октября 1929 г. в д. Пронькасы Чебоксарского района Чувашской АССР в семье служащих. Его юность пришлась на годы Великой Отечественной войны. Стремление быть нужным и приносить пользу Родине взрослеющий паренёк доказывает уже в первые годы войны. Обучаясь в Ишакской средней школе, ежедневно после уроков, а также в дни каникул он трудится в родном колхозе. Правительство достойно оценило его вклад в дело разгрома врага: Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1946 г. семнадцатилетний юноша награждается медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Успешно окончив Ишакскую среднюю школу, он в 1947 г. поступает в Чувашский государственный педагогический институт им. И.Я. Яковлева на исторический факультет. За успехи в учебе ему присуждается стипендия И.Я. Яковлева. Студент С. Малютин активно участвует в общественной работе: он редактор юмористического листка, член комитета ВЛКСМ института, руководитель студенческого кружка.

После окончания вуза в 1951–1955 гг. работает в Шигалинской средней школе Урмарского района. Сначала – учителем истории, а затем – завучем. Здесь у Станислава Романовича с особой силой раскрывается талант организатора и руководителя. Его целеустремленность, желание быть в гуще событий и активная жизненная позиция приводят молодого педагога к должности руководителя сельского лекторского объединения, внештатного пропагандиста РК ВЛКСМ. Вскоре его избирают депутатом Урмарского районного Совета.

С 1955 по 1959 гг. Станислав Романович работает директором родной Ишакской средней школы. Он ответственно подходит к воспитанию подрастающего поколения, прививает любовь к учебе, к общественно-полезному труду. Вскоре его избирают депутатом Ишакского сельского Совета. Он становится внештатным лектором и руководителем кружка по изучению конкретной экономики в местном колхозе. Неуемная жажда познать и разобраться в экономических проблемах страны приводит его в заочную аспирантуру при Московском

государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина по специальности «Политическая экономия».

С 1960 г. Станислав Романович свою жизнь тесно связывает с Чувашским сельскохозяйственным институтом (ныне Чувашская государственная сельскохозяйственная академия – ЧГСХА). Сначала работает старшим преподавателем кафедры марксизма-ленинизма, в 1963–1976 гг. – доцентом, с 1977 г. – профессором, зав. кафедрой политической экономики, а с 1978 г. его назначают проректором по учебной работе института.

С.Р. Малютин является крупным ученым-экономистом в области аграрных проблем. С переходом в Чувашский сельскохозяйственный институт он активно включается в исследование эффективного использования сельскохозяйственной техники в колхозах и совхозах Чувашии. На эту тему им опубликован ряд работ. Наиболее важными из них становятся сочинения, посвященные экономической эффективности использования сельскохозяйственной техники. Они и по сей день актуальны, ибо востребованы в связи с развитием различных форм хозяйствования в сельском хозяйстве. Логично развивая избранную тему, начинающий ученый приходит к заключению, что, повысив экономическую эффективность использования сельскохозяйственной техники, можно поднять производительность труда и тем самым добиться снижения себестоимости единицы сельскохозяйственной продукции. Итогом его научно-исследовательской деятельности стала успешная защита диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук по теме «Резервы роста производительности труда в зерновом хозяйстве колхозов (на примере колхозов Чувашской АССР)» (1963). В 1964 г. ему присваивается ученое звание доцента.

Темой дальнейших научных исследований С.Р. Малютина становится экономическая оценка земли и регулирование рентных отношений в аграрном секторе экономики. Необходимость разработки данной проблемы обуславливалась тем, что земля является главным средством производства и для ее наиболее эффективного использования стране нужен был соответствующий экономический механизм управления.

Станислав Романович принял активное участие в оценке земли Чувашской АССР и непосредственно руководил этой работой. Под его руководством было осуществлено сельскохозяйственное районирование Чувашской АССР. В 1975 г. итоги оценки земли по хозяйствам и районам республики были рассмотрены и утверждены Советом Министров Чувашской АССР. Рекомендации по оценке хозяйственной деятельности колхозов и совхозов использовались при подведении итогов их работы. Планирование закупок продуктов сельского хозяйства по районам, колхозам и совхозам республики на 1976–1980 гг. осуществлялось по методике, разработанной С.Р. Малютиным.

Результатами своих исследований С.Р. Малютин делился с учеными-экономистами и аграрниками на научных конференциях и совещаниях в Самаре, Киеве, Москве и в других городах страны. Материалы его научных исследований публиковались в ряде брошюр и статей, в научных сборниках центральных издательств. Крупным исследованием по экономике является его работа «Природно-экономические условия и эффективность производства» (1973). Им опубликовано 10 карт по экономике сельского хозяйства Чувашской АССР. Его исследования в области сельского хозяйства получили широкое распространение среди практиков различных регионов страны. Итогом плодотворной научно-исследовательской работы явилась успешная защита в 1975 г. докторской диссертации по теме «Рентные отношения и экономическая оценка земли при социализме». В 1978 г. ему присваивается ученое звание профессора.

Объектами его исследования становятся совершенствование механизма хозяйствования в АПК республики, внедрение арендных хозрасчетных отношений, разработка регионального хозрасчета, формирование земельного рынка, реализация идей по национальной политике.

С.Р. Малютин как ведущий экономист-аграрник принимает непосредственное участие в разработке теоретических аспектов и практических рекомендаций проведения аграрной реформы в Чувашии в начале 1990-х годов. В поле его внимания оказываются аграрная система в целом и ее основные составляющие: земля, рынок, структура и формы хозяйствования, подготовка кадров и др. На начальном этапе перехода к рыночным отношениям в сельскохо-

зяйственной отрасли Станислав Романович предложил в качестве альтернативного варианта «построение системы аграрных отношений в республике на основе экономических интересов фермеров-предпринимателей и крестьян-общинников». Имея базовое историческое образование, С.Р. Малютин ряд работ посвятил изучению вопросов этнической истории чувашей: «Проблемы этногенеза и этнической истории чувашей» (1996); «Этногенез чувашского народа» (2000), носящих дискуссионный и гипотезный характер. Свои теоретические изыскания в области экономики он выносит в качестве практических рекомендаций при разработке Программы перехода к рыночным отношениям, Концепции программы возрождения и развития чувашского народа. С.Р. Малютин является автором более 80 научных работ, в том числе 9 монографий и брошюр, явившихся значительным вкладом в гуманитарную науку.

С.Р. Малютин в 1960–1980 гг. параллельно с основной деятельностью ведет преподавательскую работу по подготовке руководящих кадров в Заочной высшей партийной школе при ЦК КПСС, в Университете марксизма-ленинизма при Чебоксарском городском комитете КПСС. Систематически выступает с лекциями и докладами на научных, научно-практических конференциях, методических совещаниях, перед пропагандистами, а также трудящимися республики, оказывает значительную научно-методическую помощь органам государственного планирования республики и плановым органам районного звена.

Станислав Романович всегда находился в гуще общественной жизни, неоднократно избирался в состав парткома института, в 1977–1978 гг. был секретарем парткома института, депутатом Чебоксарского горсовета, долгое время являлся членом совета по экономическому образованию при Доме политпросвещения.

Будучи проректором сельскохозяйственного института, он разработал основные направления перестройки учебно-воспитательного процесса, комплексные меры по управлению учебно-методической и воспитательной работой. Лекции, читаемые им, пользовались большим успехом у студентов, его авторитет как преподавателя среди студентов и преподавателей был неизменно высок.

В марте 1989 г. С.Р. Малютин на альтернативной основе избирается директором Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, переименованный в 1994 г. в Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Проработал он в этой должности до 1996 г. За годы работы в институте ему пришлось решать ряд научных, организационных, структурных вопросов. Основные усилия были направлены на сохранение и развитие научного потенциала коллектива, внедрение новых методов финансирования и организации деятельности института для выполнения актуальных и приоритетных научных тем. Под руководством Станислава Романовича началась работа над подготовкой «Чувашского энциклопедического словаря». На фоне демократических тенденций в стране и республике в институте также были реализованы принципы демократии, выразившиеся прежде всего в расширении научной тематики, в планировании научной и издательской деятельности, в организации труда.

В 1997–2004 гг., занимая должность заведующего кафедрой финансов и кредита ЧГСХА, он являлся научным руководителем аспирантов и докторантов, временного коллектива по разработке Программы стабилизации и развития агропромышленного производства Чувашской Республики.

С 2004 г. Станислав Романович – профессор кафедры финансов и кредита, руководитель научно-исследовательских работ студентов и аспирантов кафедры, активно помогает экономическому факультету в деле подготовки молодых научных кадров.

За годы своей трудовой и общественной деятельности С.Р. Малютин удостоен ряда правительственных наград. Он награжден значком «Отличник народного просвещения РСФСР» (1959), медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970), Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР (1979), Почетной грамотой Чувашского обкома КПСС и Совета Министров Чувашской АССР, медалями «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», «Ветеран труда», почетным знаком Советского фонда Мира (1984). Удостоен почетных званий «За-

служенный работник высшей школы Чувашской АССР» (1976), «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (1994).

Основные научные труды

Экономическая эффективность использования сельскохозяйственной техники в современных условиях // Труды Чувашского СХИ. Чебоксары, 1962. Т. V. Вып. II. С. 164–174.

Больше продукции при наименьших затратах (Производительность труда в сельском хозяйстве). Чебоксары: Чувашиздат, 1963. 72 с.

Уровень и динамика производительности труда в зерновом хозяйстве колхозов // Труды Чувашского СХИ. Чебоксары, 1965. Т. VI. Вып. I. С. 267–275.

К вопросу об оценке земли колхозов и совхозов Чувашской АССР // Учен. зап. Чувашского НИИ. Чебоксары, 1965. Вып. XXX. С. 58–74.

К разработке земельного кадастра Чувашской АССР // Вопросы экономики Советской Чувашии. Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1966. Вып. XXXIII. С. 49–64. В соавторстве.

О теоретических основах экономической оценки земли // Труды / ЧСХИ (Агрономия). Чебоксары, 1968. Т. VII. Вып. I. С. 185–202.

Использование корреляционного анализа в работах по экономической оценке земли // Экономический анализ и статистические методы. Сб. статей. Чебоксары, 1969. Вып. I. С. 26–43.

О предварительных итогах работ по составлению земельного кадастра // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 38. С. 62–79. В соавторстве.

Сельскохозяйственное районирование Чувашской АССР // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1970. С. 94–111.

К вопросу о причинах образования дифференциальной ренты при социализме // Труды / ЧСХИ. Чебоксары, 1973. Т. X. Вып. I. С. 175–184.

О принципах внутриобластной дифференциации закупочных цен // Экономика народного хозяйства Чувашской АССР. Сб. статей. Чебоксары, 1972. Вып. 2. С. 179–188.

Природные и экономические условия сельского хозяйства и эффективность производства. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1973. 295 с.

Специализация сельского хозяйства (карта) // Атлас сельского хозяйства Чувашской АССР. Главное управление геодезии при СМ СССР. М., 1974. С. 45.

Производительность труда и рентабельность производства (Колхозы и совхозы. Карта) // Атлас сельского хозяйства Чувашской АССР. Главное управление геодезии при СМ СССР. М., 1974. С. 45.

Хмель (карта) // Атлас сельского хозяйства Чувашской АССР. Главное управление геодезии при СМ СССР. М., 1974. С. 53.

Картофель (карта) // Атлас сельского хозяйства Чувашской АССР. Главное управление геодезии при СМ СССР. М., 1974. С. 52.

Дифференциация закупочных цен на сельскохозяйственные продукты в условиях Чувашской АССР // Экономика сельского хозяйства Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1976. Вып. 64. С. 143–159.

Об основных положениях методики планирования закупок сельскохозяйственной продукции по районам и хозяйствам Чувашской АССР на 1976–1980 гг. // Экономика сельского хозяйства Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1976. Вып. 61. С. 144–160.

Ленинская аграрная политика на этапе развитого социализма // Аграрная политика КПСС и социальное развитие села. Сб. статей. Чебоксары, 1981. С. 7–22.

Превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального // Аграрная политика КПСС и социальное развитие села. Сб. статей. Чебоксары, 1981. С. 23–48.

Развитие двух форм социалистической собственности и преодоление классовых различий // Аграрная политика КПСС и социальное развитие села. Сб. статей. Чебоксары, 1981. С. 49–75.

Развитие межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции – важная основа социального преобразования села // Аграрная политика КПСС и социальное развитие села. Сб. статей. Чебоксары, 1981. С. 76–93.

Совершенствование хозяйственного механизма как фактор социально-экономического развития // Аграрная политика КПСС и социальное развитие села. Сб. статей. Чебоксары, 1981. С. 94–117.

Разработка реальных и напряженных планов закупок сельскохозяйственной продукции (Исследование вопросов методики) // Пути повышения эффективности сельскохозяйственного производства в Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1982. С. 3–33.

Продовольственная программа и совершенствование хозяйственного механизма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 72 с.

К вопросу о критериях интенсификации сельскохозяйственного производства // Вопросы повышения эффективности сельскохозяйственного производства в Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 3–14.

Экономическая оценка ресурсов сельскохозяйственного производства // Продовольственная программа и эффективность сельскохозяйственного производства в Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 24–38.

Эффективность функционирования АПК и вопросы совершенствования хозяйственного механизма // Эффективность производства в агропромышленном комплексе Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 3–21.

Экономическое мышление и интенсификация сельскохозяйственного производства // Процесс интенсификации социалистического расширенного воспроизводства / Минвуз РСФСР. ЧГУ. Межвузовский сборник. Чебоксары, 1985. С. 50–57.

Экономическая эффективность мелиорации земель // Мелиорация земель и эффективность сельскохозяйственного производства в Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 3–18.

Совершенствование распределительных отношений как условие интенсификации процесса воспроизводства // Формы и факторы интенсификации социалистического воспроизводства / Минвуз РСФСР. ЧГУ. Межвузовский сборник. Чебоксары, 1986. С. 95–102.

Состояние и перспективы развития агропромышленного комплекса // Эффективность производства в Агропроме Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 5–21.

Об условиях перевода колхозов и совхозов республики на самокупаемость и самофинансирование // Материалы научно-практической конференции. Госагропром ЧАССР. Чебоксары, 1987. С. 5–21.

Совершенствование хозяйственного механизма в агропромышленном комплексе Чувашской АССР // Проблемы развития агропромышленного комплекса Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 5–19.

Аренда в системе коллективной собственности и хозяйственных отношений // Совершенствование хозяйственного механизма в Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 3–21.

О приоритетах современной аграрной реформы // Вестник Чувашской национальной академии, 1993. № 1. С. 3–18.

Приватизация и преобразование колхозов, совхозов в крупные фермерские хозяйства // Проблемы расгосударствления и приватизации средств производства. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1993. С. 3–11.

О программе возрождения и развития народа // Вестник Чувашской национальной академии, 1994. № 2. С. 3–25.

Проблемы этногенеза и этнической истории чувашей. Хуннская эпоха. Чебоксары: Руссика, 1996. Вып. I. 80 с.

Современная аграрная реформа: итоги переходного этапа и проблемы // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке: преобразования, проблемы и перспективы развития. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1997. С. 86–112.

А.В. Шилов, В.Г. Харитонова.

ДЕМИДОВА ИДА ИВАНОВНА
(К 70-летию со дня рождения)

30 декабря 2009 г. исполнилось 70 лет Иде

Ивановне Демидовой – заведующей кафедрой отечественной истории им. А.В. Арсентьевой Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, историку, кандидату исторических наук, по должности профессору.

И.И. Демидова родилась в с. Дубровка Хворостянского района Куйбышевской (в настоящее время – Самарской) области в многодетной семье служащего. Будучи еще ученицей школы, любознательная девочка решила, что, повзрослев, она обязательно станет учительницей. И шаг за шагом шла к претворению в жизнь своей мечты. Успешно окончив среднюю школу, в 1957/58 учебном году проработала учительницей начальных классов в д. Гремячка. В 1958 г. поступила в предвыпускной класс Куйбышевского педагогического училища, где получила глубокие знания по педагогике, психологии, методике преподавания, музыке, основам трудового и нравственного воспитания учащихся. Упорство и прилежание, проявленные Идой в учебе, дали соответствующий результат – диплом с отличием.

В 1960 г. Ида Ивановна стала студенткой педагогического факультета Горьковского педагогического института. Окончив вуз в 1964 г., получила специальность преподавателя педагогики и психологии. В последующие четыре года работала учительницей средних школ № 2 и 31 в Чебоксарах. В 1965–1967 гг. обучалась в заочно-вечернем отделении историко-филологического факультета Чувашского педагогического факультета им. И.Я. Яковлева, стала обладательницей диплома преподавателя истории. В 1968 г. была назначена ассистентом кафедры истории СССР Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

В ведущем вузе республики И.И. Демидова работает более сорока лет. Здесь она прошла путь от ассистента до заведующего кафедрой. В течение многих лет она превосходно проводит лекции и практические занятия по истории Отечества XIX в., читает спецкурс по истории общественной мысли и общественного движения в России в XVIII–XIX вв., обучает студентов методике преподавания истории в средней школе. Она является одним из организаторов этнографического музея в университете. Педагогическую работу успешно сочетает с активной общественной работой.

Основным направлением своей научно-исследовательской деятельности И.И. Демидова избрала актуальную проблему дружественного сотрудничества русского и чувашского народов в области экономики, быта, культуры, их взаимного влияния друг на друга, значения русского хозяйственного опыта и культуры в прогрессивном развитии чувашского народа. Ее научные изыскания в данном направлении вылились в кандидатскую диссертацию «Роль русского народа в развитии хозяйства и материальной культуры чувашского крестьянства в период капитализма (1861–февраль 1917 гг.)», успешно защищенную в 1976 г. По данной проблематике исследователь опубликовала монографию «Русско-чувашские связи во второй половине XIX–начале XX веков» и 16 научных статей. Ряд ее научных статей посвящен изучению развития народного просвещения, истории гимназий и реальных училищ в Чувашии в XIX–начале XX в., вопросам организации и методике преподавания истории в вузах и общеобразовательной школе, жизни и педагогической деятельности И.Я. Яковлева, В.О. Ключевского, И.Д. Кузнецова, А.В. Арсентьевой. Она автор 65 научных публикаций. Подготовила двух кандидатов наук.

И.И. Демидова удостоена почетного звания «Заслуженный работник народного образования Чувашской Республики» (1992), награждена медалью «Ветеран труда», нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2009).

Основные научные труды

Влияние материальной культуры русского народа на хозяйство чувашей в пореформенный период // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Сб. статей / ЧГУ.

Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 101–120.

Вопрос о русско-чувашских связях во второй половине XIX–начале XX веков в дореволюционной литературе // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 130–146.

О влиянии русско-чувашских связей на развитие материальной культуры чувашского народа в период капитализма (1861–1917) // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1976. Вып. 4. С. 124–142.

Культурно-бытовое общение русского и чувашского крестьянства в период капитализма (1861–1917 гг.) // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1982. С. 97–102.

Роль дореволюционной школы в распространении сельскохозяйственных и ремесленных знаний среди чувашского крестьянства // Вопросы истории сельского хозяйства Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 26–31.

Расселение русских и чувашей как фактор общения и сближения народов во второй половине XIX–начале XX веков // Состав и положение населения Чувашии в XVIII–начале XX веков. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 97–103.

Ядринская женская гимназия // Вопросы истории культуры народов Среднего Поволжья. Сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1993. С. 72–83.

О деятельности земств по улучшению агрокультуры чувашского крестьянства в период капитализма // Из истории аграрных отношений Чувашии и Среднего Поволжья в XIX–XX веках. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. С. 29–37.

Вклад предпринимателей Чувашии в развитие женского гимназического образования (конец XIX– начало XX вв.) // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития. Материалы научной конференции: Чебоксары, 23–24 июня 1997 г. Чебоксары, 1998. С. 212–219.

Материалы податных инспекторов как источник для изучения предпринимательства в Чувашии в конце XIX–начале XX веков // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность. Материалы научной конференции: Чебоксары, 5–6 октября 1999 г. Чебоксары, 2000. С. 211–219.

Предпосылки, пути общения и хозяйственно-культурного взаимодействия русского и чувашского народов во второй половине XIX–начале XX вв. // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Сб. материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИ, 2002. С. 185–193.

К вопросу о межнациональных хозяйственных связях в Чувашии в период капитализма (1861–1917 гг.) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19–21 мая 2005 г.). М.: ИНИОН РАН РФ, 2005. С. 477–484.

Исследование В.Д. Дмитриевым истории присоединения Чувашии к России // Служение истории. Сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 2005. С. 81–97.

Русско-чувашские связи во второй половине XIX–начале XX вв. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 204 с.

Воспоминания об учителе // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века. Сборник статей Всероссийской научной конференции историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.). М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. С. 66–70.

Административные меры органов управления власти губернского и уездных городов Казанской губернии по благоустройству и улучшению санитарного состояния селений Чувашии во второй половине XIX–начале XX века // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья. Материалы II Всероссийской (X Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2008 г. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2009. С. 185–194.

В.Д. Дмитриев.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ

ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АЛЕКСАНДРОВ
1942–2009

Весна 2009 г. принесла печальное известие. 29 мая скорострительно ушел из жизни кандидат исторических наук, педагог, неутомимый краевед и просто обаятельный человек Геннадий Александрович Александров. В ряду исследовательской братии Чувашской Республики образовалась большая брешь. Геннадий Александрович был полон сил и творческих замыслов. За его плечами – большой жизненный и исследовательский опыт, признание коллег. В солидном научном багаже – книги, брошюры и статьи. К защите готовилась докторская диссертация...

Геннадий Александрович Александров пришел в этот мир 12 января 1942 г. – в годину суровых испытаний, переживаемых нашей страной. О своём нелёгком детстве не любил рассказывать. Лишь в редкие минуты откровения в его воспоминаниях проскальзывала щемящая боль... Он практически никогда не унывал. Мир воспринимал широко, по-своему, в только ему присущей манере. Всегда был в курсе всех больших и малых дел. Постоянно находился в творческом поиске. Был лёгок на подъём. Преследуя цель уточнить тот или иной исторический факт, мог тут же – чуть ли не на следующий же день – выехать в архив, расположенный в другом городе. И всегда возвращался с подобных поездок с солидным «уловом». Геннадия Александровича интересовали малейшие подробности явления, её внутренние пружины. В их выявлении он находил какое-то особое удовлетворение, творческую разрядку. Был прекрасным рассказчиком. Его манера подавать материал находила отклик в любой аудитории. С легкой иронией относился как к собственной персоне, так и к своему кругу общения. Возможно, из-за данных черт натуры он запоминался всем, кто хотя бы однажды имел возможность с ним общаться.

Малая родина Геннадия Александровича – д. Иваново Янтиковского района Чувашской АССР. Отсюда он проторил дорогу в большой Мир. Успешно окончив Янтиковскую среднюю школу, как и старший брат Николай (он стал поэтом и переводчиком, любителям поэзии известен как Николай Сандров), Геннадий пошел в гуманитарии. Учился на исторических факультетах Казанского и Пермского университетов. Получив диплом о высшем образовании, три года работал в средних школах Пермской области и Чувашии. Не удовлетворившись достигнутым положением, продолжил свое образование. В 1968–1971 гг. Г.А. Александров учится в аспирантуре Института истории СССР АН СССР. Вскоре после её окончания, 23 марта 1972 г., защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Возвратившись из Москвы в Чебоксары, в 1972–1974 гг. работает старшим науч-

ным сотрудником отдела истории Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН). В 1974–1986 гг. преподаёт в разных высших учебных заведениях страны – в городах Ишим, Оренбург и Кривой Рог. 24 августа 1983 г. ему присваивается ученое звание доцента. В 1986–1992 гг. трудится в Чувашском государственном педагогическом институте им. И.Я. Яковлева. С 1992 г. по 2002 г. работает старшим научным сотрудником отдела истории ЧГИГН. С октября 2002 г. преподаёт в разных вузах г. Чебоксар.

Основная тематика научных изысканий Г.А. Александрова – формирование и рост чувашской интеллигенции в период развития капиталистических отношений в России. Ряд его работ посвящен подробному описанию жизни и деятельности малоизвестных ранее представителей этноса, нашедших своё призвание в образовании и просветительской деятельности. В их числе – Д.Ф. Филимонов, Г.Ф. Алюнов, П.Н. Николаев, А.С. Иванов, О.Г. Романов, М.Д. Дмитриев и др. В основу очерков при этом были положены сведения, добытые автором буквально по крупицам в архивах и библиотеках, в живых беседах с потомками первых чувашских интеллигентов. Помимо большого количества статей, по данной тематике Г.А. Александровым подготовлены информационно насыщенные книги: «Чуваши в дореволюционных учебных заведениях» (1994), «Чувашская интеллигенция: истоки» (1997), «Чувашские интеллигенты» (2005), которые научная общественность встретила с большим интересом. Высокую оценку трудам Г.А. Александрова дал ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук Л.Н. Пушкарев. В Предисловии ко второму изданию книги «Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы» (2006) он не без эмоций отметил: «Читая эту интересную и содержательную книгу, диву даешься: в каких же поистине нечеловеческих условиях жили чуваша Российской империи, с каким трудом и с какой самоотверженностью стремились они к знаниям, к просвещению...».

Научное признание получили работы Г.А. Александрова, посвященные многогранной личности выдающегося чувашского просветителя И.Я. Яковлева. В их ряду выделяются его книга «Иван Яковлевич Яковлев: фрагменты жизни» (1997), а также брошюра «Иван Яковлевич Яковлев в 1917–1920 годы» (1992). Для исследователей биографии просветителя и вообще истории духовной культуры чувашского народа второй половины XIX в. поистине бесценными стали подготовленные Г.А. Александровым к печати отрывки из дневника А.В. Жиркевича «Мои встречи с И.Я. Яковлевым» (2007).

В последние годы жизни Г.А. Александров плодотворно изучал малоизвестные страницы Великой Отечественной войны. Он первым среди историков Чувашии обратился к проблеме службы представителей народов Среднего Поволжья, в том числе чувашей, в восточных легионах, сформированных фашистами из бывших военнопленных. Г.А. Александров – автор главы «Чувашия в годы Великой Отечественной войны» в книге «История Чувашии новейшего времени» (2001).

Г.А. Александров оставил большое научное наследие. На русском и чувашском языках им изданы пять монографий и брошюр, в научных сборниках, журналах и газетах напечатано около двух сотен статей. Исследователь составил краткое описание рукописных томов фонда Н.В. Никольского, хранящихся в Научном архиве ЧГИГН. Данный справочник существенно облегчил поиск информации в научном собрании первого чувашского профессора. Некоторые работы нашего коллеги увидели свет в Москве, Казани и других городах. Своими трудами Геннадий Александрович Александров внес весомый вклад в историографию истории просвещения, науки, культуры Чувашии и Поволжья.

Светлая память о Геннадии Александровиче Александрове навсегда останется в наших сердцах.

Г.А. Николаев, А.М. Симулин.

ЛИЯ СЕРГЕЕВНА ЛЕВИТСКАЯ
1931—2009

2 октября 2009 г. на 78-м году жизни после долгой и продолжительной болезни скончалась известный российский тюрколог, замечательный специалист по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, исторической лексикологии и тюркской этимологии, автор фундаментальных трудов по исторической фонетике и морфологии чувашского языка Лия Сергеевна Левитская.

Л.С. Левитская родилась в Москве 23 ноября 1931 г. В 1948–1953 гг. училась на филологическом факультете Московского государственного университета и была одной из наиболее талантливых учениц основоположника отечественной школы тюркологии советского периода, члена-корреспондента АН СССР Н.К. Дмитриева (1898–1954). После окончания университета была сотрудником газеты «Туркменская искра» (1953–1955), затем работала в отделе востоковедения научной библиотеки им. А.М. Горького при МГУ (1956–1958). С 1958 по 1989 г. была сотрудником сектора монгольских и тюркских языков Института языкознания АН СССР (ныне Отдел урало-алтайских языков Института языкознания РАН). Училась в аспирантуре под руководством видного финно-угроведа и тюрколога, члена-корреспондента АН СССР Б.А. Серебрянникова (1915–1989). Поле исследования была выбрана история чувашского языка, а именно, «изменения звукового строя чувашского языка, начиная с периода общетюркской общности». В 1966 г. Лия Сергеевна защитила кандидатскую диссертацию по теме «Историческая фонетика чувашского языка», однако проблемы, рассматриваемые в исследовании, гораздо шире этого названия. Это и значение чувашского языка при доказательстве генетического родства алтайских языков, и эскизы параллельных явлений чувашского и некоторых из тюркских и нетюркских языков, и чувашско-тюркские лексические параллели и этимологии (названия деревьев, диких животных, некоторых промысловых птиц, рыб, частей тела, чисел, то есть лексем из так называемого базисного списка). Интересен общий вывод автора: «Вполне возможно, что после создания чувашской исторической грамматики и тотального изучения чувашской лексики вопрос о месте чувашского языка среди других тюркских языков и диалектов придется несколько пересмотреть».

Другим краеугольным камнем, заложенным Л.С. Левитской в основание истории чувашского языка, является ее монография «Историческая морфология чувашского языка» (М., 1976). Обобщив результаты предшествующих изысканий, ею были предложены впервые цельное изложение основных проблем чувашской исторической морфологии, своя интерпретация словоизменительных и словообразовательных форм с привлечением данных из других

тюркских языков, а также с учетом материалов по чувашской исторической диалектологии. Применялся и сопоставительный анализ семантически близких структурных моделей (основа + аффикс) в чувашском и тюркских, в чувашском и финно-угорских языках. Использованы и в полной мере памятники языков чувашской (булгарской) группы. Все это позволило представить системно основные элементы чувашской морфологии в диахронии, часть из которых восходит к общетюркскому состоянию. В формировании современного чувашского языка участвовали также «типологически сходные системы: и «булгарская», и «кыпчакская» (близкая к половецкой)». Имеются также и некоторые огузо-булгаро-чувашские параллели в области морфологии. Те выводы, к которым пришла Л.С. Левитская, как бы представляют в сжатом виде программу для будущих исследований в области чувашской исторической грамматики: «Реальный путь формирования морфологической системы современного чувашского языка был сложнее. Для нас несомненно одно, что морфологическая система чувашского языка (тюркская в своей основе) складывалась в результате длительного взаимодействия с типологически близкими языками, родственными и неродственными (...) Недостаточно изученной остается и «чувашская предыстория», т.е. формирование булгарских диалектов в период общетюркской общности и взаимодействие с другими языками алтайского (и даже азиатского) ареала».

С самых начальных этапов подготовки «Этимологического словаря тюркских языков (общетюркские и нетюркские основы)» Э.В. Севортьяном, членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu), Л.С. Левитская активно участвует в работе, а после кончины Э.В. Севортьяна, последовавшей 23 марта 1978 г., фактически возглавила работу авторского коллектива и сама производила выборку материала, редактировала словник, писала словарные статьи. В томах, вышедших без Э.В. Севортьяна (с 1989 г.), ею написано лично около 60% словарных статей.

Л.С. Левитская – один из авторов другого фундаментального монографического труда «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», в особенности трех последних томов: «Лексика» (1997), «Региональные реконструкции» (2002), «Пратюркский язык – основа. Картина мира пратюрка» (2006).

Несмотря на свою болезнь, Л.С. Левитская вплоть до последних месяцев продолжала работу над читкой и сверкой источников очередных томов «Этимологического словаря тюркских языков».

Л.С. Левитская всегда была доброжелательна к чувашским коллегам и с интересом следила за их достижениями, новыми публикациями. Она поддерживала творческие контакты и дружеское общение с патриархом чувашского языкознания В.Г. Егоровым, лингвистами И.П. Павловым, И.А. Андреевым и другими.

Ей нравилось встречаться и видеть простых чувашских людей, которые торговали на ярмарке недалеко от ее дома. «Мои соседи и знакомые уже знают про чувашский мед и покупают чувашскую картошку» (из письма от 22.IV.2004). Она мечтала, «что в Москве будет целый магазин с уютным кафе, и чувашские красавицы своими улыбками будут согревать ворчливых и заносчивых москвичей. А затем выставки изделий народных промыслов и многое другое...» (из письма от 16.I.2005).

Лия Сергеевна живо интересовалась теми изменениями, которые происходили в нашей жизни и в то же время, будучи подлинной интернационалисткой, переживала распад межнациональных связей, утрату понятия «дружба народов».

«... Работаю над кумыкским (небольшим) этимологическим словарем. Очень интересный язык, Н.К. Дмитриев им занимался. Я переживаю за Кавказ, за Чечню, чтобы они все не перессорились. Нужен и здоровый национализм, чтобы страна развивалась, становилась лучше, чтобы сохранилось разнообразие: и березовая роща, и туркменские носки (я бывала там). Годы – это не радость, и забываешь, сколько тебе лет, если не помотришь в записной книжке».

С воодушевлением восприняла перестройку. Пришли молодые люди, которые образованней, лучше знают экономику, политику, чем прежние руководители» (из беседы осенью 2001 г.).

«Мне всегда казалось, что отношения народов строятся на отношениях людей. Во время Второй мировой войны я жила небольшой срок в Чистополе (мама работала медстатистиком в госпитале). Нашими хозяевами были русские, а одними из соседей – бездетная пожилая татарская пара, почти не знавшая по-русски. Они попросили у мамы разрешения звать меня к себе в дом. Я приходила, пыталась пересказывать им газеты, а они были очень дружелюбны и старались чем-то накормить. А через год был Фазыл Гарифович Исаков, его семья и многие другие представители татарского народа. Так же было с чувшами, туркменами, азербайджанцами, эстонцами, грузинами, венграми и многими, многими другими.

Поэтому мне очень хочется, чтобы все наши народы сохраняли интерес и уважение к национальной культуре друг друга. Филология – область, где возможно сотрудничать и дружить» (из письма от 6.II.2002).

«... Хочу, чтобы все народы и языки сохранялись, чтобы все процессы приобщения к другой культуре, формам бытия, религии, языку и пр. шли естественным путем. А вот как ныне живущим принимать во всем участие? Можно, вероятно, лишь изучая историю прежних сообществ, «жизнь» традиции и т.п., выводя какие-то закономерности и бережно используя узнанное в жизни. Нужна экология культур.

Я русский человек (мать и ее родня из Великого Устюга, отец – москвич), и мне тревожно, когда как смог со всех сторон опутывают самые дешевые формы быта и массовой культуры США. Я имею право на выбор! Беспokoит меня и судьба русского языка и будущее наших связей с народами бывшего СССР» (из письма от 7.IX.2002).

Л.С. Левитская пользовалась заслуженным авторитетом среди российских и зарубежных тюркологов. Под ее руководством было защищено несколько кандидатских диссертаций. Ее непосредственные ученики – доктора филологии А.В. Дыбо и О.А. Мудрак, кандидаты филологии Ю. Дмитриева-Салонтаи, Е.А. Лебедева (Анисимова) – развивают ее идеи и успешно занимаются сравнительно-историческими и этимологическими студиями.

Л.С. Левитская была отзывчивым и добрым человеком, в своих письмах всегда тепло вспоминала чувашских языковедов, Чувашию. Последним знаком ее внимания было то, что безвозмездно передала в научную библиотеку Чувашского государственного института гуманитарных наук свои книги по тюркологии: словари, грамматики, научные журналы и т.д. Ее напутствием и последним благопожеланием всем нам можно считать такие слова: «Наука, культура, спорт и красота, в поступках и людях – всегда и повсюду!»

... В свое время Лия Сергеевна сложила такую песню:

Догорел, угас сердца буйный жар,
В холоде тоски помереть недолго.
Вспомни обо мне, город Шубашкар,
Обласкай волной, река Волга.

Со смирением примем божий дар,
Все звончей, звучней голоса трубы.
Вспомни обо мне, город Шубашкар –
Край моей мечты, знак моей судьбы.

Сейчас, когда Левитская ушла от нас в мир иной, эти строки звучат по-особенному пронзительно. Мы всегда будем помнить о человеке ясного ума и чистого сердца – светлом человеке, каким была Лия Сергеевна.

А.П. Хузангай.

ЭКСПЕДИЦИИ

Согласно исследовательскому проекту «Фольклор чувашей Нурлатского района Республики Татарстан» № 08-04-22760 е/В, поддержанному Российским гуманитарным научным фондом и Правительством Чувашской Республики в рамках грантового фонда «Волжские земли в истории и культуре России», в 2008–2009 гг. состоялась фольклорно-этнографическая экспедиция в чувашские поселения Нурлатского района Республики Татарстан. Руководитель проекта и его исполнитель — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) Е.В. Федотова. Плодотворной работе экспедиции содействовали местные краеведы-энтузиасты, учителя, они же сказители, песенники и носители чувашской традиционной культуры: в с. Аксумла – Ю.Н. Ендирякова, М.Т. Ендиряков, Г.М. Ендиряков; в д. Якушкино – Л.Н. Ермилова, В.В. Ермилов; в с. Вишневая Поляна – В.Б. Кульметьева; в с. Абрьскино – В.Н. Сандрюхина; в с. Чувашская Менча – Т.Г. Таймуллина.

В ходе экспедиции были исследованы чувашские поселения Абляскино (*Ёнекасси*), Абрьскино (*Лачака*), Аксумла (*Уксӓмлӓ*), Вишневая Поляна (*Чиешне*), Егоркино (*Якуркел*), Ерепкино (*Ерепель*), Илюткино (*Куракьел*), Малая Камышла (*Пӗчӗк Хӓмӓшлӓ*), Средняя Камышла (*Пысӓк Хӓмӓшлӓ*), Салдакаево (*Салтакьел*), Тарн-Вар (*Тарӓн Вар*), Чувашская Менча (*Чӓваш Менчи*), Якушкино (*Якаел*) и г. Нурлат (*станцӓ Нурлат*). Собран и обработан богатый фольклорный материал традиционной чувашской народной культуры. В некоторых поселениях экспедиция была по нескольку раз. Это поселения, в которых живет наибольшее количество некрещеных чувашей и где наиболее полно сохранилась традиционная культура: Абрьскино, Аксумла, Илюткино, Салдакаево, Чувашская Менча, Якушкино и г. Нурлат.

Также собран фольклорный материал у пензенских чувашей (д. Илим-Гора (*Итӗм Кура*, Неверкинский район, Пензенская область). Помог случай. Пензенские чувашки в составе своего творческого коллектива принимали участие на II Всероссийском празднике чувашской культуры 5 июля 2008 г. в г. Нурлат. Самым ценным из их репертуара была переселенческая песня чувашей пензенской земли, сочиненная во времена Ивана Грозного чувашами, переселяющимися в Турцию в поисках лучшей доли. Их путь лежал через Черное море. Песня была сложена во время плавания. В ней говорится о тяжелой судьбе, есть просьба-обращение к Богу, чтобы Он помог им добраться до твердой земли:

*Хумӑсем хушинчен ихунсем иртекӑ,
Эпир те йӑретпӑр ихунсем тутасран,
Атте-анне йӑрет эпир вилесрен.
Кӑларсам, пӑр Турӑ, тупӑ ӑӑр ӑине,
Тупӑ ӑӑр ӑине те ешӑ сад айне.*

Между волнами проходят шхуны,
Мы плачем, боясь, что потонут шхуны,
Наши родители плачут, боясь нашей смерти.
Доставь, единственный Бог, на твердую землю,
На твердую землю да под зеленый сад.

Экспедиция прошла в пять этапов: с 4 по 16 июня, с 4 по 7 июля, с 1 августа по 14 августа, с 5 сентября по 21 сентября 2008 г., со 2 по 16 января 2009 г. Это было связано с традиционными праздниками некрещеных чувашей, во время которых была уникальная возможность записи фольклорных текстов в естественном их исполнении (во время обряда). Так, песни и танцы праздника «Уяв» исполняются только во время Уяв. Такова традиция. После праздника они исключаются из репертуара до следующего года. На исполнение песен и танцев Уява в любое другое время налагался запрет (табу). Чувашский традиционный летний праздник «Уяв» (Соблюдение. Празднование. Хоровод) – время отдыха и проведения летних хороводов перед уборочной страдой. Начинается на Семик и заканчивается в Петров день 12 июля. В Нурлатском районе Татарстана он проводится во многих чувашских селениях с обязательными проводами праздника – Уяв йӑсатни. Уяв завершается с заходом солнца или ближе к полуночи. Провожая Уяв, идут рядами, взявшись за руки, с песнями данного жанра. Существует поверье, что если не проводить – оставить Уяв в деревне – будет тяжело женскому населению (их будут преследовать болезни и пр.). Поэтому строго соблюдают провода. Уяв – украшение чувашской деревни. Девушки, молодые женщины (а сейчас и женщины в возрасте) выходят на специальное открытое место на окраине селения, ведут хороводы, поют песни – Уяв юрри. Есть и свои игры, танцы. В этноконтактных зонах – в соседстве с русским населением – припевы песен встречаются и на русском языке. Современное функционирование праздника «Уяв» уже чаще ассоциируется Всероссийским чувашским праздником. В г. Нурлат собираются на Уяв чуваша со всей России: с соседних районов, областей, республик. В 2008 г. (5 июля) в Нурлате прошел II Всероссийский праздник чувашской культуры «Уяв». На празднике участвовали гости из Эстонии, Италии, творческие коллективы из Башкирии, Москвы, Петропавловска-Камчатского, Нижнего Новгорода, Пензы, Самарской области – более 65 делегаций из разных уголков России и Татарстана. Уяв пробуждает интерес молодежи к традиционной культуре чувашей. На празднике «Уяв» на сцену каждая деревня выходит со своим творческим коллективом. И сразу можно сравнить исполняемые песни, движения в хороводе, искусство в танце. Здесь проявляется индивидуальность, уникальность культуры каждого чувашского селения.

Выявлены архаические пласты в текстах устного народного творчества – это в основном в мифах о сотворении мира (в текстах о сотворении мира, о небесных явлениях и силах, о земных защищающих силах, о домашних добрых духах, о защищающих силах народа, кире-мет, о злых духах, о нечисти, о болезнях, о колдунах, о потустороннем мире, о главе кладбища), песнях, заговорах, молитвословиях, поверьях и др. жанрах. В изданный ЧГИГН том «Чувашское народное творчество. Приметы и поверья. Сновидения» (На чувашском языке. Составитель Е.В. Федотова) – многоотомного свода чувашского фольклора включены и тексты, собранные во время экспедиции по исследовательскому проекту. Они ценны своей архаичностью, эндемичностью, уникальностью. Фольклорные тексты были записаны по функционирующим обычаям и летним обрядам. Обычаи и обряды зимнего цикла записаны в качестве бытующих по настоящее время. С разрешения носителей и хранителей культуры, что является научным этикетом, снят на видеокамеру весь процесс сакрального действия локального варианта обряда моления за здоровье семьи, землю и воду, домашних животных (5 июня 2008 г., Салдакаево). Записан текст моления во время обряда у действующего святилища *Карталӑ Ырӑ* (Н.М. Семкина, 1934 г. р., с. Абрискино; В.Н. Сандрюхина, 1946 г.р., с. Абрискино, Ю.Н. Ендирякова, 1941 г.р., с. Аксумла; Л.Н. Ермилова, 1951 г.р., с. Якушкино). В недавнем прошлом святилище почитали чуваша д. Абрискино, с. Аксумла, с. Ерепкино, с. Якушкино, с. Салдакаево, а в настоящее время только населенных мест Абрискино, Якушкино, Салдакаево. Святилище посещают в мае–июне в дни Вознесения (отмечается в четверг на шестой послепасхаль-

ной неделе) и Семика. Обряд его посещения считается большим праздником. Прежде моются в бане, одеваются в светлые одежды. С собой приносят в дар ритуальную еду: *юсман*, *пӓт юсман*, *пашалу*, *йӓва*, *куймак*, *сулсӓ* и вымытые в чистой воде монеты цвета серебра. Монеты берутся на каждого члена семьи. Преемственница и носительница дохристианских традиций *Пикинеева Эрнеби Угандеевна* (1912 г. р., родом из с. Аксумла, замужем в д. Абыркино) подчеркивает, что к святилищу ходят молиться за семью, поэтому и монеты берутся на каждого члена семьи. Эти монеты кладут в специальное углубление в земле. Недалеко от святилища протекала река, сейчас там старица. Возле нее, прежде чем зайти на территорию святилища, проводили обряд *усал тӓкни* (оставление злых духов). Для этого у воды оставляют обрядовое печенье *кук хурансӓ* (букв. котелок *кук*), в слепленную из теста форму котелка с тремя ручками по краям клали крупу, капали воду, пекли в печи, потом сверху клали чистую монету. Тут же развеивали муку, золу и лишь затем заходили внутрь ограды святилища. Специальная дверь закрывалась лишь тогда, когда выходили все почитающие. Подробные сведения Э.У. Пикинеева узнала от *акай* (старшей сестры мужа) *Пикинеевой Синевер Питубаевны*. Она же рассказывала о пользующихся в округе большим уважением стариках по имени *Мигулай*, *Ванюхха*, *Эльдирек*, которые первыми огородили это священное место. Сейчас огораживают по мере ветшания и необходимости (согласно старой чувашской вере). В настоящее время женщины, считающиеся лучшими знатоками и исполнителями традиционных чувашских обрядов, проводят у святилища обряды *чук*, *асӓнса хывни* (моления с обрядом приношения даров – мучных жертвенных блюд, посвященные богам, духам родовых предков).

Во время исследовательского проекта записаны следующие жанры фольклора: песни масленичные – *сӓварни юррисем* (Е.В. Пичушкина, 1939 г.р., с. Егоркино), хороводные, петровские (М.А. Ермуллина, 1922 г.р., с. Вишневая Поляна), гостевые («*Сӓнаҫсина Турра, Пулӓҫсе...*» – «Спасибо Богу, Пюлехсе...»), «*Чистая каякансем...*» – «Едущие в Чистополь...» (Ю.Н. Ендирякова, 1941 г.р., с. Аксумла; Л.Н. Ермилова, 1951 г.р., с. Якушкино), свадебные, рекрутские – *салтак юррисем* (Е.В. Пичушкина, 1939 г.р., с. Егоркино), посиделочные – *улах юрри*, песни старого нового года – *кивӓ сӓнӓ сул юрри* (У.К. Саватникова, 1926 г.р., с. Чувашская Менча). Записаны также песни юпа – *юпа юррисем* «*Аста каян чӓкес...*» – «Куда ты летишь, ласточка...» (О.Ф. Ермошкина, 1923 г.р., с. Якушкино), (У.К. Саватникова, 1926 г.р., с. Чувашская Мен-ча), сюжетные песни «*Пӓр пуянӓн тӓхӓр ывӓл...*» – «У одного богатого человека было девять сыновей...» и др. (Ю.Н. Ендирякова, 1941 г.р., с. Аксумла). Всего записано более 80 текстов песен, а также детский фольклор: заклички-дразнилки (Л.Н. Ермилова, 1951 г.р., с. Якушкино), считалки, игры (Е.П. Сенькина *Чӓкес инке*, 1928 г.р., с. Абыркино). Зафиксированы мифы о сотворении мира, легенды, сказки («*Пӓр ултутпа хресчен сӓнчен*» – «Про одного барина и крестьянина», «*Кунӓне пӓр пӓрҫана сиекен карчӓк сӓнчен*» – «Про старушку, которая целый день ела одну горошину», «*Карчӓкӓне кинӓ сӓнчен*» – «Про свекровь и сноху» (А.И. Перепелкина *Марус инке*, 1942 г.р., с. Якушкино), пословицы и поговорки («*Упа аллинчи улмана час илме сук*» букв.: «Картофель из лап медведя сразу взять нельзя» или «От государства деньги сразу получить нельзя», «*Тур качаки пурне те пӓр харӓс сӓкмест*» – «Божья коза всех сразу не бодает», «*Пӓчен арҫын хӓна мар*» – «Один мужчина (без жены) не гость», «*Усӓ кутра йӓм тӓмасть*» – «У щедрого человека добро не держится» и др.), приметы и поверья, отличающиеся особенностью и встречающиеся только в данном ареале (*уявпа*, *апатпа*, *леш тӓнчене сыхӓннисем* – связанные с праздником «Уяв», едой, с по-тусторонним миром), значения сновидений).

Достоянием экспедиции стали молитвословия («*Карталӓ Ырра кӓл туни*» – «Моление святилищу «Огороженное Добро», «*Семье сывӓлхӓишӓн, сӓршишӓн, шывишӓн, выльӓхӓишӓн кӓл туни*» – «Моление за здоровье семьи, за землю и воду, домашних животных», «*Турра хуранӓ пӓтӓ пани (кӓл туни)*» – «Моление во время приношения Богу в дар кашу», «*Турра чӓк пани*» – «Моление во время жертвоприношения Богу», «*Турра чун панӓ чух асӓнса калани*» – «Моление во время приношения в жертву Богу душу животного») и благопожелания.

Записаны заговоры: «*вут чӓххи*» (заговор от огня), «*тимӓр чӓххи*» (заговор от раны железом), «*пӓусӓр чӓххи*» (заговор от грыжи), «*сын силли*» (заговор от зла человека), «*алла-урана, пите-куса кӓсен-мӓн тухсан калани*» (заговор от струпьев на коже рук-ног, лица),

«юнна аптрасан (Карталлă Ырра) патӑн пани (ху валли кӑна)» (приношение в дар кашу святилищу «Огороженное Добро» от болезни крови (за свое благополучие), «чӑваш Мункун (юн кун) кунӑ каламалли» (слова для произношения в день чувашской Пасхи, в среду), «Улма анине тӑтӑрни» (окуривание картофельного поля), «тӑвар шыв тӑкни» (выливание соленой воды на землю, где был получен ушиб) и др. (Ванюхина Ольга Тохтамановна, 1908 г.р., с. Абрискино).

В багаже экспедиции исторические и топонимические предания: о *Хурал ту* (Караульная Гора), *Салтак сӑрми* (Солдатская речка), *Карталлă Ырӑ* (Огороженное Добро), *Сӑвӑр тӑми* (Сурочий бугор), *Улӑн тӑми* (Холм Улыпа), *Учук лапӑ* (Низина Учюка), *Хурӑнлӑх* (Березняк), *Тӑрна сӑрми* (Журавлиная речка), *Ирчемес* (Ирчемес), *Улӑх* (поселок Калинино) (В.В. Ермилов, 1948 г.р., с. Якушкино), *Машай* (Мажай), *Машай ялӑ пулса кайни* (Как возникла деревня Мажай), *Машай касси пулса кайни* (О возникновении улицы Мажай) (З.П. Ильина, 1930 г.р., с. Якушкино), *Хура кӑль* (Черное озеро), *Курак хӑви* (Грачиные ивы), *Юманлӑ вар* (Дубовая ложбина) (М.Х. Григорьева, 1925 г.р., с. Илюткино).

Записаны обряды дохристианской чувашской культуры: *сын вилсен мӑн-мӑн тумалли* (о похоронно-поминальных действиях); *сын вилсен сас кӑларни* (слова-причитания после смерти человека); *Симӑк сӑнчен* (о Семике); *ирхине мунча хутса тасалса чӑвашем чӑваш масарӑ сине кайни* (как чуваша с утра топили баню, и, вымывшись в ней, шли на Чувашское кладбище); *масар сӑнчен тӑн киле килни* (о посещении после кладбища родового дома). Снято на видеокамеру *Куракел* (Илюткино), *Чӑваш масарӑ* (Чувашское кладбище), *юасем* (намогильные антропоморфные столбы). Сделаны записи о проведении праздника «Уяв»: *Уяв пусланни* (начало Уява), *уяв ирттерни* (проведение Уява), *уяв юрисем* (песни Уяв), *уяв ӑсатни* (провода Уява), *уяв пӑтти* (трапеза специальной кашей Уяв после проводов праздника) (З.П. Ильина, 1930 г.р., с. Якушкино; Л.Н. Ермилова, 1951 г.р., с. Якушкино; Ю.Н. Ендирякова, 1941 г.р., с. Аксумла и др.); о некоторых особенностях проведения *юпа* в разных селениях (З.Л. Артюшкина, 1936 г.р., с. Якушкино; П.М. Артюшкин, 1934 г.р., с. Якушкино; В.Н. Сандрюхина, 1946 г.р., с. Абрискино); об обряде *сӑрӑ яни* (гадание на кольцах) и обрядовых песнях *сӑрӑ янӑ чух юрланӑ юрӑсем* (песни, исполняемые при гадании на кольцах) (с. Абрискино: В.В. Сандрухин, 1968 г.р.; М.Ф. Александрова, 1936 г.р., Е.П. Сенькина, 1928 г.р., В.Н. Сандрюхина, 1946 г.р. и др.; с. Вишневая Поляна: В.Б. Кульметьева, 1949 г.р., М.П. Кульметьева, 1961 г.р.); рассказы о *сын пӑлмен тӑрӑ тӑрлесе кӑтартни* (как ведется и вышивается сакральный узор мудрости), о том, как семья была раскулачена и отправлена в Сибирь, о *Сӑпӑртен суран килни* (о возвращении из Сибири пешком на родину) и др. (У.К. Саватникова, 1926 г.р., с. Чувашская Менча). Также записаны рассказы о военном лихолетье 1941–1945 гг. (С.С. Савельева, 1926 г.р., с. Якушкино; М.Х. Григорьева, 1925 г.р., с. Илюткино).

Фольклор некрещеных (и не только) чувашей Нурлатского района Республики Татарстан отражает дохристианское миропонимание, мировоззрение – древний чувашский мир. Он содержит уникальные архаические пласты дохристианской культуры, которые могут навсегда уйти вместе с аутентичными носителями.

Е.В. Федотова.

* * *

В сентябре-октябре 2008 г. и июне-июле 2009 г. состоялась экспедиция отдела этнологии и антропологии Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧИГН) в татарские села Чувашии для сбора материала по теме «Этнокультурный паспорт татарского населения Чувашской Республики» (по заказу Министерства культуры Чувашской Республики). Ранее экспедиции по составлению этнокультурных паспортов состоялись: в 2006 г. – в русские селения, в 2007 г. – в мордовские селения. Целью составления таких паспортов является получение как можно полного представления о социально-культурном состоянии и национальном самочувствии народов в Чувашии, харак-

**Веник-оберег ульев от сглаза. Хозяйство Михаила Тудьяровича Ендирякова.
Село Аксумла Нурлатского района Республики Татарстан. Фото Е.В. Федотовой.**

**Сакральный узор «сын пѣлмен тѣрѣ» (узор мудрости). Ульяна Константиновна
Саватникова, село Чувашская Менча Нурлатского района Республики Татарстан.
Фото Е.В. Федотовой.**

тере и особенностях, происходящих в их среде национально окрашенных процессов, выявление позитивных и негативных тенденций в разных сферах их жизни.

В «Татарской экспедиции» работали главный научный сотрудник отдела В.П. Иванов (выезжал в Батыревский и Шемуршинский районы) и заведующий отделом Г.Б. Матвеев (Козловский и Комсомольский районы). Обследованим были охвачены 3 селения в Козловском районе (Янгильдино, Альменево, г. Козловка), по 5 селений – в Комсомольском (Урмаево, Токаево, Чичканы, Альбусь-Сюрбево, Татарские Шуруты) и Батыревском (Шихирданы, Татарские Сугуты, Полевые Бикшики, Долгий Остров, Кзыл-Чишма) и 1 – в Шемуршинском (Трехбалтаево).

По данным переписи населения 2002 г., в Чувашской Республике проживает 36379 татар, что составляет 2,8 % ее населения. Они представляют оба субэтноса волго-уральских татар – казанских татар и мишарей. Первые живут в Козловском районе, который граничит с Зеленодольским районом Республики Татарстан. Мишари компактно расселены в южных районах Чувашии, в основном в Комсомольском и Батыревском, проживают также в Ибресинском, Шемуршинском, Яльчикском районах и в городах – 14,2 тыс. татар (38,7% всех татар Чувашии). Однонациональных татарских селений насчитывается 16, еще 12 являются смешанными. Среди наиболее крупных мишарских поселений – Шихирданы (5298 чел. на 01.2008), Урмаево (2938), Токаево (1718), Татарские Сугуты (1415), Полевые Бикшики (1218). Число сельских жителей по сравнению с 1989 г. почти не претерпело изменений. В последние годы растет численность мишарей во всех крупных селах. В то же время в селениях казанских татар население убывает (по сравнению с 1989 г. сократилось в 2 раза), молодежь в сельской местности не остается, выезжает в основном в г. Казань.

Анализ похозяйственных книг показывает, что более половины сельских семей татар-мишарей трехпоколенные, в семьях воспитывают 2-3 детей. Трехпоколенная семья состоит из 5-7 чел., в небольших деревнях средний размер составляет 3 (в крупных – 4) чел. Семейных пар, у которых выехали дети, не более 20-25%, одиночек – около 5%. Эти данные заметно отличаются от показателей у чувашей.

Ученый, выдающийся просветитель татарского народа, выходец из д. Верхний Ширдан (ныне Зеленодольского района) Каюм Насыри оставил в своих этнографических трудах много сведений о родном крае, в том числе и о д. Янгильдино. Он связывал первых ее поселенцев (XVI в.) с древним тетюшским родом Кармыш. До XIX в. Альменево было чувашской деревней, затем сюда переселились татары из соседних деревень, особенно из Васюково. (Об истории деревень см.: Судьба моя – Янгильдино. Казань, 2006.) Служилые татары-мишари на сторожевые линии в район рек Кубни и Булы были переведены в XVII в. Изучению истории и культуры местных татар посвящаются научно-практические конференции «Шыгырданские чтения». Краеведы супруги Ямалетдиновы создали около десятка рукописей по истории и культуре с. Токаево. Собирается песенный фольклор, беиты, сказки, месеклер, изучаются танцы мишарей. В частности, урмаевский танец теперь исполняется Государственным ансамблем песни и танца Республики Татарстан. Экспедиция фольклорного сектора Института языка литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР в 1966 г. работала в ряде татарских селений Комсомольского района. Тем не менее, как считает председатель Национально-культурной автономии татар Чувашской Республики (далее – НКАТ ЧР) Ф.А. Гибатдинов, проблемы в исследовании мишарского фольклора остаются.

У мишарей Чувашии бытует дрожжановский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка. На литературном языке общаться не принято, хотя им почти все они владеют свободно. Он изучается в школе с 1 по 9 классы, в том числе до 5 класса – 5 часов в неделю, в 6-8 – по 3 часа, в 9 – 2. По программе 11 класса изучается татарская литература. Проводятся районные и республиканские олимпиады по татарскому языку и литературе.

Вышедшие замуж женщины из казанских татар со временем переходят на мишарский говор, который четко проявляется в свойствах родства и речевой этикете. Так, ученики обращаются к учителям-женщинам по имени с добавлением слова *anna* (старшая сестра), мужчинам – *эптей* (старший брат, дядя). В однонациональных селах (в семье и на работе) и школе говорят в основном на мишарском, на собраниях и сходах – кроме того, на русском, в смешан-

ных селениях – на трех языках – татарском, русском и чувашском. Татарский язык считают родным не только татары-жители села, но и горожане. На татарском языке говорят 75% опрошенных татар-горожан, 25 % – на русском. Чувашским языком владеет почти все взрослое мужское сельское население, среднее и старшее поколение женщин говорит, либо понимает. По данным социологического опроса 2009 г., чувашским не владеет лишь 19,4% опрошенных сельских татар, 58% владеет им свободно, 22,6% понимает. Многие татары читают районную газету на чувашском языке. Для межнационального общения в зависимости от ситуации используются чувашский, татарский, русский.

Периодическая печать на татарском языке поступает из Казани (в основном в модельные библиотеки), татарские газеты на русском языке – также из Москвы. В Чувашии издается республиканская еженедельная газета «Вакыт» для татар (тираж составляет около 1000 экз.). Для удобства мишарскому читателю редакцией татарской газеты (находится в с. Комсомольское) на литературный язык переводятся не все термины (они даются на русском), особенно это характерно для информационного материала, в статьях и заметках, поступающих с мест, также проявляется мишарский стиль речи. В качестве приложения в «Вакыт» выходит Духовная страница (Гольстан). В беседе с нами Ф. Гибатдинов высказал мысль о том, что НКАТ рассчитывает получить вновь созданном Чувашском национальном радио часть эфирного времени и штатные единицы в его структуре. В южных районах Чувашской Республики транслируются телепередачи из Казани (Татарстан – Новый Век). Государственная телерадиокомпания «Чувашия» постоянных передач на татарском языке не ведет. На чувашском радио и телевидении освещаются проводимые мероприятия и новости из татарских сел, передаются сюжеты, посвященные отдельным личностям. Тем не менее, как считают информанты, татарская тематика в чувашских средствах массовой информации недостаточна.

Динамика количественных показателей свидетельствует о снижении объема выписываемых и получаемых библиотеками периодических изданий и в меньшей степени – книг. В последние 10 лет книг на татарском языке для библиотек и школ приобретает ежегодно в среднем на 50 тыс. рублей. Урмаевской сельской библиотеке Президент Чувашии Н.В. Федоров, посетивший село в 2001 г., передал 1 тыс. книг. В ней татарские издания составляют 3 тыс. книг, ежегодно через Чувашский бибколлектор сюда поступает 500–600, через НКАТ – 100–150. В 2007 г. Институт татарской энциклопедии передал НКАТ Чувашской Республики 150 экземпляров I тома Татарской энциклопедии. В ряде селений, в том числе в крупных, сельских библиотек не имеется, в частности, в 1990-е годы они были закрыты в связи с передачей (точнее, возвратом) зданий клубов приходом. Подписка газет и журналов населением резко снизилась.

Разнообразную помощь татарам Чувашии оказывают Всемирный конгресс татар, Министерство культуры и Алькеевский район Республики Татарстан. По национальным компонентам образования НКАТ ЧР тесно работает с Конгрессом татар. Для татарской диаспоры созданы льготные квоты для поступления в вузы Казани. По мнению Ф. Гибатдинова, татарская литература в школы поступает из Чебоксар не всегда вовремя, а те комплекты учебников по татарскому языку, которые они получают, как правило, устаревшие. Не рассчитывая на оперативность Министерства образования Чувашской Республики, часто школы сами вынуждены заниматься укомплектованием учебников.

В Чувашии функционирует 9 татарских творческих коллективов, в том числе фольклорные, народный театр в с. Полевые Бикшики, эстрадные студии, ансамбль мусульманской песни, мунаджатов, байтов в д. Татарские Сугуты Батыревского района. По татарским танцам, вокалу, хору, национальным инструментам в 2007 г. были организованы курсы. Фольклорные концерты и постановки (в их программу включаются обычно молодежные посиделки *аулак*, праздник *науруз*, бытующие поныне традиционные элементы новогодней обрядности, в частности гадания и ряжение, а также традиционные ритуалы свадьбы, гусиных помочей и др.) осуществляются в основном школьными коллективами и работниками сферы культуры. Население по религиозным мотивам и поведенческим установкам в фольклорном движении почти не участвует, вместе с тем фольклорные спектакли и концерты, как и эстрадные выступления, посещает активно. При Урмаевском Доме культуры и Чичкан-

ской школе действуют татарские фольклорные отделения Комсомольской районной школы искусств, директором которой работает председатель НККАТ ЧР Ф. Гибатдинов. В программу обучения включены хоровое пение, народное творчество (разные стороны этнокультурной традиции мишарей), танцы и т.д. (преподаватели Ф. Садртинов, Г. Шарипова и др.). Популярны среди населения фольклорно-эстрадный ансамбль «Мишар» с. Урмаево. Зародившийся в одной из школ фольклорно-эстрадный фестиваль стал районным, затем республиканским фестивалем детского творчества («Янгырасын татар моннары») среди 17 татарских школ.

Широкую огласку среди татар России и за рубежом получил фестиваль татарской эстрадной песни «Урмай моны» (проводится с 1991 г.). С 1997 г. он имеет статус международного, где участвуют также татарские исполнители из ближнего и дальнего зарубежья. Основные участники – из регионов Российской Федерации. «Урмай моны», широко освещаемый в средствах массовой информации, котируется среди исполнителей, участники проходят отборочный тур. В 2008 г. он проводился по маршруту с. Урмаево – Чебоксары – Нижний Новгород – Москва.

Опять-таки впервые в России в 2008 г. в Чувашии был организован фестиваль мусульманской песни, приуроченный празднику *Рамазан*. Участвовали фольклорные коллективы из ряда регионов Российской Федерации. В его программе – беиты, песни *зикер*, восхваляющие Аллаха и в то же время, как отмечает Ф. Гибатдинов (им сочинены тексты ряда таких песен), звучащие по-современному, которые в эстрадной студии Комсомольской школы искусств подводятся под аранжировку, в частности, с элементами рок-, попс-музыки, хеви-металл.

В 2009 г. в с. Шихирданах состоялся 6-й республиканский Сабантуй (проводится периодически в Чебоксарах, Канаше, Урмаево, Шихирданах), организуются также сельские и школьные сабантуи, в сс. Батырево и Комсомольское – районный акатуй-сабантуй. Кульминацией этого праздника являются концертная программа и майдан – это состязания в беге, прыжках, лазание по столбу, национальная борьба *курэши*, конные скачки. Победители последних двух состязаний награждаются бараном и ценными подарками. В числе республиканских также праздник *Маулид*.

Как у всех мусульман, в быту татар Чувашии очень актуальны религиозные праздники *Мевет байрам*, *Ураза байрам*, *Курбан байрам*. После завершения поста *Байрам гает* (Ураза байрам) все мужчины, в том числе молодежь, горожане, идут на кладбище поминать умерших. Праздничная трапеза дома включает чай, приготовленный по-традиционному в самоваре на угле, выпечку, плов, суп-салму, *перемечи*, *эчпочмак*, блины. Выпивка спиртного не допускается. Пост на Уразу держат мальчики с 12 лет, девочки – с 9. На Курбан байрам (праздник жертвоприношений) принесенное в жертву барана (или другого животного) режет мулла, все мясо варят, полагаются угощать «ниших», всех желающих, собирают гостей, «кто сколько может». С этим праздником сходны семейные *курбаны* – по случаю рождения ребенка, проводов в армию, выздоровлению, поминок и т.д. Предпочтение в обрядовой еде отдают конине, чаю из родниковой воды, выпечке. Участники данной трапезы должны быть трезвые, за 40 дней до нее не употреблявшие спиртного. Свадьбы ныне также начали совершать так называемые безалкогольные. Отказ от спиртного у современных татар становится нормой обрядовой культуры, редко употребляют его и в обыденные дни. Значительна в обрядах роль муллы и *остабике*. Свадебные обряды включают немало традиционных элементов, в том числе смотрины невесты, чтение *никаха* муллой в доме родителей невесты и выдача свидетельства о браке по мусульманскому обряду, совершаемые в пятницу, символический калым, сбор родственников, раздача подарков и т.д.

Духовное управление мусульман Чувашской Республики (далее – ДУМ ЧР) было создано в 1993 г. и стало важной структурой в жизни мусульманской общины, организующей деятельность мухтасибатов во главе с казыем, 50 приходов. Его председателем является муфтий А.Р. Крганов, резиденция которого располагается в с. Шихирданы (он первый заместитель председателя ЦДУМ России Шейх-уль-Ислам Талгат-хазрат Таджуддина). В ведении ДУМ ЧР находится система учреждений духовного образования: летние исламские лагеря, где изучают основы ислама, мектебы (воскресные школы), отделения медресе в 15 приходах. Мусульманское медресе «Гульстан» (Шыгырдын), филиал Российского исламского уни-

верситета при ЦДУМ России, готовит имам-хатыбов и преподавателей ислама. Духовных деятелей с высшим образованием, которые могут организовывать и преподавать в медресе и летних лагерях, пока немного (один из них – преподаватель медресе в сс. Шихирданы и Токаево Наиль Ямалетдинов, получивший образование в Москве и Турции). ДУМ ЧР издает ряд средств массовой информации, освещающих жизнь татар Чувашской Республики и поднимающих проблемы мусульманского сообщества России. Это – газеты «Гульстан», «Имам», «Ихлас», «Медресе», официальный сайт ДУМ ЧР «Ислам в Чувашии».

Исламу более привержено старшее поколение мужчин, соответственно аксакалы выбирают мулл из своих рядов, поэтому большинству мулл за 70 лет. Ежедневно в селах в мечеть ходит 15-20 чел., по пятницам посещает до 90. Осенью имамы собирают в своих селах школьников для духовного обучения, однако стабильно посещают занятия лишь часть записавшихся.

На празднике *Изге Болгар жыены* в Болгаре, посвященном 1120-летию принятия ислама в Волжской Болгарии, который состоялся 13 июня 2009 г., многие мусульмане из Комсомольского и Батыревского районов Чувашской Республики в больших казанах готовили праздничную *шурбу*, в многочисленных самоварах кипятили чай и угощали всех желающих. Майдан мусульман Чувашии с большими шатрами и столами был одним из самых оживленных. Председатель ДУМ ЧР А. Крганов встретился с Верховным Муфтием Таджикином, министром по делам религий Турции Али Бардак оглы и муфтиями республик и областей Российской Федерации.

В Урмаево и Шихирданах возрождаются древние святыни Болгар, здесь возводятся соборные мечети и пристройки к ним – минареты по образцам сохранившихся памятников Болгара. По словам заместителя муфтия, председателя НК АТ Ф. Гибатдинова, в этих храмах будут создаваться учебно-воспитательные и оздоровительные центры. «1 октября 2008 г. на Ураза байрам в месяц Рамазан в Чувашию приехали муфтии из Перми, Удмуртии, Ульяновска, Нижнего Новгорода. Нам дали высокую оценку за приверженность религиозным и народным обычаям и традициям», – отметил он.

В ряде татарских сел (Шихирданы, Урмаево, Токаево и др.) действуют приходские общественные советы, в которых участвуют главы сельского поселения, депутаты, руководители предприятий и учреждений, деятели религии, предприниматели, общественники. Они занимаются проблемами благоустройства и экологии (ведется строительство парков и строительных площадок, в этом больших успехов добились, к примеру, Янгильдинский и Урмаевский общественные советы); возрождения традиций (главным образом связанных с организацией исламских – Мавлет байрам, Курбан байрам и народных праздников, имеющих массовый характер – это Сабантуй, Родник); строительства мечетей и организации летних мусульманских лагерей для детей; оказания помощи многодетным и неполным семьям. Токаевский совет два раза в месяц выпускает для селян газету под названием «Луч веры» (редактор бывший учитель Г. Ямалетдинов).

Во всех татарских деревнях в 1900–2000 гг. развернуто жилищное строительство, оно стало для татар знаковым, престижным. В этом, как и в торгово-посредническом бизнесе, татары в целом опережают чувашей и русских. За последние 15 лет обновилось около 90 % жилого фонда. Невиданные доселе масштабы строительства вызвали к жизни постоянный выезд большей части мужского населения на заработки за пределы региона. В татарских деревнях выросли сотни мастеров-строителей – каменщиков, плотников, резчиков. Женщины заняты в личном подсобном хозяйстве, на сезонной работе в сельскохозяйственном кооперативе, если его не имеется в своем селе, то в соседних деревнях трудятся в бюджетных организациях.

Татарские села, несмотря на сходные тенденции в их развитии, так или иначе дифференцируются, например, по таким признакам, как функционирование экономики в форме частного предпринимательства (Токаево, Шихирданы) или сельскохозяйственных кооперативов (Чичканы, Альбусь-Сюрбево), степень религиозной консервативности или образованности и интеллигентности жителей (Урмаево), уровень зажиточности жителей (некоторый анализ брачных связей показывает, что девушки стремятся выйти замуж в богатые села), демографические параметры и т.д. Татар характеризует высокое самосознание, трудолюбие, гостеприимство, предприимчивость, стремление создать комфортную жизнь.

Из среды татар Чувашской Республики вышли известные деятели науки и культуры. В их числе – академик Х.М. Миначев, народные артисты М. Булатова, В. Усманов, писатели Ф. Бурнаш, Д. Гисметдинов, поэтесса М. Гибатдинова, мастерица – составитель образов татарского национального орнамента М. Бикбулатова, художник В. Камалетдинов и многие другие, а также Герои Советского Союза М.А. Салихов, Г.Г. Габайдулин.

Г.Б.Матвеев.

* * *

В полевой сезон 2009 г. археологи Чувашского государственного института гуманитарных наук провели активные и результативные исследования. Раскопками и разведками были охвачены все периоды древнейшей истории Чувашии: эпохи камня, бронзы, раннего железного века, раннее, развитое и позднее средневековье.

В начале июля 2009 г. экспедиция под руководством старшего научного сотрудника отдела Н.С. Березиной было продолжено изучение открытой в 2005 г. палеолитической стоянки-мастерской Шолма I в Цивильском районе Чувашской Республики. Начальный этап исследований (2007—2008 гг.) представлял собой раскопки разрушающейся части стоянки площадью около 36 кв. м. Современное развитие археологической науки невозможно без комплексных исследований памятников с привлечением естественнонаучных методов. Целью экспедиции 2009 г. было изучение погребенной почвы, к которой приурочен культурный слой стоянки; анализ палеокриогенных и почвообразовательных процессов, и, в конечном счете, определение возраста стоянки. В работе совместной экспедиции приняла участие группа ученых из Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пушкино) под руководством докторов географических наук В.М. Алифанова и Л.А. Гугалинской, а также геоморфолога А.А. Хисяметдиновой (г. Казань). Первые полевые наблюдения подтвердили выводы, сделанные нами ранее о сложных многоступенчатых мерзлотных процессах в погребенной почве.

Во второй половине июля 2009 г. были продолжены раскопки Утюжского комплекса памятников в Алатырском Присурье. Уже несколько лет экспедиция работает в дружном составе ученых, студентов и школьников из Чебоксар, Алатыря, Самары, Ульяновска, Москвы. Раскопки проводились на многослойном поселении Утюж V. Были выявлены следы жилищных построек и хозяйственных ям эпох неолита и энеолита, соответственно льяловской и волосовской археологических культур, а также обнаружены находки золотоордынского периода. Жилища располагались на удобном краю надпойменной террасы р. Утюж, правого притока р. Сура. Раскопками зафиксированы края и выходы из жилищ, а также хозяйственные ямы прямоугольных очертаний. Вероятно, такую форму им придавали плетеные корзины, которые вкапывались в грунт. Была собрана интересная коллекция глиняной посуды и каменных орудий.

Во второй половине июля–начале августа лаборантом отдела археологии ЧГИГН Н.С. Мясниковым были проведены разведочные археологические работы в Алатырском и Порецком районах Чувашии. Обследован ряд уже известных памятников эпохи раннего железного века. В Алатырском районе – это селище Стемасы V и городище у с. Иваново-Ленино «Ивановская стрелка». Селище подвергается ежегодной распахке. Городище разрушается из-за эрозии крутых склонов мыса. На указанных памятниках был собран подъемный материал: около 80 фрагментов керамики и костей животных. В Порецком районе было исследовано состояние Устиновского городища «Вшивая горка». Склоны мыса, на котором располагается городище, сильно оползли. Здесь было обнаружено 3 фрагмента керамики. Экспедиция осмотрела селище близ с. Сыреси. В процессе мониторинга было обследовано селище раннего железного века у южной окраины с. Стемасы, где был собран незначительный керамический материал. Представляет интерес находка керамики раннежелезного века

**Народный фольклорно-эстрадный ансамбль «Мишар» Урмаевского социально-культурного центра Комсомольского района Чувашской Республики.
На Республиканском Сабантуе. Село Урмаево. 2008 г.**

**Жилые дома на улице Баумана. Село Чичканы Комсомольского района
Чувашской Республики. 2009 г.**

напротив с. Чуварлеи Алатырского района Чувашской Республики на правом берегу р. Алатырь на месте автомастерской и бетонного завода. В Поречском районе была обследована стоянка каменного века в урочище «Китай-озеро» близ с. Сыреси. Она известна по данным краеведа из г. Алатырь Ю.Б. Новикова.

В Цивильском районе в начале сентября проведены разведки по р. Цивиль под руководством лаборанта-исследователя отдела А.Ю. Березина. Осмотрено состояние уже известного святилища-кострища (киремель) «Красная горка» около д. Табанары. На нем были отмечены следы «работы» «черных копателей». Около д. Тувси было открыто крупное святилище XVII в., где были проведены разведочные раскопки. Обнаружены кострища с многочисленными костями жертвенных животных.

Совместная экспедиция отдела археологии Чувашского государственного института гуманитарных наук (заведующий отделом Е.П. Михайлов, лаборант Н.С. Мясников), исторического факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (кандидат исторических наук Б.В. Каховский), историко-географического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (студенты во главе с Е.П. Михайловым), Чувашского национального музея (научные сотрудники А.И. Соколов, Д.В. Спрыжков, В.Г. Спиридонов) провела в июле небольшие по масштабам раскопки в исторической части г. Чебоксары – на территории существовавшего в XVI–XVIII вв. деревянной крепости – кремля. Экспедиция явилась продолжением проводившихся в городе в 1968–1972, 1979, 1980 и 2003–2006 гг. исследований. Раскопки 2009 г. велись в соответствии с разработанной отделом археологии ЧГИГН Программой археологического изучения города на 2009–2013 гг. Были заложены и полностью изучены 2 раскопа: раскоп XI (нумерация идет с раскопа I, проведенного в 1969–1970 гг.) размерами 6х4 м и раскоп XII (4х4 м) в «кремлевской» части по ул. М. Сеспеля, рядом с воссозданными архитектурными и историческими памятниками («новодолами») XVII–XVIII вв. – Домом купца Зелейшикова и Соляной конторой. Культурные слои в обоих раскопах оказались сильно потревоженными, частью и разрушенными в ходе земляных и строительных работ XX в. Значительная их часть, относящаяся к дореволюционному времени, оказалась скрытой или перемешанной с современными отложениями. Несмотря на незначительный объем проведенных работ, обнаружен большой вещевой материал XV–XX вв.: фрагменты керамических сосудов, изразцов, кирпичи и их обломки, стеклянные изделия, предметы из фарфора, фаянса и стекла, монеты, ножи, наконечник стрелы и другие железные изделия, многочисленные кости животных и др. Мощность культурного слоя в раскопах составила 0,8–1 м. Выявились и более глубокие сооружения и ямы: северная половина сгоревшей в пожаре землянки XV–XVI вв. (датировка предварительная); древняя траншея глубиной до 1 м в материке со следами деревянного частокола; ямы от разновременных столбов; обложенный кирпичами погреб 1960-х–1970-х годов и т.д. Проведенные в 2009 г. археологические раскопки позволили пополнить источниковую базу вещественных материалов из Чебоксар, сделать важные стратиграфические, топографические наблюдения, показать перспективность этих площадей для дальнейших исследований.

Н.С. Березина, Е.П. Михайлов.

* * *

КОНФЕРЕНЦИИ, СЕМИНАРЫ, РАСШИРЕННЫЕ И ВЫЕЗДНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ ЧГИГН на 2009 год

11 января. Расширенное заседание отдела искусствоведения. Возрождение народных традиций в прикладном искусстве. К 70 летию Терюкаловой Раисы Фоминичны, народного художника Чувашской Республики.

17 января. Презентация книги Ю.В.Викторова совместно с Союзом чувашских художников: Художник. Время. Образ. Союз чувашских художников. Иллюстрированный биографический справочник.

**Археологические раскопки на многослойном поселении Утюж V.
Фото Н.С. Березиной.**

**Раскопки в Чебоксарах. Раскоп XI. Ямы для столбов и частокольная траншея
на уровне материка. Фото Е.П. Михайлова.**

27 января. Расширенное заседание отдела литературоведения и фольклористики «Тайяр Тимкки – поэт-революционер (К 120-летию Т.С. Семёнова)».

29 января. Расширенное заседание отдела истории «Исследователь, археограф истории Чувашии, педагог высшей школы В.Л. Кузьмин (к 90-летию со дня рождения)».

30 января. Презентация изданий и выставка работ мастера народного искусства В.А. Минеевой отдела искусствоведения и отдела языкознания ЧГИГН совместно с Центром семейного чтения им. М. Сеспеля «Чудный мир узоров».

9–12 февраля. Научная сессия по итогам 2008 г.; ЧГИГН.

27–28 февраля. Международная научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова совместно с Министерством образования и молодежной политики ЧР, ЧГУ им. И.Н. Ульянова, ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, педколледжем им. Н.В.Никольского; ЧГУ, ЧГПУ, педколледж, ЧГИГН.

24 марта. Вёсен ячĕсем асăмрах. Ефимов Нестор Кириллович Янгас (20.02.1909–1942) тата Башкиров Алексей Филиппович-Талвир (21.03.1909–1979) суралнăранпа 100 сұл ситнĕ май. Литература пĕлĕвĕпе фольклористика пайĕн анлă ларăвĕ; ЧПГĂИ.

7 апреля. Гаврил Кореньков (5.04.1884–1949) тата Михаил Акимов (1884–1914). 125 сұл тултарине халалласа ирттерекен «Савра сĕтел»; ЧПГĂИ.

22 мая. Совместное заседание отдела литературоведения и фольклористики и кафедры чувашского и сравнительного литературоведения ЧГУ им. И.Н. Ульянова (К 115-летию С.В. Эльгера); ЧувГУ.

30 июня. Театр и театроведение XXI века. К 85 летию со дня рождения Романовой Фаины Александровны (1924–1990), заслуженного деятеля искусств РФ и ЧР, кандидата искусствоведения, театроведа. Расширенное заседание отдела искусствоведения; ЧГИГН.

3 июня. Л.П. Сергеев и современные проблемы чувашской диалектологии. Региональная научно-практическая конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Л.П. Сергеева совместно с ЧувГУ им. И.Н. Ульянова и ЧГПУ им. И.Я. Яковлева; ЧГПУ.

7 июля. Презентация книги «Ача-пăча фольклорĕ» в санатории-профилактории «Алые паруса».

27 июля. Сыварсă, кусарусă, управсă. 70 лет Лисиной Еве Николаевне (26.07.1939), прозаику и переводчику. Расширенное заседание отдела литературоведения и фольклористики совместно с Литературным музеем ЧР и Союзом ПП ЧР; ЧГИГН.

10 сентября. Илья Тхти сквозь века. К 120-летию Ефимова Ильи Ефимовича – Илья Тхти (4.09.1889–1938), писателя, фольклориста, этнографа и переводчика. Совместное заседание отдела литературоведения и фольклористики и кафедры чувашского и сравнительного литературоведения ЧувГУ им. И.Н. Ульянова.

17 сентября. Проблема национального в творчестве Н.А. Енилина. К 70-летию со дня рождения видного художника. Расширенное заседание отдела искусствоведения (совместно с Союзом художников); ЧНМ.

17–18 сентября. Творчество Г.Айги: литературно-художественная традиция и неоавангард. Международная научно-практическая конференция, посвященная 75-летию Геннадия Айги; ЧГИГН.

22 сентября. Проблемы сохранения и развития родного языка. Выездное заседание отдела языкознания, посвященное 75-летию со дня рождения А.А. Алексеева (1934–2005) совместно с отделом образования администрации Моргаушского района ЧР (Калайкасинская СОШ им. А.Г. Николаева Моргаушского района ЧР).

27 сентября. Творческое наследие мастера. К 125-летию со дня рождения Ю.А. Зайцева. Расширенное заседание отдела искусствоведения; ЧГХМ (совместно с СХ).

7 октября. История, современность и стилевые поиски в творчестве народного художника России Р.Ф. Фёдорова. К 80-летию со дня рождения народного художника ЧР. Научно-практическая конференция отдела искусствоведения (совместно с СХ); ЧГИГН.

8 октября. Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность. Всероссийская научно-практическая конференция, приуроченная к году земледельца в Чувашии. ЧГИГН, Чебоксарский кооперативный институт Российского университета кооперации.

Ноябрь. 95 лет со дня рождения Ефремовой Екатерины Иосифовны, заслуженного художника РФ, народного художника ЧР, художника по вышивке. Расширенное заседание отдела искусствоведения; ЧГИГН.

17–18 ноября. Михаил Сеспель и чувашская литература XX века: традиции и новаторство. Межрегиональная научно-практическая конференция, посвященная 110-летию Михаила Сеспеля; ЧГИГН.

20 ноября. Чăвашлăх тĕнчин чăнлăхĕпе чунлăхĕ. 70 лет Яковлеву Валерию Николаевичу, народному артисту СССР. Расширенное заседание отдела искусствоведения (совместно с Союзом театральных деятелей Чувашии); ЧГИГН.

10 декабря. Классик чувашской литературы, переводчик и критик. 120 лет Васильеву Николаю Васильевичу-Шубоссинни, народному поэту Чувашии. Расширенное заседание отдела литературоведения и фольклористики; ЧГИГН.

18 декабря. Этнокультурный паспорт Чувашской Республики: итоги работы над составлением паспортов русского, мордовского, татарского населения и вопросы составления этнокультурного паспорта чувашского населения. Круглый стол. Чув. нац. б-ка.

18 декабря. Круглый стол, посвященный выходу в свет перевода Нового Завета на современный чувашский язык, выполненного Институтом перевода Библии; ЧГИГН.

20 декабря. Роль Е.Е. Бургулова в становлении искусства сценографии в Чувашии. К 100-летию со дня рождения художника. Расширенное заседание отдела искусствоведения (совместно с СХ); ЧГХМ.

22 декабря. Николай Марр и его идеи в современном освещении. Расширенное заседание отдела языкознания, посвященное 145-летию со дня рождения и 75-летию со дня смерти Н.Я. Марра; ЧГИГН.

Н.Г. Ефремова-Ильина.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

Список диссертаций по литературоведению и языкознанию, защищённых в Диссертационном совете Д 212.301.03 при ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И.Н.Ульянова» за 1992–2009 годы

Докторские диссертации:

1. *Сергеев Виталий Иванович.* «Основные тенденции развития лексической семантики чувашского языка». Специальность 10.02.06. Год защиты 1992. Науч. конс. Э.Г. Тенишев.

2. *Губанов Алексей Рафаилович.* «Отношение обусловленности в разноструктурных языках». Специальности 10.02.06., 10.02.01. Год защиты 2000. Науч. конс. М.В. Ляпон, Г.Е. Корнилов.

3. *Метин Петр Николаевич.* «Историко-жанровые развития комического в чувашской литературе». Специальность 10.01.02. Год защиты 2001. Науч. конс. В.Г. Родионов.

4. *Дмитриева Евдокия Николаевна.* «Фонетико-грамматические аспекты сопоставительного русского и якутского языков». Специальность 10.02.20. Год защиты 2002. Науч. конс. Г.Н. Никольская.

5. *Хабидуллина Эльмира Хамзовна.* «Системно-функциональный статус абстрактных субстантивов множественного числа во французском, русском и татарском языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2002. Науч. конс. Л.К. Байрамова.

6. *Мельников Александр Сергеевич.* «Лингвокультурологические аспекты плановых международных языков (на фоне этнических языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2004. Науч. конс. А.Д. Дуличенко.

7. *Ермакова Галина Алексеевна*. «Эстетические основы художественного мира Г.Н. Айги». Специальность 10.01.02. Год защиты 2004. Науч. конс. В.Г. Родионов.

8. *Сывороткин Михаил Михайлович*. «Система адаптации заимствованной лексики тюркского и финно-угорского происхождения в современных русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона». Специальность 10.02.20. Год защиты 2005.

9. *Мышкина Альбина Федоровна*. «Своеобразие чувашской художественно-философской прозы». Специальность 10.01.02. Год защиты 2006. Науч. конс. Г.И. Федоров.

10. *Санлыер Диана Фердинандовна*. «Культурно-национальное мировидение через единицы фразеологического уровня (на материале татарской, турецкой и английской лингвокультуры)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2009. Науч. конс. А.Р. Губанов.

11. *Файзуллина Альмира Габбасовна*. «Инвективы-композицы в системно-функциональном аспекте (на материале немецкого, русского и татарского языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2009. Науч. конс. Э.Х. Хабибуллина.

12. *Кудрявцева Раисия Алексеевна*. «Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья». Специальность 10.01.02. Год защиты 2009. Науч. конс. В.Г. Родионов.

Кандидатские диссертации:

1. *Губанов Алексей Рафаилович*. «Семантико-синтаксическая структура предложений с предикатами интенционального состояния (на материале русского языка в сопоставлении с чувашским)». Специальность 10.02.01, 10.02.06. Год защиты 1992. Науч. рук. М.М. Михайлов.

2. *Пушкин Алексей Александрович*. «Прагмалингвистические характеристики авторитарной языковой личности». Специальность 10.02.19. Год защиты 1992. Науч. рук. И.П. Сусов.

3. *Метин Петр Николаевич*. «Комическое в жанрах чувашского словесного творчества». Специальность 10.01.02. Год защиты 1994. Науч. рук. В.Г. Родионов.

4. *Ведерникова Ольга Васильевна*. «Фольклорные традиции в современной коми прозе». Специальность 10.01.02. Год защиты 1995. Науч. рук. В.А. Демин.

5. *Андреева Евдокия Александровна*. «Аффиксальное глагольное словообразование в чувашском языке». Специальность 10.02.06. Год защиты 1995. Науч. рук. М.Ф. Чернов.

6. *Ермакова Галина Алексеевна*. «Философские мотивы творчества Г. Айги и восприятие их читателем». Специальность 10.01.02. Год защиты 1996. Науч. рук. В.Г. Родионов.

7. *Тимаков Вениамин Петрович*. «Лирика П.П. Хузангая. К проблеме творчества индивидуальности поэта». Специальность 10.01.02. Год защиты 1996. Науч. рук. В.Г. Родионов.

8. *Гришаева Зоя Валентиновна*. «Сравнительные конструкции в чувашском и русском языках». Специальность 10.02.01, 10.02.06. Год защиты 1996. Науч. рук. М.М. Михайлов.

9. *Дмитриева Юдит*. «Опыт сравнительно-исторического и ареально-типологического изучения флористической лексики чувашского языка (научный доклад)». Специальность 10.02.06. Год защиты 1996. Науч. рук. Н.И. Егоров.

10. *Петров Леонид Порфирьевич*. «Чувашская орнитонимия и история ее формирования». Специальность 10.02.06. Год защиты 1996. Науч. рук. И.А. Андреев.

11. *Кульбаева Наталия Ивановна*. «Художественное своеобразие творчества марийского писателя В.М. Иванова». Специальность 10.01.02. Год защиты 1997. Науч. рук. А.Е. Китиков.

12. *Югов Степан Александрович*. «Становление и развитие коми детской литературы». Специальность 10.01.02. Год защиты 1997. Науч. рук. В.А. Демин.

13. *Дмитриев Вениамин Иванович*. «Глагольная фразеология современного чувашского языка». Специальность 10.02.06. Год защиты 1997. Науч. рук. М.Ф. Чернов.

14. *Романов Василий Николаевич*. «Идейно-художественное своеобразие литературы конца XIX–начала XX вв.». Специальность 10.01.02. Год защиты 1998. Науч. рук. Ю.М. Артемьев.

15. Долгова Алевтина Петровна. «Вопросительные предложения и средства выражения вопроса в чувашском языке». Специальность 10.02.06. Год защиты 1999. Науч. рук. И.А. Андреев.

16. Емельянова Альбина Витальевна. «Коммуникативная структура простого повествовательного предложения». Специальность 10.02.06. Год защиты 1999. Науч. рук. И.А. Андреев.

17. Мукина Ираида Васильевна. «Роль перевода Библии в становлении и развитии чувашского литературного языка». Специальность 10.02.06. Год защиты 1999. Науч. рук. М.Р. Федотов.

18. Афанасьева Екатерина Романовна. «Типология жанров чувашской драматургии 1970–1990-х гг.». Специальность 10.01.02. Год защиты 2000. Науч. рук. В.Г. Родионов.

19. Ендеров Вячеслав Александрович. «Функциональное многообразие демонологических персонажей в чувашской словесной культуре конца XIX–начала XX вв.». Специальность 10.01.02. Год защиты 2000. Науч. рук. В.Г. Родионов.

20. Васильева Людмила Александровна. «Становление и развитие художественного повествования в чувашской прозе XVIII–начала XX вв.». Специальность 10.01.02. Год защиты 2000. Науч. рук. Г.И. Федоров.

21. Николаева Валентина Георгиевна. «Поэтика драматургии Николая Терентьева». Специальность 10.01.02. Год защиты 2000. Науч. рук. Г.И. Федоров.

22. Бурков Леонид Николаевич. «Становление и развитие марийской детской литературы». Специальность 10.01.02. Год защиты 2000. Науч. рук. А.Е. Китиков.

23. Бояринова Галина Никитьевна. «Проблема характера в современной марийской драматургии». Специальность 10.01.02. Год защиты 2000. Науч. рук. А.Е. Китиков.

24. Федосеева Надежда Александровна. «Жанровое многообразие марийской исторической прозы 1970–1990-х годов». Специальность 10.01.02. Год защиты 2000. Науч. рук. А.Е. Кутуров.

25. Зайцева Вера Петровна. «Исследование частотности употребления слов в различных типах чувашских текстов». Специальность 10.02.06. Год защиты 2000. Науч. рук. Л.П. Сергеев.

26. Фомин Эдуард Валентинович. «Становление научного стиля чувашского литературного языка (1872–1917)». Специальность 10.02.06. Год защиты 2000. Науч. рук. Н.П. Петров.

27. Романова Татьяна Николаевна. «Российские фамилии украинского происхождения». Специальность 10.02.20. Год защиты 2001. Науч. рук. Г.Е. Корнилов.

28. Никифорова Вера Витальевна. «Особенности художественной прозы Юрия Скворцова». Специальность 10.01.02. Год защиты 2002. Науч. рук. Ю.М. Артемьев.

29. Доброва Надежда Васильевна. «Частицы и их аналоги в коммуникативной структуре чувашского предложения». Специальность 10.02.02. Год защиты 2002. Науч. рук. И.А. Андреев.

30. Гиниятуллина Гульнара Рашидовна. «Семантика и средства выражения способов действия длительности во французском и татарском языках (сопоставительный анализ)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2002. Науч. рук. Н.Н. Закамуллина.

31. Мышкина Альбина Федоровна. «Внутренний мир чувашской художественно-публицистической повести 50–90-х годов». Специальность 10.01.02. Год защиты 2002. Науч. рук. Г.И. Федоров.

32. Ильина Надежда Геннадьевна. «Поэтический мир современной чувашской лирики». Специальность 10.01.02. Год защиты 2002. Науч. рук. В.Г. Родионов.

33. Исаев Юрий Николаевич. «Чувашские эмотивные антропосемизмы и их синонимические ряды (пейоративное семантическое поле «человек»)». Специальность 10.02.02. Год защиты 2002. Науч. рук. В.И. Сергеев.

34. Абрамов Валентин Александрович. «Становление и развитие чувашской повести». Специальность 10.01.02. Год защиты 2002. Науч. рук. Ю.М. Артемьев.

35. Ядарова Инна Алексеевна. «Развитие жанра очерка в марийской литературе (1900–1930 гг.)». Специальность 10.01.02. Год защиты 2002. Науч. рук. Р.А. Кудрявцева.

36. *Губанова Галина Федоровна*. «Речевые акты со значением обоснования в разноструктурных языках (на материале русского и чувашского языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2003. Науч. рук. Г.Е. Корнилов.

37. *Савельева Вера Мефодьевна*. «Художественное выражение женского идеала в чувашской литературе». Специальность 10.01.02. Год защиты 2003. Науч. рук. Г.И. Федоров.

38. *Тужмакова Надежда Петровна*. «Опыт сопоставительного лингвостатистического анализа русского и чувашского языков (на материале газетной публицистики)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2003. Науч. рук. Н.П. Петров.

39. *Полькина Гульнур Маннуровна*. «Сопоставительный анализ фразеологических единиц с антонимичными компонентами в английском и татарском языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2003. Науч. рук. З.З. Гатиатуллина.

40. *Николаева Татьяна Николаевна*. «Типологическая параметризация компаративной фразеологии современного якутского, немецкого языков». Специальность 10.02.20. Год защиты 2003. Науч. рук. С.М. Прокопьева.

41. *Иванова Алена Михайловна*. «Сложноподчиненное предложение в чувашском и русском языках. Опыт сравнительно-сопоставительного исследования». Специальность 10.02.20. Год защиты 2003. Науч. рук. М.Ф. Чернов.

42. *Мифтахутдинова Лилия Тагировна*. «Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-прилагательным в английском и турецком языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2003. Науч. рук. З.З. Гатиатуллина.

43. *Урукова Любовь Алексеевна*. «Художественное пространство и время в произведениях П.А. Егорова и В.Н. Захарова». Специальность 10.01.02. Год защиты 2003. Науч. рук. В.Г. Родионов.

44. *Ермилова Елена Владимировна*. «Истоки и формирование жанров чувашской литературы XVIII–XIX вв.». Специальность 10.01.02. Год защиты 2003. Науч. рук. В.Г. Родионов.

45. *Краснов Георгий Васильевич*. «Типология художественного очерка в чувашской литературе 20–30 гг.». Специальность 10.01.02. Год защиты 2003. Науч. рук. Г.И. Федоров.

46. *Игнатьева Елена Анатольевна*. «Формирование и развитие жанров чувашской эпической поэзии». Специальность 10.01.02. Год защиты 2003. Науч. рук. В.Г. Родионов.

47. *Михайлова Лидия Ивановна*. «Роль периодических изданий в развитии чувашской литературы (1900–1930 гг.)». Специальность 10.01.02. Год защиты 2003. Науч. рук. Ю.М. Артемьев.

48. *Филиппов Андрей Львович*. «Причастие в чувашском и огузских языках (опыт сравнительно-исторического исследования)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2004. Науч. рук. В.И. Сергеев.

49. *Емельянова Маргарита Васильевна*. «Сложные директивные речевые акты в разноструктурных языках (на материале русского, английского и чувашского языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2004. Науч. рук. А.Р. Губанов.

50. *Данилова Маргарита Гавриловна*. «Чувашская лингвистическая терминология. Опыт изучения национального и интернационального компонентов в терминологической системе чувашского языка». Специальность 10.02.20. Год защиты 2004. Науч. рук. М.Ф. Чернов.

51. *Валиуллина Луиза Кирамовна*. «Лексика арабского происхождения в русском и татарском языках: сопоставительный аспект». Специальность 10.02.20. Год защиты 2004. Науч. рук. Н.В. Габдреева.

52. *Кузнецов Александр Валерьянович*. «Вербальные средства этикетного общения в чувашском языке (опыт компаративного, контрастивного и этнолингвокультурологического изучения)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2004. Науч. рук. М.Ф. Чернов.

53. *Лотря Людмила Валентиновна*. «Концептуальная композиция «добро – зло» в этноязыковой картине мира (на материале русского и чувашского языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2004. Науч. рук. Г.Е. Корнилов.

54. *Павлов Владимир Васильевич*. «Сравнительно-сопоставительный анализ структуры и семантики турецких и чувашских пословиц». Специальность 10.02.20. Год защиты 2004. Науч. рук. М.Ф. Чернов.

55. *Михайлов Эдуард Леонидович*. «Развитие русскоязычной прозы в контексте чувашских национальных художественно-литературных традиций 50–90-х годов XX в.». Специальность 10.01.02. Год защиты 2004. Науч. рук. Ю.М. Артемьев.

56. *Лебедев Эдуард Евгеньевич*. «Акционсартовые значения служебно-вербальных аналитических форм в чувашском и турецком языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2004. Науч. рук. А.Р. Губанов.

57. *Софронова Ирина Владимировна*. «Традиции восточной поэзии в чувашской лирике 20–90-х гг. XX в.». Специальность 10.01.02. Год защиты 2004. Науч. рук. В.Г. Родионов.

58. *Владимирова Ольга Геннадиевна*. «Становление и развитие чувашского силлаботонического стиха». Специальность 10.01.02. Год защиты 2004. Науч. рук. В.Г. Родионов.

59. *Чекушкина Елена Петровна*. «Общeturкские художественные традиции в чувашской словесности». Специальность 10.01.02. Год защиты 2004. Науч. рук. В.Г. Родионов.

60. *Егорова Ольга Геннадьевна*. «Глагольное словосочетание в чувашском и русском языках. Опыт сопоставительно-сравнительного исследования». Специальность 10.02.20. Год защиты 2004. Науч. рук. М.Ф. Чернов.

61. *Балабанова Ирина Яковлевна*. «Семантика и прагматика рекламного дискурса (на материале французского и русского языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2004. Науч. рук. Э.Х. Хабибуллина.

62. *Камитова Алевтина Васильевна*. «Образный мир Кузубая Герда: оригинал и переводческая интерпретация». Специальность 10.01.02. Год защиты 2004. Науч. рук. В.М. Ванюшев.

63. *Волкова Татьяна Геннадьевна*. «Становление детской удмуртской литературы». Специальность 10.01.02. Год защиты 2005. Науч. рук. В.М. Ванюшев.

64. *Савирова Марина Петровна*. «Художественное своеобразие чувашской приключенческой прозы». Специальность 10.01.02. Год защиты 2005. Науч. рук. Г.И. Федоров.

65. *Трофимов Леонид Юрьевич*. «Художественное отображение жизни и деятельности И.Я. Яковлева в чувашской литературе». Специальность 10.01.02. Год защиты 2005. Науч. рук. В.Г. Родионов.

66. *Власова Лариса Валерьевна*. «Фонетическая и лексическая системы говоров приуральских чувашей Башкортостана. Опыт сравнительно-исторического анализа». Специальность 10.02.20. Год защиты 2005. Науч. рук. М.Ф. Чернов.

67. *Головина Ольга Александровна*. «Конструкции с предикатными актантами со значением потенциальности в разноструктурных языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2005. Науч. рук. А.Р. Губанов.

68. *Павлова Марина Николаевна*. «Функционально-семантическое поле фазовости в русском и чувашском языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2005. Науч. рук. А.Р. Губанов.

69. *Иванова Анна Семеновна*. «Типология чувашских гидронимов». Специальность 10.02.20. Год защиты 2005. Науч. рук. В.И. Сергеев.

70. *Смирнов Юрий Александрович*. «Поэтический мир Михаила Сеспеля и развитие чувашского стиха». Специальность 10.01.02. Год защиты 2005. Науч. рук. В.Г. Родионов.

71. *Липатова Юлия Юрьевна*. «Лакуны в русском языке: диахроническое исследование на материале разновременных переводов английской литературы сер. XI–XX вв.». Специальность 10.02.20. Год защиты 2005. Науч. рук. Н.В. Габдреева.

72. *Абрамова Анжелика Геннадьевна*. «Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в разноструктурных языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2005. Науч. рук. А.Р. Губанов.

73. *Ильина Наталия Владимировна*. «Художественный мифологизм бесермянского поэта М. Федотова в контексте удмуртской литературы 1980–1990-х годов». Специальность 10.01.02. Год защиты 2006. Науч. рук. В.М. Ванюшев.

74. *Сымулов Михаил Гаврилович*. «Способы выражения каузативных отношений в разноструктурных языках (на материале английского и чувашского языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2006. Науч. рук. А.А. Пушкин.

75. *Пантелева Тамара Григорьевна*. «Поэтика удмуртского рассказа». Специальность 10.01.02. Год защиты 2006. Науч. рук. Г.И. Федоров.

76. *Красовская Елена Георгиевна*. «Функция музыки в удмуртской художественной словесности». Специальность 10.01.02. Год защиты 2006. Науч. рук. З.А. Богомолова.

77. *Губанова Нина Гельдусовна*. «Категория волонтактивности в разноструктурных языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2006. Науч. рук. А.Р. Губанов.

78. *Леонтьева Галина Петровна*. «Категория интенсивности в разноструктурных языках (на материале русского и чувашского языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2006. Науч. рук. А.Р. Губанов.

79. *Миассарова Эльмира Рустемовна*. «Функционирование цветоцветовой концептосферы в текстах (на материале произведений М. Пруста и А. Белого)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2006. Науч. рук. Э.Х. Хабибуллина.

80. *Михайлов Петр Петрович*. «Межъязыковая семантическая эквивалентность, неполноэквивалентность и безэквивалентность лексических единиц (на материале языков различных систем)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2006. Науч. рук. В.И. Сергеев.

81. *Кириллова Ирина Юрьевна*. «Своеобразие художественного мира Илле Тхти». Специальность 10.01.02. Год защиты 2006. Науч. рук. В.Г. Родионов.

82. *Емельянова Татьяна Николаевна*. «Своеобразие художественно-публицистической прозы Анатолия Емельянова». Специальность 10.01.02. Год защиты 2006. Науч. рук. Г.И. Федоров.

83. *Осипов Николай Николаевич*. «Роль типологии малых жанров в становлении творческой системы Леонида Агакова». Специальность 10.01.02. Год защиты 2006. Науч. рук. П.Н. Метин.

84. *Хораськина Галина Витальевна*. «Синкретичные отношения обусловленности в разноструктурных языках (на материале русского и чувашского языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2006. Науч. рук. А.Р. Губанов.

85. *Зайцева Елена Львовна*. «Выражение отрицательной оценки в политическом дискурсе (опыт сравнительно-сопоставительного исследования российских и французских печатных средств массовой информации)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2006. Науч. рук. А.А. Пушкин.

86. *Алиаскарова Гузель Фетхановна*. «Сравнительный анализ неологизмов в русском и немецком языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2006. Науч. рук. Н.А. Маслова.

87. *Козлов Равиль Галимулович*. «Функционально-семантический статус политического дискурса во французском и русском языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2006. Науч. рук. Э.Х. Хабибуллина.

88. *Гецкина Инна Борисовна*. «Аргументативные отношения в разноструктурных языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2006. Науч. рук. Л.А. Будниченко, Л.П. Прокошенкова.

89. *Филиппова Алена Петровна*. «Оплативные эмотивы в разноструктурных языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2006. Науч. рук. Л.А. Будниченко, Л.П. Прокошенкова.

90. *Леонтьева Анна Антоновна*. «Русские личные имена в чувашском языке». Специальность 10.02.20. Год защиты 2006. Науч. рук. Г.Е. Корнилов.

91. *Егорова Ольга Владимировна*. «Регулятивный речевой акт в разноструктурных языках (на материале русского, английского и чувашского языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2007. Науч. рук. А.Р. Губанов.

92. *Кириллова Наталья Владимировна*. «Концептуализация эмоции страха в разноструктурных языках (на материале русского, английского и чувашского языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2007. Науч. рук. А.А. Пушкин.

93. *Дмитриева Алевтина Геннадьевна*. «Сложносочиненное предложение в чувашском и русском языках с экскурсами в английский синтаксис (опыт сравнительно-сопоставительного исследования)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2007. Науч. рук. А.А. Пушкин.

вительного исследования)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2007. Науч. рук. М.Ф. Чернов, Г.Е. Корнилов.

94. *Якимова Надежда Ивановна*. «Соматические фразеологические единицы чувашского языка (опыт сравнительно-сопоставительного исследования с татарским, башкирским, турецким языками)». Специальность 10.02.02. Год защиты 2007. Науч. рук. М.Ф. Чернов, Г.Е. Корнилов.

95. *Казакова Эльвира Петровна*. «Синонимия в отношениях обусловленности (на материале русского и чувашского языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2007. Науч. рук. А.Р. Губанов.

96. *Гаврилов Ален Владимирович*. «Функциональная ассимиляция новых европейских заимствований в русском языке (на материале переводов английской литературы второй половины XIX века)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2007. Науч. рук. Н.В. Габдреева.

97. *Студенцов Олег Ростиславович*. «Иновации в лексике церковно-богослужебной литературы на чувашском языке в переводах И.Я. Яковлева и его школы (1871–1917 гг.)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2007. Науч. рук. Н.П. Петров.

98. *Иванова Елена Юрьевна*. «Поэтический мир А.А.Воробьева». Специальность 10.01.02. Год защиты 2007. Науч. рук. Г.И. Федоров.

99. *Ульянова Татьяна Борисовна*. «Лексико-семантические способы выражения категории времени в чувашском, татарском и русском языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2007. Науч. рук. В.И. Сергеев.

100. *Грузин Владимир Владимирович*. «Концептуальное своеобразие чувашской художественной прозы о Великой Отечественной войне». Специальность 10.01.02. Год защиты 2007. Науч. рук. Г.И. Федоров.

101. *Нагорнова Елена Семеновна*. «Зарождение и становление Симбирской чувашской литературной школы». Специальность 10.01.02. Год защиты 2007. Науч. рук. В.Г. Родионов.

102. *Степанова Анна Владимировна*. «Функционально-семантическое поле количественности в разноструктурных языках (на материале английского, русского и чувашского языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2007. Науч. рук. А.А. Пушкин.

103. *Григорьева Тамара Егоровна*. «Русско-семантические контакты в сравнительно-историческом освещении (на материале письменных источников конца XIX–начала XX вв.)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2007. Науч. рук. Н.В. Габдреева.

104. *Семенова Елена Николаевна*. «Аргументивные паремические конструкции в разноструктурных языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2007. Науч. рук. А.Р. Губанов.

105. *Мордвинова Наталья Геральдовна*. «Словесные товарные знаки алкогольных напитков (на материале русского, чувашского, французского, итальянского, испанского, немецкого и английского языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2008. Науч. рук. Г.Е. Корнилов.

106. *Сорокина Любовь Константиновна*. «Художественные функции портрета героя в чувашской прозе 1950–2000-х годов». Специальность 10.01.02. Год защиты 2008. Науч. рук. Г.И. Федоров.

107. *Бакинская Гульнара Ильдаровна*. «Функциональный статус интерлексем в разноструктурных языках (на материале современных СМИ)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2008. Науч. рук. Э.Х. Хабибуллина.

108. *Дробышева Наталия Николаевна*. «Категория обусловленности в русском и чувашском языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2008. Науч. рук. А.Р. Губанов.

109. *Афанасьева Лира Аркадьевна*. «Терминология похоронно-поминальной обрядности чувашей и других народов Урало-Поволжья (опыт сравнительно-сопоставительного и этнолингвокультурологического исследования)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2009. Науч. рук. В.И. Сергеев.

110. *Павлова Светлана Владимировна*. «Лирические тенденции в чувашской прозе 50–

80-х годов XX века в контексте русской литературы». Специальность 10.01.02. Год защиты 2009. Науч. рук. Ю.М. Артемьев.

111. *Скворцова Ольга Владимировна*. «Основные литературно-стилевые тенденции в чувашской лирике второй половины XX века». Специальность 10.01.02. Год защиты 2009. Науч. рук. П.Н. Метин.

112. *Габдрахманова Алсу Салимовна*. «Грамматическая семантика и функциональные характеристики аспектуально-видовых форм глагола прошедшего времени в татарском, турецком и английском языках». Специальность 10.02.20. Год защиты 2009. Науч. рук. Д.Ф. Санлыер.

113. *Васильева Светлана Евгеньевна*. «Калькированные и заимствованные лексемы в марийской лексикографии (сопоставительно-типологический аспект)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2009. Науч. рук. Э.Х. Хабибуллина.

114. *Бушеева Аделаида Игоревна*. «Ориентализмы в системно-функциональном аспекте (на материале русского и французского языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2009. Науч. рук. Э.Х. Хабибуллина.

115. *Клементьев Андрей Александрович*. «Национальное мировидение в лирике пермских народов второй половины XX века». Специальность 10.01.02. Год защиты 2009. Науч. рук. В.М. Ванюшев.

116. *Смоленцева Мария Владимировна*. «Эмоциональный концепт «любовь» в песенном дискурсе (на материале русского, немецкого и горномарийского языков)». Специальность 10.02.20. Год защиты 2009. Науч. рук. А.А. Пушкин.

117. *Уляндина Августа Васильевна*. «Художественное воплощение образов женщин и их судеб в чувашской прозе XX века». Специальность 10.01.02. Год защиты 2009. Науч. рук. Г.И. Федоров.

118. *Михуткина Марина Геннадьевна*. «Развитие нетрадиционной метро-ритмики чувашского стиха». Специальность 10.01.02. Год защиты 2009. Науч. рук. В.Г. Родионов.

А.М. Иванова.

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК, ВЫПУЩЕННЫЕ В СВЕТ К ДЕКАБРЮ 2009 г.:

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ: Сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 186 с.

Материалы сборника продолжают серию публикаций, освещающих малоизученные вопросы антропологии чувашей. Тематика сборника традиционно включает сведения по этногенезу народа, а также затрагивает ряд научных проблем, актуальных в связи с разработкой концепции конституции человека. Представлены результаты морфофизиологических исследований, посвященных дерматоглифике чувашей и изучению полиморфизма двух генетических маркеров: вкусовой чувствительности к фенилтиокарбамиду и консистенции ушной серы.

Сборник будет интересен специалистам в области естественных и гуманитарных наук, широкому кругу читателей, интересующихся проблемами человека и антропологии народов России.

АЧА-ПҪА ФОЛЬКЛОРЁ («Чăваш халăх пултарулăхĕ» ярăм). Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2009. 415 с.

Нумай томлă «Чăваш халăх пултарулăхĕ» ярăмăн сиччĕмĕш кĕнеки. Чăваш ачисен фольклорĕн пуххи – сăмах вĕçсĕн сÿрекен хайне уйрăм хайлавсемпе, ача-пăча йăли-йĕркипе сыханнă вайă-юрă тĕслĕхĕсемпе, ачасене аса вĕрентес тĕллевпе каланă ваттисен сăмахĕсемпе тата ытти произведенийсемпе паллаштарать.

ИЛЛЕ ТĂХТИ: СУЙЛАСА ИЛНИСЕМ: СĂВĂСЕМ, ПОЭМĂСЕМ, КАЛАВСЕМ, СТАТЬЯСЕМ, СЫРУСЕМ. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2009. 366 с.

Кĕнекене чăваш литературин классикĕн Илле Тăхтин паллăрах хайлавĕсене – сăввисемпе поэмисене, калавĕсемпе очеркĕсене тата статейисене – кĕртнĕ. Вĕсенчен хăшĕ-пĕри пĕрремĕш хут пичетленет. Кăларăма сыравсă суралнăранпа 120 сÿл ситнине халалланă.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1921 ГОДА В ЧУВАШИИ: Сборник документов
/ Сост. *Е.В. Касимов*. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 416 с.

В сборнике помещены материалы об антисоветском выступлении в январе–феврале 1921 г. на территории Чувашии. Документы, в подавляющем большинстве ранее неопубликованные, раскрывают причины, характер, результаты восстания. Приведены пофамильные списки убитых и расстрелянных граждан.

Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей вузов, а также на всех тех, кто интересуется историей родного края.

Мордвинова А.И. ВВЕДЕНСКИЙ СОБОР ГОРОДА ЧЕБОКСАРЫ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 128 с., ил.

Книга знакомит читателя с кафедральным собором Введения Богородицы во храм, история которого восходит ко времени царя Ивана Грозного и святителя Гурия – Казанского архиепископа. Являясь старейшим храмом Чебоксар и центром православной жизни края, он в течение столетий был предметом особой заботы и гордости горожан. Автор рассматривает ансамбль собора с точки зрения его художественной ценности. Отдельные главы книги посвящены архитектуре, стенописи, иконописи и иконостасной резьбе.

Издание рассчитано на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой Чувашии.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ АННОТИРОВАННЫЙ ПО НАУЧНОМУ АРХИВУ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. Отдел языкознания / Сост. Е.И. Батченко. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 280 с.

Путеводитель включает в себя аннотации рукописей работ, переводов, фотокопий и ксерокопий оригиналов статей, журналов отечественных, немецких, финских, венгерских ученых, газетных и журнальных статей, дипломных, курсовых и контрольных работ студентов вузов республики по чувашскому языкознанию 1920–1990-х годов, материалов экспедиций, физических и географических карт, диалектологических атласов чувашского языка, карт диалектов и говоров, официальной документации, вторых экземпляров докторских и кандидатских диссертаций на русском и чувашском языках.

Адресован специалистам-филологам, культурологам, преподавателям вузов, аспирантам, учителям чувашского языка и культуры родного края, студентам и широкому кругу читателей, интересующихся чувашским языком.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 17–18 августа 2007 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 132 с.

В сборник включены тексты докладов и сообщений участников Всероссийской конференции по научным, методическим и технологическим проблемам подготовки и издания региональных энциклопедий, состоявшейся в Чувашском государственном институте гуманитарных наук 17–18 августа 2007 г.

Рекомендуется для научных работников, разработчиков региональных энциклопедий, тематических и универсальных справочников научно-гуманитарного профиля. Книга рассчитана также на преподавателей, краеведов и исследователей культуры, истории, географии регионов Российской Федерации.

СӐНАВСЕМПЕ ӖНЕНӖСЕМ. ТӖЛӖКСЕМ («Чӑваш халӑх пултаруӑхӗ» ярӑм). Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2009. 383 с.

Нумай томӑӗ «Чӑваш халӑх пултаруӑхӗ» ярӑмӑн улттӑмӗш кӑнеки – халӑх сӑмахӑхӗн авалхи жанрсен пуххи – сӑнавсен, ӗненӖсен тексӗсемпе, тӖлӖк пӗлтерӗшӗсемпе паллаштарать.

СОЦИОЛОГИЯ РЕГИОНА: ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 317 с.

В сборнике рассматриваются научные и практические результаты развития региональной социологии в стране. Авторы на материалах широкомасштабных репрезентативных социалистических исследований анализируют различные сферы общественной жизни реформируемой России, регионов, дают практические рекомендации по реализации приоритетных национальных проектов.

Сборник посвящен двум знаменательным датам: 2008 год – Год социологии, 2009 год – Год земледельца.

Адресован научной общественности, преподавателям, студентам, работникам органов государственной власти и управления, а также практикам агросферы.

ТВОРЧЕСТВО ГЕННАДИЯ АЙГИ: ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ И НЕОАВАНГАРД: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения народного поэта Чувашии Геннадия Айги: Тезисы, статьи, эссе. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 172 с.

Трофимов Г.Ф. (ЮМАРТ). ЧӐВАШ СӐВӐСИСЕМ: СТАТЬЯСЕМ, РЕЦЕНЗИСЕМ, ТИШКЕРӐСЕМ. Шупашкар: ЧПГӐИ, 2009. 352 с.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОМ ФОЛЬКЛОРНОМ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВЕ: Сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 82 с. (сер. «Проблемы художественной культуры Чувашии». Вып. V.).

Издание является плодом сотрудничества Чувашияского государственного института гуманитарных наук и Республиканского дома народного творчества и продолжает ряд совместных проектов в данной области современной культуры.

Предназначено для специалистов по проблемам развития народного творчества и работников культуры.

ЧУВАШИ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА. Историко-этнографическое исследование в двух томах. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. 415 с., ил.; Т. 2. 335 с., ил.

В двухтомном издании с позиций современной науки рассматриваются проблемы происхождения чувашей, их этническая история. Значительное внимание уделено вопросам расселения чувашей, этнодемографическим процессам. Подробно освещаются особенности традиционных хозяйственных занятий чувашей, ремесла и промыслы, поселения и жилища, пища и одежда. Раскрываются характерные черты семейного быта чувашей, соционормативные отношения, календарные обычаи и обряды, народные верования и знания, декоративно-прикладное искусство.

Для специалистов в области этнографии, истории и других гуманитарных наук, учителей, студентов, школьников и всех интересующихся историей и культурой чувашского народа.

ЧУВАШСКАЯ ОНОМАСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (27 ноября 2007 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 204 с.

В сборник включены статьи, в которых анализируется ономастический материал, в основном народов Волго-Уральского региона. В них затрагиваются актуальные вопросы сбора и систематизации, толкования и этимологизации различных пластов антропонимов и топонимов.

Предназначен как для специалистов-филологов, этнографов, историков, так и для широкого круга читателей.

ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АЛТАИСТИКИ: Сб. материалов Международной научно-практической конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвященной 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова (Чебоксары, 27–28 февраля 2009 г.). В 2-х ч. Чебоксары: ЧГИГН. Ч. 1. 268 с.; Ч. 2. 254 с.

В сборник включены статьи участников Международной научной конференции, затрагивающие проблемы научно-теоретического наследия М.Р. Федотова, современной алтаистики, языковых контактов на территории Евразии, чувашского языка и языков центральноазиатского региона, истории тюркских языков, современные вопросы тюркологии, финно-угроведения, иранистики, актуальных проблем этнолингвокультурологии, теорию и практику ономастических, этимологических исследований, теоретических и методологических принципов составления этимологических словарей, новые подходы в изучении литературы, фольклора, педагогики и методики преподавания и т.д.

Адресована специалистам-филологам, культурологам, этнологам, аспирантам, учителям, студентам.

ЧУВАШСКОЕ ИСКУССТВО. Вопросы теории и истории. Сб. статей. Вып. 6. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 258 с.

Сборник включает в себя работы как чувашских исследователей музыкального и изобразительного искусств, так и приглашенных специалистов из Москвы, Йошкар-Олы и Болгарии. В четырех разделах сборника представлены материалы, освещающие широкий круг проблем современной художественной жизни, и исследования отдельных объектов культуры.

ЧУВАШСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК. 2009. № 4. 258 с.

Включает научные статьи по этнологии, истории, филологии, искусствоведению, исторический очерк, научные рецензии, биографические статьи об ученых-гуманитариях, информативно-аналитический материал о научной жизни в ЧГИГН и Чувашской Республике.

Адресован как специалистам, так и читателям, интересующимся историей Отечества.

Научные издания можно приобрести по адресу: 428015, Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1, библиотека.

Телефоны для справок: (8352) 45-02-50, 45-07-87, 45-00-05

Факс (8352) 45-00-05

E-mail: human 2000 @ yandex. ru

*Н.Г. Ефремова-Ильина,
Л.П. Петров.*

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый Валерий Сергеевич!
Уважаемая редакция журнала «Чувашский гуманитарный вестник»!

В № 5 журнала «Отечественная история» за 2008 г. опубликована статья В.В. Орлова «Крестьянское восстание в Чувашии в 1921 году: причины и последствия». Поскольку автором затронута актуальная тема, активно разрабатываемая в новейшей отечественной и зарубежной историографии, хотелось бы обратить внимание читателей на отдельные весьма спорные оценки и неточности, данные В.В. Орловым в представленном фактическом материале. Тем более что статьи, опубликованные в «Российской истории» («Отечественной истории»), становятся предметом первоочередного внимания всего ученого мира, связанного с изучением истории нашей страны, и определяют дальнейшие исследования по той или иной проблематике.

Согласно широко распространенной в новейшей историографии точки зрения о крестьянских выступлениях периода Гражданской войны, В.В. Орлов отрицает антисоветский характер восстания 1921 г., отмечая, что «крестьяне в массовом порядке выступили... под лозунгом «Долой коммунистов, да здравствует советская власть!»». Действительно, во многих крестьянских выступлениях 1919–1921 гг., произошедших на территории Поволжья, данный лозунг присутствовал¹. Однако он не применим к событиям 1921 г. в Чувашии. Восстание прокатилось главным образом по волостным центрам автономии. Повстанцы упразднили исполкомы волостных Советов крестьянских депутатов, заменяя их волостными правлениями, восстанавливали власть волостных старшин, уничтожали дела и книги волносполкомов². В отдельных селениях были упразднены сельские Советы³. Прямо выдвигался не только лозунг «Долой коммунизм!», но также «Долой советскую власть, да здравствует старое правительство», «Долой Советы, смерть коммунистам»⁴. Руководителями восстания отдавались приказы, призывавшие убивать советских служащих и свергать советскую власть⁵. Например, в прокламации Покровского волостного старшины П.И. Иванова сообщалось: «Эй вы, милые друзья, оповещаем вашу деревню Аккозино, что советская проклятая власть свергнута, и теперь мы Божьей волею перебили коммунистов»⁶. Ходили слухи, что в Чувашию прибыли отряды «для свержения советской власти»⁷. В Чебоксарах, столице Чувашской автономной области, на заборах появились надписи «Долой советскую власть»⁸. Таким образом, многие факты указывают на антисоветский характер восстания 1921 г.

При этом сам В.В. Орлов отмечает, что «органами ВЧК уже в сентябре 1920 г. было зафиксировано враждебное отношение чувашского крестьянства к РКП(б) и советской власти», что «нужен был лишь повод, для того чтобы годами тлеющее недовольство крестьян

превратилось в пожар народного гнева против коммунистов и советской власти» (С. 166). Указывается, что объектами нападения восставших крестьян «стали волостные советы, коммунисты, учителя, беспартийные активисты» (С. 168) – то есть, получается, все те, кто ассоциировался с новой властью.

Ссылаясь на Д.С. Эльменя, бывшего в 1921 г. председателем Чувашского облисполкома, автор статьи пишет, что «волнение крестьян началось 16–17 января» (С. 167). В действительности, волнения в Акулевской волости начались уже вечером 13 января 1921 г., когда на волостной съезд председателей сельсоветов собрались по 10–15 человек с каждого селения и стали раздаваться призывы к расправе над членами волисполкома⁹. Датой же начала восстания традиционно и обоснованно считается 19 января 1921 г. – в этот день в с. Акулево был убит сотрудник Чебоксарского уездного военкомата И.О. Пучков, избиты председатель облисполкома Д.С. Эльмень и областной военный комиссар И.Е. Ефимов.

Следует отметить, что на проведение семенной кампании были мобилизованы не только сельские члены РКП (б), как пишет автор статьи (С. 167). Областная посевная комиссия Чувашской АО 5 января 1921 г. приняла решение «мобилизовать и бросить на работы все лучшие силы партии и профсоюзов, в городах мобилизовать 25% наличности партийных товарищей, а в волостях и селениях всех целиком, предложить профсоюзам также в порядке мобилизации выделить самых лучших товарищей и передать их в распоряжение посевному»¹⁰.

Требует корректировки положение В.В. Орлова о том, что «22 января 1921 г. в дер. Кугеси состоялся нелегальный съезд организаторов восстания Чувашской и Марийской областей» (С. 167). Это был всего лишь сельский сход, на котором гражданами деревни обсуждались вопросы о ссыпке семян в общественные амбары и о том, идти или нет в с. Акулево на подмогу восставшим¹¹; статусом «съезда кулацких элементов» сход был наделен в докладе Чувашской обчека.

Автор статьи указывает, что «мятежникам удалось убить 20 красноармейцев, прибывших в отпуск» (С. 167). Между тем меры, принятые командующим вооруженными силами по подавлению восстания Подзолковым для проверки сведений об убийстве отпускных красноармейцев, не дали положительных результатов¹². Поэтому данный факт не нашел отражения в многочисленных документах, связанных с подведением итогов восстания. А.П. Сарри, в течение более трех десятилетий занимавшемуся сбором информации по крестьянскому восстанию 1921 г., также не удалось найти какого-либо подтверждения упоминаемому в отдельных документах факту убийства красноармейцев.

Ссылаясь на официальные источники, В.В. Орлов отмечает, что «всего было убито 23 коммуниста и несколько активистов. В ответ власти арестовали 1006 человек, из них расстреляли без суда и следствия 404 крестьянина (по другим сведениям – более 1 тыс. человек)» (С. 168). Используемый автором документ вызывает доверие, так как он представляет собой датированный 7 марта 1921 г. доклад Чувашской обчека в президиум ВЧК о результатах ликвидации восстания в области. Однако у областной Чрезвычайной комиссии не было возможности за месяц подвести все итоги, и в самом источнике указано, что в нем дается «предварительный статистический подсчет»¹³. На сегодняшний день известны фамилии 55 коммунистов, комсомольцев, учителей, активистов, ставших жертвами повстанцев¹⁴. Что же касается крестьян, убитых и расстрелянных в ходе подавления восстания 1921 г., то нами в сборнике документов «Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии» опубликованы все выявленные пофамильные списки погибших граждан (крестьян, священнослужителей), которые были составлены сельсоветами и районными начальниками милиции в феврале – марте 1921 г. Нет никаких оснований не доверять приведенным в них сведениям. Но, безусловно, можно с уверенностью говорить о том, что эти данные, составленные «по горячим следам», являются неполными. Согласно указанным спискам (они выявлены не по всем волостям, участвовавшим в восстании), карательными отрядами, военно-полевыми судами, местными ревкоммами и ревтрибуналами были лишены жизни 513 чел.¹⁵

Совершенно не выдерживают критики приводимые В.В. Орловым без каких-либо комментариев официальные сведения Чувашской обчека о социальном составе убитых и расстрелянных повстанцев: «среди жертв восстания бедняки составляли 8%, середняки – 49%,

кулаки – 40%, представители духовенства – 3%» (С. 168). В вышеупомянутом сборнике документов собраны сведения об убитых и расстрелянных гражданах из 32 волостей Чувашской автономной области, в том числе по половине волостей в документах указан социальный состав погибших. Статистический анализ источников показывает, что из 219 убитых по этим 16 волостям во время подавления восстания граждан к беднякам сельсоветами были отнесены 93 чел. (42,5%), к середнякам – 109 (49,8%), к кулакам и богачам – 15 (6,8%) чел.; двое расстрелянных (0,9%) являлись священниками¹⁶.

Говоря о причинах восстания 1921 г. в Чувашской автономной области, автор статьи избегает давать собственные оценки, предпочитая цитировать документы. Между тем, следовало объяснить, почему крестьяне, несомненно осознававшие необходимость сохранения семян для посева, восприняли их засыпку в общественные амбары как новую продрозверстку и упорно не желали верить объяснениям областных и волостных уполномоченных, направленных в деревню для проведения семенной кампании. Дело в том, что помимо общего кризиса доверия населения к власти, проявленной поспешности при проведении семенной кампании, а также деятельности антисоветских сил, вскользь отмеченных В.В. Орловым, серьезное воздействие оказали и другие факторы:

1) Нарушение партийным и советским руководством области Постановления Восьмого Всероссийского съезда Советов «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства», предусмотревшего разные способы сохранения семян, в том числе «объявление находящихся у земледельца запасов семян на дому неприкосновенным семенным фондом со взятием от домохозяев расписок-обязательств о сохранении семян и т.п.»¹⁷.

2) Наложение на крестьянство резко завышенных заданий по сбору семенного фонда. Если по норме высева полагалось 9–10 пудов овса на 1 казенную десятину, то в январе 1921 г. собирались 14–16 пудов¹⁸. При этом, проводя семенную кампанию, власти и не скрывали, что весной произойдет перераспределение хлеба по селениям, волостям и уездам, чтобы удовлетворить всех нуждающихся. Тем самым укреплялись слухи, что семена будут вывезены в другие губернии или страны.

3) Изъятие продовольственных запасов в ходе проведения семенной кампании, что прямо предусматривалось «Инструкцией по организации семенного фонда яровых хлебов на посев в 1921 г. в Чувашской автономной области» в случае отсутствия необходимого количества семян¹⁹.

В целом же статья В.В. Орлова ценна тем, что в ней в научный оборот вовлечен новый документальный материал из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и сделана одна из первых попыток в новейшей историографии переосмыслить причины и последствия кровавых событий зимы 1921 г. в Чувашии.

Литература

¹ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы / под ред. В.П. Данилова и Т. Шанина. М., 2002. С. 12, 17.

² Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии: Сборник документов / Сост. Е.В. Касумов. Чебоксары, 2009. С. 63, 74, 121–130, 145 и др.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 61, 63, 167, 195.

⁵ Там же. С. 81, 88–93, 120, 124, 126 и др.

⁶ Там же. С. 60.

⁷ Там же. С. 125.

⁸ Там же. С. 205.

⁹ Там же. С. 50, 137.

¹⁰ Там же. С. 27.

¹¹ Там же. С. 62.

¹² Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. Р–125. Оп. 4. Д. 9.

¹³ Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии... С. 222.

¹⁴ Там же. С. 336–337.

¹⁵ Там же. С. 16, 338–339.

¹⁶ Подсчитано по: Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии... С. 251–306.

¹⁷ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. Отдел первый. 1921. № 1.

¹⁸ Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии... С. 38, 41, 49, 201, 312.

¹⁹ Там же. С. 29.

С уважением кандидат исторических наук, докторант кафедры региональной истории
Чувашского государственного педагогического университета Е.В. Касимов.

Правила для авторов

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично – до 25% объема. Текст представляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Представляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовки набираются строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они представляются вместе с электронным вариантом (на дискете). Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль – 14 пунктов, междустрочный интервал – полutorный, формат страницы – А-4, выравнивание по ширине (для заголовка – по центру), отступ абзаца – 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор – MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных – Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах – в тексте рукописи и отдельной единицей – с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторами предоставляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в научный архив ЧГИГН. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСОГ). Замена ключевых понятий исследования (например, «СО» вместо «сельское общество») аббревиатурами не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 стр.) обязательны постановка проблемы и опре-

---

* Положение о научном журнале «Чувашский гуманитарный вестник» опубликовано в № 1 за 2006 г.

деление исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 стр.) – полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают Примечания и Краткое резюме. Используемая литература и источники указываются в Примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль – 14 пунктов. Фамилия и инициалы авторов исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических источников» (М., 1990) и иметь Предисловие, Примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи – до 25 страниц (50 тыс. знаков), сообщения – до 15 страниц (20 тыс. знаков), рецензии – до 7 страниц (12 тыс. знаков), аннотации – до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем Краткого резюме к статье (сообщению) – 8–10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие Правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

Этнология

<i>М. Гото.</i> Историческое превращение традиционной религии чувашей.....	3
<i>Г.А. Николаев.</i> Богатство в системе социально-нравственных ценностей волжского крестьянства второй половины XIX–начала XX века.....	25

История

<i>А.К. Салмин.</i> Санкт-Петербург XVIII века и чуваша.....	58
<i>Г.А. Николаев.</i> Средневожская деревня в конце XIX–начале XX века: этническая ситуация и ассимиляционные процессы.....	79
<i>Д.А. Захаров.</i> Репатриация советских военнопленных в 1944–1945 годах (По материалам Чувашской АССР).....	99

Филология

<i>Э. Винклер.</i> Август Альквист как исследователь чувашского языка.....	113
<i>В.В. Никифорова.</i> Интеллектуальная проза в чувашской литературе: поэтика творчества Георгия Федорова.....	124

Искусствоведение

<i>А.И. Мордвинова.</i> Церковная скульптура Чувашии: проблемы и задачи изучения.....	139
---	-----

Исторические портреты

<i>Ю.В. Гусаров, Н.В. Герасимова.</i> Дмитрий Алексеевич Кушников.....	150
--	-----

Рецензии

<i>В.Д. Димитриев.</i> Рец. на: И.Д. Кузнецов. Очерки по истории чувашского крестьянства. Часть первая. Чувашские коштаны до двадцатого века. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. 343 с.....	170
<i>Г.А. Дегтярёв.</i> Рец. на: В.И. Сергеев. Ынна палъртакан сáмахсен чáвашля-вырýсла йнлантару словарь / Чувашско-русский толковый словарь названий лиц. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та: 2004. 232 с.....	175

<i>П.Н. Метин.</i> Рец. на: Ваттисен сӓмахӓсем / Пухса хатӓрлекенӓ <i>О.Н. Терентьева.</i> Шупашкар: Чӓваш кӓнеке изд-ви, 2007. 493 с.....	178
<i>Д.В. Басманцев.</i> Рец. на: Козьмодемьянск в конце XVI–начале XX веков: документы и материалы по истории города / Мар. гос. ун-т; сост., предисл. и коммент. <i>А.Г. Иванова.</i> Йошкар-Ола, 2008. 616 с. (История и культура народов Марий Эл в документальных памятниках).....	179
<i>Е.В. Федотова.</i> Рец. на: Т.Г. Пантелеева. Поэтика удмуртского рассказа: Монография. Ижевск: «Удмуртский университет», 2008. 156 с., ил.....	181
<i>Н.В. Дергунова.</i> Рец. на: Иванова Н.М. Молодежь Чувашской Республики на рубеже XX–XXI веков: социокультурный облик и тенденции развития. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2008. 98 с., прил.....	184
<i>Е.В. Касимов.</i> Рец. на: Н.А. Мельников. 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания) / Вступительная статья, подготовка текста, биографический словарь и комментарии <i>А.Г. Акишкова.</i> Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2008. 344 с.....	186
<i>Л.П. Петров.</i> Рец. на: Сӓнавсемпе ӓненӓсем. Тӓлӓксем / Пухса хатӓрлекенӓ <i>Е.В. Федотова.</i> Шупашкар: Чӓваш кӓнеке изд-ви, 2009. 383 с.....	188
<i>П.С. Кабытов.</i> Рец. на: В.В. Орлов. Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX века. М.: Изд-во РГАЗУ, 2009. 396 с.....	189
Наши юбиляры	194
Памяти коллег	219
Научная жизнь	224
Новые научные издания	246
Письмо в редакцию	250
Правила для авторов	254

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник

№ 4

2009

Научный журнал

Ответственный редактор *Г.А. Николаев*
Редактор *В.А. Прохорова*
Художественный редактор *А.А. Трофимов*
Технический редактор *А.А. Трофимов*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Верстка *Н.И. Никифоровой*

Публикуемые материалы не обязательно отражают
точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Адрес учредителя:
428015, Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1
тел 8(8352)45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru

Издатель – ГНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»

Подписано к печати 19.12.09. Формат 70×100¹/₁₆. Печать оперативная.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman Суг.
Усл. печ. л. 20,64. Уч.-изд. л. 19,0. Тираж 200 экз. Заказ № 2.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук
428015, Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.